

И. В. Толочин, Е. А. Лукьянова,
М. Н. Коновалова, М. В. Сорокина

УЧЕБНИК ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. В. Толочин, Е. А. Лукьянова,
М. Н. Коновалова, М. В. Сорокина

УЧЕБНИК ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Санкт-Петербург

**ББК 81-3
Т52**

*По вопросам приобретения
продукции издательства обращайтесь:*

ООО «Антология»:
тел.: (812) 328-14-41
e-mail: sales@bookstreet.ru
www.anthologybooks.ru

Огромный выбор учебной и методической литературы
в интернет-магазине
www.bookstreet.ru

Толочин И. В., Лукьянова Е. А. и др.
Т52 Учебник по лексикологии. — СПб. : Антология, 2013.
— 352 с.

В учебнике предлагается последовательное рассмотрение основных вопросов словесной семантики на материале современного английского языка. Представлена функционально-семиотическая трактовка знаковой природы слова, сущности значения и структуры значения в английском слове. В главах, посвященных определению слова и структуре словесного значения, включая полисемию, мотивированную омонимию и морфологию слова, обосновывается принципиально новый взгляд на характер значения и способ его существования в слове. В главах, посвященных фразеологии, антонимии и синонимии, обосновывается текстовая природа данных явлений и предлагается ряд новых подходов к их определению. В каждой главе уделяется внимание критическому рассмотрению соответствующих разделов денотативной теории значения. Завершает учебник глава, посвященная истории англоязычной лексикографии и современным тенденциям, связанным с развитием корпусной лингвистики. Учебник рассчитан на студентов филологических факультетов.

ББК 81-3

© Толочин И. В., Лукьянова Е. А,
Коновалова М. Н., Сорокина М. В., 2013
© ООО «Антология», 2013

Предисловие

Настоящий учебник представляет собой значительно переработанный вариант текста, впервые подготовленного к печати в 2004 году, но не изданного по независящим от авторов причинам. В учебнике предлагается освещение основных положений теории словесного значения в английском языке с последовательно семиотических позиций. Материалы учебника основываются на лекционном курсе по вопросам структуры и значения английского слова, предлагаемом студентам-бакалаврам кафедры английской филологии и лингвокультурологии филологического факультета СПбГУ. Методологической основой предлагаемого в данном учебнике подхода к проблемам, связанным с теорией английского слова, является функционально-семиотическая концепция языка как способа систематизации человеческого опыта с помощью кодирования его свойств в форме материальных словесных знаков, образующих системную модель реальности в человеческой памяти. За период, прошедший с подготовки первого варианта текста учебника, авторам удалось уточнить многие положения излагаемой в учебнике целостной концепции словесной семантики.

Учебник состоит из девяти глав, посвященных основным разделам лексикологии английского языка в том виде, в каком они представлены в типовых программах для российских университетов. В учебнике не рассматриваются вопросы, связанные с проблемами этимологии словарного состава английского языка. Большая часть глав строится как последовательное сопоставление предлагаемой теории с базовыми положениями традиционной денотативной теории словесного значения. При этом делается попытка продемонстрировать предпочтительность функционально-семиотического подхода для более последовательного описания семантической природы английского слова. Авторы стремятся обосновать принципы описания и анализа слов, полностью свободные от представления о том, что источником значения следует считать отражение в человеческом сознании свойств предметов объективной действительности.

Учебник помогает увидеть недостатки объективистской семантики и овладеть теоретической базой для более надежных способов выявления границ и структуры словесного значения.

Учебник является результатом сотрудничества четырех авторов под общим руководством И. В. Толочина. Главы 1–8 написаны совместно Е. А. Лукьяновой и И. В. Толочиним; глава 9 подготовлена М. Н. Коноваловой и М. В. Сорокиной и отредактирована И. В. Толочиним.

Авторы хотели бы выразить признательность кафедре английской филологии филологического факультета СПбГУ за создание благоприятных условий для выполнения данного проекта.

Учебник будет полезен всем, кто заинтересован в выработке надежных критериев для выявления структуры значения словесных единиц английского языка, а также в усвоении принципов оценки качества и надежности лексикографических источников, предоставляющих сведения о значении английских слов.

Авторы

Глава 1

Слово и язык. Природа слова

Анализ природы слова как языковой единицы следует начать с рассмотрения знаковой природы языка — его важнейшего свойства. Со времен Ф. де Соссюра наиболее общим определением языка является утверждение о том, что язык это система знаков, обеспечивающая человеку возможность взаимодействия со своим окружением. Для того чтобы раскрыть сущность природы слова как языкового знака, необходимо дать ответ на следующие вопросы:

- Для чего и как в мире существуют знаковые системы?
- В чем своеобразие языка как системы знаков по сравнению с другими знаковыми системами?
- На каком основании в языковой системе следует выделять ее компоненты?
- Каково место слова по отношению к другим единицам, которые можно выделять в языковой системе?

Ответы на эти вопросы будут представлены в данной главе.

1.1 Знаковость и знаковые системы. Семиотика

Знаковость в самом широком смысле является одним из основных качеств живой материи. Ведущим признаком любого живого организма является отсутствие у него самодостаточности и необходимость постоянного взаимодействия с окружающей средой для поддержания своей жизнедеятельности. Взаимодействие с окружающей средой осуществляется по поводу конкретных потребностей, характеризующих состояние живого организма в любой момент его существования. Наличие потребностей у живого существа обусловлено зависимостью организма от своего окружения и постоянной необходимостью потребления материальных веществ из внешней среды. Данное биологическое свойство живого организма является основанием для понимания сущности

знаковости: для любого живого существа окружающая среда представляет собой средство собственного воспроизводства. Живой организм обладает способностью избирательной реакции на контакты со своим окружением в зависимости от того, какие последствия данный контакт будет иметь для данного организма.

Избирательная природа реакции организма на различного рода контакты с окружающей средой характерна для всей живой материи. Она объясняется тем, что на всех уровнях организации жизни реакция на воздействие внешней среды определяется внутренней потребностью организма. Иначе говоря, для живого организма отношение с внешней средой осуществляется как обмен сигналами: организм будет изменять что-то в своем состоянии в зависимости от того, будет ли осуществленный контакт воспринят организмом как возможность удовлетворения какой-либо своей потребности, либо как угроза для своего существования. Природа взаимодействия между организмом и стимулом из внешней среды носит сигнальный характер, т.е. определенные свойства внешней среды будут вызывать реакцию у живого организма лишь постольку, поскольку эти свойства являются средством удовлетворения потребности организма.

В этом и состоит основа знаковой природы взаимодействия живого организма с окружающей средой. Организм реагирует на контакт-сигнал, который устанавливает соответствие между потребностью организма и определенным свойством окружающей среды, которое может позволить организму удовлетворить эту потребность. Данный контакт-сигнал будет ЗНАКОМ, потому что воздействие на организм какого-то свойства материального объекта (запах пищи, например) воспринимается организмом как указание на возможность удовлетворения определенной потребности (желание удовлетворить чувство голода, например). Запах пищи не будет для организма тем, чем он является сам по себе вне желания удовлетворить чувство голода (запах как определенный процесс выделения мельчайших частиц вещества, воздействующих на органы обоняния). Запах будет ЗНАКОМ того, что поблизости находится что-то съедобное.

Итак, мы можем сделать следующий вывод: основное свойство знака состоит в том, что хотя он всегда обладает

материальной природой, позволяющей ему воздействовать на органы чувств живого существа, его содержанием всегда будет установление соответствия между потребностью живого организма и определенным свойством элемента его окружения. Знаки это материальные объекты, которые могут быть восприняты органами чувств определенного организма и которые способны сигнализировать данному организму о том, что в его окружении есть элементы, способные удовлетворить его насущную потребность. Знаки превращают среду, в которой находится организм, в системное отображение его потребностей. Знаковый мир — это всегда мир, состоящий из системы потребностей организма. Для каждого живого существа действительность предстает как проекция его потребностей на материальное окружение, осуществляемая с помощью знаков. Знак всегда функционален, т.е. он всегда выступает в роли средства удовлетворения потребности, и он всегда системен, т.к. является единицей, позволяющей организму избирательно реагировать на свое окружение в зависимости от насущной потребности.

Содержание знака — сигнал о существовании соответствия между какими-то свойствами окружающей среды и потребностью организма является ЗНАЧЕНИЕМ, которым обладает данный знак. Значение знака принципиально отлично от его материальной природы и связано в первую очередь с природой потребностей того организма, который пользуется данной знаковой системой для контактов со своим окружением.

Крупнейший вклад в развитие теории знаковости был осуществлен в сфере семиотики — науки, поставившей изучение различных знаковых систем в центр своих интересов. В современной семиотике особенно ярко описать универсальность природы значения знаков на любом уровне организации живых организмов удалось немецкому исследователю Туре фон Юксюллю в статье *From Index To Icon* (Uexkuell 1986). Его пример знаковости на уровне одноклеточного организма стал классикой семиотики и упоминается в работах крупнейших современных лингвистов-когнитологов.

Т. фон Юксюль утверждает, что все знаковые процессы в живом мире имеют некоторое общее основание. Именно исходя из общей картины знакового процесса, он и предлагает выявлять специфику знаковой системы человека.

В статье приводится основное положение о том, что для живого организма не существует мира, кроме мира его потребностей. Способность живого существа вычленять в своем окружении стимулы, на которые следует реагировать, абсолютно обусловлена системой его потребностей. Не существует стимула без предрасположенности реагировать на него. Более того, организмы различных видов обладают различно структурированными «мирами», постольку поскольку различно их устройство, их потребности.

Динамика жизнедеятельности организма обусловлена двумя аспектами знаковости: индексальными и иконическими процессами. Иконичность или, можно сказать, изобразительность знака заключается в способности организма структурировать поле восприятия в соответствии с состоянием своей насущной потребности. В этом отношении мир, воспринимаемый одноклеточным существом — например, амебой — является для нее изображением ее насущной потребности.

Индексальность заключается в способности организма воспринимать имеющийся образ мира как стимул, требующий моторной реакции для того, чтобы потребность была удовлетворена.

На уровне животного мира индексальность и иконичность — неразделимые составляющие знакового процесса, которые только в некоторой степени меняют свое соотношение. Если, скажем, амeba голодна и воспринимает в своем окружении съедобный элемент, последует реакция — поглощение этого элемента. После этого способность амeбы воспринимать что-либо как съедобное прекратится на некоторое время, пока у нее снова не возникнет потребность восполнить свой белковый баланс. Т.е. можно постулировать пространственно-временную динамику соотношения элементов иконичности и индексальности в знаковом процессе на любом уровне. Отметим здесь одну важную характеристику избирательного поведения живого организма: она состоит в обязательной стадийности состояний. Суть стадийного принципа взаимодействия живого организма со своим окружением заключается в том, что период активного взаимодействия или динамики чередуется с периодом статичного состояния, когда потребность удовлетворена.

Четкая граница между статикой и динамикой с точки зрения обусловленности состояния организма определенной потребностью отличает знаковое поведение живых организмов от закономерностей, действующих в неживой природе (электромагнетизм, гравитация, радиация и проч.). Можно утверждать, что именно необходимость чередовать периоды статического состояния и активности ради самосохранения и является источником знаковых отношений в мире живых существ.

Знаки являются в животном мире неотъемлемой частью физиологического процесса удовлетворения потребности, но они выделяются организмом как таковые. Если собаке покажут поводок, то она «обрадуется» и будет находиться в возбужденном состоянии еще некоторое время, даже если вы гулять с ней не пойдете — «обманете» ее.

Сущность знаковости, таким образом, заключается в способности организма выделять в своих контактах с окружением некоторые параметры, которые сигнализируют о возможности/невозможности удовлетворить соответствующие потребности, но не являются сами по себе средствами удовлетворения потребности.

Здесь может возникнуть вопрос: что общего между амёбой и разумным мыслящим человеком? Имеет ли вообще смысл говорить об универсальной природе знаковости для всех живых организмов?

1.2 Язык как средство моделирования опыта

Для того чтобы понять своеобразие языка как системы знаков, рассмотрение человека в одном ряду с другими живыми существами является необходимым. Общесемiotическая теория знака дает нам возможность установить универсальный принцип знаковости в мире — решение проблем, связанных с необходимостью избирательно-дифференцированного отношения организма к своему окружению в процессе удовлетворения своих потребностей. В каком-то смысле мы можем говорить о том, что человек похож на амёбу: и для амёбы, и для человека действительность представляет собой знаковое отображение своих потребностей, позволяющее и амёбе,

и человеку строить свои контакты с окружающей средой в соответствии со своими насущными потребностями. Есть ли при этом качественное отличие между знаковой действительностью амебы и человека? Безусловно, есть.

Отличия между амебой и человеком обусловлены как различием потребностей этих двух организмов, так и характером знаковой репрезентации этих потребностей. Выше мы уже говорили о том, что природа знака функциональна и отражает характер потребностей организма. Основной потребностью амебы является необходимость поглощения материальных элементов определенного типа из внешней среды для поддержания стабильности своего состояния и дальнейшего деления. В этом смысле **ЗНАКОМ** для амебы будет любое свойство ее материального окружения, сигнализирующее ей через воздействие на ее организм о возможности поглощения инородного объекта. Значение знака носит **БЕЗУСЛОВНЫЙ ХАРАКТЕР** и не зависит от действий самой амебы. Человек, в отличие от амебы, не просто пассивно и безусловно реагирует на знаки, воздействующие на его органы чувств, но творчески **МОДЕЛИРУЕТ** характер своего взаимодействия с окружением. Выявление принципиального отличия безусловной знаковости амебы и модельной знаковости человека и позволит нам определить своеобразие языковой знаковой системы.

Для этого обратимся к близкому для человека животному — собаке. В отличие от амебы собака не только реагирует на сигналы из внешней среды, но и сама способна сообщать знаками о своих потребностях для решения насущных для нее проблем. Если собака голодна, то она будет или громко лаять, или совершать определенные действия, указывающие хозяину на ее состояние. Если собака с удовольствием обгладывает кость, а вы попытаетесь эту кость у нее отнять, то она громко зарычит на вас. Рык собаки — знак, значением которого будет предостережение по поводу дальнейших покушений на ее пищу. Рык позволяет собаке установить соответствие между ее потребностью спокойно догрызть кость и изменением во внешней среде — возникновением проблемы, состоящей в появлении препятствия для нормального удовлетворения ее потребности. Рык — сигнал, направленный на источник проблемы и сообщающий о готовности собаки защищать свою пищу, если проблема не будет устранена.

Как знак рык обладает материальной формой (определенные звуковые колебания) и значением, которое состоит в установлении соответствия между потребностью собаки спокойно догрызть кость и возникшей в ее окружении проблемой. Рык является ОБРАЗОМ определенной проблемной ситуации, частью которого является решение самой проблемы: содержательным элементом рыка является предупреждение о возможном развитии ситуации (защита кости собакой).

В чем состоит ОБРАЗНОСТЬ рыка собаки? Прежде всего, в том, что рык является средством изображения возможного развития ситуации в случае, если проблема не будет снята. Как знак-образ рык не обладает внутренней аналитической структурой, а воздействует на источник проблемы как непосредственный элемент сложившейся ситуации (он сигнализирует о готовности собаки предпринять более активные действия по защите своей пищи). Рык неотъемлем от самой проблемной ситуации: собака не будет рычать по поводу кости, которую вы ей планируете дать завтра, и тем более не будет предлагать вам подписать акт о взаимном ненападении.

В отличие от простейших знаков-сигналов, характерных для низших организмов, таких как амеба, например, высшие животные пользуются образными знаковыми системами. Основной характеристикой знаков-образов является их внутренняя нерасчлененность с точки зрения структуры их значения. Знак-образ выполняет функцию непосредственного изображения возможного развития конкретной проблемной ситуации. Они употребляются как реакция на конкретную проблемную ситуацию и в принципе не могут быть использованы вне определенных условий внешнего окружения. Собака не будет танцевать перед вами для того, чтобы получить еду, если в данный момент она не голодна. Она не будет изображать голод, чтобы договориться с вами о том, чтобы и на следующий день у нее была бы еда или чтобы напомнить вам о том, что вы забыли ее накормить вчера.

Выявленная нами природа образной знаковости животных позволит нам определить принципиальное отличие человеческого языка от рассмотренных выше знаковых систем. Собака может рычать по поводу возникшей в ее внешнем окружении проблемы для ее насущной на данный момент времени проблемы. Человек может сказать: «I will be busy

all day tomorrow. Please try not to bother me then». В отличие от рыка собаки, данное высказывание не будет связано с конкретной проблемной ситуацией, которая препятствует человеку осуществить свою потребность в данный момент времени (момент говорения). Рык собаки, как мы уже видели, обладает двумя основными функциональными характеристиками в качестве знака: он внутренне не расчленен и он неотъемлем от условий внешней ситуации — он является изобразительным средством, позволяющим животному сигнализировать о желаемом развитии данной ситуации. Рассматриваемое нами высказывание обладает четкой внутренней структурой и никак не связано с внешней ситуацией на момент говорения. Значением данного высказывания будет МОДЕЛИРОВАНИЕ решения определенной проблемной ситуации в будущем.

Почему человек способен моделировать проблемные ситуации и способы их решения, а собака не может сделать то же самое доступными ей знаковыми средствами? Потому что человеческий язык это не образная, а аналитическая знаковая система. Главным отличием рассматриваемого нами высказывания от собачьего рыка будет его внутренняя структурированность. Рассматриваемая артикуляторно-акустическая последовательность четко распадается на составные части, каждая из которых выступает в качестве элемента гипотетической ситуации. При этом ситуация не ИЗОБРАЖАЕТСЯ (рык как образ опасности для соперника), а МОДЕЛИРУЕТСЯ за счет членения свойств ситуации на стабильные комплексы. Так, в рассматриваемой нами последовательности есть элемент, который обозначает одушевленный субъект, идентифицируемый с человеком, произносящим эту последовательность — I. Рык собаки тоже является средством самоидентификации, но мы не можем сказать, что в нем есть элемент, моделирующий специфический объект — собаку как создателя данной знаковой последовательности. Далее, мы легко выделяем элемент, указывающий на то, что данная знаковая последовательность относится не к какой-то потребности, насущной для говорящего в момент произнесения, а относится к проблемной ситуации в будущем — will. Следующие элементы конкретизируют тип проблемы — be busy и уточняют период времени, который ограничивает

актуальность моделируемой проблемной ситуации — *all day tomorrow*. Затем следуют элементы, включающие в проблемную ситуацию еще один субъект — *Please try* и определяют желательное для говорящего поведение данного субъекта — *try not to bother me* — в уже определенный период времени в будущем — *then*.

Обратим сразу внимание на то, что некоторые из выделенных элементов смоделированной ситуации подвергаются дальнейшему членению с точки зрения их роли в определении свойств данной проблемной ситуации. *Be busy* распадается на элемент, обозначающий определенное состояние — *busy*, и на элемент, обеспечивающий отнесенность данного состояния ко времени — *be*. *All day tomorrow* делится на три элемента, каждый из которых по своему уточняет период длительности моделируемой проблемной ситуации. *Tomorrow* выделяет определенный день в соответствии с тем, как моделируется последовательность дней по отношению ко дню, когда осуществляется произнесение данной знаковой последовательности; *day* указывает на время суток в выделенном дне (ср. *all night*), а *all* определяет длительность проблемной ситуации в указанное время суток (ср. *half the day*). *Please try* делятся на элемент, обозначающий вежливое отношение ко второму субъекту — *please*, и на элемент, обозначающий побуждение второго субъекта к попытке определенного действия — *try*. *Not* включает в модель ситуации отрицательное отношение к чему-то. То уточняет значение отрицательного отношения, введенного *not*, указывая на то, что отрицательное отношение направлено на действие *bother*. *Me* обозначает субъект речи как возможную жертву действия *bother*, а *then* вновь подтверждает актуальность периода времени, когда данная проблема может возникнуть.

Мы видим, что данный знаковый сигнал, позволяющий человеку решить проблему, не связанную с конкретной ситуацией, в которой он находится, принципиально отличен от рыка собаки тем, что человек производит структурированные знаковые последовательности, которые обеспечивают возможность смоделировать проблемную ситуацию. Собака, пользующаяся образной знаковостью, способна через сигнал изобразить свое состояние и связанное с ним возможное развитие именно той ситуации, которая и обусловила появление

данного состояния. Собака никогда не сможет попросить вас дать ей завтра корм на полчаса раньше обычного.

Человек обладает возможностью решать проблемы, относящиеся не только к его сиюминутному состоянию, благодаря тому, что производимые им сигналы состоят из элементов, позволяющих ему представить любую проблему, относящуюся к его опыту, как модель, в которой все признаки проблемной ситуации будут распределены между отдельными элементами, представляющими различного рода объекты и происходящие с ними изменения. В нашем примере к объектам можно отнести говорящего субъекта (I, me), а также обозначения периода времени (all day tomorrow, then). К знакам, обеспечивающим выражение изменений, происходящих с объектами, следует отнести глагольные сочетания *will be busy; please try not to bother*.

Итак, если знаковая система животных обладает образной природой и изображает определенные потребности животного, то знаковая система человека — язык — обуславливает его опыт моделями, в которых знаки систематизируют все свойства человеческого опыта, классифицируя их как объекты и изменения, происходящие с объектами.

Мы также увидели, что языковой сигнал, в отличие от сигналов животных, легко членится на компоненты, которые выступают в качестве носителей стабильного набора свойств опыта и которые легко идентифицируются как таковые.

Основная характеристика языкового сигнала, отличающая его от знаковых сигналов животных, заключается в том, что значение языкового сигнала состоит в представлении определенной потребности как ситуационной модели, состоящей из объектов и изменений происходящих с данными объектами в процессе их взаимодействия. Для того, чтобы предупредить коллегу о том, что на следующий день он будет занят, гипотетический герой нашего примера формирует последовательность языковых знаков, которая позволяет ему представить модель своего состояния на следующий день и выразить пожелание своему коллеге.

То, что невозможно для собаки, оказывается возможным для человека за счет того, что языковой сигнал состоит из элементов особого рода, значение которых организовано таким образом, что человек способен преодолеть ограниченность

знаков-образов типа рыка, шипа, урчания, виляния хвостом и т.д. и осуществлять с помощью знаков не просто изображение своих насущных в данный момент потребностей, но создавать модели своих потребностей и способов их удовлетворения. Данные элементы, позволяющие человеку моделировать свой опыт, мы и будем называть словами.

Разработка теории слова как знака связана с именами Ч. Пирса и Ф. Де Соссюра. Еще в конце XIX века Пирс дал следующее базовое определение знакового отношения вообще: “A sign, or representamen, is something which stands to somebody in some respect or capacity. It addresses somebody, that is, creates in the mind of that person an equivalent sign, or perhaps a more developed sign. That sign which it creates I call the interpretant of the first sign. The sign stands for something, its object. It stands for that object, not in all respects, but in reference to a sort of idea, which I have sometimes called the ground of the representamen” (Pierce 1940).

Следует отметить, что знаком, по терминологии Пирса «репрезентаменом», в человеческом языке могло быть и слово, и предложение, и знаковая последовательность любой степени сложности. Это отличает его взгляды от современной лингвистики, которая разработала более детальную и последовательную систему описания языковых знаков. Под «объектом» Пирс понимал не только отдельные предметы, но и комплексные ситуации опыта. Причем он подчеркивал, что «объект» представлен не как таковой (“in all respects”), а как конструктор некоторой мысленной репрезентации (“idea”/ “the ground of representamen”). «Интерпретанта» же — это динамический аспект существования значения, который в современной теории, как правило, называется «смыслом».

Существенно то, что Пирс настаивал на обязательности связи между тремя составляющими знакового процесса: самим знаком, интерпретантой и объектом. Более того, он утверждал, что в знаковом процессе ни один из упомянутых компонентов не является самодостаточным и не может быть определен вне знакового процесса.

Позицию Пирса и то влияние, которое она оказала на развитие современной семиотики невозможно оценить без учета более широкого контекста, в котором она зародилась,

а именно без учета развития прагматического течения в философии.

Основным положением прагматизма считается принцип целенаправленности мыслительной деятельности человека. Человек мыслит тогда, когда деятельность его сознания направлена к разрешению некоторой проблемы. Прагматисты утверждали, что мышление человека во всех областях: от приготовления завтрака до теоретической физики определяется его потребностями и теми проблемами, которые он способен сформулировать.

Об общей обусловленности мышления человека его потребностями писали такие тесно общавшиеся с Ч. Пирсом ученые как У. Джеймс и Дж. Дьюи (Дьюи 1999; James 1987). И Пирс, и Дьюи считали, что мыслительный процесс осуществляется исключительно знаковыми средствами (Дьюи 1999). Но среди философов-прагматистов только Пирс попытался разработать общую теорию о знаковых системах.

Именно в рамках семиотической традиции, заложенной Пирсом, возникла гипотеза, в соответствии с которой природа знака в человеческом языке связана с характером потребностей и проблем человека. На более общем уровне это говорит о том, что значение определяется потребностями того организма, который участвует в каком-либо знаковом процессе. Причем процесс этот всегда подразумевает определенный результат для организма, удовлетворение некоторой реальной нужды.

Однако, в отличие от своих коллег-психологов Джеймса и Дьюи, Пирс был изначально более ориентирован на исследования в области логики и математики. В результате, его работы в области общесемиотической теории, до сих пор непревзойденные по размаху, по признанию многих исследователей, изобилуют неясностями и противоречиями. В этом отношении судьба идей Пирса — это скорее история их переработки, чем разработки.

Например, одним из наиболее продуктивных понятий в семиотике можно считать понятие интерпретанты, которое соотносимо с разрабатываемым в лингвистике понятием смысла. Пирс полагал, что интерпретанта может представлять собой чувства, предрасположенность к поведенческой реакции определенного типа, но также и другое, иногда бо-

лее сложное знаковое построение. Это предполагает способность отдельного знака реализовывать свое значение за счет участия в сложных, иерархически организованных знаковых комплексах.

В качестве одного из параметров глобальной классификации знаков Пирс предложил использовать тип порождаемой интерпретанты. Однако сам Пирс выделял типы интерпретант на основе типов суждений, описываемых формальной логикой, а не на основе наблюдаемых знаков, используемых в реальном общении или жизнедеятельности организмов. В результате, большинство исследователей, использующих исходное определение знака, данное Пирсом, и ссылающихся при этом на его имя, даже не упоминают предложенную ученым классификацию знаков по типу интерпретанты (см., напр., Эко 1998; Morris 1950).

Классификация знаков по принципу их отношения к объекту также претерпела значительное переосмысление в работах ученых XX века. Пирс предложил разделять знаки на индексальные, иконические и символические по способу отношения к объекту. По Пирсу, иконические знаки — это знаки, для функционирования которых существенно из сходство с обозначаемым объектом; индексальные знаки — это знаки, «причастные» объекту в пространственно-временном отношении; символические же знаки — это знаки, которые относятся к объекту за счет включенности в определенную систему правил, существующих в человеческом сознании.

Исследователи-семиологи, занимавшиеся в первую очередь человеческим языком, зачастую отказывались от рассмотрения отношения знаков к объектам (или, как их еще называют, референтам). Например, У. Эко подчеркивал, что этот аспект по существу находится вне ведения семиотики: "... по сути дела, дискуссии о референте не подлежат ведению семиологии. Те, кто занимается проблемой референта, хорошо знают, что символа из референта не выведешь, поскольку бывают символы, у которых есть референция, но нет референта (например, слово «единорог» отсылает к несуществующему фантастическому животному, что нисколько не мешает тому, кто слышит это слово прекрасно понимать, о чем идет речь; бывают также символы с разным значением, а референт у них один... два выражения, такие как «мой отчим» или «отец

моего сводного брата», относятся к одному и тому же референту, хотя значения их не совпадают, они принадлежат разным контекстам и эмоционально окрашены по-разному» (Эко 1998: 50). Как можно видеть из приведенной цитаты, причина отказа семиологов от обсуждения этой проблемы на определенном этапе связана, по-видимому, с пониманием того, что объекты не существуют во внешней действительности сами по себе, а являются продуктами знакового моделирования/отношения.

В связи с этим, некоторые семиологи, например, Р. Барт, предпочитали модель, предложенную Ф. де Соссюром, который утверждал, что знаковое отношение принципиально двойственно по своей природе. Знак, по Соссюру, обладает «двоичной» природой. Он представляет собой связь между акустическим образом и некоторым комплексом дифференциальных признаков, образующих понятийную составляющую знака и отличающих его от других знаков (Соссюр 1977: 99). Соссюр предостерегал против наивной ассоциации знаков с объектами внешней действительности и считал, что лингвиста отношение знака к внешнему миру особо интересовало в принципе не должно (Соссюр 1977: 98–99; Соссюр 2001: 121).

Однако теория Соссюра не предлагала никакого объяснения происхождению фиксируемых знаком признаков и их понятийного статуса. Более того, Соссюр не считал возможным исследовать сложные знаковые комплексы, представляющие реальность речевого общения. Его теория не давала никакого представления о том, как можно исследовать функциональную природу словесных знаков. Характерно, что последователи его концепции, тот же Ролан Барт, например, при исследовании реального речевого материала прибегали к понятию языковых метауровней, т.е. были вынуждены усложнять исходную «двоичную» схему (Барт 2000).

Постепенно, вопрос об отношении знаков к «объектам», т.е. принципам взаимодействия организма с окружением, стал проясняться за счет значительного вклада биологов и антропологов в развитие семиотической теории. Их интересовала как общность всевозможных знаковых систем, так и параметры различий между ними, находящие соответствие в уровнях психической организации живых существ.

Классификация отношений знаков к объектам, предложенная Пирсом, была переосмыслена как способ описания уровней знаковости, что дало толчок к дальнейшей разработке теории словесного знака.

1.3 Знаковая природа слова

В предыдущем параграфе мы отметили, что основное своеобразие языковой знаковой системы состоит в том, что весь опыт человеческих контактов со своим окружением закрепляется в особом рода знаках — словах, позволяющих человеку классифицировать свой опыт, членя его на объекты и изменения, способные происходить с объектами. В основе данной возможности лежит способность человеческого воображения разлагать опыт на его составляющие и объединять их в стабильные комплексы свойств. Те комплексы свойств опыта, которые мыслятся как целостные единицы, тождественные сами себе и не изменяющиеся во времени, и являются объектами (*I, table, tomorrow*). Существование объектов обязательно предполагает существование изменений, которым данные объекты подвергаются во времени в процессе удовлетворения человеческих потребностей (*go, eat, do*). Знаковое представление опыта как образование моделей, основанных на взаимосвязи знаков-объектов и знаков-изменений, мы будем называть грамматикой. Отметим сразу, что в основе природы грамматических явлений лежит универсальное свойство живых организмов, о котором мы вели речь в начале этой главы.

Для любого живого организма принципиально значимым является граница между статическими состояниями (исходное состояние для удовлетворения потребности или результат процесса удовлетворения потребности) и динамическими состояниями — изменениями, предпринимаемыми организмом ради удовлетворения потребности. Мы видим, что сфера знаков-объектов в любом языке (прежде всего, различные виды имен, особенно существительные) позволяют в словесных моделях опыта представлять как исходные условия для каких-то изменений, так и достигнутый результат. Эта знаковая сфера обеспечивает формирование грамматической

модели пространства ситуации. Сфера знаков-изменений, представленная в любом языке прежде всего глаголами, позволяет моделировать изменчивый аспект опыта, стадию динамического преобразования исходных элементов пространства в результат какого-то процесса. Данная сфера знаков формирует грамматическое время в языковой модели реальности. Разделение времени и пространства, таким образом, следует рассматривать как следствие аналитической природы знаковости языковой системы, в которой подобным способом получает выражение стадийная природа взаимодействия человека с материальным окружением.

Различие между значимыми единицами — объектами и значимыми единицами — изменениями лежит в основе структуры любого языка. Данное свойство человеческого воображения делает язык как знаковую систему значительно более творческой, чем образные сигнальные системы животных. Формируя две знаковые сферы — сферу объектов и сферу их изменений, человек получил возможность не только изображать свои потребности, но и аналитически моделировать их, что, в свою очередь, дало возможность человеку модифицировать способы удовлетворения своих потребностей, постоянно изменяя свое внешнее окружение в соответствии со все более усложняющимися знаковыми моделями удовлетворения своих потребностей.

История возникновения языка до сих пор не изучена полностью. Нет единства мнений ни по поводу времени возникновения языка, ни по поводу конкретных форм первой знаковой системы, которую уже можно было бы считать языком. Вместе с тем, широко признанным считается тот факт, что возникновение языка теснейшим образом связано с формированием в человеческом воображении первых моделей опыта, которые позволили человеку мыслить о своих потребностях как о моделях его отношения с божествами. Язык как знаковая моделирующая система возникает в древнейшем религиозном обряде, превращающем определенную человеческую потребность (добычу пищи, например) в сложно структурированную модель, в которой выделяются отдельные компоненты — объекты: человек; зверь, которого надо поймать; божество, которое необходимо задобрить; а также те изменения, которые

должны произойти с объектами для достижения желаемого результата (совершение заклинания, принесение жертвы и пр.). В недрах древнего синкретического обряда и зарождается знаковая система, качественно отличающая человека от животного и позволяющая людям совершенно иначе координировать свои действия при удовлетворении коллективных потребностей. С возникновением моделей, в которых насущные потребности структурируются как определенные отношения между человеком и божеством, человек переходит от образной знаковости к знаковости аналитически моделирующей, при которой отдельные знаки становятся элементами моделей гипотетических ситуаций. В таких моделях опыт закрепляется в форме знаковых образований, основанных на разделении знаков-объектов и знаков-изменений.

В современной лингвистике значимость двух неразрывно взаимосвязанных знаковых сфер в формировании языковой системности была четко разработана Н. Хомским (Chomsky 1957). Именно с его именем связана теория так называемого «дерева» (tree-diagram). Н. Хомский обратил внимание лингвистов на то, что любая структурно-оформленная знаковая последовательность естественно делится на сферу влияния имени и на сферу влияния глагола. (Each sentence can be naturally organized into a noun-phrase (Np) and a verb phrase (Vp). Именно это деление на две ветви — ветвь значимости, связанная с именем и ветвь значимости, связанная с глаголом — и дало название данной диаграмме.

Несмотря на то, что само определение знаковой последовательности как предложения в высшей степени формалистично, так как не связывает содержательность данной последовательности с ситуативными моделями, уходя в традиционный логицизм, сама констатация значимости первичного деления знаков на сферу имени и сферу глагола является существенным вкладом в развитие функциональной лингвистики.

Рассмотрим, каким образом данное свойство языка как системы знаков определяет природу рассматриваемых нами компонентов языка — слов.

Возьмем для анализа словарные дефиниции знака *table* и попытаемся выяснить, какие именно свойства данного знака

позволяют нам рассматривать этот знак как слово, которое мы в самом общем виде определили как элемент, позволяющий человеку формировать знаковые модели собственного опыта. При наших наблюдениях мы искусственно абстрагируемся от того факта, что словари предлагают большое количество дефиниций для одного знака: данное явление будет рассмотрено в следующей главе. Оно никак не затрагивает основные качества слова как специфической языковой единицы.

The Concise Oxford Dictionary предлагает следующую дефиницию: *table* — a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc.

Webster's New World Dictionary of the American Language имеет следующую дефиницию: *table* — a piece of furniture consisting of a flat top set horizontally on legs.

Обе дефиниции фиксируют с помощью других словесных знаков ряд свойств человеческого опыта, которые представляются как определенная целостная единица. Прежде всего, попытаемся определить, какие именно свойства человеческого опыта представлены как компоненты значения знака *table*.

Во-первых, обе дефиниции содержат элемент *a piece of furniture*. Данный элемент предполагает наличие в сознании человека словесной модели, описывающей жилище: человеческое жилье это определенная сфера опыта по обеспечению человеком комфортных условий для своей жизнедеятельности и защиты от неблагоприятных погодных условий. Для современного человека данная сфера опыта будет представлена моделью, элементом которой обязательно будет здание. Описание его внутреннего пространства будет предполагать наличие в здании целого ряда созданных человеком вещей, обеспечивающих ему удобство нахождения в этом внутреннем пространстве (*furniture* — the movable things in a room, apartment, etc. which equip it for living, as chairs, sofas, tables, beds, etc. Webster's New World; *furniture* — the movable equipment of a house, room, etc., e.g. tables, chairs, and beds. The Concise Oxford). Таким образом, знак *table* наделен рядом свойств, относящих его к определенной сфере опыта — устройству человеческого жилья.

Другим важным свойством дефиниции является то, что свойства человеческого опыта, закрепленные в знаке *table*, синтезированы в целостную единицу как нечто, существующее вне времени и не предполагающее изменений: в структуре дефиниции нет элементов, предполагающих изменение данного комплекса свойств во времени, следовательно, мы имеем дело с объектом.

Дальнейшая конкретизация содержательности знака *table* осуществляется за счет включения в нее специфических свойств опыта человека, позволяющих четко определить функции данного знака в модели «жилище». Более наглядно эти свойства вербализованы в дефиниции из словаря *The Concise Oxford: with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc.* В дефиниции отмечается, что объект — вещь, созданная человеком для обеспечения удобных условий для жизни в жилище (*a piece of furniture*) обладает определенными физическими свойствами (*a flat top and one or more legs*), которые человек использует для удовлетворения определенных потребностей (*providing a level surface for eating, ...*). Как видим, физические свойства вещи в структуре значения знака-объекта являются следствием функционального отношения человека к своему окружению. Они полностью зависят от тех потребностей, которые человек стремится удовлетворить, моделируя свой опыт. Плоская поверхность и средства опоры не обладают значимостью сами по себе. Они входят в структуру данного знака не как свойства вещи, а как элементы ситуационной модели, в которой могут быть удовлетворены определенные человеческие потребности. Мы видим, что значение рассматриваемого нами знака не может быть описано иначе как набор свойств опыта человека, которые определяют роль данного знака в модели ситуации, обеспечивающей человеку удовлетворение определенных потребностей, связанных с обеспечением удобства в осуществлении определенных типов повседневной деятельности.

Важным свойством значения знака *table* является его целостность. Знак выражает все выделенные нами свойства как единый комплекс. В материальном (акустико-артикуляторном) комплексе *table* мы не можем выделить

отдельные элементы, которые бы выражали свойство «объект», или свойство «вещь, созданная человеком», или свойство «плоская поверхность» или свойство «принятие пищи» и т.д. Целостность значения, т.е. невозможность выделения формальных элементов, которые были бы способны выражать отдельные свойства опыта внутри рассматриваемого знака, является критерием определения слова. Если рассматриваемая знаковая единица может члениться на элементы, каждый из которых способен выражать определенные свойства опыта, формирующие ситуационную модель, мы имеем дело с единицей, большей, чем слово. Вспомним наш анализ последовательности *I will be busy all day tomorrow*.

Таким образом, мы можем определить слово как знак, выражающий устойчивый комплекс свойств человеческого опыта, так что данный комплекс обеспечивает отнесенность слова либо к сфере знаков-объектов, либо к сфере знаков-изменений и определяет роль слова в оформлении ситуационных моделей опыта.

Свойства человеческого опыта, выражаемые словесными знаками мы будем в дальнейшем называть категориями. Категории возникают в знаковой системе тогда, когда сознание обладает возможностью отрывать свойства опыта от непосредственных стимулов, поступающих к организму из внешней среды, и представлять эти свойства как гипотетические модели. Категориальность, таким образом, является важнейшим свойством языка, отличающим его от образно-репрезентативных знаковых систем животных. Категории являются компонентами содержательного плана словесных знаков; материальной формой существования категорий является языковая система.

Категории существуют в отдельном слове постольку, поскольку данное слово обладает определенной ролью в оформлении модели опыта. *Table* обладает значением постольку, поскольку данный знак связан с моделью, в которой есть, в частности, элементы *room, furniture, people who sit, eat, write, etc. in this room and who need a flat hard surface for putting plates on, etc.* Иначе говоря, *table* имеет значение благодаря тому, что весь комплекс свойств человеческого опыта, представленный в данном знаке, предполагает совершенно определенный характер связи данного знака с

ограниченным множеством других знаков языка. Эти знаки принадлежат как к сфере объектов, так и к сфере изменений: *we can sit at a table; we eat at a table; we can push the table into a corner; but we cannot pour the table into a basin; we cannot spread it on toast; we cannot crumple it and throw it into a waste-paper basket.*

В связи с этим, следует отметить важнейшее свойство словесного значения: оно не существует как содержательная единица, характеризующее только одно слово. Данное качество связано с природой человеческого опыта, который представляет собой моделированные способы взаимодействия с внешним окружением. Слова закрепляют в памяти человека свойства, составляющие результат проецирования определенной потребности на внешнюю среду, и, соответственно, предполагают сложную модельную репрезентацию этих свойств, поскольку они фиксируют функциональное отношение человека к внешней среде. Слово интегрирует в себе определенные характеристики опыта, превращая их в целостное значение и закрепляя его таким образом в памяти человека. Очень важно отметить сразу то, что данная интегрирующая функция значения слова по отношению к опыту человека одновременно выступает и в качестве принципа внутрисистемной дифференциации знаков: отдельное слово обладает значимостью только при возможности встроить его в систему отношений с другими словесными знаками. Так, *table* способен обозначать «вещь, созданную человеком для определенных целей» (ср. элемент словарной дефиниции *a piece of furniture*), благодаря тому, что этот комплекс свойств будет обязательно представлен в других языковых знаках, прежде всего *man* как деятель, способный создавать что-то материальное, и *make* как основная характеристика изменений, которые человек способен осуществлять во внешней среде. Интересной в этом смысле является структура дефиниции первого значения слова *make* в *The Concise Oxford*. В ней четко прослеживается взаимосвязанность данных знаков на основе общности элемента опыта «вещь как материальный объект, обслуживающий определенную потребность». Показательно, что хотя сам знак *man* в данной дефиниции не присутствует материально, мы его (или любой другой знак, способный обозначать «человека как деятеля») легко можем

поставить в позицию подлежащего в примерах, приводимых в данной дефиниции:

Make — construct, create, form from parts of other substances (made a table; made it out of cardboard; made him a sweater).

Таким образом, словесное значение, интегрирующее в себе ряд функционально значимых свойств опыта, обеспечивает человеку возможность творческого взаимодействия со своим окружением. Активное преобразование среды обитания и постоянное усложнение потребностей, безусловно, являются следствием возникновения грамматического анализма словесных значений, распределяющего различные аспекты потребностей между взаимообусловленными словесными знаками.

Именно возможность смоделировать среду обитания в знаковой модели, позволившей представить отдельно пространство обитания как объект, отдельно человека-деятеля как объект, способный совершать изменения в данном пространстве, отдельно те изменения, которые могут быть произведены с элементами внешней среды, и, наконец, как отдельные объекты — преобразованные в соответствии с человеческими потребностями элементы окружения, и позволила человеку создавать материальные вещи и активно изменять условия своего существования и сами потребности. Столы, стулья, здания, дороги — все, что окружает современного человека, является результатом гипотетического моделирования возможной ситуации, связанной с насущной потребностью, с помощью словесных знаков. Так, стол как материальный предмет может быть создан человеком только тогда, когда в сознании его есть возможность выделить элемент внешней действительности а flat surface и спроецировать на него как ряд своих потребностей (eating, etc.), так и установить отношение между данным элементом и возможностями преобразования материальных объектов в целях оптимизации данных потребностей. Материальный стол как предмет внешней действительности возникает в результате знакового моделирования потребности на основе включения определенного свойства материального окружения (возможность плоской поверхности стабильно удерживать предметы) в определенную сферу деятельности человека. Именно такого типа моделирование является практически не доступным

для животных. Именно поэтому материальная культура возникает в человеческом сообществе одновременно с развитием языкового сознания, а не предваряет появление языка.

Определение слова как знака, обладающего целостностью значения, в том смысле, что оно является минимальным далее не членимым элементом ситуативной модели, позволяет нам сформулировать критерий, по которому можно определить различие между словом и единицами, меньшими, чем слово. Любое слово может быть отнесено либо к сфере объектов, либо к сфере изменений, причем значение слова четко определит роль данной единицы в моделировании определенных ситуаций опыта.

Так, *table*, *go*, *the*, *up*, *to*, *beautiful* — благодаря комплексу интегрированных в каждом из этих знаков свойств человеческого опыта четко соотносятся с определенными ситуационными моделями. *Table* — это объект, принадлежащий к множеству «мебель» (модели опыта, относящиеся к сфере «жилище»); *go* — целенаправленное изменение состояния определенного объекта во времени; *the* — определенная роль объекта в структуре моделируемой ситуации с точки зрения говорящего; *to* — определенный характер отношения осуществляемого действия к объекту или действию (целенаправленность); *beautiful* — определенное свойство ряда объектов.

В каждом случае мы можем установить две важных характеристики знака. Во-первых, это роль каждого из знаков в ситуативной модели. Это один из объектов, формирующих пространство ситуации (*table*), изменение, направленное на преобразование пространственных отношений (*go*), или различные свойства либо объектов, либо изменений (*the*, *up*, *beautiful*, *to*). Во-вторых, в каждом знаке мы способны выделить какие-то аспекты человеческих потребностей: возможность использования плоской поверхности для определенных действий (*table*), возможность осуществления целенаправленного и размеренного изменения состояния объекта (*go*), возможность установления соответствия чего-то определенному идеалу (*beautiful*), возможность выделения особого места чего-либо в предыдущем опыте говорящего (*the*), возможность установления наиболее значимого аспекта в структуре ситуации (*up*), возможность определения целенаправленности в структуре ситуации (*to*).

Если мы рассмотрим такие элементы как, например, -er или -ment, то мы увидим, что, несмотря на то, что данные элементы также обладают значением в языковой системе, они не могут одновременно выражать обе рассмотренные выше характеристики знака, который мы способны определить как слово, т.е. как языковую единицу, способную выступать в качестве элемента ситуации (относясь либо к сфере объектов – noun phrase – либо к сфере изменений – verb phrase). Значение -er состоит в том, что во взаимодействии с другими элементами, данный знак способен образовывать единицы, обозначающие объекты определенного типа, в частности, одушевленный или неодушевленный объект, способный активно проявлять определенные свойства, обозначаемые элементом, предшествующим -er. Данное значение существует у элемента -er как возможность обладать значимостью в более сложной единице и не является достаточным для того, чтобы этот сегмент английского языка мог бы восприниматься как элемент ситуативной модели, представляющий либо объект, либо изменение, либо их свойства.

Чтобы выполнить свою функцию, данный элемент должен быть частью словесного знака, обладающего целостным неделимым значением. Lover или computer являются семантически неделимыми единицами. В структуре значения слова lover – a person in love with another (The Concise Oxford) мы не можем выделить -er как носитель самостоятельного, не зависящего от общего значения всего слова, компонента значения, которое бы давало возможность сегменту -er выступать в качестве элемента ситуации. Следовательно, в структуре слова lover мы не можем сказать, какой именно компонент данного знака обозначает человека, а какой компонент обозначает способность этого человека испытывать чувство привязанности к другому и т.д. Целостное значение слова lover не является механическим совмещением значений love и -er, поскольку план содержания этих двух единиц оказывается принципиально различным. Значение lover это качественно иная по отношению к существительному и глаголу love целостная единица, формирующая определенный объект в структуре конкретных моделей опыта. Существование целостного значения этого слова не возможно описать как

результат присоединения к существительному или глаголу love компонента -er. Отметим здесь то, что в отличие от элемента love, который обозначает как определенный набор свойств человеческого опыта, характеризующий степень эмоциональной привязанности человека к чему-либо, так и определенный способ представления этого набора свойств в ситуации в виде либо существительного (his love), либо в виде глагола (I love you), элемент -er способен лишь указывать на определенный характер вхождения другого знака в словесную ситуацию (lover).

Точно так же можно охарактеризовать и природу значения элемента -ment. Словарь так определяет одно из его значений: forming nouns expressing the means or result of the action of the verb (The Concise Oxford). Уже сама словарная дефиниция указывает на невозможность установления сферы опыта, к которой можно было бы отнести данный знак. Дефиниция подчеркивает отсутствие ситуативной самостоятельности значения данной единицы. Действительно, если мы рассмотрим категориальную структуру слова disarmament — the reduction by a State of its military forces and weapons (The Concise Oxford), то мы также убедимся в том, что данная единица не является простым добавлением автономного свойства «результат определенного действия» к структуре значения знака disarm — (of a State etc.) disband or reduce its armed forces (The Concise Oxford). В составе данного слова суффикс -ment не обладает автономной значимостью с точки зрения категориальной структуры объекта disarmament. Так, невозможно выделить отдельный компонент данного слова, который, например, выражал бы длительность, процессуальность, присущую данному знаку как слову, обозначающему определенное социально-политическое явление.

Итак, если единицы большие чем слово обладают способностью членился на элементы, которые мы можем охарактеризовать как минимальные компоненты ситуативных моделей, характеризующих изменения, происходящие с объектами во времени, то единицы меньшие, чем слово, в принципе не способны выступать как отдельные составные части данных моделей. Ни -er, ни -ment сами по себе не способны употребляться как определенные единицы из сферы

объектов или изменений. Их собственное значение является лишь потенциальной возможностью реализации определенного целостного словесного значения при условии включения данных элементов в языковые единицы, обладающие сложной организацией, но реализующие целостное значение с точки зрения их роли в формировании ситуативной модели опыта. Более подробно свойства и категориальная природа морфем — знаковых сегментов, меньших чем слово, рассматривается в Главе 8.

Таким образом, если мы имеем дело с языковой единицей, которая не способна сама по себе выступать в качестве семантически целостного компонента определенных моделей человеческого опыта, мы имеем дело не со словом, а с его составной частью.

1.4 Денотативно-референциальная теория значения

В данной главе мы ответили на ряд вопросов, посвященных природе языка и специфике слова как языкового знака. Прежде чем обратиться к более подробному анализу структуры значения слова, следует отметить, что существует принципиально другой подход к трактовке языкового значения.

В основе данного подхода лежит общепhilosophическое утверждение о том, что человеческое сознание способно фиксировать (часто употребляется слово «отражать») свойства объективной внеязыковой действительности, т.е. постигать мир в том виде, в каком он существует сам по себе вне творческой деятельности человеческого сознания, связанной с удовлетворением человеческих потребностей. Данная способность объясняется наличием в человеческом сознании логических структур, которые каким-то образом эквивалентны природе внешней действительности. Человек с его познавательными способностями противопоставляется другим живым существам, поскольку он обладает «объективным знанием», являющимся истинной картиной действительности.

Важнейшей составной частью данного взгляда на характер взаимодействия человека с внешним окружением,

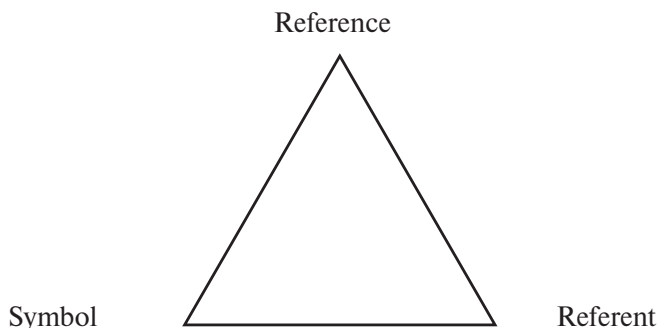
актуальной для лингвистической теории, является априорная вера в то, что данная способность «отражать» природу вещей свойственна человеческому сознанию и находится за пределами языковой системы. Именно в связи с этим, в лингвистических теориях, основывающихся на данных методологических позициях, часто употребляются слова «экстралингвистические факторы» или «экстралингвистическая ситуация».

Интересен подход к определению сущности словесного значения и определению слова как знака в рамках данного подхода. В основе определения слова как знака лежит утверждение о том, что слово как единица языковой системы способно указывать на определенный, сам себе равный, элемент внешней действительности (предметы, их свойства, явления, отношения действительности и т.д.). При этом под действительностью понимается нечто, находящееся вне языковой знаковой системы и вне человеческого сознания. Данный подход получил реализацию в формуле так называемого семантического треугольника.

Вершинами треугольника являются акустическая форма слова; некоторое ментальное образование, которое, как правило, называется понятием, и обозначаемый объект (референт или денотат в разных терминологиях). Считается, что понятие, являющееся отражением существенных свойств объекта, определяет тот класс объектов внешней действительности, к которым может относиться данное слово.

Происхождение треугольной формулы — результат слияния целого ряда теорий значения. Большинство этих теорий так или иначе связано с упомянутой выше философской традицией, предполагающей существование объективной, самоопределяющейся реальности вне человека. При этом предполагается, что познание этой действительности как таковой составляет предмет его мышления.

Работой, внесшей значительный вклад в укрепление треугольной схемы, является книга Огдена и Ричардса “The Meaning of Meaning” (Ogden, Richards 1949). Эти авторы использовали треугольный рисунок, разошедшийся по всем учебникам мира.

Огден и Ричардс задумывали свою работу как демонстрацию контекстуальной зависимости значения слов. В теории они отрицали прямую, непосредственную связь слов и объектов: “The root of the trouble will be traced to the superstition that words are in some way parts of things or always imply things corresponding to them... The fundamental and most prolific fallacy is in other words, that the base of the triangle given above is filled in”; и далее “A symbol refers to what it is actually used to refer to; not necessarily to what it ought in good usage, or is intended by an interpreter, or is intended by the user to refer to” (Ogden, Richards 1949: 15). Предполагалось, что связь между знаком и референтом, т.е. основание треугольника, — связь только потенциальная, реализующаяся в речи.

Само это теоретическое положение значило очень много в период расцвета логического атомизма — жесткого варианта объективистской философии, который предполагает полную независимость референциальной способности слов от человеческой субъективности. Огден и Ричардс настаивали на речевой обусловленности значения, на системности употребления слов в речи, даже если они употребляются «неправильно» (“not what they ought to refer to in good usage”). Они считали, что референциальные возможности слов связаны с контекстом, т.е. комплексными ассоциациями, возникающими на основе опыта. Именно к этим ассоциациям и относился термин «референция» (Ogden, Richards 1949: 90).

Такая исследовательская ориентация предполагает рассмотрение реального речевого материала, что авторы и пытаются сделать в своей работе, анализируя употребление ряда

абстрактных существительных типа “meaning” и “beauty”. Однако их теория контекста основана на бихевиористской теории, которая ведет их к смешению образных знаков животного мира и символических знаков, которые использует человек, и, как это ни парадоксально, к объективизму.

Так, в качестве примера «знаковой ситуации» Огден и Ричардс приводят поведение цыплят в отношении «невкусных» гусениц. Гусеницы, которые не нравятся цыплятам обладают определенным орнаментом. Раз попробовав съесть такую гусеницу и найдя ее «невкусной», цыпленок в следующий раз такую гусеницу даже пробовать не будет (Ogden, Richards 1949: 52–53). Эту ситуацию они и называют “sight-seize-taste context”.

На основании этого примера Огден и Ричардс делают следующее обобщение: “This simple case is typical of all interpretation, the peculiarity of interpretation being that when a context has affected us in the past the recurrence of merely a part of context will cause us to react in the way in which we reacted before. A sign is always a stimulus similar to some part of an original stimulus and sufficient to call up the engram formed by that stimulus.” (Ogden, Richards 1949: 53).

Можно видеть, что Огден и Ричардс видят знак как неотъемлемый элемент ситуации, вызывающий реакцию по индексальному, метонимическому принципу. Сформулированный ими принцип — это принцип условного рефлекса.

При этом описание знакового процесса, в который вовлечен цыпленок, человеческим языком неизбежно представляет составляющие этого процесса как объекты — цыплята, гусеницы и т.д. Но цыпленок не способен выделить гусеницу как объект. Вряд ли цыпленок осознает, что визуальный раздражитель, который сигнализирует о невозможности удовлетворить потребность в пище, — это тоже гусеница, такая же, как и съедобная гусеница, только «невкусная».

Говоря об усвоении слов людьми (и подразумевая, по-видимому, маленьких детей), Огден и Ричардс точно так же рассматривают слово как автономный знак, а объект как автономный объект: “... it is actually through their occurrence together with things... that symbols come to play that important part in our life which has rendered them not only a legitimate object

of wonder but the source of all our power over the external world.” (Ogden, Richards 1949: 47). Исследователи никак не соотносят человеческий язык со способностью выделять, конструировать объекты. Получается, что столы, стулья, атомные бомбы, нуклеиновые кислоты существуют в мире сами по себе, а мы обретаем власть над ними, употребляя слова в их присутствии.

Некорректность предлагаемой концепции видна уже на материале, рассматриваемом в самой работе “The Meaning of Meaning”. Перечисляя «каноны символического языка», которые Огден и Ричардс формулируют в своей работе, они пишут: “One Symbol stands for one and only one Referent”. Далее авторы раскрывают это положение: “When a symbol seems to stand for two or more referents we must regard it as two or more different symbols, which are to be differentiated” (Ogden, Richards 1949: 90). В качестве примера они приводят слово “top” в сочетаниях со словами “mountain” и “spinning”, предлагая считать знаки “top” в этих сочетаниях «разными символами» (Ogden Richards 1949: 91).

Абсолютно очевидно, что эта логика основана на объективистском представлении об «отражательной» деятельности человеческого сознания. В соответствии с этим воззрением верхушка горы и волчок кажутся самоочевидно разными. Но ситуация сразу запутывается, если мы зададим себе вопрос, будут ли знаки “top” в словосочетаниях “the top of a mountain”, “the top of a hill” и “the top of a table” разными словами или все же одним. А знак “table”, относящийся к обеденному столу на одной ножке и письменному столу без ножек на монолитной опоре? Если же это разные «символы» со своими закономерностями употребления, то как объяснить систематическое использование одной акустической формы? На сколько «атомов» в таком случае распадается мир, как они все «держатся вместе» в человеческом сознании?

Очевидно, что положение Огдена и Ричардса, выдвинутое ими в качестве «первого канона символического языка», не выдерживает критического применения. Референциальные возможности слов явно не определяются самоподобием объектов, образующих классы независимо от человеческого сознания. Данная теория никак не позволяет объяснить свойства словарных единиц и их системные связи.

Также характерным для объективистского подхода образом Огден и Ричардс оговариваются, что они исследуют язык только в его «интеллектуальной» функции и оставляют «эмоциональное»/«оценочное» использование языка в стороне. Это стремление исключить «эмоциональный», «субъективный» компонент значения слова из исследовательской проблематики типично для работ в русле денотативно-референциальной теории.

Посмотрим теперь, к каким методологическим затруднениям на уровне изучения словарного состава языка привело использование треугольной теории значения. Денотативно-референциальная теория столкнулась с двумя принципиальными вопросами, удовлетворительного ответа на которые в рамках данной методологии найти не удалось. Первый вопрос касается сущности «понятия» или «референции» в терминологии Огдена и Ричардса. Второй вопрос касается принципов соотнесения слов с элементами внешней действительности.

В соответствии с представлением об отражательной деятельности сознания сторонники денотативно-референциальной теории полагают, что понятие — это набор признаков, необходимых и достаточных для определения сущности предмета (см. определения ПОНЯТИЯ в Большой Советской Энциклопедии и Лингвистическом Энциклопедическом Словаре). Эта формулировка существует еще со времен Аристотеля. Источником признаков, составляющих понятие, считается внешняя объективная действительность. «Понятие» в такой трактовке сильно отличается от того, что понимали под «референцией» Огден и Ричардс. Однако именно в таком виде — **слово-понятие-предмет** — треугольная формула вошла в широкий лингвистический обиход (Эко 1998: 49).

При этом лексикологи быстро обнаружили, что за словами в большинстве случаев закрепляются семантические признаки никак не являющиеся «объективными» признаками класса предметов, к которому слово потенциально относится. Так, во многих работах в качестве примера слов, фиксирующих «оценочные» («культурные», «коннотативные») признаки, приводятся слова типа *woman* или *mother* (Никитин 1983: 24; Лапшина 1998: 18; 23).

Слово *mother* и его семантический потенциал в английском языке были очень подробно рассмотрены Дж. Лакоффом в одной из глав работы “*Women, Fire and Dangerous Things*” (Лакофф 1988). Так, семантическая структура слова *mother* в английском языке в определенный культурно-исторический период имело ряд ассоциаций прескриптивного характера (“*good mothers devote time to bringing up their children*”), социально-нормативного характера (“*a typical mother is a housewife*”) и т.п. Список таких категориальных составляющих получается открытым, а основания иерархии между «необъективными» признаками, с объективистской позиции, неясными.

Столкнувшись с наличием подобных «эмоционально-экспрессивных» компонентов в составе значения слова, сторонники денотативно-референциальной теории разработали концепцию «денотативного ядра». Эта концепция предполагает, что семантическое содержание слова может быть четко разделено на две части — «предметно-логическую» и «эмоционально-культурную» (Ахманова 1969 статья «значение»; ЛЭС 1990 статья «лексическое значение»; Никитин 1997: 106; Уфимцева 2001: 95). При этом единственным «субъективным» параметром денотативного ядра признается его «обобщающий» характер (Уфимцева 2001: 92-93).

Предметно-логическая часть семантических признаков (т.е. те признаки, которые являются объективными и существенными характеристиками обозначаемого словом класса объектов) и составляет денотативное ядро значения слова. Само название этого научного конструкта — «денотативное ядро» — предполагает, что признаки, входящие в это ядро, являются центральными для значения слова, а остальные признаки являются периферийными. Часто денотативное ядро отождествляют с понятием, под которым, как уже говорилось, имеют в виду набор необходимых и достаточных признаков некоторого класса предметов. Так, для слова *mother* «предметно-логическими» будут признаки *female* и *parent* (Никитин 1983: 24). Все остальные составляющие данного слова представляются сторонникам денотативно-референциальной теории «дополнительными», «преходящими».

Посмотрим, однако, внимательнее на определение слова *mother*, которое можно найти в словаре Webster's New World

Dictionary: a woman who has borne a child; esp., a woman as she is related to her child or children. Безусловно, признаки *female* и *having borne a child* присутствуют в этой дефиниции. Однако стоит задать вопрос о том, по какому поводу сознание конструирует отдельный объект, обладающий признаками *female* и *having borne a child*. Ведь в английском языке нет, например, отдельного слова, фиксирующего признаки *female* и *having got a university/college degree* в качестве категорий, определяющих его семантическую структуру. Не существует в английском языке и отдельного слова с определяющими семантическими признаками *female* и *having had her first menstruation*.

Очевидно, что признаки *female* и *having borne a child* как атомарные составляющие не являются определяющими для человеческого сознания при конструировании объекта *mother*. В словарной дефиниции нам указывается еще один признак — *specific relation to her child or children*, зависимый от признака *woman*. *Relation* в данном случае не подразумевает *having borne <a child>*, поскольку этот компонент значения подчеркивается отдельно.

Relation указывает на весьма сложное функциональное отношение женщины к детям. Это становится явным при рассмотрении типичных употреблений слова *mother*. Так, выражение “*She is a good mother*” никогда не употребляется для того, чтобы обозначить удачный исход родов. Опять же, как указывает Джордж Лакофф, словосочетание *a working mother* не будет применимо к матери-одиночке, которая отдала ребенка на усыновление, а сама пошла работать (Лакофф 1988: 38).

В словаре функциональное содержание отношения матери к ребенку остается в имплицитной. Оно является очень сложным и существует как часть модели социально-психологических связей в человеческом обществе. Однако очевидно, что этот тип связей и его значимость принципиально зависят от системы человеческих отношений, моделируемых языком.

Известно, что в некоторых ситуациях словом *mother* будет обозначаться женщина, не рожавшая данного человека. Причем обозначение *stepmother* или *adoptive mother* совсем не всегда будет адекватным, особенно, если ребенок был усыновлен в младенчестве. Вряд ли можно полагать, что подросток, усыновленный в младенчестве, обращаясь к

приемной матери, будет употреблять слово *mother* как сокращение для *stepmother* или *adoptive mother*, если только речь не идет о юридических вопросах усыновления.

Сама возможность таких вариаций при употреблении слова *mother* указывает на то, что его семантическая структура является не «отражением объективной действительности», а частью модели определенной человеческой потребности. При таком положении дел признание «субъективности» как принципа «обобщения» в денотативной теории мало что объясняет. «Обобщенность» признаков *female* и *having borne a child* не позволяет нам объяснить, почему слово *mother* не распространяется на женщин, которые потеряли единственного ребенка в младенчестве. При этом женщина, которая вообще не способна родить, но воспитывают приемного ребенка, будет обозначаться словом *mother*.

Для уяснения этого положения следует вернуться к слову *table*. И здесь, точно так же как и в слове *mother*, мы не найдем признаков, характеризующих этот предмет «как таковой». Очевидно, что *eating or writing on* — это функциональные характеристики, не являющиеся характеристикой стола «самого по себе». Они характеризуют стол относительно его роли в моделях удовлетворения человеческих потребностей и носят оценочный характер. Если письменный стол приходит в такое состояние, что за ним больше неудобно писать (ножки расшатываются или дерево, из которого сделана поверхность, треснет посередине), то этот объект будет обозначен как *a bad/uncomfortable table* и, по всей вероятности, зайдет речь о его замене.

Физические параметры (*flat surface* и *legs*), от которых зависит функциональность стола, также совершенно «человекоразмерны». Характеристика *flat* — параметр относительный. То, что будет считаться плоским для одного рода деятельности, не будет таковым для другого рода деятельности. *The flat top of the Table Mountain* и *the flat surface of a writing table* имеют весьма сомнительные объективные сходства. На плоской поверхности Столовой Горы вряд ли удобно писать курсовую работу, а вот на плоской поверхности письменного стола ее писать удобно. Но в обоих случаях свойство *flat* подразумевает возможность для какого-то объекта (прежде всего человека) сохранять равномерность движения в пространстве за

счет стабильного равновесия. Движения пишущего человека отличаются от движений идущего человека. Очевидно, что категориальная составляющая *flat* абсолютно зависима от природы человеческих потребностей и имеет только опосредованное отношение к внешней действительности.

Legs как элемент семантической структуры слова *table* указывает нам на опору, которая делает данный объект устойчивым, но при этом с легкостью передвигаемым. Наличие ножек у обеденных и письменных столов позволяет человеку комфортно располагаться, помещая в свободном пространстве свои ноги. При этом *table* как предмет мебели человеком передвигается в соответствии с организацией жилого пространства. Именно поэтому «ножки» стола выделяются как отдельный признак. Столы, как правило, также являются симметричными, что связано с параметрами устойчивости их конструкции, но человеком данное свойство воспринимается как побочное, «фоновое». Соответственно, этот признак словарями не выделяется. Таким образом, «существенность» приводимых словарем категориальных признаков определяется их отношением к человеческим потребностям.

Если же еще вспомнить о том, что стол — человеческое изобретение и до того, как человек его создал, столов во внешней действительности не существовало, то поиск источника денотативного ядра окончательно упрется в специфику человеческой природы. Это особенно важно в связи с тем, что стол не возник в человеческом сообществе до возникновения языка.

Можно видеть, что у денотативной теории нет аргументированного ответа на вопрос о природе и иерархии признаков, составляющих семантические комплексы, которые фиксируются словами. Даже те слова, которые обозначают объекты, воспринимаемые человеком как часть внешней действительности, по сути, фиксируют конструкты человеческого сознания. При анализе словарных дефиниций классических в языкознании и логике примеров мы показали невозможность выделить понятие как набор признаков, которые характеризуют объекты внешней действительности, существующие независимо от человеческого сознания.

В денотативно-референциальной теории часто признается, что человеческое мышление, в первую очередь «дискурсивно-логическое», возможно только за счет существования языковой

системы (ЛЭС 1990, статья «Язык и мышление»). Однако понятийные элементы представляются как отражение действительности, не зависимое от языковой системы. Предметно-логические составляющие семантической структуры слова мыслятся как относительно автономные слагаемые.

При этом четко артикулированной позиции относительно того, как эти признаки существуют, в лингвистических работах данной традиции не содержится. Получается, что понятие — образование комплексное — закрепляется за одним словесным знаком. Но каким образом тогда сознание хранит признаки, составляющие тот или иной категориальный комплекс? Что представляет собой, скажем, признак flat в составе знака table и чем он отличается от значения, закрепленного за словом flat? Если же предположить существование независимого от языковой системы признака flatness в сознании человека, то каким образом возник в сознании этот признак, имеющий столь различные «физические» параметры в различных ситуативных моделях?

Итак, главное неудобство денотативно-референциальной теории состоит в том, что она практически разрывает двустороннюю природу языкового знака, утверждая, что в человеческом языке за словесным уровнем существует автономный понятийный уровень, который оказывается чисто идеальной субстанцией, априорно определяемой как некий эквивалент всему, что существует во внешнем мире в качестве объективных, не зависящих от человеческого сознания сущностей. Далее в рамках данного подхода вопрос о природе значимости вообще не ставится, поскольку он определяется как «экстралингвистический фактор».

В связи с этим возникает целый ряд вопросов, на которые данная теория не может дать четких ответов.

Во-первых, каким образом человек оказался способным постоянно изменять условия своего существования и свои потребности? Если считать, что в основе значения слов лежат денотативные ядра, понимаемые как свойства, объективно присущие предмету внешней действительности, тогда единственным объяснением появления в окружении человека определенных предметов может служить его способность их правильно «отразить» и назвать. Иными словами, мы можем представить себе человеческую историю как путешествие

человека по объективной действительности, в которой он, найдя стол как «объективный» предмет, правильно называет его и получает возможность им пользоваться. Далее, человек находит дорогу, на ней троллейбус, который привозит его к дому, в котором есть электричество и т.д. По пути он всего лишь правильно отражает то, что он видит, и дает всему подходящие номинации. Очевидно, что реальный исторический процесс, а также процесс познания проходили по другим сценариям, важнейшим компонентом которых была творческая деятельность человека, связанная с постоянной выработкой все новых знаковых моделей, направленных на оптимизацию способов удовлетворения его потребностей в соответствии с его прошлым опытом.

Во-вторых, актуальным остается вопрос о способе существования мышления и понятий как особых субстанций. Если они находятся вне человеческого языка, то какова их материальная форма существования? Практически, денотативно-референциальная теория предлагает взгляд на мышление как на область деятельности чистого духа. Значительно менее мистическим представляется взгляд на мышление как на словесную деятельность, при которой, благодаря определенным свойствам памяти человека материальная сторона значимых единиц — хранимые в сознании акустико-артикуляторные комплексы — могут быть значительно редуцированы. В результате, человеку не нужно в процессе мышления, т.е. внутренней речи, полностью воспроизводить артикуляторные движения, необходимые для произнесения слов.

Наконец, не ясно, каким образом отнесенность к внешней действительности может существовать у отдельного слова. Как это ни парадоксально, но теория денотативного ядра значительно больше подходит к описанию образных знаков, которыми пользуются животные. Так, у рыка собаки безусловно будет прямой денотат во внешней действительности — непосредственная ситуация, вызвавшая рык, вне которой рык будет в принципе не возможен. Но мы уже убедились в том, что прямая отнесенность данного знака к внешней действительности возможна только потому, что данный знак обладает образной, а не аналитической природой. Слова человека «Please be sure to put more plates on the table tomorrow»

обладают значимостью не как образ ситуации внешней действительности — сфера будущего в данной фразе это модель человеческого планирования своего существования во времени, результат волевой целеустремленности, но никак не свойство внеязыковой действительности.

Эти слова значимы постольку, поскольку представляют решение определенной проблемы в соответствии с определенной ситуативной моделью, позволяющей формулировать решение проблемы как действие определенного лица по отношению к определенным объектам. Именно благодаря отсутствию непосредственной связи у этой последовательности знаков с внеязыковой действительностью, она оказывается для нас значимой: мы соотносим ее с определенной словесной моделью опыта, существующей в нашем сознании. Языковая реальность, позволяющая человеку взаимодействовать со своим окружением гипотетична по своей природе. Усваивая язык как средство сохранения опыта в памяти, человек приучается к регулированию своего поведения в соответствии со словесными сценариями, в которых определяется характер взаимообусловленности динамических элементов ситуации и возможных результатов. При этом словесная природа причинно-следственных отношений в сценариях опыта делает их гибкими и позволяет человеку постоянно экспериментировать с собственным отношением к своему окружению. Ведь именно грамматическая природа языка позволяет человеческому сознанию разделять действие и объект как автономные элементы ситуации.

Конечно, языковое моделирование осуществляется человеком по поводу его контактов с окружением, будь эти контакты связаны со стремлением к физиологическому комфорту или же с социальными отношениями. Т.е. знаковое событие всегда предполагает проблему во взаимодействии человека с окружением.

Но проблемы в опыте современного человека всегда опосредованы знаковой системой настолько, что, как правило, не имеют прямой связи с влиянием окружения на сенсорную систему человека в данный конкретный момент. Так, слова “Please, be sure to put more plates on the table tomorrow” сигнализируют не о насущной проблеме, а о будущем со-

стоянии дел, которое является частью определенной модели опыта.

Если данное указание будет воспринято адекватно, то в указанный момент на столе появится больше тарелок, чем обычно. Но отношение данного указания к конкретному акту взаимодействия человека с окружением не носит отражательно-описательного характера и не привязано к конкретным объектам. «Завтра», могут решить использовать иной стол, чем использовали сегодня, однако просьба останется в силе. Тарелки, о которых идет речь, могут оказаться предметом выбора. Тот, кто накрывает на стол, может взять один сервиз вместо другого. Но это не меняет сути просьбы. Конкретные материальные элементы окружения человека только опосредованно включаются в «референцию» данного указания. Непосредственным же референтом данного указания является сама модель решения конкретной проблемы, возникшей перед организаторами обеда или ужина.

В этом отношении теории Соссюра и Пирса оказываются взаимно дополнительными и, в совокупности, более последовательными, чем теория денотата. Пирс говорит о знаковом событии в целом. Настаивая на «троичности» знака, он, по-видимому, имеет в виду обязательное наличие проблемы, т.е. «повода», для знакового моделирования опыта. Ни один словесный знак не может реализовать свое значение вне конкретного комплексного знакового события, связанного с моделированием проблемной ситуации.

Соссюр же, говоря о «двоичной» природе знака, имеет в виду, прежде всего, слова, которые не относятся прямо к конкретным случаям взаимодействия человека с окружением. Слова обладают только значением, т.е. системой ситуативно обусловленных связей с другими словами. Соотнести отдельное слово с предметом внешней действительности невозможно.

В этом отношении следует критически относиться к идее о том, что значение слова можно «объяснить», указав на объект во внешней действительности. Невозможно объяснить ребенку значение слова «лев», ничего не рассказывая, а отведя его в зоопарк и показав ему на зверя в клетке, как это предлагал делать знаменитый философ Б. Рассел. Если ребенок не обладает основой языковой системы, у него нет

никаких средств для того, чтобы соотнести звуковой комплекс «лев» с животным, а не со своим страхом, например.

Таким образом, в целом, денотативно-референциальную теорию значения можно охарактеризовать как формалистическую в связи с тем, что наиболее актуальный аспект существования языковой системы — язык как средство удовлетворения человеческих потребностей остается вне сферы интересов данной теории.

Глава 2

Структура значения слова.

Части речи и целостное значение слова

В предыдущей главе мы выяснили, что слово представляет собой знак, материальной стороной которого является комплекс фонем — множество артикуляторно-акустических свойств, обеспечивающих человеку возможность дифференцировать речевой поток и хранить в памяти свойства собственного опыта, закрепленные за определенными артикуляторно-акустическими последовательностями. Содержательной стороной слова, его значением и являются конкретные свойства человеческого опыта, закрепленные за данной материальной единицей, хранимой в памяти как набор артикуляторных движений и акустических ощущений. Мы вполне сознательно не рассматриваем вопрос о графических способах изображения слов, поскольку система письменных знаков является вторичной по отношению к артикулированной, произнесенной речи и как таковая не вносит ничего нового в основные принципы сосуществования двух аспектов словесного знака — его материальной формы как фонетического комплекса и его значения как комплекса категорий.

2.1 Определение категории. Родовая и интегральная категории в значении слова

Выделение слова как знака, обеспечивающего человеку возможность моделировать свой опыт, позволило нам охарактеризовать язык как аналитическую моделирующую знаковую систему. В основе аналитической природы моделирования в языковой знаковой системе лежит специфическая только для человека способность представлять свой опыт в виде словесных цепочек. В предыдущей главе мы указали

на то, что появление словесности как особого способа существования знаковой системы связано с общим для всех живых организмов свойством стадийного характера взаимодействия со своим окружением в интересах собственного выживания. Периоды покоя (статические периоды) сменяются периодами действия (динамики). Действие связано с удовлетворением потребности, а покой характеризует состояние удовлетворенности. При этом знаки, которыми пользуются даже высшие животные обладают нечленимой образной природой, то есть представляют целую ситуацию, соответствующую определенной потребности. Ни знаковые сигналы животных, ни структура их памяти не содержат отдельных единиц опыта, которые бы соответствовали словам человеческого языка. Условно говоря, для животного «солнце/sun» и «светить/shine» не существуют относительно автономно друг от друга.

Появление языкового аналитизма связано с возможностью человеческого сознания вносить дополнительную внутреннюю дифференциацию в знаковые коды собственных потребностей, разделяя опыт на сферу имени (объектов) и сферу глагола (изменений). В результате аналитического моделирования на основе систематизации свойств, полученных при взаимодействии с окружением и закрепленных в сознании в качестве словесных значений, формируются ситуативные модели, в которых объекты совершают изменения или подвергаются изменениям в процессе взаимодействия. Сама возможность создавать знаковые модели, состоящие из объектов и происходящих с ними изменений, обусловлена способностью человека к реконструкции в памяти свойств, характеризующих контакты человека со своим окружением, четко разделенных на знаки-объекты, представляющие стабильное пространство, и знаки-изменения, представляющие возможные преобразования в заданном пространстве для получения какого-либо результата. Данную способность мы будем называть категоризацией опыта, а категориями, соответственно, свойства человеческого опыта, закрепленные в словесных знаках.

Подчеркнем сразу же основную природу категорий — они существуют только в языковой знаковой системе и обеспечивают языковым знакам такую природу значения, которая

способна представить любую человеческую потребность как аналитическую (грамматически структурированную) модель, состоящую из слов. Это положение является принципиальным в связи с тем, что существуют различные определения категорий и сущности категоризации. Так, например, Джордж Лакофф и Марк Джонсон — ученые, имена которых связываются с когнитивным направлением в современной лингвистике, утверждают в начале обширной монографии, посвященной критике денотативно-референциального подхода к значению под названием «Philosophy In the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought»: «Every living being categorizes. Even the amoeba categorizes the things it encounters into food and nonfood, what it moves toward or moves away from.» (Lakoff, Johnson, 1999). В этом утверждении есть целый ряд неточностей, которые, к сожалению, характерны для современного нам состояния теории значения и подробный анализ которых поможет нам уточнить сущность категоризации и определить категории исключительно как характеристики языкового человеческого сознания.

Во-первых, мы видим, что для Дж. Лакоффа и М. Джонсона любое избирательное поведение живого организма по отношению к своему окружению следует называть категоризацией (every living being categorizes). Можно было бы принять эту точку зрения, если бы ее противоречивость не проявилась бы в следующих предложениях. Авторы с легкостью характеризуют отношение амебы к своему окружению как процесс категоризации предметов, которые встречает амеба (the amoeba categorizes the things it encounters). Это серьезная неточность, поскольку допускается способность для амебы сначала встречать вполне конкретные предметы (the things it encounters), которые уже присутствуют в самом контакте амебы с окружением как воспринимаемые предметы. А затем амеба классифицирует эти предметы (the things it encounters) как пищу и не-пищу (into food and non food). Подобное рассуждение затрудняет возможность установить сущность и природу категорий. Авторы представляют процесс безусловной знаковой реакции простейшего организма на химические свойства материального окружения не как процесс наложения определенных свойств окружения, преобразованных в знак — сигнал, необходимый для выживания, на соответствующее состояние

организма (потребность в пище), а как классификацию предметов на определенные разряды (food and non-food). Как мы уже показали в предыдущей главе, для амебы не может быть знакового содержания, которое бы соответствовало модели the things it encounters — просто потому, что для амебы не может быть реальности, в которой присутствуют предметы (the things) и отдельно возможность их встретить (encounter). Более того, содержание знакового воздействия определенных элементов материальной среды на амебу, стимулирующих ее активное продвижение к потенциальной пище и ее поглощению, нельзя приравнять к слову food. Авторы понимают это и поэтому добавляют к своему рассуждению поясняющее предложение «what it moves toward or moves away from». Здесь возникает парадокс: либо на языке амебы (очень похожем на английский) значением слова food будет комплекс what it moves toward, то-есть, food is destination (something one moves toward), либо структура значения данного знака для амебы должна быть описана как-то по-другому.

Парадоксальность данного рассуждения обусловлена тем, что авторы предлагают распространять явление категоризации на все знаковые системы в живой природе. Но именно из-за этого шага и возникает серьезная неточность, которая сразу же проявляется в рассуждении ученых: они сами моделируют процесс взаимодействия амебы со своим окружением так, как будто бы амеба обладала грамматическим аналитическим словесным сознанием и могла отделять свои изменения в пространстве (encounter) от различных и значимых с точки зрения этого различия для ее природы характеристик окружения (the things), далее объединяя их в классы food и nonfood. Мы также видим, что применение слова food невозможно для характеристики восприятия амебой потенциальной пищи. Ведь содержанием знака является и химическое воздействие на мембрану, и раздражение, и вызванное им движение к той части окружения, которая может быть поглощена, а также и само поглощение и переработка. Мы видим, что содержанием знака является здесь вся безусловная реакция организма в целях удовлетворения потребности. Она не членится на отдельные элементы (движение к чему-то; что-то, что можно поглотить; желание поглотить что-то). Использование слова категоризация применительно к амебе

искажает сущность знакового процесса и препятствует более точному определению специфики языка как особой знаковой системы, характерной только для человека.

Итак, основным различием в знаковом поведении человека и амебы в ситуации, когда потребность в пище делает необходимым переход организма в стадию активности, следует считать то, что для амебы в структуре ситуации, открывающей возможность для удовлетворения необходимости в пище, не будет границ между компонентами *eat* и *food*, а для человека эти границы естественны. Вот дефиниции слова *eat* из *The Concise Oxford Dictionary*: 1. take into the mouth, chew, and swallow (food); consume food; take a meal (COD, 1990, 370). Структура данной дефиниции, с одной стороны четко указывает на связь между словесными знаками *eat* и *food* в английском языке, а с другой стороны, она проводит и границу между областью значения каждого из этих знаков в одной и той же ситуации: *eat* это динамическое свойство, изменение (*take, swallow, consume*); а *food* это набор статических свойств, вовлеченных в изменение, но отдельных от него (*food is what people and animals eat* — определение из *Collins Cobuild (CCAED, 2006, 561)* или *food — a nutritious substance, esp. solid in form, that can be taken into an animal or a plant to maintain life and growth (COD, 1990, 457)*). Отметим, что именно разделение знаковой модели удовлетворения голода на знаки-объекты (прежде всего, *food*) и знаки изменения (прежде всего, *eat*) и позволяет человеку проецировать свои потребности в прошлое и будущее — то, что невозможно для любого другого животного. На основании этого деления и возникает грамматика — то есть, гипотетический способ моделирования потребности как отношения знаков-объектов и знаков-изменений, образующих основу для любой ситуации, характеризующей специфически человеческий способ удовлетворения потребностей. Именно благодаря данной специфической форме кодирования опыта в языковых знаках человек может сказать *I will eat the rest of this food tomorrow*, а животное — нет. Мы будем называть категоризацией, таким образом, способность человеческого сознания закреплять свойства опыта в виде грамматических структур, основанных на разделении статических свойств опыта, формирующих в языке сферу объектов или сферу

пространства (представленную знаками-именами), и динамических свойств, формирующих сферу изменений, представленных знаками-глаголами. Маркированную в структуре значения слова принадлежность к сфере объектов (сфере пространства) или сфере изменений (сфере времени) мы будем называть родовой категорией слова. Специфика и количество родовых категорий в конкретном языке и дает нам представление о грамматическом строе данного языка. Родовая категория, как мы это увидели в случае со словами *eat* и *food* является каркасом целостного значения слова, определяя его место в гипотетической словесной ситуативной модели.

Помимо элементов значения в рассматриваемых нами словах *eat* и *food*, которые обеспечивают им определенную роль в словесных последовательностях, представляя одно слово как глагол (изменение, реализующее меру времени в ситуативной модели), либо как существительное (объект, формирующий элемент ситуативного пространства), мы также можем выявить в них еще один содержательный компонент. Этот компонент фиксирует в каждом из этих слов определенный аспект человеческой потребности. Так за словами *take into the mouth, chew, and swallow* в дефиниции *eat* мы распознаем характерную способность человека, которая обеспечивает ему возможность утоления голода. Также и в дефиниции *food* такие компоненты как *nutritious; maintain life and growth* сигнализируют о связанном с этим словом комплексе свойств, представляющих потребность в восполнении жизненных сил. Такие свойства опыта, закрепленные за отдельным словесным знаком и объединенные единой знаковой формой, мы будем называть интегральной категорией. Интегральная категория — это воплощение в словесном знаке каких-то аспектов природы человека.

Следовательно, целостное значение любого слова в языке мы будем рассматривать как взаимосвязь двух категорий — родовой и интегральной. Родовая категория представляет собой синтаксический аспект значения слова, определяя его место по отношению к другим словам в словесной последовательности. Анализ родовых категорий в языке даст нам представление о грамматическом строе данного языка и дает нам возможность классифицировать слова как части

речи (элементы, из которых языковое сознание формирует ситуации). Интегральная категория — это объединенное в отдельном слове комплексное человеческое переживание, представляющее какой-либо аспект потребностей, заставляющих человека взаимодействовать с себе подобными и со всем своим окружением. Анализ интегральных категорий покажет нам, каким образом изучаемый язык систематизирует человеческую природу и позволяет человеку управлять своими потребностями, одновременно обеспечивая их удовлетворение.

2.1.1 Категориальная природа слов-объектов и слов-изменений. Существительное и глагол

Значение любого словесного знака, относящегося к категориальной сфере объектов, определяется в языковой системе двумя факторами:

родовая категория такого слова представляет какой-либо аспект человеческого опыта как стабильный пространственный элемент и, одновременно, содержательность данного пространственного элемента устанавливается через его связь с определенным ограниченным количеством знаковых изменений, прежде всего, глаголов. Интегральная категория закрепляет за отдельным словом комплексное переживание, обусловленное конкретной потребностью человека.

Мы уже отмечали, что для понимания природы языковой знаковости исключительно важно учитывать деление свойств опыта в человеческом сознании на две категориальные сферы — сферу объектов и сферу изменений. Суть этого деления состоит в том, что категориальная природа любого объекта определяется системным, заданным характером его связи с определенными изменениями, и, наоборот, любое изменение является таковым постольку, поскольку оно осуществляется определенными объектами или происходит с ними. Не существует языка, состоящего только из знаков, характеризующих стабильные комплексы свойств опыта, только из существительных. Точно так же невозможно представить себе язык, в котором существовали бы только знаки, отражающие

динамический аспект человеческого опыта — изменения во времени (глаголы). Взаимообусловленность двух знаковых сфер лежит в основе как содержательной стороны любой языковой системы в целом, так и в основе значения каждого отдельного языкового знака. Данная особенность характеризует то, каким образом человек создает для себя аналитические знаковые модели той реальности, в которой он живет. В отличие от образных систем, составляющих реальность для высших животных, человек живет в мире, в котором существуют объекты, подвергающиеся постоянным изменениям. Соответственно любая категория, рассматриваемая нами отдельно, существует как содержательная связь нескольких знаков, объединяющих их в определенную модель человеческого опыта.

Отмеченная нами выше в словарных дефинициях соотнесенность слов *eat* и *food* свидетельствует о взаимообусловленности категорий в языковой системе. Словарь указывает на ситуативный характер значения обоих знаков, а вводя прямые или косвенные отсылки в структуре дефиниции глагола на соответствующее существительное и, наоборот, помещая в дефиницию существительного соответствующий глагол, словарь показывает, что содержание глагола *eat* возможно только при включении его в определенную знаковую структуру, важнейшим элементом которой будет объект, так или иначе представляющий связь с обозначаемым изменением (*food* или любое другое имя, которое можно определить с помощью этого слова = *any type of food*) и, наоборот, *food* обладает значимостью только в связи с ситуативной обусловленностью его существования глаголом *eat*. Такие связи, выявляемые при наблюдении над словарными дефинициями следует считать ассоциативной основой словесных ситуативных моделей, в целом представляющих языковую модель реальности. При рассмотрении любой дефиниции существительного мы сможем выявить присутствие в дефиниции связи с какими-либо глаголами и, наоборот, дефиниции глаголов всегда будут содержать отсылку к определенным существительным как компонентам значения. Подчеркнем, что подобные структуры дефиниций не следует трактовать как эквивалентность значения одного слова группе других слов.

Мы уже определили структуру значения слова как комплекс двух категорий: родовой, обеспечивающей синтаксическую оформленность слова, и интегральной, объединяющей в слове комплексное внутреннее переживание, порождаемое потребностью. Словарные дефиниции — это попытка представить категориальную сущность слова как знака в форме, которая отлична от той формы, которую данные категории получают в языковой системе. Это следует всегда учитывать при работе с лексикографическим материалом. Родовая категория проявляется в характере синтаксических связей слова — то есть, в типах связей в конкретных высказываниях. Словарная дефиниция не может воспроизвести все многообразие синтаксических возможностей слова (*eat* или *food*, например), поэтому в дефиницию могут включаться иллюстративные примеры, а в структуре дефиниции более или менее успешно будет представлена общая характеристика словесных ситуаций, для которых актуально использование определяемого глагола или существительного. Именно поэтому прямая или косвенная отсылка в дефинициях глагола к дефинициям существительного и наоборот является неотъемлемой чертой словарных дефиниций этих классов слов. Граница между объектом и изменением внутрисистемна. Это значит, что *eat* обладает значимостью потому, что есть объект *food*, и наоборот; что *sun* обладает значимостью потому, что есть изменение *shine*, и наоборот. Родовые категории существительного и глагола являются взаимообусловленными внутри системы и формируют базу словесного ситуативного мышления.

Интегральные категории также могут быть лишь с определенной степенью успешности описаны косвенно с помощью других слов — ведь они закрепляют за конкретным словом то, что принадлежит человеческим переживаниям, сложному комплексу ощущений, обусловленных потребностью. Так, вряд ли можно считать, что ряд глаголов *take*, *chew* and *swallow* из дефиниции *eat* воспроизводят с точностью характер ощущений, закрепленный за этим знаком. Если мы попробуем заменить *eat* в конкретных реальных высказываниях типа *we took out time and ate slowly* на *we took out time and took, chewed and swallowed slowly*, то мы почувствуем, что характер ситуации существенно изменился. Скорее всего, такой контекст

будет обусловлен ситуацией, в которой возникают трудности с процессом, который можно было бы обозначить словом *eat*. Не случайно наиболее характерным контекстом для комбинации *chewing and swallowing* будет ситуация, связанная с проблемами при приеме пищи (*chewing and swallowing problems/difficulties; trouble chewing and swallowing*). Вряд ли и замена *eat* в словах Христа из Евангелия от Матфея, когда он обращается к апостолам, говоря “*Take and eat; this is my body*”, на “*take, chew and swallow*”, может быть воспринята как естественное и близкое по значению выражение. Дело в том, что интегральная категория гораздо конкретнее и богаче по содержанию, чем любая словесная формула. По отношению к интегральной категории слово является образной единицей, закрепляющей в памяти комплекс психо-физиологических переживаний, порождаемых конкретной потребностью. Устойчивые ассоциативные связи между глаголами и существительными, которые мы будем находить в словарных дефинициях, будут обусловлены как внутрисистемной языковой природой границы между именем и глаголом, так и взаимообусловленностью комплексов ощущений, представленных различными словами, но составляющих аспекты единой потребности (*eat* и *food* как знаки, представляющие потребность в пище).

Выделенная нами взаимообусловленность объектов и изменений с точки зрения их значения может быть представлена в словарных дефинициях лишь косвенно, поскольку словесное описание значения, как мы уже показали выше всегда условно и степень его точности может существенно колебаться. При этом мы всегда можем установить данную взаимообусловленность.

Рассмотрим существительное *mountain*. The Concise Oxford предлагает следующую словарную дефиницию: «*a large natural elevation of the earth's surface rising abruptly from the surrounding level; a large or high and steep hill*». Как комплекс свойств, которые не изменяются во времени в структуре данного знака, *mountain* представляет собой знак-объект. Значение данного знака формируется целым рядом свойств человеческого опыта, которые выступают в качестве интегральной категории за счет того, что определяют соотнесенность данного знака с определенным опытом человека, обусловленным потребностью в удобном передвижении

в материальной среде. Так, свойство «крутое возвышение на земной поверхности», представленное элементами дефиниции *a natural elevation of the earth's surface, a steep hill*, существует в сознании как элемент языковой системы постольку, поскольку данное свойство предполагает определенную модель опыта, в которой человек-деятель — *man* — осуществляет определенный тип изменений, а именно перемещения по местности. Данные перемещения представлены множеством глаголов движения. Основной тип движения, осуществляемого человеком, представлен в сознании как горизонтально направленное изменение положения движущегося объекта по поверхности, которая представляется плоской. *Ground* присутствует как элемент дефиниций такого знака как *walk*, причем важнейшим составляющим элементом значения *ground* является протяженно-горизонтальное качество поверхности. Оно так или иначе представлено во многих дефинициях *ground* во всей его семантической структуре: *bottom, base, an area*, и т.д. Вряд ли вызовет сомнение и то, что горизонтальная направленность движения по земной поверхности существует как мотивирующий принцип, закреплённый в знаках *go* и *move*. *Start moving or be moving from one place to another* (элемент дефиниции *go* в *The Concise Oxford*) или *go or pass from place to place* (элемент дефиниции *move* в том же словаре) четко отражают горизонтальную направленность движения человека как важнейшую его характеристику. *Passing from place to place, going from Petersburg to Paris* представляются нам как изменения в горизонтальном, а не вертикальном направлении.

В данных знаковых моделях перемещения человека по земной поверхности знак *mountain* представляет комплекс свойств, препятствующих нормальному осуществлению горизонтально направленного перемещения. Целый ряд элементов дефиниции *mountain* позволяет нам выделить свойства, передающие переживание, которое можно было бы обозначить как «препятствие для горизонтально-направленного перемещения»: *rising abruptly from the surrounding level; a large elevation; a large and steep hill*. Достаточно посмотреть какие качества опыта характеризуют включенные в структуру дефиниции знаки *abruptly* и *steep*, чтобы убедиться в этом. *Abrupt* — *sudden or unexpected; uneven; steep, precipitous*. *Steep*

— *sloping sharply; almost perpendicular*. Таким образом, мы видим, что существование знака *mountain* в языке обусловлено его конкретной ролью в репрезентации человеческого опыта, связанного с перемещением по земной поверхности. Сознание выделило ряд свойств местности, которые препятствуют успешному движению человека. Данные свойства интегрированы в сложно-организованное значение, в первую очередь представляющие устойчивый комплекс переживаний, по отношению к которому *mountain* выступает в качестве образной единицы. (*seeing, coming to something abrupt, large, steep, etc.*). Эта единица становится существительным, благодаря родовой категории, которая в словарной дефиниции задана ее синтаксической структурой (*an elevation rising..., a hill*). При этом структура словарной дефиниции с легкостью разворачивается в ситуативную модель на основании связи *mountain — climb*, которая явно не представлена в словарной статье. Условно данную минимальную модель можно выразить последовательностью *man climbs mountains*.

Таким образом, слово *mountain* обладает значением постолюку, поскольку в сознании носителей языка присутствует модель определенного типа опыта, связанного с преодолением препятствий для перемещения человека по земной поверхности. Значение данного слова не является результатом воздействия на сознание какого-то объекта, находящегося во внешней действительности. Оно представляет собой целостный комплекс свойств человеческого взаимодействия с внешней действительностью, представленный как вневременная единица, соотносимая в сознании с определенными действиями, представленными, в частности знаком *climb*, и предпринимаемыми человеком по поводу определенной потребности — целенаправленного движения (*climb — ascend, mount, go or come up, esp. by using one's hands.*). Словарь в дефиниции *climb* пытается воспроизвести переживание, связанное с необходимостью преодоления препятствия для движения (*ascend, mount by using one's hands*). В том же словаре: *ascend — move upwards, rise — возвращение к элементам дефиниции mountain; mount — ascend or climb (a hill) — то же самое*. Здесь мы не будем останавливаться на отдельной проблеме — перекрестном определении одних и тех же слов. Главное для нас на данном этапе — удостовериться в том, что в основе

существительного *mountain* и глагола *climb* лежат интегрированные переживания, связанные с одной и той же потребностью, что делает эти слова ассоциативно близкими, а граница между их значениями обусловлена различием родовых категорий, представляющих один комплекс переживаний как объект (интегральная категория — контакт с серьезным препятствием в естественном для человека движении), а другой как глагол (интегральная категория — способность преодоления особыми усилиями серьезного препятствия в естественном для человека движении). Взаимообусловленность пары *mountain* — *climb*, таким образом, имеет такую же природу, как и взаимообусловленность пары *food* — *eat*.

Мы видим, что «объект» и «изменение» не присутствуют в словесных знаках как отдельные компоненты опыта, которые легко описать другими словами и выделить в словарной дефиниции. Принадлежность слова к сфере объектов или сфере изменений, составляющих основу для любой дальнейшей семантической дифференциации словесных знаков, обусловлена скорее организующим принципом комбинирования свойств опыта на основе представления их в сознании либо как комплексов, не подверженных изменчивости, либо как комплексов характеризующих изменчивость того, что выражено знаком из противоположной семантической сферы.

Рассмотрение словарных дефиниций показывает, что определить «объект» или «изменение» как единицы, независимые друг от друга невозможно. Данный факт свидетельствует о том, что категориальное противопоставление семантических сфер «объекты» и «изменения» не является отдельным свойством опыта, характерным для какой-то сферы человеческой деятельности и каких-то особых потребностей, а представляет собой универсальный способ кодирования опыта в словесных знаках. В этом отношении категориальное деление знаков на объекты и изменения является базовым принципом существования языковой знаковой вообще, по отношению к которому любые конкретные категориальные образования являются реализацией одного из способов представления свойств опыта — либо в виде знаков, представляющих его статический аспект (объекты), либо в виде знаков, выражающих динамизм человеческого взаимодействия со своим окружением (изменения).

Здесь необходимо рассмотреть то, каким образом деление слов на части речи отражает специфику данного базового категориального противопоставления, лежащего в основе языковой значимости. Центральными единицами в выделенных двух семантических сферах будут, соответственно, существительные и глаголы. В основе значения любого существительного лежит обязательная категориальная связь с определенным множеством глаголов. Сочетания *climb a mountain*; *go to the mountains*; *see a mountain* воспринимаются как естественные, поскольку отражают рассмотренную выше категориальную структуру слова *mountain* и позволяют нам четко идентифицировать данные сочетания как элементы словесной модели определенной области человеческого опыта. Такие же сочетания как *tune a mountain*; *drink a mountain*; *endorse a mountain* вызовут сложности в установлении их содержательности. Они нарушают рассмотренную нами категориальную структуру значения слова *mountain*, потому что глаголы *drink*, *tune*, *endorse* не содержат в своих значениях элементы переживания, относящиеся к сфере опыта «характер движения по земной поверхности».

Следует отметить, что категориальная природа словесных значений изучена недостаточно глубоко. Если бы мы обладали полным пониманием того, каким образом свойства опыта формируют целостность значения каждого языкового знака и, одновременно, определяют связь данного слова с другими словами языка, мы сами могли бы создавать искусственные языки, которые были бы столь же эффективными средствами общения как языки естественные. Однако ни в сфере искусственного интеллекта, ни в области создания искусственных языков человек пока не смог создать знаковую систему, обладающую такими же возможностями моделирования, какие присущи естественным языкам.

Основная трудность состоит в четких критериях выделения и описания категорий. Для разработки детального описания языковых категорий необходим подробнейший анализ словесных моделей, которыми человек пользуется для решения проблем своего бытия. Лингвистика пока только выходит на уровень осознания модельной и словесной природы человеческого сознания, так что четкая теория, описывающая систему категорий как компонентов словесных значений — дело будущего.

Вместе с тем, наблюдая структуры словесных дефиниций, мы можем сделать некоторые выводы. Так, в случае с рассматриваемым нами словом *mountain*, мы можем констатировать, что семантическая природа объекта, обозначаемого этим словом, определяется комплексом свойств, характеризующих определенное человеческое переживание по поводу конкретного контакта с материальной средой. Помимо выделенного нами комплекса «препятствие для горизонтального перемещения по земной поверхности», мы можем выделить компонент значения, обозначающий высокую степень, серьезность данного препятствия: *a large elevation; a large or high and steep hill*. Данный компонент значим для слова *mountain* постольку, поскольку в языке существует слово, также обозначающее переживание, обусловленное контактом с препятствием для горизонтального перемещения по земной поверхности, но при этом в нем нет признака высокой степени данного свойства. Это слово *hill*. В *The Concise Oxford* ему дается следующая дефиниция: *a naturally raised area of land, not as high as a mountain*. В структуре дефиниции *hill* отсутствуют такие элементы как *abrupt, large, steep*, при этом отмечается семантическая близость данного знака к слову *mountain*. Таким образом, дифференциация значений двух данных слов определяется значимостью для данной сферы человеческого опыта степени сложности препятствия. Данное наблюдение показывает нам, что хотя оба слова — *mountain* и *hill* — обладают целостностью значения, значение слова *mountain* можно соотнести со значением слова *hill* по степени интенсивности качества: «сложность препятствия». Данная категориальная структура выявлена нами в результате наблюдений над ролью слова *mountain* в определенной модели человеческого опыта, обобщенно обозначенной нами как схема категориальной соотнесенности *man climbs mountains* и противопоставленностью слов *hill* и *mountain*.

Проведенный анализ показывает, каким сложным процессом является выделение и описание категориальной структуры словесного значения. Однако очевидным является важнейшее качество природы языковой категориальности: категории как компоненты значения слова существуют как системные элементы внутри языка. Их структура определяется спецификой моделирования человеческого опыта

и отражает определенные функциональные свойства контактов человека со своим окружением. Так, англоговорящий субъект будет способен отличить *hill* от *mountain* не потому, что во внешней действительности вне человеческого сознания существуют эти два качественно отличных друг от друга объекта, обладающие объективно присущими им характеристиками, не зависящими от человеческих потребностей (т.е. внеязыковыми). Человек, глядя на определенные черты пейзажа распознает в них а *hill* or a *mountain* потому, что в его сознании существует два слова, закрепляющих определенный опыт контактов человека со свойствами земной поверхности как два объекта, отличные между собой степенью интенсивности свойства «препятствие», а также являющиеся элементами словесных моделей, определяющих типы действий человека по отношению к этим двум, синтезированным сознанием объектам.

В то время как глаголы и существительные можно охарактеризовать как слова, составляющие основу языкового кодирования свойств опыта, в любом языке существуют слова, относимые к другим частям речи. Здесь представляется уместным рассмотреть в самых общих чертах их категориальную структуру и место в словесных моделях, представляющих человеческий опыт как комбинации объектов и изменений.

2.1.2 Категориальная природа слов, относящихся к семантическим сферам объектов и изменений

Основным семантическим отличием всех остальных слов от существительных и глаголов является то, что их значимость определяется как отношение либо к существительному, либо к глаголу, которое состоит в указании на определенное свойство либо объекта, либо изменения. Данные свойства представляются как элементы моделируемых ситуаций, а не как компоненты целостных значений знаковых объектов и знаковых-изменений. Эта способность человеческого сознания к усложнению моделей опыта, основанных на противопоставлении объекта и изменения, является еще

одним фактором удивительного творческого потенциала человеческого сознания по сравнению с сознанием животного.

Таким образом, если основу плана содержания языковой системы составляет взаимообусловленность существительного и глагола в распределении свойств опыта по ситуативным моделям, то вокруг данной основы — семантического каркаса языка — существует целый ряд категориальных отношений, формирующих семантические сферы как объекта, так и изменения. Наиболее показательным типом словесного знака, определяющего структуру сферы существительного, будет прилагательное. Наиболее характерным словом сферы глагола будет наречие. Родовыми категориями в структуре значений данных слов будут свойства, обеспечивающие четкий характер их смысловой отнесенности к определенным множествам существительных или глаголов соответственно.

Рассмотрим словарные дефиниции нескольких прилагательных. В данных случаях мы также искусственно упрощаем структуру значения, рассматривая его как единичный, целостный категориальный комплекс. Проблема сосуществования в структуре одного словесного знака нескольких вариантов целостного значения будет рассмотрена в следующей главе.

Beautiful — delighting the aesthetic senses (a beautiful voice);

Suspicious — prone to or feeling suspicion;

Wavy — (of a line or surface) having waves or alternate contrary curves (wavy hair);

Sour — having an acid taste like lemon or vinegar, esp. because of unripeness (sour apples).

Все дефиниции имеют общую структуру. Основным элементом каждой дефиниции является причастие, функция которого состоит прежде всего в том, чтобы указать на связь каждого из этих знаков с определенными объектами. Причастие или другое прилагательное в начале каждой дефиниции маркирует особую синтаксическую функцию определяемого слова, указывая на его подчиненный характер. Мы видим, что данные дефиниции принципиально отличны от структуры рассмотренных нами выше словарных дефиниций существительных и глаголов. Причастие в начале дефиниции, собственно, и маркирует родовую категорию слова —

свойства, прежде всего, прилагательного. Прилагательные обеспечивают выделение определенных качественных характеристик объектов за пределы целостных, неделимых комплексов свойств, составляющих сами объекты. Данный аспект языковой системы вовсе не является чисто формальным элементом грамматики. Это важнейший инструмент сознания, обеспечивающий человеку способность аналитического моделирования природы объектов, что, в свою очередь, обеспечивает ему возможность изменять свойства предметов в своем окружении в соответствии со словесными моделями, в которых объекты обладают определенными свойствами, представленными в сознании как отдельные знаковые единицы.

Мы также видим, что в структуре значения каждого из рассматриваемых слов помимо родовой категории, определяющей роль слова в синтаксической последовательности, присутствуют и элементы, в которых мы можем установить попытку словаря передать специфическое человеческое переживание — то, что мы называем интегральной категорией и что мы уже наблюдали в дефинициях существительного и глагола: *an acid taste because of unripeness; waves or contrary curves; feel suspicion; delight, aesthetic senses*. Если мы отделим этот компонент от рамочной структуры дефиниции, в которой мы видим организующую роль родовой категории, мы вряд ли сможем с легкостью распознать частеречную принадлежность определяемого слова.

В основе значения любого прилагательного лежит родовая категория, обеспечивающая слову возможность обозначать свойство какого-либо объекта в структуре словесной ситуации. Условно мы можем обозначить данную категорию как следующую формулу: «способность объекта обладать определенным свойством». В словарных дефинициях она выражается причастными фразами типа *having..., feeling..., expressing..., causing..., shaped ...* и т.д. Помимо родовой категории в структуру значения каждого из рассмотренных нами слов входит интегральная категория, оформляющая в качестве свойства какое-либо психо-физиологическое переживание, связанное с человеческими потребностями

Таким образом, значение любого прилагательного состоит из родовой категории, обозначающей специфический тип

свойства объекта, значимый для человеческого опыта, и интегральной категории, конкретизирующей качественное содержание данного свойства.

Такая семантическая структура характерна для всех слов, входящих в сферу объектов. Различия в их частеречной принадлежности обусловлены принципиальными отличиями в функциональной природе родовой категории, обеспечивающей связь данных слов с существительными.

Так, если основной функциональной характеристикой любого прилагательного будет обозначение какого-либо свойства, являющегося значимой в данной ситуации характеристикой объекта с точки зрения его внутренней природы, то для артикля *the* (самого частотного слова в английском языке) основа значения заключается в определении роли объекта по отношению к предыдущему опыту говорящего.

The — denoting one or more persons or things already mentioned, under discussion, implied, or familiar.

Как видим, словарная дефиниция данного слова организована подобно словарным дефинициям рассмотренных прилагательных. Очевидна и неточность дефиниции: в такой дефиниции не очень четко выявляется основная родовая характеристика этой части речи — выражать свойство объекта. Ведь формулу *denoting one or more persons already mentioned* можно отнести и к какому-нибудь слову-объекту (*he; they; etc.*). Родовая категория в этом слове представлена как его способность каким-то образом характеризовать свойства объекта. Вместе с тем, качество обозначаемого свойства принципиально отличается от свойств обозначаемых прилагательным. В данном случае объект характеризуется не с точки зрения природы внутриприсущих ему свойств, а с точки зрения его роли в предыдущем опыте говорящего. Интегральная категория «способность объекта относиться к предыдущему опыту говорящего» конкретизирует данное отношение как присутствие объекта в предыдущем опыте. Комбинация этой же родовой категории с осознанием новизны или незначительности объекта для предыдущего опыта представляет структуру значения слова *a* — неопределенного артикля.

Точно так же организована структура значения всех остальных частей речи, входящих в сферу объекта. Их родовые категории определяют то, каким образом данные слова

характеризуют различные по функциональному типу свойства объекта, которые значимы для формирования словесных моделей опыта. Функциональные разновидности родовых категорий — значимых свойств объектов, получающих знаковое воплощение за пределом комплекса свойств в целостной структуре объекта — существительного, дает нам представление о семантической природе частей речи, оформляющих сферу объекта.

Прилагательное обозначает способность объекта обладать каким-то свойством, характеризующим его качественное своеобразие.

Артикль обозначает способность объекта определенным образом относиться к предыдущему опыту говорящего.

Местоимение обозначает способность объекта определенным образом относиться к говорящему в моделируемой ситуации.

Мы здесь не ставим задачу описать все многообразие типов родовых категорий, формирующих семантическую сферу объекта. Для понимания структуры значения всех слов данной сферы необходимо четко представлять себе, что их основной характеристикой является обозначение способности объекта обладать какой-либо характеристикой. Как компонент значения этих слов обозначение способности объекта обладать какой-либо характеристикой является категорией постольку, поскольку данная способность отражает тот или иной функциональный аспект природы объекта по отношению к моделируемому опыту человека и обеспечивает для каждой группы слов, реализующих определенную родовую категорию, вполне специфический тип связи с определенными множествами существительных. На основании функционального своеобразия родовых категорий мы способны различать прилагательные, артикли, местоимения, числительные, которые образуют парадигмы слов, обеспечивающих знаковое выражение различных по качеству свойств объектов.

Сфера изменений организована в соответствии с тем же принципом. Центром данной сферы выступает глагол, категориальная значимость которого, как мы уже видели в предыдущем параграфе, определяется различными функциональными типами соотнесенности с определенными группами

слов-объектов, существительных. Наиболее характерной родовой категорией для сферы изменений будет указание на определенный способ осуществления изменения. Словари четко фиксируют присутствие данной категории у наречий — слов, наиболее ярко представляющих специфику словесных знаков, оформляющих сферу изменений.

Well — in a satisfactory way.

Thankfully — in a thankful manner

Данная категориальная структура наречий — родовая категория «определенный способ осуществления изменения», представленная формулой *in a ... way/manner*, и интегральная категория, указывающая на определенное психофизиологическое состояние, которая представлена в данном виде дефиниций с помощью соответствующего прилагательного, — является настолько закономерной, что абсолютное большинство наречий не получают в словаре отдельных словарных дефиниций.

Помимо слов, обеспечивающих усложнение семантической структуры объектов и изменений за счет обозначения их значимых свойств в виде отдельных знаков, мы также выделяем слова, обозначающие определенные типы отношений между различными объектами и изменениями в ситуативных моделях опыта. Эти слова обозначают отношения между различными объектами, изменениями, а также между объектами и изменениями в том случае, если объект и изменение в определенной ситуативной модели не выступают в качестве категориального единства «объект, совершающий изменение или подвергающийся изменению». Данное образование представляет собой основу любой модели опыта, и как такое было нами рассмотрено выше на примере категориальной формулы *man climbs mountains*.

Рассмотрим дефиницию предлога *at* в *The Concise Oxford*:

At — expressing position, exact or approximate (wait at the corner; at the top of the hill; met at Bath).

Структура дефиниции и примеры свидетельствуют о том, что данный знак обеспечивает определенный тип направленности ряда изменений на определенные объекты. Слово *at* указывает на то, каким образом объект определенного типа (место в окружении человека) может соотноситься с определенным действием, которое не является для данного объекта

затрагивающим его изменением. Родовым категориальным значением *at*, таким образом, следует считать установление роли объекта в качестве пространственного условия для какого-либо изменения или другого объекта в словесной ситуации. Интегральной категорией данного предлога является способность объекта полностью определять пространственный параметр изменения или пространственную характеристику другого объекта (*muscles at the back of the thigh*). *At* выступает как важный элемент систематизации опыта, обозначающий специфическое свойство изменений или объектов — их связанность с определенным местом в моделируемой ситуации. Данное значение *at* обеспечивает вхождение слов, обозначающих объекты, в семантическую сферу изменения или другого объекта в качестве одной из характеристик способа осуществления действия.

Рассмотрим еще несколько дефиниций предлогов.

From — expressing separation or origin, followed by a person, place, time, etc., that is the starting-point of motion or action, or of extent in place or time (*rain comes from the clouds; repeated from mouth to mouth; dinner is served from 8; from start to finish*).

In — expressing inclusion or position within limits of space, time, circumstance, etc. (*in England; in bed; in the rain*).

Of — connecting a noun (often a verbal noun) or pronoun with a preceding noun, adjective, adverb, or verb, expressing a wide range of relations broadly describable as follows: 1. origin, cause, or authorship (*paintings of Turner; people of Rome; died of malnutrition*).

Сразу оговоримся, что в данных примерах, как и в предыдущих случаях, мы пока не рассматриваем структуру и природу вариативности значений одного слова. Мы абстрагируемся от этого важного свойства языковых знаков, которое будет рассмотрено в следующей главе, поскольку оно не является принципиальным для уяснения характера категориальной структуры отдельного слова.

Во всех примерах мы видим, что общей чертой значения рассматриваемых нами слов является их способность определять специфические функции слов, обозначающих объекты, в качестве элементов либо сферы объекта (*paintings of Turner; people of Rome*), либо сферы изменения (*died of malnutrition; is in England; comes from the clouds*). Следует отметить, что

предлог *to*, единственный в английском языке, способен обозначать специфические функции не только объектов, но и изменений, когда они становятся элементами, расширяющими и усложняющими семантический каркас моделируемой ситуации, задаваемый подлежащим и сказуемым (*need to see*).

Родовой категорией этих знаков является обозначение способности объекта или изменения выступать в качестве элемента семантического усложнения сферы объекта или сферы изменения в процессе развертывания моделируемой ситуации. При этом интегральной категорией каждого предложения будет выражение способности вступать в конкретное иерархически структурированное отношение — часть значимых для человека свойств взаимодействия с окружением: место осуществляемого действия (*met at Bath*); отправной пункт движения (*rain comes from the clouds*); место нахождения (*in England*); принадлежность (*paintings of Turner*); целенаправленность (*rose to go*).

Сходное значение обнаруживают союзы — слова, обозначающие принципы соотнесенности однотипных элементов ситуации в целостной модели. Родовой категорией союза является обозначение способности таких элементов ситуации быть соотнесенными друг с другом определенным образом (*white and brown bread*; *buy and sell*; *ready though unwilling*). Интегральной категорией будет функционально-оценочный характер соотнесенности, который обозначается союзом (равнозначность свойств, как в примере *white and brown bread*, или их противопоставленность, как в примере *ready though unwilling*).

На основании всех рассмотренных нами закономерностей существования значения у словесных знаков можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, значения у слов существуют как единство родовой и интегральной категорий, которые отражают значимые для человека свойства его опыта контактов со своим окружением в процессе удовлетворения своих потребностей. Категории существуют благодаря дифференцированной словесной знаковой системе и составляют план ее содержания. Основу категориальности составляет возможность человека представлять свой опыт как ряд моделей, описывающих

объекты и изменения, которые объекты могут совершать в себе и в других объектах. Родовые категории обеспечивают возможность существования аналитического распределения характеристик опыта между знаками в виде синтаксически взаимообусловленных единиц. Родовые категории дают возможность человеку моделировать реальность, в которой предметы и процессы могут осознаваться отдельно друг от друга за счет противопоставления временного и пространственного аспектов опыта. Интегральные категории позволяют словам выступать в качестве образов комплексов ощущений, обусловленных человеческими потребностями. Они закрепляют в знаковой системе ценные для человека свойства контактов с окружением, которые необходимо закрепить в памяти.

Слова, обозначающие стабильные комплексы свойств опыта, не зависящие от времени, и слова, обозначающие те изменения, которые могут осуществляться данными стабильными комплексами свойств, составляют основу языковой системы. Значения слов-объектов и значения слов изменений оказываются взаимоопределенными. Категории, образующие их значения, существуют как связи между определенными знаками-объектами и знаками-изменениями, позволяющие человеку создавать модели целенаправленной деятельности, систематизирующие его контакты с окружающей средой.

Любой объект как словесный знак существует постольку, поскольку он представляет собой элемент определенных моделей динамического взаимодействия человека со своим окружением по поводу решения определенных проблем (пример с определением значимости слова *mountain*). Иначе говоря, объекты в языке существуют как результат или источник изменений, а изменения как функции объектов. В этом и состоит взаимоопределенность категориальных структур данных знаков. Можно утверждать, что данная взаимоопределенность является источником формирования категорий.

Следующий важный вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что по своей категориальной структуре словесные знаки делятся на два типа. К первому типу мы относим слова-объекты и слова-изменения, образующие семантическую основу любой модели опыта. Наиболее характерными представителями данной группы являются существительные

и глаголы. Они в совокупности отражают и закрепляют в человеческом сознании наиболее значимые компоненты опыта, превращая его в аналитические модели «объект — изменение».

Ко второму типу мы относим слова, обеспечивающие семантическое усложнение аналитических моделей опыта за счет обозначения существенных свойств объектов или изменений, а также обозначения определенных условий осуществления изменений или определенных отношений, структурирующих элементы ситуативной модели. Категориальная структура значения слов второго типа, наиболее характерными представителями которых являются прилагательные, наречия, предлоги и союзы, состоит из родовой категории, указывающей на характер отношения, обозначаемого словом, к определенным объектам или изменениям, и интегральной категории, наполняющей обозначаемое отношение специфическим функционально-оценочным содержанием. Более подробно природа интегральной категории и ее связь с родовой категорией рассматривается в следующих главах.

Важно также отметить то, что значение отдельного словесного знака никак не связано с материальной действительностью непосредственно. Категории существуют на основании дифференциации слов — акустико-артикуляторных комплексов и закрепляют опыт определенного языкового коллектива. Значение отдельного слова не существует вне данной языковой системы как некоторое отношение между знаком и каким-то элементом внешней действительности. Как мы уже установили в предыдущей главе, знак может быть знаком лишь при условии, что его содержание выражает какой-то аспект потребности того организма, который пользуется данной знаковой системой.

2.2 Референциальная теория структуры значения. Семы и коннотации

Вопросы структуры значения слова, которые получили освещение в данной главе в русле функционально-семиотического подхода, имеют долгую историю. Средоточием разногласий

по поводу структуры значения слова можно считать попытку разграничить категориальный состав слова на семы и коннотации, т.е. на основные составляющие и побочные, дополнительные. При этом, в основе господствующей традиции лежит априорное утверждение о том, что категории в человеческом языке способны отражать свойства явлений действительности в их истинной сущности.

Под термином «коннотация» в разных исследовательских школах понимаются принципиально разные по статусу составляющие категориальной структуры слова. В работе *Connotation and Meaning* (Garza-Cuaron 1991) испанская исследовательница Беатриц Гарза-Куарон описывает эволюцию этого термина в области языковедческой проблематики от средних веков до середины двадцатого века.

Для вопросов, рассматриваемых в данной главе, особо важны два типа разделения категорий, входящих в структуру слова, на основные и побочные. Во-первых, с эпохи средних веков термин «коннотация» иногда относят к разделению «субстанциальных» и «грамматических» элементов значения слова (Garza-Cuaron 1991). Причем последние могут рассматриваться в качестве «прибавки», «надстройки» над основным, «субстанциальным» значением. В современной лингвистике этот взгляд в общетеоретическом плане практически не имеет сторонников. Однако такая трактовка родовых частеречных категорий нередко встречается в лексикологии и морфологии по отношению к отдельным классам слов.

Во-вторых, термин «коннотация» употребляется для разграничения «референциальных»/ «когнитивных» компонентов значения слова и «эмотивно-оценочных». Опять же, употребление термина коннотация характерно для тех работ, в которых «когнитивные» семы, т.е. признаки, считающиеся обобщением объективных свойств реальной действительности, представляются как «основа» значения слова. Эмотивно-оценочные характеристики слова при этом описываются как «дополнительные элементы». Данное положение характерно для денотативно-референциальной теории значения, которую мы обсуждали в предыдущей главе.

В современной лингвистике, как отечественной, так и зарубежной, классическая денотативно-референциальная теория

значения более не считается приемлемой методологической основой для разработки вопросов лексической семантики (см., например, Lakoff, Johnson 1999; Лапшина 1998). Однако исследовательские стереотипы, выработанные за несколько десятилетий популярности этой теории, весьма устойчивы. В частности, описания «эмотивно-оценочных» характеристик словесного значения как маргинальных элементов в структуре значения слова до сих пор широко распространены.

Мы рассмотрим поочередно обе обозначенные попытки описания категориальной иерархии в структуре слова. На наш взгляд, обе концепции игнорируют природу слова как элемента языковой системы, обеспечивающей категориальное членение опыта человека. Рассмотрение этих концепций позволит нам четче очертить ту проблематику, которая определяет поиски современной лингвистики в сфере описания структуры значения слова.

В современной лексикологии, особенно в трудах отечественных исследователей, особое внимание уделялось проблеме разграничения лексического и грамматического значений слова. Как в старых, так и в новых лингвистических словарях можно найти отдельные определения лексического и грамматического значений (см., например, Ахманова 1969, ЛЭС 1990).

Однако большинство определений оказываются чрезвычайно формальными. Так, например, Лингвистический Энциклопедический Словарь определяет грамматическое значение как «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций» (ЛЭС 1990, статья «грамматическое значение»). В соответствии с этим представлением о грамматическом значении в отечественной лингвистике такие слова как предлоги и союзы рассматривались как «служебные слова», т.е. «лексически несамостоятельные слова», противопоставляемые «знаменательным словам» как грамматические единицы лексическим единицам.

Лексическое же значение в свою очередь определяется как значение «вещественное», «эмпирическое» (Кацнельсон 2002: 94), «отражающее действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах» (Ахманова 1967, статья «знаменательный»).

Но, как справедливо указывает О. С. Ахманова в работе «Очерки по общей и русской лексикологии», многие лексические единицы также обладают в высокой степени обобщенным, отвлеченным значением (Ахманова 1957: 67-68), те же *thing, related, be, more* и т.п. В этом отношении затруднительно говорить о большей «отвлеченности» значения слов *in* или *albeit* по сравнению со словами *somewhere* или *related*.

О. С. Ахманова в свою очередь предложила максимально формализованный подход к разделению «лексического» и «грамматического» значения: «грамматическое значение — это не просто значение отношения. Это значение отношения, выраженное как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее основное или лексическое значение. ...Значение отношения, следовательно, является грамматическим, если оно выражено посредством изменения слов и их соединения... Значение отношения будет лексическим, если оно выражено отдельными словами...» (Ахманова 1957: 65-66). В качестве примера О. С. Ахманова приводит русское словосочетание «мы работали» и утверждает, что значение лица в этом словосочетании является лексическим, а не грамматическим, так как форма «работали» употребляется и с местоимениями второго и третьего лица: «вы работали», «они работали» (Ахманова 1957: 66). В случае же с формой «работаем» она, наоборот, предлагает считать значение лица «грамматическим» (Ахманова 1957: 66).

Против такого формализма протестовал С.Д. Кацнельсон в известной работе «Типология языка и речевое мышление»: «Для понимания сущности грамматики и специфической природы грамматических функций важно еще выяснить, что представляют собой категории, скрытые в значениях слов. Обнаруживаемые компонентным анализом лексических значений скрытые категории даны постоянно в сплаве с вещественными семантическими компонентами... Вопрос о грамматических «значениях» решался в традиционной грамматике применительно к способу выражения. То, что выражается грамматическим показателем, есть грамматическое значение. Такое решение вопроса приводило к тому, что выражаемые в ряде языков формативами половые или возрастные различия признавались грамматическими значениями, а выражаемые словами различия начала или завершения действия...

считались неграмматическими. Теперь же всплывает вопрос об определении грамматических содержательных функций изнутри, по типу выполняемой ими функции» (Кацнельсон 2002: 94). Особое значение эта критика имеет в сфере исследования аналитических языков, таких как английский язык, где моделирование видо-временных и падежных отношений осуществляется при помощи специальных слов, а не словоизменительных морфем.

В большинстве исследований, начиная уже с пятидесятих годов 20 века, общепризнанным стало положение о том, что значение слова нерасчленимо сочетает в себе «лексическое и грамматическое». Однако, исследователи, принимавшие базовые положения денотативной теории, признав единство «лексического и грамматического» в слове столкнулись с новыми трудностями.

Например, неясным остался статус таких лексических единиц как, скажем, предлоги и союзы, которые при традиционном разделении лексики и грамматики считались «формальными», «грамматическими» словами. Показательно, что тот же С.Д. Кацнельсон, пытаясь дать содержательную трактовку частеречных характеристик лексики, отказывается от рассмотрения ряда лексических групп: «Под лексическими значениями мы понимаем значения полнозначных слов в отличие от слов неполнозначных, «пустых», несущих грамматическую функцию... они зачастую лишены внешних признаков, которые позволили бы отличить их от полнозначных слов. Задача в этом случае заключается в том, чтобы найти содержательные критерии. Пока это не сделано, мы... будем пользоваться лишь такими примерами, полнозначность которых вполне очевидна» (Кацнельсон 2002: 130–131).

Иногда несамостоятельность служебных слов описывается как их принципиальная «неполнота», обязательность их сочетания с другими словами в речи: «у служебных слов лексическое значение реализуется при соединении с самостоятельным словом» (ЛЭС 1990, статья «лексическое значение»). Однако мы показали, что взаимообусловленность лексических значений наблюдается и у так называемых «полнозначных» слов. Ведь слово “mountain” предполагает обязательную связь со словами climb, rise, man; слово food не будет обладать значением, если уничтожить в его структуре связь

с eat; точно так же как и слово in предполагает обязательную связь со словами house, street, air, put, stay и пр.

При рассмотрении дефиниций предлогов и артиклей в данной главе мы показали, что так называемые служебные слова — отнюдь не «пустые»; более того, их структура в общих чертах соответствует базовой структуре любой другой лексической единицы: в составе этих слов точно так же можно выделить родовую и интегральную категории. Ниже будет показано, что предлоги и союзы в английском языке проявляют и ряд других характерных лексических черт, таких как полисемия, способность участвовать в антонимических парах и образовании сложных слов.

С другой стороны, очевидно, что некоторые группы слов, а иногда и целые части речи, обладают особыми характеристиками, которые связаны с различными уровнями организации словесных моделей опыта и, следовательно, речевых произведений. Так, выше говорилось о том, что артикль, в отличие от прилагательного, может определять отношение объекта не только к другому однопорядковому объекту в рамках моделируемой ситуации, но, в первую очередь, к предыдущему опыту говорящего.

Вопрос о сущности, принципах выделения и взаимодействия «грамматических» и «субстанциальных» категорий в структуре слова остается одним из самых сложных вопросов в лингвистике. Помимо так называемых «служебных» слов, много обсуждались абстрактные существительные типа «белизна», «холод», «бег».

Некоторые исследователи полагают, что эти слова по своей «логической» сути обозначают признаки (Уфимцева 2002: 92). Более нюансированную позицию в этом отношении занял С.Д. Кацнельсон. Он предположил наличие общей «категории субстанции», которая объединяет имена существительные с «предметным» значением (такие как «стол» или «кошка») и с «призначным субстанциональным» значением (такие как «бег» или «холод»).

Кацнельсон утверждает, что категория субстанции содержательна: «Онтологической предпосылкой субстанциональности являются различия степеней опосредованности признаков в их отношении к предмету. Фиксируя свое внимание на отношении признака первого порядка к признаку второго

порядка, говорящий вправе на время отвлечься от отношения признака первого порядка к предмету» (Кацнельсон 2002: 215).

Этот аргумент предполагает наличие «признаков» и «предметов» как таковых в объективной действительности. Показательно, что в ряде исследований авторы предпочитают говорить об основе частеречного деления не как о сферах объектов и изменений, а как о сферах объектов и признаков (Кацнельсон 2002; Langacker 1987). Такая исследовательская традиция связана, прежде всего, с представлением об описательно-отражательном характере языка.

Соответственно с этой предпосылкой возникает впечатление, что можно легко определить «исходное» слово-признак или слово-объект в ряду однокоренных слов. Так, слово *whiteness* за счет меньшей употребимости по сравнению со словом *white* интуитивно определяется как «вторичное». В соответствии с логицистической трактовкой мы должны были бы посчитать слово *whiteness* «по сути признаком». Однако если мы возьмем совершенно сходную в словообразовательном отношении пару *willing/ willingness* и сравним ее с такими функционально подобными парами как *angry/ anger* и *deep/ depth*, то картина станет гораздо менее ясной. Должны ли мы считать слова *anger* и *depth* «по сути признаками» наравне с *willingness* и *whiteness*?

С. Д. Кацнельсон попытался определить функцию представления «призначных» значений как существительных как внешнее синтаксическое ограничение, которое язык накладывает на независимые от него логические категории: «Подчинение логико-грамматических категорий лексико-грамматическим категориям объясняется тем, что любое лексическое значение должно обладать способностью функционировать в роли члена предложения. Для того, чтобы призначные значения могли функционировать в языке в качестве определяемых и предикандумов¹, язык приравняет их функционально к предметным значениям, подводя их под общую категорию субстанции» (Кацнельсон 2002: 215). Можно видеть, что такое объяснение функциональности представления призначных значений в виде существительных достаточно

¹ Т.е. «подлежащих» в более привычной терминологии

формально. Ведь для того, чтобы определить признаки признака *white* мы совсем не обязательно должны «приравнять его к предметному значению». В английском языке возможны такие варианты как *absolutely white*, *spotlessly white*, *closer to white*, *almost white*, *whitish*; *very willing*, *not really willing*, *so willing that* и т.п.

Более вероятным кажется предположение, в соответствии с которым слова различных частей речи, сколь бы они ни были сходны по категориальному составу, представляют принципиально различные категориальные конфигурации. Несомненно, определенном отношении такие слова как *whiteness* или *correctness* могут быть названы «вторичными» по отношению к однокоренным прилагательным. Судя по всему, такие абстрактные существительные появляются в речевом обиходе на достаточно позднем этапе языкового развития личности. Однако можно полагать, что подобные слова являются свидетельствами творческого процесса моделирования опыта, перекомбинирования категориальных комплексов, а не побочным явлением формальных синтаксических «требований» языка, который существует сам по себе, вне связи с человеческими потребностями. Ведь даже очень развитые в языковом отношении люди вряд ли будут употреблять слова типа *whiteness* или *redness* при обсуждении цвета, в который они собираются покрасить ванную. Эти слова явно относятся к речевой сфере гуманитарных наук, в первую очередь к искусствоведению и философии. Опять же, слово *willingness* вряд ли возникнет при обычном приглашении пойти в кино. Однако в психологическом исследовании или во время психоаналитического сеанса его появление вполне вероятно.

Так, говоря о состоянии гнева, люди регулярно представляют его в тех же терминах, что и агрессивное животное или горячую материю: *“I was struggling with my anger”*, *“His actions were completely governed by anger”*, *“He suppressed his anger”* (Kövecses 2000). Фраза *“I am angry”* моделирует присутствие у объекта *“I”* определенного признака, но сама по себе не предполагает никакой возможности для объекта *“I”* этот признак модифицировать. Любой разговор о контроле человека над своими эмоциональными состояниями неизменно ведет к представлению эмоций в тех же терминах, в которых определяется ряд материальных субстанций.

Соответственно любая синтаксическая единица типа “A blind man asked me to help him cross the road” или “I am very angry” сигнализирует о временной актуальности указанного признака (“blind”, “angry”). Причем этот признак представляется как «присущий» объекту, т.е. характер связи между объектом и признаком абсолютно не принципиален. Причины и следствия гнева или слепоты при этом явно не мыслятся как характеристики самого признака: “He is blind, but he can move around his house freely”, “I was angry, so I criticized them unmercifully”, “Why are you angry?”. Состояние мыслится как присущее данному конкретному субъекту: “When he is angry, he will not speak to anybody and will go to his room”.

В случае с единицами типа “He suppressed his anger” или “managing blindness” предполагается наличие объекта с рядом признаков, которыми можно манипулировать. “Blindness” или “anger” как элементы ситуаций представляют собой условия существования участников этих ситуаций. Знаки blindness и anger уже не мыслятся как признаки объекта, они мыслятся как отдельные объекты и предоставляют возможность моделировать отношения между определенными свойствами опыта субъекта и субъектом как между относительно автономными объектами, вступающими в определенный тип взаимодействия, обозначаемый знаками-изменениями.

Таким образом, можно утверждать, что денотативно-референциальная теория значения и формалистические концепции грамматического значения не дают подходящего инструментария для определения статуса и роли различного рода категорий в составе словесных знаков. На самом деле этот вопрос остается недостаточно исследованным, несмотря на то, что в последнее время появляется все больше работ функционального направления, посвященных частям речи (см. основополагающие работы Р. Лангакера, напр., Langacker 1987 и Langacker 1990). По-видимому, дальнейшие научные поиски предполагают использование функционально многообразного речевого материала и наблюдения за ролью слов в моделировании комплексных текстовых ситуаций. К этой проблеме мы еще вернемся в главе 5.

Вопрос о разделении «оценочных» и «денотативно-сигнификативных» компонентов в значении слова (ядра и коннотаций) мы уже затрагивали в предыдущей главе, говоря о денотативно-референциальной теории значения. На наш взгляд, оценочность является одной из тех категорий, которые чрезвычайно сложно выделить и невозможно системно исследовать на уровне словарных дефиниций, точно так же как и обсуждавшиеся в этой главе родовые категории «объект» и «изменение».

Отчасти в связи с этими сложностями многие авторы не только пытаются разделить эти компоненты в значении слова, но и утверждают, что «оценочность» не является обязательным компонентом структуры слова: «Подавляющее большинство слов прагматически нейтральны, и в их значениях представлен лишь когнитивный компонент содержания с определенной внутренней структурой» (Никитин 1997: 106).

М.В. Никитин, рассуждая о словах типа «мастер», «герой», «преступник» утверждал, что «Ведущим в значении слова является описание некоего класса или признака денотатов самого по себе, но ценностная природа этого класса такова, что непременно вызывает эмоции и оценки. Тем самым прагматическое значение возникает как аксиологическая производная когнитивного значения» (Никитин 1997: 107).

Таким образом, оценочные характеристики слова видятся, во-первых, как вторичные, а, во-вторых, как принципиально «отделимые» элементы в его структуре. В некоторых работах содержится сложная диалектика по поводу того, что значение слова не равно денотативному ядру/ понятию и что коннотационные компоненты также играют важную роль. Но такие оговорки при сохранении исходного положения об «опорной» функции денотативного ядра для формирования значения слова, никак не помогают исследователю развить инструменты анализа оценочных компонентов значения слова и определения их статуса. По сути, статус оценочных категорий определен заранее — они «побочны».

Однако это положение весьма спорно. То же слово «преступник» напрямую зависит от понятия законности, которое основано на представлениях морали, т.е. «хорошо-плохо» человеческого социального поведения. «Преступник»

именно предполагает «плохость» в соответствии со шкалой «законность-незаконность» как основной компонент значения. Этот компонент значения не является производным ни от какого другого компонента в структуре значения данного слова. «Преступники» не существуют вне оппозиции «законность-незаконность», а это оценочная оппозиция.

Более того, такие «нейтральные» слова как «зима» точно также имеют четкую оценочную основу в структуре значения. М. В. Никитин предлагает считать «интенсионалом» (термин, соотносимый с денотативным ядром) слова «зима» семантический комплекс «время года с декабря по февраль (в северном полушарии)» (Никитин 1997: 110). Такие же компоненты как «самое холодное время года» он относит к «сильному импликационалу».

Однако если мы возьмем английское слово *winter*, то мы должны будем модифицировать это определение, поскольку для человека, который живет в ЮАР (даже для приехавшего туда англичанина) *winter* — это время года с июня по август. При этом слово *winter* остается самим собой, ведь в разговоре с жителем ЮАР, который происходит в Англии в июле, англичанин вполне поймет комментарий: “It is winter in South Africa now”.

М. В. Никитин приводит такой аргумент в пользу своей гипотезы: «Если какая-то зима окажется теплее другого времени года, она тем не менее окажется зимой — определяющим признаком является временной интервал» (Никитин 1997: 110). Но этот аргумент можно опровергнуть. Во-первых, в том-то и дело, что зима не бывает теплее другого времени года. Если выдается необычно теплая зима, то люди говорят: «We have practically had no winter this year». При этом они не подразумевают отсутствие месяцев с декабря по февраль. Во-вторых, в реальном общении, если в октябре становится холодно и выпадает снег, то можно услышать фразу типа: «Winter has come early this year». Если выдается холодный март, то люди говорят: «Winter wouldn't go away». Замечательно и то, что колонисты, попавшие из Англии в различные области Южного полушария — будь то Новая Зеландия, Австралия или субэкваториальная Африка, — стали называть зимой именно самое холодное время года, а не период с декабря по февраль. «Самое холодное время года»

гораздо скорее оказывается «ядром значения», чем «время года с декабря по февраль».

«Самое холодное время года» подразумевает наименьшую предпочтительность этого периода времени с точки зрения комфорта людей. Мы же не пытаемся определить «зиму» как «самое прохладное время года», поскольку “прохлада” подразумевает приятные ощущения. В этом отношении могут возникнуть сомнения не только по поводу «побочности» оценочных характеристик словесных знаков, но и по поводу их «вычленимости» как «примесей» к основному значению. Оценочные характеристики большинства слов, по-видимому, являются свойством соотносительности их категориальной конфигурации с критериями желательности или нежелательности опыта. Это вполне соответствует самой функции слова – фиксировать категориальные комплексы, которые выступают в роли элементов моделей человеческих потребностей и более или менее непосредственно связаны либо с возможностью, либо с невозможностью удовлетворения соответствующей потребности.

Таким образом, можно видеть, что для исследования структурообразующих функций оценочности в слове денокативная теория значения также не является продуктивной. Попытка рассматривать слова как производные от отраженных самодостаточных денотатов ведет к значительным искажениям структуры значения слова. Наблюдения над оценочным компонентом в значении слова свидетельствуют о том, что он теснейшим образом связан с функциональной природой категорий, представляющих свойства человеческого опыта в словесных знаках. Оценочность может быть выявлена и проанализирована именно как качественная характеристика определенных свойств опыта в структуре интегральной категории, объединяющей в себе весь комплекс переживаний, обусловленных представленным в слове аспектом человеческих потребностей.

В целом можно заключить, что принципы организации словесного значения достаточно сложны. Многие из них невозможно выявить на уровне минимальных дефиниций отдельных слов, поскольку они проявляются в принципах существования словарного состава языка как композиционной системы. Практика выявления структуры словесных

значений в рамках денотативно-референциальной теории, предполагающей у слова наличие автономного значения, соответствующего параметру объективной внешней действительности, связана с неоправданным формализмом. Она как бы затемняет наиболее существенные связи, обеспечивающие целостность и функциональную природу словесного значения.

Глава 3

Полисемия. Метафора и метонимия в словесных значениях

В предыдущих главах мы выяснили, что для того, чтобы быть словом, определенная последовательность фонем должна выражать родовую и интегральную категории, чтобы функционировать в качестве минимального компонента знаковых моделей человеческого опыта. Как минимальный компонент ситуативной модели опыта слово может выступать, обозначая объект, изменение, свойства объекта или изменения, а также различные существенные для человека условия, в которых возможны изменения, совершаемые объектами и изменяющие свойства объектов (место действия, время действия и пр.). При этом родовая категория обеспечивает слову возможность занимать определенное место в синтаксически дифференцированных последовательностях, а интегральная категория вбирает в себя весь комплекс переживаний, порождаемых человеческими потребностями и локализованных в памяти благодаря определенному языковому знаку как элементу системы. Любая категория является способом моделирования функционального свойства человеческого опыта, накопленного в результате постоянных контактов с окружающей действительностью в процессе удовлетворения своих потребностей. Она существует как средство организации ряда словесных знаков в аналитические модели элементов опыта по схемам, подробно рассмотренным в предыдущей главе (объект, изменяющий другой объект; способность объекта обладать определенным свойством; объект, выступающий в качестве места или времени действия, и др.).

Наблюдая содержательную сторону словесных знаков, мы до сих пор исходили из того, что каждый знак в рассматриваемых нами примерах реализует единое значение, которое определяет место данного знака в конкретной модели опыта. В реальности языка слова, как правило, принадлежат не одной, а целому ряду моделей опыта, в каждой из которых

одно и то же слово реализуется как элемент этих функционально различных моделей. При этом слово остается самим собой, но, одновременно, в его категориальной структуре возникают определенные специфические черты, отражающие природу той сферы опыта, в моделировании которой это слово задействовано. Данное свойство слов называется полисемией.

3.1 Вариативность внутри родовой категории. Основные лексико-семантические варианты слова. Метафорическая природа словесного значения и функциональная аналогия основных ЛСВ. Антропоцентризм полисемии

Рассмотрим слово *table*. В первой главе мы проанализировали словарную дефиницию этого слова и установили, что его целостное значение определяется категориальной структурой, которая обеспечивает этому слову специфическую роль в моделировании сферы опыта, обеспечивающей человеку возможность создавать удобное жилище. Мы видели, каким образом слово *table* способно иметь целостное значение как элемент моделирования сферы опыта «жилье человека», и рассмотрели внутрисистемную знаковую роль категорий в качестве связей с другими языковыми знаками, на основе чего и формируется целостность выделенного значения.

Однако слово *table* способно функционировать не только в виде компонента ситуативной модели «жилье человека», как правило, в функции объекта, обеспечивающего место определенных действий, предпринимаемых человеком в своем жилище (*eating, writing, or working at, playing games on, etc.*).

Любой словарь содержит целый ряд дефиниций, относящихся к данному знаку. Подробный анализ их структуры поможет нам выявить закономерности, позволяющие одному и тому же слову функционировать в различных моделях опыта. Мы обратимся к статье *table* в словаре *The Concise Oxford*.

Table — 1. a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc.

2. a flat surface serving a specified purpose (*altar table, bird table*).

3. a. food provided in a household (*keeps a good table*). b. a group seated at table for dinner etc.

4. a. a set of facts or figures systematically displayed, esp. in columns (*a table of contents*). b. matter contained in this. c = *multiplication table*.

5. a flat surface for working on or for machinery to operate on.

6. a. a slab of wood or stone etc. for bearing an inscription. b. matter inscribed on this.

7 = TABLELAND

8 *Archit.* a. a flat usu. rectangular vertical surface. b. a horizontal moulding, esp. a cornice.

9. a. a flat surface of a gem. b. a cut gem with two flat faces.

10. each half of a folding board for backgammon.

11. (prec. by *the*) *Bridge* the dummy hand.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, состоит в следующем: есть ли у всех выделенных в словаре значений что-то общее?

Для начала сравним значения 1 и 2. Если отвлечься от примеров в дефиниции 2 (*altar table, bird table*), то сама дефиниция по сравнению с дефиницией 1 кажется значительно более абстрактной. A flat surface serving a specified purpose трудно с легкостью отнести к определенной модели опыта. Более того, дефиниция 1 вполне может быть включена в сферу, определенную дефиницией 2. A piece of furniture with a flat top..., providing a level surface for eating, writing... является по сути более конкретизированным вариантом дефиниции 2, таким образом что a flat surface уточняется как a flat top of a piece of furniture, a serving a specified purpose конкретизировано как providing a level surface for eating, writing и т.д.

Посмотрим, есть ли еще дефиниции, которые можно было бы охарактеризовать как конкретизированные варианты дефиниции 2. К таким дефинициям с легкостью можно отнести дефиниции 5, 6а., 8, 9, 10.

Сравним каждую из этих дефиниций с образованием a flat surface serving a specified purpose.

Дефиниция 5 — a flat surface for working on or for machinery to operate on — конкретизирует элемент a specified purpose как for working on or for machinery to operate on, образуя, тем самым, вариант конкретизированного значения 2. Его мы можем соотнести со значением 1 как два однотипных по структуре варианта, относящихся к двум различным моделям опыта. Значение 1 относит знак table к модели «жилье человека», а значение 5 к модели «производственное помещение», в которой table выступает в качестве объекта, обеспечивающего функционально удобное расположение технического оборудования.

Дефиниция 6a — a slab of wood or stone etc. for bearing an inscription — обладает точно такой же семантической структурой. A slab of wood or stone является конкретизацией элемента a flat surface (slab — a flat broad fairly thick usu. square or rectangular piece of solid material, esp. stone), a serving a specified purpose конкретизировано как for bearing an inscription. Дефиницию 6a легко можно отнести к определенной сфере опыта, точно так же как и дефиниции 1 и 5. В данном случае мы имеем дело с моделью, характеризующей способ хранения и передачи человеком письменной информации до изобретения бумаги. Интересно, что словарь Webster's New World предлагает именно эту дефиницию в качестве первой в структуре словарной статьи, подчеркивая наиболее архаичный тип данной модели опыта: 1. originally, a thin, flat tablet or slab of metal, stone, or wood, used for inscriptions.

Дефиниции 8 а и b относятся к сфере «архитектурная отделка помещений». Их структура полностью соответствует отмеченным нами закономерностям. В зависимости от того, представлена ли плоская поверхность как вертикальная или горизонтальная, слово table в данной сфере способно обозначать два различных объекта. Каждый из них представлен как конкретизация формулы «a flat surface serving a specified purpose». Это a flat usu. rectangular vertical surface и a horizontal moulding, esp. a cornice. Здесь следует отметить, что функция использования плоской поверхности выражена в этих дефинициях недостаточно четко. Понятие *Archit.*, а также слова moulding и cornice являются знаками-ключами к выявлению семантического элемента «serving a specified purpose».

Так, *moulding* — это an ornamentally shaped outline as an architectural feature, esp. in a cornice. Дефиниции в Webster's New World более четко выявляют выделенную нами структуру значения, включая словесные элементы, характеризующие функциональную специфику объекта, в обе дефиниции: in *architecture*, a) any horizontal, projecting piece, as a molding or cornice; stringcourse. b) a plain or decorated rectangular piece set into or raised on a wall; panel. В двух данных дефинициях более четко прослеживается конкретизация serving a specified purpose как использование плоской поверхности в отделке помещений для создания орнаментальных горизонтальных или вертикальных элементов внутренней отделки.

Дефиниция 9 представляет два варианта, относящихся к сфере опыта «ювелирное дело». В данной сфере значение конкретизируется как использование плоской поверхности для определенных видов отделки драгоценных камней.

Наконец, дефиниция 10 отсылает нас к сфере опыта «карточная игра трик-трак», сохраняя все ту же семантическую модель значения: «плоская поверхность как главное свойство какого-либо предмета для выполнения определенной функции в той или иной сфере опыта».

Различные словари могут по-разному и в разном количестве представлять данные варианты семантической структуры «a flat surface serving a specified purpose». Так, в Webster's New World находим в качестве отдельной статьи «in *palmistry*, part of the palm of the hand». Данная дефиниция, в сущности, реализует схему «the flat surface of the human palm used for fortune-telling» (*palmistry* — the pretended art of telling a person's character or fortune by the lines and marks of the palm of his hand). Для нас важнейшим свойством всех этих статей является то, что они практически представляют один и тот же по своим категориальным признакам объект как ряд вариантов в различных сферах опыта.

Таким образом, в структуре значения различных отмеченных словарем вариантов слова *table* мы можем восстановить стабильный каркас, который близок по своему содержанию к дефиниции 2 a flat surface serving a specified purpose. Этот словесный комплекс следует рассматривать как словесное соответствие тому, что мы в предыдущих главах определили как интегральную категорию. Если мы вспомним наше

определение интегральной категории в предыдущей главе, то мы увидим, что ее функциональная природа раскрывается именно в структуре множества вариантов значений у одного и того же словесного знака. В предыдущей главе мы лишь обратили внимание на то, что интегральная категория является сама по себе сложным образованием, включающим в себя комплекс переживаний, обусловленных каким-то аспектом человеческих потребностей. Мы видим, что для целого ряда различных ситуаций, обусловленных различными видами деятельности, актуальным является стабильный комплекс ощущений, в которых каждое из свойств материальной среды воспринимается как соответствие определенному мотивированному и целенаправленному контакту. Структура *a flat surface serving a specified purpose*, таким образом, не является полноценной дефиницией, а представляет собой попытку лексикографов оформить словесно тот комплекс ощущений (функционально-оценочный компонент опыта человека), по отношению к которому знак *table* является образом данного переживания. Этот комплекс включает в себя целый ряд свойств человеческого опыта, а именно, целенаправленный контакт, обеспечивающий возможность реагировать на воздействие среды как на свойства поверхности, определенный тип поверхности, соответствующий цели контакта, определенный тип целенаправленности, обеспечивающий максимально комфортные условия для какой-либо деятельности.

Ни в одном из рассмотренных нами значений выделенная нами интегральная категория не выступает как единственный компонент целостного значения слова *table*. В связи с этим, можно утверждать, что дефиниция 2, предлагаемая *The Concise Oxford*, является неполной и неинформативной. Мы уже убедились в том, что любое из рассмотренных нами значений *table* может быть отнесено к дефиниции 2, если отвлечься от специфики той сферы опыта, указание на которую присутствует во всех рассмотренных значениях. Дефиниция 2, впрочем, предлагает нам и два иллюстративных примера: *altar table*, *bird table*. Практически, они являются косвенным выделением еще двух сфер опыта. В них слово *table* реализует свою категориальную структуру в полном соответствии с рассмотренными нами выше примерами:

«отправление религиозного обряда» — facing the Holy Table, the Celebrant proceeds (фраза из описания порядка литургии в англиканском молитвеннике) и «садовое искусство» — we need to put up a bird-table in our garden. Интересно, что выделение сферы опыта «отправление религиозного обряда» не фиксируется словарем Webster's New World, но представлено как отдельное значение с пометой *церк.* в Новом Большом англо-русском словаре. Ни Webster's New World, ни Новый Большой англо-русский словарь не фиксируют сферу «садовое искусство» как значимую для использования знака table. При обращении к конкретному примеру мы видим, что интегральная категория table является основой значения образования bird-table, благодаря которой становится понятной и функция данного знака в приведенном контексте.

Наконец, следует рассмотреть дефиницию 7 = TABLELAND. Данная дефиниция просто отсылает к другому слову, представляя table как эквивалент знака tableland. Такая же дефиниция присутствует и в статье table в словаре Webster's New World. В данных двух словарях слово tableland определяется следующим образом: The Concise Oxford — an extensive elevated region with a level surface; a plateau; Webster's New World — a high, broad, generally level region; plateau. По сути, данная дефиниция, так же как и примеры в дефиниции 2 словаря The Concise Oxford, является неполным словесным выражением уже рассмотренной нами закономерности определения категориальной структуры значения table как конкретизации интегральной категории a flat surface serving a specified purpose в определенной сфере опыта. Дефиниция 7 указывает на значимость плоской поверхности как характеристики земной поверхности, т.е. вводит сферу опыта «передвижение по земной поверхности», функциональную сущность которой мы кратко рассмотрели в Главе 2 при рассмотрении категориальной структуры слова mountain. Плоская поверхность является удобным местом для передвижения и других видов человеческой деятельности. Именно поэтому данный объект естественно становится вариантом слова table.

Мы видим, что интегральная категория определяет наиболее значимое свойство структурируемого в сознании

объекта и одновременно задает открытое множество сфер опыта, в которых объект с данным основным свойством, обеспечивающим одно и то же функциональное отношение по поводу аналогичных потребностей, будет обозначаться данным словом. В случае с *table*, можно утверждать, что в любой ситуативной модели, в которой англоязычный человек использует качества плоской поверхности для какой-то целенаправленной деятельности, данное функциональное отношение к плоской поверхности будет синтезироваться сознанием как объект *table*, и человек будет распознавать данный объект в своем материальном окружении.

Мы также убедились в том, что *table* реализуется как ряд вариантов, в которых интегральная категория *a flat surface serving a specified purpose* оказывается конкретизированной рядом признаков, характерных для той сферы опыта, в которой данный знак используется. Те свойства опыта, которые обеспечивают объекту *table* возможность включения в определенный тип словесной ситуативной модели следует рассматривать как реализацию родовой категории слова, ведь именно эти признаки и позволяют распознать возможную синтаксическую роль слова *table* в конкретной словесной модели. Для дефиниции 1 в рассматриваемой нами статье такими признаками будут свойства *a piece of furniture with a flat top and one or more legs ; for eating, writing* и т.д. Для примеров в дефиниции 2 это не выведенные на уровень дефиниции признаки *performing a sacred rite* или *a raised platform on which food for birds is placed*. Для дефиниции 5 это элементы *for working on* or *for machinery to operate on*. Для дефиниции 6 это *a slab of wood or stone for bearing an inscription* и т.д. Таким образом, интегральная категория как основа значения слова не существует в слове сама по себе ни в одном из вариантов значения слова *table* — существительного. Все выделенные нами характеристики родовой категории позволяют стабильной и неизменной интегральной категории приобрести необходимые для однозначного слова признаки частеречной принадлежности в конкретном типе контекста.

Все рассмотренные нами варианты значения слова *table* являются, таким образом, реализацией категориальной структуры на основе стабильной интегральной категории,

которая фиксирует в знаке table определенную возможность, связанную с актуальной потребностью, и подверженной варьированию родовой категории, которая включает в себя все возможные типы контекста, для которых интегральная категория table оформляется как существительное. Они в совокупности образуют множество основных лексико-семантических вариантов слова table, которые определяют те основные сферы опыта, для которых объект table является значимым элементом ситуативных моделей. Следовательно, целостное значение слова table существует в английском языке не как отдельная единица, а как ряд равнозначных лексико-семантических вариантов родовой конкретизации интегральной категории, условно обозначенной нами как словесная формула *a flat surface serving a specified purpose*, в ряде сфер опыта. Мы называем все рассмотренные лексико-семантические варианты основными и равнозначными, поскольку они в одинаковой степени относятся к интегральной категории, составляющей семантическую основу знака table, в качестве множества ее конкретных реализаций в ситуативных моделях опыта. Целостность значения, таким образом, реализуется на уровне лексико-семантического варианта слова. Таких слов, обладающих рядом вариантов целостной категориальной структуры, в английском языке большинство. Категориальная вариативность значения слова и называется полисемией. Сущность полисемии можно определить как вариативность родовой категории, обеспечивающую возможность слову входить во все необходимые для языкового сознания контексты, при неизменности интегральной категории.

Помимо рассмотренных нами основных ЛСВ слова table, в словарной статье есть еще целый ряд дефиниций. Они будут рассмотрены нами в следующем параграфе данной главы. Это производные ЛСВ, которые представляют категориальные преобразования знака table в пределах определенных сфер опыта, обозначенных в структуре значения одного из основных ЛСВ. Перед тем как перейти к анализу производных ЛСВ, рассмотрим еще несколько примеров многозначных слов для более четкого выявления критериев определения основных ЛСВ и их категориальной структуры.

Рассмотрим слово *mountain*, категориальную структуру которого мы уже анализировали в Главе 2. Помимо дефиниции *a large natural elevation of the earth's surface rising abruptly from the surrounding level; a large or high and steep hill*, The Concise Oxford предлагает еще две дефиниции:

2. *a large heap or pile; a huge quantity (a mountain of work)*
3. *a large surplus stock of a commodity (butter mountain).*

Анализируя принципы значимости слова *mountain* в соответствии с дефиницией 1, мы пришли к выводу, что данная дефиниция представляет объект, функционально-оценочная природа которого основывается на ощущении, обусловленном контактом с серьезным препятствием для осуществления продвижения человека и необходимостью его преодоления. Если мы обратимся ко всем трем дефинициям, представленным в The Concise Oxford, то мы увидим, что категория «серьезное препятствие для осуществления какой-либо целенаправленной деятельности человека» представлено во всех трех дефинициях. Вместе с тем, примеры в дефинициях 2 и 3 указывают на другие сферы опыта, в которых слово *mountain* выступает как объект, интегральной категорией которого является свойство «серьезное препятствие для осуществления какой-либо деятельности человека, требующее больших усилий для его преодоления». Это бытовая сфера (*mountain of work, dirty dishes, etc.*) и торговля (*mountain of butter*). Следовательно, такие признаки как *natural elevation of the earth's surface; heap, pile, ... of work; surplus stock or commodity* являются вариантами родовой категории — они маркируют тип словесной ситуации, для которой актуально использование знака *mountain* как носителя интегральной категории. Отметим здесь, что родовая и интегральная категории в словарных дефинициях могут быть представлены как внутри дефиниций, так и в иллюстративных примерах. Таким образом, в основе категориальной структуры объекта *mountain* лежит интегральная категория, характеризующая серьезное препятствие для целенаправленной деятельности человека, которое требует значительных усилий для его преодоления. Данная интегральная категория в совокупности со всеми возможными вариантами родовой категории дает нам информацию о возможных сферах употребления существительного *mountain* в английском

языке, представленных в рассматриваемом нами словаре как три основных по своей природе лексико-семантических варианта значения *mountain*-существительного.

Показательно сравнение словарной статьи *mountain* в *The Concise Oxford* с одноименной статьей в *Webster's New World*:

mountain — 1. a natural raised part of the earth's surface, usually rising more or less abruptly, and larger than a hill.

2. *pl.* a chain or group of such elevations.

3. a large pile, heap, or mound.

И в данном словаре предлагается три дефиниции. Однако они имеют совсем другую структуру. В более поздней электронной версии *Webster's New World* находим дефиницию 4 a very large amount. Какая из словарных статей ближе к категориальной структуре знака? Есть ли вообще критерии, на основании которых мы можем оценить качество и точность словарной дефиниции?

Важнейшей характеристикой значимости отдельного словесного знака является, как мы в этом убедились в предыдущих главах, интегрирование в содержании знака определенных свойств человеческого опыта, отражающих характер удовлетворения человеком своих потребностей при взаимодействии с внешней средой. Таким образом, функциональный компонент, связанный с определенным отношением человека со своим окружением, является обязательным элементом структуры любого слова. Но он не может быть единственным компонентом значения отдельного слова. Для того, чтобы интегральная категория могла реализовать свой содержательный потенциал, словесный знак должен реализовать четкую структуру связи с возможным контекстом (родовую категорию). Соответственно, более успешными словарными дефинициями будут те, в которых более четко и убедительно будет представлена системная взаимообусловленность этих двух категорий в структуре целостного словесного значения. Если сравнить дефиниции *The Concise Oxford* и *Webster's New World*, то становится очевидным, что функциональная природа категорий, определяющих содержательность знака *mountain*, четче и более последовательно представлена в словарной статье *The Concise Oxford*. В трех дефинициях, предлагаемых данным словарем, легко выделяется основная

функциональная характеристика объекта и обозначаются сферы опыта, в которых сознание способно использовать данный объект для ситуативного моделирования. В Webster's New World даже в более поздней дефиниции 4 отсутствует уточнение или пример, которые бы указали на роль свойства *a very large amount* в какой либо сфере опыта. Странной представляется и дефиниция 2, которая, в сущности, является характеристикой формы множественного числа любого объекта, который мыслится как единица, обладающая четкими границами во времени и пространстве. Такой дефиниции нет, например, в статье *table* — *pl. a group of such pieces of furniture*.

Сравнение дефиниций и структур словарных статей показывает, что категориальная структура словесного знака не материализуется в словаре автоматически. Дефиниции отражают поиск наиболее эффективного способа словесного описания категорий, составляющих значение слова, с помощью других словесных знаков. Мы видели на примере анализа дефиниций *table* и *mountain*, что более удачными дефинициями являются те, которые содержат примеры употребления данных словесных знаков в определенных ситуациях. Они способствуют выявлению важнейшего свойства любого слова — его роли в формировании словесных ситуативных моделей — и наиболее четко отражают категориальную специфику словесного значения, поскольку категория это именно значимая связь, обеспечивающая соотнесенность одного слова с другими в данных моделях.

Рассмотрим природу существования основных ЛСВ значения слов, принадлежащих другим частям речи и обладающих категориальной структурой, отличной от структуры объекта. Обратимся в начале к глаголу, характеризующему категориальную пару любого объекта — изменение. Возьмем глагол *climb*, связанный категориально с одним из ЛСВ уже рассмотренного нами слова *mountain*.

The Concise Oxford:

Climb — 1. ascend, mount, go or come up, esp. by using one's hands.

2. (of a plant) grow up a wall, tree, trellis, etc. by clinging with tendrils or by twining.

3. make progress from one's own efforts, esp. in social rank, intellectual or moral strength, etc.

4. (of an aircraft, the sun, etc.) go upwards.

5. slope upwards.

Словарь предлагает пять дефиниций в данной словарной статье. Дефиниция 5 будет рассмотрена нами в следующем параграфе, так как она представляет собой производный вариант значения. Здесь мы будем говорить о первых четырех дефинициях. Они представляют собой варианты изменения, которое осуществляется неким действующим участником словесной ситуации, при этом содержание изменения состоит в преодолении определенной преграды, которое связано с дополнительным усилием ради достижения более значимого для этого участника положения. Во всех дефинициях мы можем выделить одну и ту же интегральную категорию, определяющую сущность изменения: «тяжелое преодоление препятствия, требующее дополнительных усилий ради достижения более значимого в данной ситуации положения». Данная интегральная категория словесно выражена в первых трех дефинициях. В дефиниции 1 это элемент *by using one's hands* — очевидно, что здесь в качестве объекта, совершающего изменение, предполагается человек. При движении человек помогает себе руками, когда продвижение для него затруднено. В дефиниции 2 это элементы *clinging* и *twining*. В словарных дефинициях *cling* находим слова *grasping*, *hold on*, *resist separation*, *persistently*, *stubbornly* — все эти элементы дефиниции характеризуют совершение усилия, направленное на преодоление какого-то препятствия или противодействия. *Twine* содержит словесную характеристику *strong*. В дефиниции 3 присутствие данной категории обозначено элементом *from one's own efforts*. На первый взгляд может показаться, что дефиниция 4 не содержит данной категории. Однако это не так. *Go upwards* является недостаточной с точки зрения выражения категориальной структуры данного слова дефиницией, поскольку лишь фиксирует направленность движения определенных объектов (*aircraft*, *sun*). Отметим здесь, что наиболее функционально значимым положением для таких объектов как *aircraft* или *sun* является положение, противопоставленное уровню земли (*aircraft in the air*; *the sun in the sky*). Для многих культур характерно мифологическое в своей основе представление солнца как божества, совершающего путешествие по небу. Путешествие

это является трудным, и вечером «утомленное солнце» спускается с небес. В отличие от *take off*, *climb* при описании взлета самолета также будет выделять усиленную работу двигателей для подъема машины. Следовательно, для любого объекта способного совершать изменение, обозначаемое *climb*, стержневой, интегральной категорией будет «способность к совершению тяжелых усилий для преодоления препятствий/ограничений ради достижения более значимого и целесообразного положения».

Дефиниции 1–3 указывают на три различные сферы опыта, в которых слово *climb* может выступать в качестве знака, обозначающего выделенную нами интегральную категорию. Это преодоление человеком вертикальных препятствий при перемещении по земной поверхности, изменение положения растения в процессе его роста, и успех человека в продвижении по ступеням различных иерархий (социальной, нравственной и т.д.). Данные дефиниции свидетельствуют о том, что в каждой из выделенных сфер опыта есть элемент, который структурирован в сознании как способность к преодолению препятствий с помощью усилий, направленных на достижение более значимого положения. Дефиниция 2 в своей структуре отражает одно из важнейших свойств человеческого сознания в процессе моделирования опыта — антропоморфизм. Антропоморфизм на уровне категориального структурирования опыта состоит в том, что категоризация в первую очередь отражает опыт человека. Любое изменение структурируется как функциональное отношение между потребностью человека и природой контакта с материальным окружением в процессе удовлетворения этой потребности. Установленные знаковые модели отношений «объект — изменение» применяются человеком для моделирования процессов, которые могут непосредственно не затрагивать собственно человека. Таким образом, дефиниция 2 указывает нам на существование функциональной аналогии между моделью, характеризующей преодоление человеком вертикального препятствия, и моделью, характеризующей рост растения. В данной модели объект-растение «вынуждено» совершать усилие (*cling*, *twine*), чтобы «добиться своей цели». Дефиниция 2 является вариантом, реализующим ту же интегральную категорию,

что и дефиниция 1. Дефиниция 3 переносит нас в новую сферу опыта — преодоление человеком препятствий в его социальном и личном бытии. Структура дефиниции свидетельствует о том, что социальные и духовные явления также включаются в модели, в которых изменение статуса человека моделируется как трудное движение вверх в структурированном вертикально пространстве, в котором верхнее положение является таковым в силу большей значимости и/или привлекательности. Между тремя сферами опыта существует функциональная аналогия на основании того, что содержание данных моделей структурируется сознанием как совершаемая объектом работа для продвижения вверх, при этом сами сферы опыта оказываются достаточно различными: движение человека в физическом пространстве, рост растения, социальный успех, нравственное самоусовершенствование. Показательно, что дефиниция 4 при помощи примеров как бы указывает нам, что перечень данных сфер опыта не является исчерпывающим: это также может быть и взлет самолета, и восход солнца, и, судя по всему, действие любого объекта, который может совершать изменение, представленное выделенной нами интегральной категорией.

Все выделенные нами ЛСВ значения слова *climb* реализуют интегральную категорию с помощью механизма функциональной аналогии, который обеспечивается стабильностью интегральной категории при изменчивости родовой категории как набора характеристик, обеспечивающих вхождение в определенный тип словесной ситуации. Принцип функциональной аналогии, таким образом, является основой для системы полисемии. Его мы наблюдали при анализе существительных. Этот же принцип мы видим и в структуре основных лексико-семантических вариантов глагола. Именно так возникают основные ЛСВ *climb*, относящиеся к растущему растению, взлетающему самолету или восходящему солнцу.

В основе механизма функциональной аналогии как базы для возникновения вариантов значения одного и того же слова лежит метафорическая в своей сущности природа интегральной категории. Во всех рассмотренных нами словах интегральная категория реализуется как перенос

комплексного переживания человека на языковую форму и превращение этого переживания в основу словесного значения. Этот перенос или проекцию мы назовем метафорой. Таким образом, метафорический перенос психофизиологических аспектов человеческих состояний на элемент знаковой системы является первичным источником значения в языке. Слова это, прежде всего, образы определенных переживаний (способностей или возможностей при взаимодействии с окружающей средой), которые с помощью родовых категорий занимают определенные места в синтаксических последовательностях.

Наблюдения над структурой значения *climb* особенно четко показывает нам, что функциональная аналогия основных ЛСВ слова, порожденная метафорической природой интегральной категории, которая присутствует в равной степени во всех возможных видах словесных ситуаций, заданных родовой категорией, делает любую ситуацию соразмерной человеческому переживанию (*a plant climbing up the trellis; a plane climbing into the sky, etc.*). Это явление мы назовем антропоцентризмом словесных значений. Именно системный характер полисемии, которая организована на едином стержне интегральной категории, и формирует антропоцентрическую природу языка. Антропоцентризм языка, таким образом, обусловлен тем, что любой аспект опыта представляется человеку через интегральные категории, закрепленные в словесных значениях, то есть как что-то непосредственно связанное с психофизиологической действительностью человеческой жизнедеятельности. Поскольку именно глаголы в первую очередь отражают динамический аспект человеческого опыта, антропоцентрическая природа взаимообусловленности основных ЛСВ одного слова наиболее наглядна именно в структуре значений глаголов. Так, например, *go*, интегральная категория которого обозначает размеренное во времени изменение, касающееся ряда характеристик самого объекта, обладает вариантами, в которых данное изменение характеризует деятельность механизмов (*the clock does not go*) или состояние веществ (*the milk has gone bad*).

Следует отметить, что антропоцентризм как механизм включения интегральной категории в различные сферы

опыта является частным проявлением универсального принципа антропоцентрического характера языка. Ситуативные словесные модели, хранящиеся в человеческой памяти и позволяющие ему воспринимать свое окружение как «реальную действительность», состоящую из объектов, связанных друг с другом через изменения и обладающих определенными свойствами, являются результатом трансформации потребностей в категории с помощью языковых знаков. То есть, они представляют собой перенос потребностей на знаковые отношения «объект — изменение — свойство». Данные отношения используются человеком в языковой деятельности для преобразования своего окружения в ситуации удовлетворения своих потребностей в соответствии с языковыми моделями. Таким образом, интегральные категории, обеспечивающие основу значения слов, являются средством метафорического преобразования окружающей человека среды в действительность, обслуживающую его потребности.

С данной точки зрения метафорической является и интегральная категория объекта *table*, обозначенная нами как «*a flat surface serving a specified purpose*». Она является переносом (метафоризацией) потребности в удобстве и в удовольствии, связанном с ощущением удобства, на определенные знаковые модели опыта. Природа потребности определяет основные сферы опыта, в которых данный знак обозначает использование качеств плоской поверхности как условие для достижения удобства и удовольствия. Таким образом, множество основных ЛСВ слова отражает метафорическую связь между интегральной категорией и выражаемой ей потребностью. В *table* это множество включает сферы опыта от повседневного быта (*a piece of furniture*) до архитектурной отделки внутренних помещений и ювелирного дела. Такие же по своей природе метафорические множества образуют основные ЛСВ всех рассмотренных нами слов.

Природа и системность человеческих потребностей не изучены настолько, чтобы мы могли с легкостью описать систему интегральных категорий, составляющих основу английского или любого другого языка. Наблюдения над тем, как языковые знаки отражают практику определенного коллектива в процессе совершенствования способов

удовлетворения потребностей в данной языковой культуре — дело будущего. Такие исследования дадут нам более полное представление о способах моделирования действительности в различных языках, об их общих и специфических чертах. Вместе с тем, уже сегодня лингвисты утверждают о том, что роль метафоры как способа формирования значений в языке является исключительно важной.

Одна из самых продуктивных в современной лингвистике теорий метафоры, которая связана с выявлением образных интегральных схем, определяющих функциональное подобие различных сфер опыта, была предложена американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Lakoff, Johnson 1980). Эту теорию часто называют когнитивной теорией метафоры. Ее положения содержатся также в целом ряде более поздних работ тех же авторов, а также многих их коллег и последователей (см., например, совместную монографию Lakoff, Johnson 1999).

Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули положение, в соответствии с которым частные языковые выражения, воспринимающиеся как иносказание, т.е. описание одной сферы опыта в терминах другой, являются продуктом системного соответствия между семантическими полями (conceptual domains). Комплексы таких соответствий они назвали «концептуальными метафорами» или «метафорическими концептами» (conceptual metaphor). Классическими примерами стали соотношения *Argument Is War* и *Love Is A Journey*.

Подобные соотношения лежат в основе регулярного порождения языковых выражений типа “The relationship is not going anywhere”, “The marriage is on the rocks”, “We may have to go our separate ways” (Lakoff, Johnson 1999: 64). Исследования в русле когнитивной теории метафоры показали, что говорить о большинстве сфер человеческого опыта, не используя иносказания, в принципе невозможно.

При этом когнитивная теория метафоры в том виде, в котором она сформулирована Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, предполагает, что базовая структура семантических полей *argument*, *war*, *love*, *journey* и т.д. является «буквальной» (Lakoff, Johnson 1999: 58, 70).

Они объясняют необходимость механизмов метафоризации тем, что исходная «буквальная» структура таких

семантических сфер как love или argument является недостаточной: “Concepts of subjective experience, when not structured metaphorically, are literal... “He achieved his purpose” is literal, while “he got what he wanted most” can be metaphorical” (Lakoff, Johnson 1999: 58); “Our experience of love is basic — as basic as our experience of motion or physical force or objects. But as an experience it is not highly structured on its own terms. There is some literal (i.e. nonmetaphorical) inherent structure to love in itself: a lover, a beloved, feelings of love, and a relationship, which has an onset and often an end point. But that is not very much inherent structure...” (Lakoff, Johnson 1999: 70).

Область «буквальных» значений Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с «первичным» сенсомоторным опытом. Они предполагают, что этот опыт дает человеческому сознанию некоторую исходную структуру, которая является исходной по отношению к опыту переживания человеком своей психической субъективности. Способность вычленять объекты (такие как cup, table, train и пр.), различные типы операций с ними (такие как get, grasp, go) и пространственные отношения (in, out, up, down) видится как производная сенсомоторного опыта.

Бесспорно, сенсомоторный опыт определяет принципы структурирования человеком своего мира. Однако реально сенсомоторный опыт не существует для человека отдельно от опыта психического. В этом отношении некоторые исследователи, говоря о ранних стадиях формирования человеческого сознания в младенческом возрасте или даже еще на внутриутробном этапе развития, используют термин «психофизиологический опыт» (Топоров 1995).

Опыт «любви» является основой формирования человеческой психики с момента рождения, т.е. возникновения потребности в контакте с матерью (Фрейд 1990). Сенсомоторный опыт, связанный с этой потребностью, не является исходно от нее отделимым. Поэтому говорить о бедности исходной структуры в семантической сфере “love” очень странно. Скорее наоборот, эта сфера настолько сложна и дифференцирована, что структурные составляющие более абстрактной понятийной модели вычленяются при помощи языковой системы из более конкретных моделей реализации потребности в «любви». Не менее спорным с этой точки зрения является механизм соотнесения таких сфер опыта как

“argument” и “war”. В интерпретации Лакоффа и Джонсона, “war” представляет собой некий первичный, буквальный, опыт, тогда как “argument” видится как более абстрактная и структурно более бедная сфера. Однако сфера argument является вполне бытовой и гораздо более частотной в каждодневном опыте человека, особенно на раннем этапе развития личности, чем сфера war.

В этом отношении иносказательное представление любви как «совместного путешествия» может не столько «обогащать» исходно мало структурированное семантическое поле, сколько представлять сложную ситуацию в упрощенном виде. Например, на вопрос “Why did your relationship end?”, может быть дан ответ: “Well, we just decided to go our separate ways”. Очевидно, что такое описание является упрощением гораздо более сложного процесса.

Многие исследователи, в том числе и авторы монографии “Philosophy in the Flesh”, указывают на то, что описание таких сложных субъективных процессов как “love” даже в рамках единого речевого отрезка может предполагать иносказания, действующие различные «метафорические концепты», такие как Love Is An Illness, Love Is Union, Love Is Heat и пр. (Lakoff, Johnson 1999: 71). Причем последовательного объяснения системности соотношения этих метафорических концептов и их использования в рамках одного и того же высказывания когнитивная теория метафоры в ее современном виде не предлагает.

Дальнейшее развитие когнитивной теории метафоры и направляется попытками выявить общие матричные модели метафоризации, определяющие системные связи между отдельными метафорическими концептами. Такие исследования показывают, что представление о «буквальности» сфер опыта типа “journey” или “war” нуждается в более четком определении. По крайней мере, отнесение подобных семантических полей к сфере первичного сенсомоторного опыта, независимого от высших психических функций, не является адекватным.

Так, Дж. Лакофф много занимался исследованием структуры моделей событийности и сформулировал схему, которую назвал The Location Event Structure Metaphor:

States Are Locations

Changes Are Movements
Causes Are Forces
Causation is a Forced Movement
Actions Are Self-propelled Movements
Purposes Are Destinations
Means Are Paths
Difficulties Are Impediments To Motion
Freedom of Action Is The Lack Of Impediments To Motion
External Events Are Large, Moving Objects
Long-Term, Purposeful Activities Are Journeys (Lakoff, Johnson 1999: 179)

Эта схема является попыткой описания принципов моделирования событийности в человеческом сознании. Однако языковой статус лексем, использованных в формулировке этой схемы, остается не совсем ясным. Так, соотношение “Changes Are Movements” предполагает, что некоторые лексемы в языке относятся к абстрактным, субъективным представлениям об «изменениях» (например, слово *change*), а другие описывают сенсомоторный опыт движения (например, слово *move*). Но предложение “The leaves changed colour” потенциально не более абстрактно и не менее буквально, чем предложение “He moved in his sleep”.

Исследователь-когнитивист Золтан Ковексес, также работавший в соавторстве с Дж. Лакоффом, показал, что семантическое поле эмоций, реализующее определенные структурные элементы, описанной Дж. Лакоффом схемы, обладает такими особенностями, которые накладывают принципиальные ограничения на категоризацию эмоционального опыта. Например, он пишет, имея в виду английский язык: “The submetaphor MEANS ARE PATHS cannot be naturally extended to the conceptualization of emotions. Thus, although we can say things like ‘He went from fat to thin *through* an intensive exercise program,’ it would not be easy to find the description of some emotional experience as deliberately achieved *through* some means. A possible situation where this might occur is one in which a person seeks psychiatric help...” (Kovecses 2000: 53). На этом примере можно видеть, что слова *path* и *through* в своих буквальных значениях связаны с ощущением субъективной целенаправленности опыта, т. е. включены в модель

целенаправленной деятельности. В случаях описания опыта, который воспринимается как неподвластный человеческой воле, использование этих, казалось бы, «буквальных» терминов неактуально.

Все исследователи отмечают важность для структуры значения слов переноса определенных функциональных характеристик опыта человека из одной сферы в другую. Ограниченность концепций, разрабатываемых в русле так называемой «когнитивной теории метафоры» состоит в том, что исследователи априорно исходят из того, что есть сферы опыта «буквальные», которые являются источником переноса (*war* и *journey* представляются как «буквальные», в терминах которых можно мыслить и говорить об *argument* и *love*, соответственно).

Выше мы видели, что источником переноса является функциональное подобие человеческой потребности, удовлетворяемой в каждой сфере опыта, которая не имеет непосредственного знакового выражения. Поэтому сферы *argument* и *war*, *love* и *journey* следует рассматривать как функционально подобные, что и обуславливает возможность появления одних и тех же словесных знаков в словесных моделях, их характеризующих. Функциональное подобие сфер *argument* и *war* обусловлено конфронтационной природой обоих типов опыта *I defeated his arguments — we defeated their armed resistance*, а функциональное подобие сфер *love* и *journey* сложностью целенаправленного процесса *we went through many misunderstandings before we worked out our relationship — we went through many little towns before we finally reached New York*. Именно функциональное подобие сфер опыта, соответствующее категориальным характеристикам знаков *defeat* и *go*, обуславливает их функционирование в данных ситуативных моделях. При этом очень важно понимать метафорическую природу значения каждого из слов. За словами *argument*, *war*, *love*, *journey*, *life* изначально стоят не характеристики чего-то внешнего по отношению к внутренней жизни человека (что-то буквальное, соответствующее сущности отрезка «объективной действительности»), а аспекты потребностей человека, перенесенные на различные знаки внутри единой языковой системы.

Рассмотрим теперь способы существования основных вариантов значения слов, представляющих части речи, которые

относятся к свойствам объектов или изменений или обозначают отношения между объектами и изменениями в элементах ситуаций, не затрагивающих основное категориальное отношение «объект — изменение». Возьмем прилагательное beautiful в словаре The Concise Oxford.

Beautiful — 1 delighting the aesthetic senses (a beautiful voice). 2 pleasant, enjoyable (had a beautiful time). 3 excellent (a beautiful specimen).

Мы видим, что из выделенных дефиниций лишь первая является собственно попыткой представить категориальную структуру данного слова в виде других словесных знаков. Дефиниции 2 и 3 содержат ряд других прилагательных и примеры в скобках. Легко ли на основании такой структуры словарной статьи выделить интегральную категорию и определить принципиальное различие выделяемых лексико-семантических вариантов? Очевидно, что нет. Нам гораздо сложнее выделить специфические сферы опыта, которые бы определяли роль того или другого ЛСВ слова beautiful в организации той или иной ситуативной модели, чем при анализе значения слов table, mountain или climb. Действительно, в чем, собственно, состоит отличие ЛСВ beautiful как pleasant, enjoyable от ЛСВ beautiful — excellent? Что значит употребление в словарной статье другого словесного знака как способ выражения значения слова?

В предыдущей главе мы пришли к выводу, что основу значения прилагательного как слова, обозначающего признак объекта, составляет родовая категория «способность объекта обладать определенным значимым для опыта свойством». Но это лишь указание на синтаксический аспект значения, обеспечивающий частеречную принадлежность слова. Стержнем полисемии является интегральная категория, которая представляет какой-то аспект человеческих потребностей. Как видим, словарная дефиниция прилагательного не дает нам четкого представления о сущности интегральной категории, лежащей в основе значения этого слова. На основании лишь первой дефиниции мы определили категориальную структуру слова beautiful как комбинацию «способность объекта вызывать эстетическое удовольствие».

Дефиниции 2 и 3 показывают нам, что эстетическая сфера, в сущности, является лишь одной из сфер опыта, в которой

возможно использование данного слова в ситуации, связанной с оценкой качества эстетических объектов. Наличие двух других дефиниций показывает нам, что слово *beautiful* должно обладать четкой интегральной категорией, которая бы включала в себя все ЛСВ. Формула «способность объекта вызывать удовольствие» является для этого слишком общей, так как мы выделяли ее у целого ряда прилагательных: *delightful*, *attractive*, *pleasant*, *charming*. Соответственно, мы можем предположить, что наш анализ структуры значения данного слова был неполным. В то время как «эстетическое удовольствие» является слишком узким свойством для того, чтобы позволить нам объяснить наличие семантической вариативности значения слова *beautiful*, удовольствие вообще оказывается слишком общим для того, чтобы выявить содержательную специфику именно этого слова. Мы также видим, что и сами дефиниции 2 и 3 не являются сколько-нибудь информативными.

Следует отметить, что подобная проблема характерна для многих словарных статей, пытающихся представить значение прилагательных. Очень часто одно прилагательное определяется через другое, что не дает возможности представить специфическую категориальную организацию значения определяемого слова. Достаточно привести несколько примеров:

Bouncing — 1 (esp. of a baby) big and healthy. 2 boisterous.

Boisterous — 1. (of a person) rough; noisily exuberant. 2 (of the sea, weather, etc.) stormy, rough.

Bouncy — 1. (of a ball etc.) that bounces well. 2 cheerful and lively. 3. resilient, springy (a bouncy sofa).

Во всех этих примерах мы видим, что отдельные ЛСВ одного прилагательного определяются с помощью других прилагательных. Такие дефиниции не способны описать категориальную структуру определяемого слова. Они как бы игнорируют принцип целостности значения слова, утверждая его эквивалентность другим словесным знакам. Между тем, вряд ли носитель языка будет употреблять *beautiful* и *excellent*, *boisterous* и *rough* и т.д. как абсолютно равнозначные единицы. Выбор в пользу того или другого знака всегда определяется значением данного знака, т.е. чертами, присущими именно этому слову. Мы видим, что дефиниции прилагательных в словаре часто не показывают нам реальной структуры их значения. Скорее

всего, это происходит из-за неизученности функциональной природы словесных значений, то есть их обусловленности потребностью человека систематизировать свой опыт. В этом смысле любое свойство объекта определяется человеком не в связи с отвлеченной от человеческих потребностей «объективной» природой объектов, которой в принципе в языке не существует, а в связи с природой отношений между человеком и его окружением, устанавливаемых человеком по поводу удовлетворения своих потребностей и зафиксированных в языке. В дефинициях прилагательных данный функциональный аспект языковой знаковости представлен сегодня значительно слабее, чем в дефинициях существительных или глаголов. Значит ли это, что описание и анализ категориальной природы прилагательного невозможен? Безусловно, нет.

Попытаемся выяснить содержательность интегральной категории прилагательного beautiful и принципы обоснования выделения его ЛСВ. Для этого сравним словарную статью beautiful в The Concise Oxford со словарной статьей, описывающей то же слово в Webster's New World. Она предельно проста: having beauty. Данная дефиниция также не вскрывает категориальной структуры данного слова, отсылая нас к существительному beauty. Дефиниции слова beauty в обоих словарях похожи и подчеркивают значимость удовольствия как компонента, объединяющего ряд свойств опыта в объект beauty:

The Concise Oxford —

Beauty — 1 **a** a combination of qualities such as shape, colour, etc., that pleases the aesthetic senses, esp. the sight. **b** a combination of qualities that pleases the intellect or moral sense (*the beauty of the argument*). 2 *colloq.* **a** an excellent specimen (*what a beauty!*). **b** an attractive feature; an advantage (*the beauty of it!*). 3 a beautiful woman.

Webster's New World —

Beauty — 1 the quality attributed to whatever pleases or satisfies in certain ways, as by line, color, form, texture, proportion, rhythmic motion, tone, etc., or by behavior, attitude, etc. 2 a thing having this quality. 3 good looks. 4 a very good-looking woman. 5 any very attractive feature.

Главная проблема в структуре данных дефиниций заключается в том, что они не пытаются определить функциональный элемент значения данного слова, который бы указывал

на его роль в человеческом опыте. В словарной статье *The Concise Oxford*, например, не ясно, почему *the sight*, зрение, следует считать одним из *aesthetic senses*. Каким образом и почему такие качества элементов внешней среды как *shape* и *colour* способны приносить удовольствие именно «*aesthetic senses*». Дефиниция как бы утверждает, что *beauty* существует как некая комбинация свойств чего-то, находящегося вне человека и способного определенным образом воздействовать на его «эстетическое восприятие», в особенности зрение. Такая дефиниция в принципе не способна указать нам на интегральную категорию, связывающую знак с потребностью.

Эта же проблема характерна и для словарной статьи в *Webster's New World*. Элемент дефиниции *whatever pleases or satisfies in certain ways, as by line, color, form ...* и т.д. также не связывает знак с какой-либо потребностью, формулируя источник значения как нечто, находящееся вне человека (*line, color, form...*) и почему-то способное вызвать у него удовольствие или удовлетворение.

Структуры данных дефиниций свидетельствуют о необходимости более активного включения данных психологии и антропологии в теорию словесного значения. Способность сознания создавать особый знак-объект *beauty* очевидно связана со значимостью для определенных сфер человеческого опыта оценки функционального соответствия какого-либо объекта той потребности, которая на него проецируется. *Beauty* выступает как знак, представляющий максимальное соответствие объекта проецируемой на него потребности, причем данное соответствие само по себе структурировано как объект. Поэтому важнейшим элементом значения *beauty* является его соотносительность с каким-либо другим объектом. Словари в примерах отмечают эту закономерность, представляя сочетания со структурой *the beauty of ...*. Существование *beauty* как объекта в моделях опыта связано с оценочной деятельностью человеческого сознания. Наиболее значимые сферы опыта, для которых оценка соответствия какого-либо объекта проецируемой на него потребностью является одной из центральных составляющих процесса удовлетворения потребности, это сфера искусства (*the beauty of a picture, song, etc.*) и сфера человеческих отношений, которую антропологи

и социологи называют «романтическая любовь» (the beauty of a woman). В данных сферах опыта установление соответствия объекта эстетическим или «романтическим» критериям модели-идеала, существующего в сознании человека, и составляет содержание удовлетворения самой потребности. Вероятно, интегральная категория, обеспечивающая данную вариативность слова beauty, может быть определена как «максимальное соответствие какого-либо объекта определенному идеалу».

Установление интегральной категории существительного beauty как функциональной характеристики человеческого опыта позволяет нам выявить и категориальную структуру прилагательного beautiful. Как прилагательное, данное слово структурирует то же качество, что и существительное beauty, но как свойство какого-либо объекта, а не как самостоятельный объект. Таким образом, основой его значения будет та же интегральная категория, что и у слова beauty и родовая категория, трансформирующая данное свойство опыта в признак какого-либо объекта в словесной модели (способность объекта реализовать отмеченное свойство). Полисемия прилагательного beautiful обеспечивается возможностью данного слова выступать в ряде различных сфер опыта. Это может быть a beautiful tune (эстетическая сфера), a beautiful woman («романтическая любовь»), a beautiful car (созданные человеком вещи) и др. Такой подход к определению категориальной структуры прилагательного представляется более последовательным, чем просто определение одного прилагательного через другое (beautiful — excellent). Очевидно, что сочетания beautiful woman и excellent woman употребляются по-разному и выражают различные свойства опыта.

Учет природы человеческих потребностей при систематизации данных о категориальной структуре слов, обозначающих свойства объектов, позволил бы более четко представить единую семантическую природу ЛСВ прилагательных, обладающих широкой полисемией. Так, например, полисемия слова sweet, представленная в словаре The Concise Oxford как девять ЛСВ, а в словаре Webster's New World как семь ЛСВ, могла бы быть более последовательной, если бы в основу дефиниций был бы положен не принцип выделения

самых разнообразных «внешних» по отношению к человеческим потребностям свойств типа *having the pleasant taste characteristic of sugar* или *smelling pleasant like roses or perfume etc.*; *fragrant*, а свойство какого-либо объекта вызывать у человека благожелательную реакцию при контакте с данным объектом за счет каких-либо своих качеств (сладкий вкус для съедобных веществ, определенный тип запаха — но также определенные черты характера человека или качества какого-либо явления). Значимость для человеческого опыта разграничения объектов, вызывающих отторжение и приятное отношение, является ключом к пониманию сути семантической вариативности слова *sweet*, способного выступать в различных сферах опыта при выделении свойства объекта вызывать положительную благожелательную реакцию у человека (от *tasting sweet* до *sweet nature*). Вне учета единой психологической основы для формирования значения данного знака во всех его вариантах, очень трудно понять, почему одно и то же слово способно характеризовать вкус сахара и запах розы. Вне функциональной аналогии реакций человека на данные стимулы, вкус и запах сами по себе «объективно» не имеют ничего общего.

Обратимся теперь к словам, которые часто называют «служебными». В предыдущей главе мы видели, что они обеспечивают обозначение различных связей между объектами и изменениями в тех элементах ситуативных моделей, которые не затрагивают основное отношение «объект — изменение», представляющее каркас любой словесной модели опыта.

В качестве примера полисемии слов данного типа рассмотрим структуру предлога *to*. The Concise Oxford предлагает следующие дефиниции:

to — 1 introducing a noun: **a** expressing what is reached, approached, or touched (*fell to the ground; went to Paris; put her face to the window; five minutes to six*). **b** expressing what is aimed at: often introducing the indirect object of a verb (*throw it to me; explained the problem to them*). **c** as far as; up to (*went on to the end; have to stay from Tuesday to Friday*). **d** to the extent of (*were all drunk to a man; was starved to death*). **e** expressing what is followed (*according to instructions; made to order*). — далее перечень вариантов дефиниции 1 продолжается до буквы **l**.

После этого следует дефиниция 2 — *introducing the infinitive: a* as a verbal noun (to get there is the priority). *b* expressing purpose, consequence, or cause (we eat to live; left him to starve; am sorry to hear that). *c* as a substitute for *to* + infinitive (wanted to come but was unable to).

В данной словарной статье обращает на себя внимание чисто формальный характер дефиниций 1 и 2 (*introducing a noun; introducing the infinitive*). В некотором смысле такая дефиниция является нарушением принципа целостности значения словесного знака. Дефиниция как бы сообщает нам, что основная функция определяемого слова чисто формальная — предшествование существительному или глаголу. Далее, впрочем, следует целый список вариантов, которые наполняют данную формальную функцию содержательностью.

Почему такой подход к определению семантической природы предлога представляется не совсем точным? Прежде всего, достаточно просмотреть все примеры, приводимые в каждом из многочисленных вариантов как дефиниции 1, так и 2, чтобы убедиться в том, что во всех из них слово *to* обладает сходным значением, так что разделение примеров по вариантам вызывает сомнение. Так, пример *went to Paris* вполне можно рассматривать и как вариант *a* — *expressing what is reached, approached, or touched*, но и как вариант *b* — *expressing what is aimed at* (ср. *took the children to Paris*), *c* — *as far as* (*went to Paris and then decided to return*). Пример *was starved to death* из варианта *d* дефиниции 1 (*to the extent of*) с легкостью может войти и в вариант *g* (*expressing what is caused or produced* — *turn to stone; tear to shreds*), и наоборот, данные примеры вполне могут пополнить ряд варианта *d*. Такие «свободные» перемещения можно совершать с абсолютным большинством примеров как внутри дефиниции 1, так и внутри дефиниции 2. В дефиниции 2 само выделение вариантов *a* и *b* представляется нелогичным: *a* — *as a verbal noun*; *b* — *expressing purpose, consequence, or cause*. В результате пример из варианта *a* легко встраивается и в вариант *b*: *in to get there is the priority* предлог выполняет ту же функцию, что и в примерах типа *we eat to live* — ср. *to live is why we eat*.

Более того, сравнение примеров из дефиниций 1 и 2 свидетельствует о том, что слово *to* обладает общими семантическими чертами во всех вариантах. Сравним *was starved to*

death и left him to starve; throw it to me и to get there is the priority. Важнейшим общим элементом значения to во всех приводимых примерах является выражение целенаправленного характера обозначаемого отношения. При этом характер целенаправленности зависит от типа отношения: letter to a friend (объект — объект), letter to send (объект — изменение), send to him (изменение — объект), need to send (изменение — изменение), equal to the occasion (свойство — объект) и др. В отношении «объект — объект» to конкретизирует целенаправленную природу отношения как функцию объекта в определенной ситуации. Объект, который включается предлогом to в отношение целенаправленности к другому объекту, становится средством конкретизации функциональной природы объекта, с которым он связан в определенной ситуативной модели. Letter to a friend; that is nothing to me; consolation to the child и т.д. Конкретизация осуществляется как выражение особого отношения между двумя объектами, при котором второй объект определяет назначение первого объекта в ситуативной модели. В случае «объект — изменение» изменение, обозначаемое глаголом, выражает долженствование по отношению к объекту: это то, что должно быть сделано — books to read; letter to send; things to go. Отношение «изменение — объект» конкретизирует значение to как направленность действия на объект — went to Paris, talk to him, led to a sharp decrease. «Изменение — изменение» определяет значение to как выражение цели того действия или состояния, которое обозначено глаголом, предшествующим предлогу: plans to revive; need to go; have to see; am to write; has come to rely on something. Этот список можно продолжить.

Основной вывод, который можно сделать по поводу структуры значения слов, обеспечивающих обозначение определенных отношений между элементами внутри ситуативных моделей, состоит в том, что и они основывают свое значение на интегральной категории, которая определяет характер соотносительности элементов ситуации с точки зрения их обусловленности функциональной природой человеческого опыта. Для предлога to такой интегральной категорией служит целенаправленность как важнейшая составляющая человеческого опыта в систематизации отношений человека

со своим окружением. Родовая категория предлога обеспечивает этому слову все различные виды отношений, в которых целенаправленность может проявляться. В рассмотренных примерах это типы целесообразного взаимодействия «изменение — объект», «объект — объект» и т.д. Совокупность интегральной и родовой категорий представляет все множество ЛСВ предлога *to*.

Следует отметить, что категориальная природа предлогов и союзов также не имеет последовательного и подробного описания. Углубление сведений о семантической природе данных знаков может вскрыть принципы формирования системных связей в словесных моделях опыта.

3.2 Производные значения. Метонимия как способ их существования

Рассматривая вариативность слова *table* в предыдущем параграфе, мы пришли к выводу, что дефиниции 1, 2, 5, 6а, 7, 8, 9 и 10 представляют собой основные ЛСВ данного слова. Иначе говоря, мы увидели, что это варианты одной и той же категориальной схемы (одного и того же объекта), дифференцированной по ряду признаков в зависимости от той сферы опыта, в которой данное слово реализует свою интегральную категорию. Все основные ЛСВ слова находятся в отношении функциональной аналогии и являются результатом процесса метафоризации человеческой потребности, которая получает выражение в переносе характеристик потребности на определенный элемент ситуативной модели. Рассмотрим дефиниции 3, 4, 6b и 11, которые демонстрируют закономерности, ранее нами не рассмотренные.

Дефиниция 3 в *The Concise Oxford* представлена как два варианта:

3 **a** food provided in a household (*keeps a good table*). **b** a group seated at table for dinner etc.

Мы видим, что ни одна из данных дефиниций не соответствует категориальной схеме, выделенной нами при рассмотрении основных вариантов значения *table*. 3 а и b не

являются конкретизацией категориальной модели объекта «a flat surface serving a specified purpose». Вместе с тем, в данных дефинициях легко просматривается их соотнесенность со сферой опыта, обозначенной в дефиниции 1: a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc. Оба варианта дефиниции 3 обозначают элементы ситуативной модели «человеческое жилье», наиболее категориально близкие к объекту table — предмету мебели. Как предмет мебели table в своей категориальной структуре предполагает соотнесенность с человеком, выступая в качестве условия оптимального осуществления определенных функций (eating, writing, or working at, playing games on, etc.), а также с объектами, составляющими содержание данных функций (eating — food). Дефиниции 3 показывают нам, что слово table в данной ситуации опыта может обозначать не только объект, смоделированный на основе выделенной нами интегральной категории, но и другие функционально смежные с ним объекты в ситуативных моделях, относящихся к данной сфере опыта. Такими объектами являются food и people. Перенос на данные объекты слова table предполагает выявление в их структуре обязательной связи с ЛСВ table — a piece of furniture. Такой перенос значения по смежности называется метонимией. Образованные с помощью метонимии ЛСВ являются производными по отношению к table — a piece of furniture. Это значит, что они представляют собой значения, содержательность которых категориально обусловлена данным основным вариантом значения. Природа и характер метонимического переноса являются функционально обусловленными. Мы видим, что люди и еда способны обозначаться знаком table в ситуациях, связанных с функциями table как предмета мебели: еда может обозначаться table, когда подразумеваются все блюда, которые могут быть предложены; люди обозначаются словом table, когда важно подчеркнуть коллективный характер их деятельности, связанной с использованием стола как предмета мебели.

Такой же метонимический перенос значения проявляется и в дефиниции 11: (pres. by *the*) *Bridge the dummy hand*. Здесь очевидна связь с дефиницией 1 — table as a piece of furniture for playing games on. The table в игре в бридж обозначает

раскрытие карт игроком (*the dummy hand*). И в данном случае мы имеем дело с функционально обусловленным переносом знака с одного элемента определенной словесной модели опыта на другой: со стола, за которым идет игра на игрока, совершающего определенное действие, или на определенный ход в игре.

Метонимические производные варианты значения *table* также связаны с дефиницией 6a: *a slab of wood or stone etc. for bearing an inscription*. Это дефиниции 6b и 4.

6b: *matter inscribed on this (a slab of wood or stone etc.)*

4: **a** *a set of facts or figures systematically displayed, esp. in columns (a table of contents)*. **b** *matter contained in this*. **c** = *multiplication table*.

В данных дефинициях осуществляется перенос знака *table* с обозначения плоской поверхности для передачи информации с помощью изображения на ней знаков на обозначение самой информации. Появление дефиниции 4a обусловлено функциональной аналогией знаков на поверхности бумаги с изображением знаков на табличках. Очевидна метонимическая природа данных производных ЛСВ, обусловленных основным ЛСВ 6a.

Выявленная закономерность категориальной природы производных ЛСВ является универсальной и характерна для многих существительных, обладающих полисемией. Так, слово *beauty* способно обозначать не только качество объекта в определенных сферах опыта (*the beauty of a song, etc.*), как мы это видели в предыдущем параграфе. Оно может быть перенесено и на сам объект в том случае, если его наиболее значимой характеристикой является именно соответствие определенному идеалу: *she is a real beauty* может обозначать не только женщину, но и целый ряд объектов от ядерной ракеты до скаковой лошади в ситуациях оценки их соответствия определенному идеалу. Производная природа данных ЛСВ слова *beauty* состоит в метонимическом характере образования значений такого рода: сам объект моделируется как его основное качество на основании их категориальной близости (смежности).

Еще один пример производного ЛСВ, убедительно демонстрирующего метонимическую природу данных вариантов значения — это слово *hand*, обозначающее людей,

основная функциональная характеристика которых моделируется как способность выполнять ручную работу: *all hands aboard!* Словарная дефиниция данного ЛСВ следующая: *a person as a source of manual labour esp. in a factory, on a farm, on board ship*. Данная дефиниция в *The Concise Oxford* хорошо выявляет метонимическую связь между *hand* как знаком, который обозначает способность человека воздействовать на свое окружение и изменять его, в частности, с помощью руки, и данным вариантом. Данная связь актуальна для сфер опыта, в которых человек важен, прежде, как единица, осуществляющая функции, закрепленные в категориальной структуре одного из основных вариантов значения *hand* (*a skill, esp. in something practical*).

И в данном случае производное значение является результатом метонимического переноса одного объекта на другой в определенных ситуативных моделях. Оно четко связано с определенным основным значением и представляет собой категориальное моделирование одного объекта (*a person*) по функциональной смежности с другим — в данном случае *a skill in something performed by hand*.

Производные значения также выявляются и среди глаголов — знаков, обозначающих изменения как динамический аспект опыта. Рассматривая полисемию слова *climb*, мы выделили дефиницию *5 slope upwards* как производную, отличную по своей категориальной структуре от основных ЛСВ данного слова. Мы выявили основную категориальную схему изменения, обозначаемого словом *climb*, как трудное движение к более значимому положению. Дефиниция *5* не соответствует данной категориальной схеме. *The path was climbing up the steep slope* не обозначает трудное продвижение вверх по тропинке. Здесь мы имеем дело с переносом категориальных характеристик изменения на смежный элемент в моделях опыта, характеризующих передвижение в физическом пространстве, а именно на место, в котором осуществляется передвижение. При таком переносе *climb* обозначает не само изменение, а условия для данного изменения, определяемые свойствами объекта, обозначающего место движения. Такое употребление *climb* возможно при моделировании оценки человеком условий для движения и является метонимическим переносом интегральной категории глагола с объекта,

осуществляющего движение, на объект, обозначающий место движения. При этом сама природа интегральной категории остается неизменной, выступая в качестве условия, обеспечивающего саму возможность подобного использования слова для обозначения какого-то элемента ситуации, функционально смежного с одним из основных ЛСВ.

Итак, все рассмотренные нами производные ЛСВ обладают метонимической природой и указывают на возможность словесных знаков, обозначающих объекты и изменения, «передвигаться» внутри ситуативных моделей опыта на основе функциональной смежности определенных, особо значимых для конкретных моделей элементов опыта.

Следует отметить, что знаки низшего уровня категориальной иерархии, обозначающие свойства объектов и изменений, а также отношения между элементами моделей опыта (прилагательные, наречия, предлоги, местоимения и др.) не образуют метонимических производных значений. Это связано со спецификой их категориальной структуры. Они не способны к переносу выражаемых ими категорий на базе функциональной смежности. Дело в том, что эти категории четко фиксируют подчиненный статус данных словесных знаков в ситуативных моделях, определяя их функции не как структурирование основных элементов ситуаций опыта, а как обозначение определенных свойств или отношений между элементами, структурируемыми с помощью знаков объектов и изменений, в первую очередь, существительных и глаголов. Семантическая функция данных слов не предполагает возможности изменения их роли в словесных моделях, подобно тому, как это осуществляют существительные и глаголы на основании функциональной смежности, задаваемой природой формирующих их категорий (table: стол — люди — еда).

3.3 Денотативная теория и полисемия.

В денотативно-референциальной традиции явление полисемии слова получает иную трактовку. В соответствии с представлением об отражательной природе соотношения *понятие-слово-предмет*, эта исследовательская традиция предполагает

наличие у слова одного прямого значения, центром которого является денотат — т.е. отраженный в сознании объект, существующий во внешней действительности как таковой. Все остальные значения слова рассматриваются как производные от этого основного варианта.

Например, в «Лексикологии современного английского языка», рассматривая явление полисемии, И. В. Арнольд приводит в качестве примера глагол *run*. Следует сразу указать на то, что глагол *run* обладает развитой полисемией — в словаре *Concise Oxford* приводится 13 значений для непереходного глагола, 5 для переходного и отдельно перечисляются значения *run* в сочетании с наречиями типа *across* и *over*. Словарь *Webster's New World* перечисляет 32 значения для непереходного глагола, 26 для переходного и, опять же, отдельно перечисляет значения в сочетании с наречиями. Выше, однако, уже говорилось, что принципы выделения ЛСВ могут быть спорными.

И. В. Арнольд строит свои рассуждения на примере четырех ЛСВ. Первый ЛСВ, приводимый как в словаре *Concise Oxford* так и в словаре *Webster's New World*, под номером 1, она называет «основным» и определяет его как “to go by moving the legs quickly” (Арнольд 1986: 51). В соответствии с логикой денотативно-референциального подхода к значению, она трактует употребление глагола *run* в таких сочетаниях как “The bus runs between Taunton and London” (ЛСВ 10 в *WNW* — “to go, as on a schedule; ply between two points [a bus that *runs* between Chicago and Detroit]”), “It makes the blood run cold” (ЛСВ 14 в *WNW* — “to move continuously or incessantly: often used figuratively [his tongue *ran* on and on]”) и “The car runs on petrol” (ЛСВ 16 в *WNW* — to function or operate with or as with parts that revolve, slide, etc. [a machine that is *running*]) как производные от исходного ЛСВ 1.

Значения *run* в сочетаниях типа “a bus that runs between Chicago and Detroit” она предлагает называть «расширенными» (extended), а в сочетаниях типа “It makes the blood run cold” — «иносказательными» (figurative). Однако и те, и другие явно описываются как производные. И. В. Арнольд утверждает, что в обоих выше указанных значениях семы *on foot* и *quickly* оказываются «подавленными». Таким образом, ЛСВ *run* без этих семантических признаков представляются результатом

«подавления» каких-то признаков исходного варианта, т.е. по сути вторичными образованиями. Характер производности значения *run* в сочетаниях “The car runs on petrol” и “On the other side of the stream the bank ran up steeply” автор учебника не комментирует.

Механизмами образования новых ЛСВ одного слова в денотативно-референциальной традиции также считаются метафора и метонимия. Однако метафора трактуется не как источник значения в принципе, а как перенос наименования одного объекта на другой на основании сходства (Арнольд 1986: 65). Под метонимией же понимается перенос наименования с одного объекта на другой по принципу смежности.

Следуя логике денотативно-референциальной традиции, мы должны были бы рассматривать перечисленные здесь ЛСВ 10, 14, и 16 слова *run* как производные по принципу сходства от ЛСВ 1. Точно так же мы должны были бы трактовать и такие ЛСВ слова *run* как 4 to go, move, grow, etc. easily and freely, without hindrance or restraint; 7 a) to take part in a contest or race *b) to be a candidate in an election; 11 to go or pass lightly and rapidly [his eyes *ran* over the page]; 12 to be current, circulate [a rumor *running* through the town]; 17 to recur or return to the mind; 18 to flow [a *running* stream]; 19 to melt and flow [the wax *ran*]; 25 a) to continue in effect or force [a law *running* for twenty years] b) to continue to occur; recur [talent *runs* in the family]; 31 to be or continue at a specified size, price, amount, etc. [apples *running* four to the pound].

Мы перечислили только некоторые из ЛСВ, приводимых словарем Webster's New World для непереходного варианта глагола *run*. Даже приведенных примеров достаточно для того, чтобы убедиться в сложности систематизации ЛСВ при попытке рассматривать их как результат сравнения всех обозначаемых им изменений с ЛСВ 1. Составляющие, которые в соответствии с теорией денотативного ядра должны быть «основными» для ЛСВ 1, встречаются в сравнительно небольшом количестве других вариантов: 5 to go away rapidly; flee; 8 to finish a contest or race in the specified position [to *run* last] — WNW; 2 (Cricket). (start to) traverse the length of pitch to score run; 4 go or travel hurriedly, precipitately, briefly, etc. — Concise Oxford.

Если мы действительно будем считать ЛСВ 1 за «исходный» вариант, а все остальные ЛСВ как производные, в первую очередь переносы «по сходству», то механизмы этих переносов будут представлять для нас трудноразрешимую исследовательскую загадку. Почему в сочетании “a rumour running through town”, rumour сравнивается именно с бегущим человеком, а не с текущей водой? И почему вообще встречаются сочетания типа “a running stream”, если есть слово flow? Тем более загадочными представляются сочетания типа “apples running four to the pound”. И. В. Арнольд дает следующее обобщение своему анализу полисемии глагола run: “though there is no single semantic component common to all the lexico-semantic variants of the verb run, every variant has something in common with at least one of the others” (Арнольд 1986: 51). Это утверждение, по сути, противоречит основному методологическому положению референциально-денотативной теории, в соответствии с которой у полисемантического слова есть один основной вариант. Более того, представление метафорического механизма, лежащего в основании полисемии слова, как элементарного умозрительного сравнения между объектами ради выявления сходства, не позволяет нам объяснить единство категориальной структуры слова, которая позволяет ему оставаться самим собой во всех своих вариантах.

По всей вероятности большинство ЛСВ глагола run связаны интегральной схемой “an ability to be engaged in a forceful, cyclical, high speed, directional process”. Данная схема определяет сущность изменения как ощущение четкой направленности к цели, интенсивности происходящего и, одновременно, возможности восприятия стадийности происходящего. Это может быть как регулярная вычленимость элементов изменения (перемена опорной ноги); равномерность изменения в отношении к дискретным временным отрезкам (“running stream”, “a law running for twenty years”, “talent runs in the family” “a fence running through the woods”), регулярная квантифицируемость изменяющегося объекта по отношению к другой единице измерения (“apples running four to the pound”, “a repertoire running from tragedy to comedy”) и т.д.

Такие же значения как “On the other side of the stream the bank ran up steeply” явно являются производными по метонимическому принципу. Он предполагает метонимическое

перенесение знака, обозначающего свойства передвижения по ровной поверхности, таких как равномерность и постоянство, на характеристику возможностей для такого движения, предоставляемых каким-либо объектом в структуре ситуации (the bank). И. В. Арнольд говорит об отсутствии в этом значении сем «быстро» и «перебирая ногами». Однако можно предполагать, что подобные контексты являются метонимическим расширением именно ЛСВ1, то есть этот вариант служит примером функционально-смежного переноса знака в рамках одной и той же ситуации, как это мы подробно рассматривали с случае с climb.

Еще один производный ЛСВ приводится в Webster's New World по номером 21: «to be wet or covered with a flow [eyes *running* with tears]». В данном случае основным ЛСВ, послужившим основой метонимического расширения, является ЛСВ 18 «to flow [a *running* stream]». Таким образом, ЛСВ 1 не является единственным источником метонимических расширений в системе полисемии глагола run.

В целом, выделение ЛСВ 1 как единственного основного значения глагола run представляется не оправданным как в синхроническом, так и в диахроническом плане. Во-первых, как мы видели, возникают сложности с объяснением системности закрепления всех перечисленных ЛСВ за одной лексической единицей, если мы считаем, что сема «перебирая ногами» является основообразующей. Во-вторых, словари отмечают большое количество ЛСВ, связанных с изменениями, вовлекающими жидкости и сыпучие тела. Решить, какие ЛСВ «первичнее» в материальном плане — связанные с перебиранием ногами или с перемещением жидкости — совсем не так просто. В диахроническом же плане словарь Webster's New World приводит этимологическую справку, в соответствии с которой глагол run и в древнеанглийском имел значения «flow» и «run», а индоевропейскому корню, к которому возводится происхождение этого глагола, приписывается гораздо более общее значение, связанное с обоими указанными вариантами, — «to set in motion, excite».

Точно так же, говоря о полисемии слова beautiful, невозможно установить, что «денотативнее»: гармоничные черты человеческого лица, строение фигуры, форма и цвет фрукта или движения и упитанность животного. В связи

с этим рассуждением, однако, представляется необходимым вспомнить об антропоцентрической сущности полисемии, которую мы рассмотрели выше. Все рассмотренные нами случаи полисемии у разных слов показывают, что психофизиологический опыт человека является исходной семантической матрицей, через призму которой человек категоризирует мир.

Однако нужно осторожно относиться к формулировке этого принципа. Психофизиологический опыт человека не является вещью в себе, относительно которой человек занимает позицию стороннего наблюдателя. Психофизиологический опыт возникает в процессе контактов человека с окружением. Человек при этом не выделяет свое тело и его элементы как самодостаточный эталон для умозрительных сравнений, а формирует образные языковые матрицы удовлетворения своих психофизиологических потребностей, которые определяют для него ряды функциональных подобий и соотношений.

Основа формирования этих рядов, будь они представлены в словесной полисемии или в более сложных языковых комплексах, должна исследоваться лингво-антропологическими методами. Попытки выявить ее путем установления формально-логического сходства между явлениями человеческой физиологии (например, действием гун), которые рассматриваются как атомарные факты, и какими-либо другими явлениями материального мира или абстрактными представлениями, часто оказываются непродуктивными.

В этом отношении показательно, что при денотативно-референциальном подходе полисемия трактуется как нечто из ряда вон выходящее даже тогда, когда за исходное «прямое» значение слова принимается такой ЛСВ, который обозначает некоторое явление человеческой физиологии или социальные отношения в человеческом обществе.

Например, в одной из своих статей И. В. Арнольд рассматривает метафорический механизм образования новых значений и модификацию категориального состава ЛСВ как «парадокс» на следующем основании: «хотя распределение сем в составе значения ЛСВ всегда иерархично и класса является главной семой, она же наиболее подвижна, т.е.

в случае переносных значений ЛСВ одного слова отличаются именно классемами, а семантическое единство слова сохраняется за счет итеративности сем, которая с иерархическим местом семы не коррелирует» (Арнольд 1999а: 118).

В качестве одного из примеров такого «парадокса» исследовательница приводит слово *host*: «Так, *host* при исходном варианте «хозяин, в несколько более специализированном – тот, кто обеспечивает жильем», с 1970 года употребляется в технике в значении «ЭВМ, одновременно обслуживающая несколько потребителей по нескольким каналам»» (Арнольд 1999а: 119-120). Под «классемой» в данном случае понимаются категории, относящие соответствующие значения слова *host* к различным сферам опыта: социальные отношения и компьютерная техника.

Однако, если понимать принцип антропоморфизма как способность человека проецировать свои потребности в различных сферах опыта на основании образной аналогии, то ничего «парадоксального» в подвижности тех категорий, которые И. В. Арнольд называет «классемами» не наблюдается. Она пишет: «Сохраняется идея источника обеспечения, но классема, тематическая сема и некоторые дифференциальные семы меняются» (Арнольд 1999а: 120). Но «идея источника обеспечения» является отнюдь не подчиненной, это часть интегральной категориальной схемы, объединяющей все ЛСВ слова *host*.

Словарь Webster's New World приводит 6 ЛСВ для слова *host*. Все они являются основными, поскольку реализуют единую интегральную категорию “a source of comfort <nourishment, warmth, etc.> for incoming outsiders”: 1 one who entertains guests either at home or elsewhere; 2 a person who keeps an inn or hotel; innkeeper; a country or area that provides place and services for a competition or event [the city will be *host* to the Olympics]; 4 a) any organism on or in which a parasitic organism lives for nourishment or protection b) an individual, esp. an embryo, into which a graft is inserted; 5 *Comput.* the main or central computer in a network; 6 *Radio, TV* the person who conducts a program that features informal conversation, interviews, etc.

Замечательно, что среди шести перечисленных ЛСВ можно наблюдать целую шкалу «одушевленности» обозначаемых

объектов: “a person”, “any organism”, “an embryo”, “a computer”. При этом любой из этих объектов выполняет идентичные функции в структуре различных словесных ситуаций, которые очевидно связаны с потребностями человека, что позволяет представить закономерности, далекие от непосредственных привычных для человека действий как бы «очеловеченными». В этой связи любопытно отметить значение 4а. Совершенно очевидно, что такое словоупотребление возможно только в научной речи, где паразитический организм оказывается в центре интереса исследователя и исследователю необходимо четко сформулировать характер отношения этого организма к среде. Вряд ли семейный врач придет к больному и скажет ему: * “An influenza virus has found a host in you”.

В заключение разговора о подходе к полисемии с точки зрения денотативно-референциальной методологии следует отметить, что явлению полисемии часто трактуется как одно из доказательств «асимметрии плана выражения и плана содержания» в языке. Так, С. Д. Кацнельсон пишет: «Разумеется, совмещение нескольких лексических значений в одном слове не проходит бесследно для самих значений, которые нередко осложняются при этом добавочными стилистическими оттенками и требуют особых ситуативных или контекстуальных условий для своего обнаружения. Специфические обстоятельства, сопутствующие полисемии, не снимают, однако, самого факта сосуществования многих значений «под крышей» единого слова» (Кацнельсон 2002: 131).

При таком взгляде на полисемию отрицается содержательное единство структуры ЛСВ, не даром С. Д. Кацнельсон протестует против попыток выявить семантическую основу единства словесного значения: «Говоря о лексических значениях мы имеем в виду не надуманные «общие значения», искусственно конструируемые некоторыми лингвистами для каждого слова, а реальные значения, которых в слове может быть — и обыкновенно бывает — более одного» (Кацнельсон 2002: 131).

Как показывают современные исследования, эта позиция некорректна. ЛСВ одного слова всегда образуют систему, обозначая объект, изменение, свойство объекта одного

типа. Даже исследования, проводившиеся в рамках денотативной методологии, выявили типические структуры ЛСВ у различного рода лексем (Арнольд 1999б). Таким образом, полисемия как таковая не является аргументом в пользу несоответствия между планом выражения и планом содержания в языке.

Глава 4

Омонимия

В предыдущей главе мы рассматривали вариативность значения отдельных словесных знаков. Мы пришли к выводу о том, что отдельное слово очень редко обладает единичным целостным значением. Большинству слов языка свойственна категориальная вариативность значения, обусловленная функциональной аналогией единиц значимости в различных сферах опыта (основные варианты значения) и их функциональной смежностью (производные варианты значения). Во всех рассмотренных случаях вариативности мы имели дело с одним и тем же словом — объектом, изменением, свойством и т.д.

В данной главе мы рассмотрим такое явление языка, при котором одна и та же форма способна выступать в качестве различных слов. Данное явление языка называется омонимией. Как видим, в отличие от ЛСВ одного слова, омонимы — это слова, обладающие формальным сходством, но не имеющие общности категориальной структуры, свойственной вариантам значения одного и того же слова. Рассмотрим основные типы омонимии в английском языке.

4.1 Мотивированная омонимия (конверсия)

В предыдущей главе мы подробно анализировали структуру значения существительного *table*. Мы выделили ряд основных значений на базе функциональной аналогии объектов в ряде сфер опыта. У всех этих объектов главным компонентом значения является общая интегральная категория «возможность использования плоской поверхности для удобной и/или приятной деятельности». В некоторых сферах опыта мы также выделили и ряд производных значений, основанных на функциональной смежности объектов в определенных ситуативных моделях. При этом слово *table* во всех своих вариантах оставалось объектом — знаком, обозначающим стабильный комплекс свойств, не зависящий от времени и

реализующий свое значение в результате соотнесенности с рядом знаков-изменений, т.е. глаголов. С точки зрения категориальной структуры значения слова, мы установили, что вариативность значения существительного *table* обеспечивается родовой категорией, которая определяет возможности синтаксической сочетаемости этого слова с другими словами в различных типах ситуаций.

Вместе с тем, словарная статья *table* предлагает нам и ряд не рассмотренных нами ранее дефиниций, характеризующих *table* как глагол. В *The Concise Oxford* это следующие дефиниции:

Table — 1 *bring forward for discussion or consideration at a meeting.* 2 *postpone consideration of (a matter).* 3 *Naut. strengthen (a sail) with a wide hem.*

Являются ли данные дефиниции продолжением ряда лексико-семантических вариантов слова *table* — объекта, обладающего уже проанализированной нами категориальной структурой, или мы имеем дело с другим словом? Безусловно, в данном случае мы имеем дело с омонимом к слову *table* — существительному.

При этом очевидна и категориальная соотнесенность всех трех дефиниций со структурой *table* — существительного. Дефиниции 1 и 2 представляют собой обозначения действий функционально смежных с объектом *table*. Дискуссии, заседания и делопроизводство в словесной модели, характеризующей данную сферу опыта, связаны с *table* как элементом ситуации, объединяющим людей, вовлеченных в дискуссионный процесс (*round table, negotiating table, bring the matter to the table for more discussion*). В структуре дефиниции 3 находим элемент, очевидно связанный с интегральной категорией *table: a wide hem strengthening a sail on all sides results in a flat surface serving a specified purpose*. Почему, несмотря на такую очевидную категориальную близость структур значения *table* — существительного и глагола, мы не можем рассматривать значения *table* — глагола как ЛСВ слова *table*, т.е. как дальнейшее развитие полисемии единого знака *table*, выступающего как существительное и глагол?

Ответ на это определен нашим пониманием природы слова как языкового знака, подробно разобранный нами

в Главах 1 и 2. Говоря о способности человеческого сознания создавать аналитические модели собственного опыта, мы обнаружили, что в основе данной способности лежит принцип классификации свойств опыта, т.е. категорий, на комплексы, которые определяют содержательность каждого словесного знака. При этом важнейшим принципом дифференциации языковых знаков является их разделение на стабильные комплексы свойств, т.е. объекты, и на комплексы свойств, отражающих динамику человеческого контакта с окружением во времени, т.е. изменения. В связи с этим, существительное как знак-объект и глагол как знак-изменение отражают базовый принцип дифференциации словесных знаков и поэтому не могут рассматриваться как варианты одного и того же слова. В основе данных знаков всегда будут находиться различные родовые категории.

Рассмотрим теперь то, каким образом категориальная структура *table*-глагола связана с выделенной нами интегральной категорией *table* — существительного. Во всех дефинициях глагола *table* категория «возможность использования плоской поверхности для удобной и/или приятной деятельности» присутствует как функционально-смежный признак, обосновывающий природу совершаемого изменения содержанием интегральной категории. Практически, мы имеем дело с метонимическим отношением между моделируемым изменением и объектом, обозначаемым сходным по форме знаком. Как видим, такое преобразование отражает изменение родовой категории словесного знака при сохранении выделенной нами интегральной категории слова *table* — существительного. Здесь мы можем уточнить, что категориальные свойства, составляющие основу своеобразия значения знака *table* сами по себе еще не определяют его природу как объекта. Объектом знак *table* становится благодаря родовой категории «вещь, способная быть условием определенных изменений». При изменении родовой категории на «процесс, связанный с использованием определенной вещи», та же интегральная категория оказывается элементом значения другого слова.

Данное наблюдение указывает нам на метонимический характер категориальной связи между двумя различными словами — объектом и изменением. Родовые категории

фиксируют важнейшее отличие в категориальной структуре знака *table* — существительного и знака *table-* глагола: категориальный тип, обозначающий использование объекта, предполагает динамический характер развития во времени и характеризует языковую природу словесного знака, принципиально отличного от знака, обозначающего объект *table* во всех его вариантах. Категориальная близость данных знаков становится особенно очевидной, если сравнить выражения *to table* (a proposal) и *to lay* (the proposal) on the table. Оба сочетания способны обозначать как *submit* (a proposal) for discussion, так и *postpone consideration of* (the proposal). Такую омонимию мы будем называть мотивированной, в связи с тем, что между различными словесными знаками, в данном случае между существительным и глаголом *table* существует категориальная связь, обладающая метонимической природой (свойства плоской поверхности, пригодные для использования в определенных целях — определенный характер использования свойств плоской поверхности).

Мотивированная омонимия широко распространена в английском языке и отражает его специфику как языка аналитического, для которого характерно относительно слабое развитие формальных компонентов внутри слова, которые бы указывали на принадлежность слова к определенной части речи. Часто мотивированную омонимию называют конверсией. Данный термин представляется менее удачным, поскольку он как бы предполагает производный характер одного словесного знака по отношению к другому при различии родовых категорий и общности интегральной категории. Проблема производности одного слова от другого является сложной и не может быть объяснена лишь на основе категориальных соответствий между отдельными знаками. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим в Главе 8.

Многие мотивированные омонимы в современном английском языке, такие как пары *love* — существительное и *love* — глагол; *answer* — существительное и *answer* — глагол, не были омонимами в эпоху, когда английский язык был синтетическим (древнеанглийский период). Пары *lufu* и *lufian*; *andswaru* и *andswerian* обладают четкими формальными компонентами, относящими их к различным частям речи и, соответственно, к различным категориальным классам.

Безусловно, мотивированная омонимия касается лишь базовых форм слов, обладающих набором словоформ в языке. Она не существует и в принципе не может существовать во всей парадигме словоформ, отражающей специфику категориальной структуры слова. Так, существительное *table* как объект, одним из свойств которого является обладание определенной формой в пространстве (*a flat top with one or more legs; a slab of wood; a cut gem with two flat faces...*), обязательно предполагает существование формы множественного числа *tables*. Глагол *table* реализует совсем другую парадигму словоформ, отражающих специфику его значения — это словоформы, связанные с отношением обозначаемого действия ко времени: *tabled* и все различные аналитические формы. Таким образом, у словесных знаков, обладающих рядом словоформ, мотивированная омонимия затрагивает не всю парадигму, а лишь некоторые формы.

Рассмотрим омонимию словесных знаков, не обладающих парадигмами словоформ. The Concise Oxford предлагает рассматривать словесный знак *then* как три омонимичных слова — наречие, прилагательное и существительное.

Then — *adv.* 1 at that time; at the time in question (*was then too busy; then comes the trouble; the then existing laws*) 2 **a** next, afterwards; after that (*then he told me to come in*). **b** and also (*then, there are the children to consider*). **c** after all (*it is a problem, but then that is what we are here for*). 3 **a** in that case; therefore; it follows that (*then you should have said so*). **b** if what you say is true (*but then why did you take it?*). **c** (implying grudging or impatient concession) if you must have it so (*all right then, have it your own way*). **d** used parenthetically to resume a narrative etc. (*the policeman, then, knocked on the door*).

adj. that or who was such at the time in question (*the then Duke*).

n. that time (*until then*).

При анализе дефиниций данной словарной статьи категориальная близость трех частей речи становится очевидной даже при поверхностном взгляде на последовательность дефиниций. Во всех дефинициях присутствует отнесенность ко времени. В первом варианте значения наречия и в дефинициях прилагательного и существительного она представлена сочетанием *that time* или *the time in question*. Во втором и

третьем варианте значений наречия отнесенность ко времени реализуется как указание на следование какого-либо изменения после предыдущего изменения. Следование может осуществляться во времени, принадлежащем моделируемой ситуации (вариант 2 — *next, afterwards, after all, and also*) или в причинно-следственных отношениях, характеризующих обусловленность причин и следствий в сознании человека как функциональную аналогию времени, когда следствие моделируется как следование (вариант 3 — *in that case, it follows that ...*).

Почему бы не рассматривать все проявления значимости знака *then* как полисемию? Ведь наиболее близки по словесной структуре именно дефиниции наречия 1 и прилагательного с существительным. В них повторяется один и тот же элемент.

Мы не можем рассматривать данные дефиниции как равнозначные ЛСВ слова *then* в соответствии с теми же принципами, на основании которых мы определили невозможность отнесения к одному слову значений *table*, существительного и глагола. Дело в том, что выделенный общий признак — отнесенность к определенному моменту во времени еще сам по себе не отражает всей категориальной структуры знака, поскольку не определяет роль словесного знака в формировании словесных моделей опыта.

Если мы сравним структуры дефиниций варианта 1 наречия и прилагательного: *at that time; at the time in question* и *that or who was such at the time in question*, то мы увидим, что в первом случае отнесенность ко времени является свойством какого-то изменения, т.е. слово *then* выступает как знаковая единица, относящаяся к сфере глагола и характеризующая свойство обозначаемого изменения — его соотношенность с определенным моментом в моделируемой ситуации. Это хорошо иллюстрируют примеры в структуре дефиниции: *was then too busy; then comes the trouble*. Во втором случае отнесенность ко времени является характеристикой объекта — это способность объекта выполнять определенную функцию в конкретный момент моделируемой ситуации (*the then Duke*). Таким образом, отнесенность ко времени (точнее, следование во времени) реализуется в рассматриваемых случаях в совокупности с двумя принципиально различными родовыми

категориями — свойство изменения (связь действия с обозначенным моментом времени в ситуации) и свойство объекта (способность объекта выполнять определенную функцию в обозначенный момент времени в ситуации).

Данные родовые категории образуют семантическую основу двух различных слов — наречия и прилагательного — роли которых в формировании модели ситуации принципиально разные. Соответственно, мы имеем дело не с ЛСВ одного и того же слова, а с двумя омонимами. Между ними существует и определенная семантическая общность, обладающая метонимической природой: отнесенность к определенному моменту времени реализуется в функционально смежных категориях — свойство объекта, обозначаемое *then*, является динамическим по своей природе и подразумевает обязательную связь со следованием событий в моделируемой ситуации. *The then Duke, President* и т.д. включает объект в последовательность изменений (это те люди, которые в момент говорения уже не могут выполнять обозначенные функции), так же как *then comes the trouble* включает обозначаемое изменение в определенную последовательность. Функциональная смежность реализуется как формула «объект, подвергшийся последующему изменению — изменение, следующее в данный момент времени».

Словарь также выделяет *then* как существительное, т.е. еще один омоним. Дефиниция предельно краткая: *that time*. Данная дефиниция недостаточна для того, чтобы понять, каким образом знак *then* получает категориальную структуру объекта. Ключом к реконструкции категориальной структуры омонима *then* — существительного является пример употребления *then* с предлогом: *until then*. В главе 2 мы определили основную специфику наречий и прилагательных как слов, обозначающих определенные качества знаков-изменений и знаков-объектов соответственно. Эти слова, составляющие основу двух знаковых сфер — сферы объекта и сферы изменения, получают категориальную значимость за счет непосредственной связи с определенными группами глаголов и существительных (*beautiful woman; went well*). В той же главе мы определили основную семантическую характеристику предлога как знака, обозначающего тип отношения между

изменением и объектом в тех случаях, когда они не реализуют свою основную функцию в процессе моделирования ситуации, т.е. не выступают в качестве подлежащего и сказуемого.

Таким образом, основа содержательности предлога состоит в конкретизации отношения между элементами ситуаций, представленными знаками-объектами и знаками изменениями, которые обозначают дополнительные условия осуществляемого объектом изменения (*wait at the corner; letter to her*). Предлог по своей семантической структуре не способен и не может появляться как дополнительный элемент в категориальной паре наречие-глагол (*went quickly*) или прилагательное-существительное (*beautiful woman*). Таким образом, пример *until then* свидетельствует о том, что знак *then* способен представлять отнесенность к определенному моменту времени не только как характеристику действия (*then came the trouble*) или качество объекта (*the then Duke*). Он способен выступать как самостоятельный объект, обозначающий определенное условие совершаемого действия (ср. *wait at the corner* и *wait until then*).

Итак, отнесенность к моменту времени в последовательности событий, составляющих структуру ситуации, являющаяся интегральной категорией для всех слов, реализуемых знаком *then*, выступает как семантическая база целостного значения трех различных слов в совокупности с тремя различными родовыми категориями, определяющими существование в языке трех мотивированных омонимов (конверсивов). Категориальная структура «способность какого-либо изменения следовать за уже обозначенным изменением» является основой ряда ЛСВ наречия. Категориальная структура «способность объекта выполнять определенную функцию в обозначенный момент времени до последующего изменения» формирует прилагательное. Категориальная структура «определенный момент времени как условие обозначаемого изменения» составляет значение существительного. Данные смысловые единицы состоят из комплекса различных родовых и одной и той же интегральной категорий.

Выделенные нами омонимы являются абсолютными, поскольку им присуще полное формальное сходство. Ни один

из омонимов не имеет парадигмы словоформ. Каждый из них представлен единственным материальным знаком *then*.

Абсолютные омонимы широко представлены среди мотивированных омонимов в связи с бедностью парадигм словоформ в английском языке. Данный тип омонимии представляет большой интерес для изучения с точки зрения выявления категорий и их взаимообусловленности в системе языка. На примере омонимов *then* мы видим, каким образом возможность выделения момента времени определенным способом как важнейшая характеристика человеческого существования получает категориальное воплощение в различных видах словесных значений, включающих определенный тип связи с моментом времени (следование) в формировании различных языковых знаков — наречия, прилагательного и существительного.

Мотивированные омонимы особенно характерны для группы словесных знаков, обозначающих наречия и предлоги. При этом данные знаки демонстрируют способность к широчайшему категориальному варьированию. Так, знак *out* определяется словарем *The Concise Oxford* как наречие, предлог, существительное, прилагательное, междометие и глагол. Знак *in* определяется как предлог, наречие и прилагательное. *Away* характеризуется как наречие, прилагательное и существительное. Важнейшим свойством всех омонимов подобного типа следует считать их соотнесенность друг с другом на уровне интегральной категории. Различные родовые категории, определяющие синтаксическую природу слова, выступающего в качестве определенной части речи, позволяют одной и той же интегральной категории воплощаться в виде различных элементов ситуации — от объекта до знаково-свойств, включая предлоги.

Так, предлог *in*, основой значения которого является обозначение отношения, связанного с принадлежностью одного элемента ситуативной модели другому (*lives in England; written in French; good in parts; be in bad health* и т.д.), очевидно обладает семантической близостью с наречием *in*, основную категориальную схему которого можно определить как «способность вновь обозначенного изменения включаться в параметры установленной ситуации» (*he came in; long skirts are in; the train is in* и т.д.). Сущность семантической близости,

т.е. мотивированной природы омонимии, состоит в том, что обе категориальные структуры представляют важную черту человеческого опыта — установление иерархического порядка объектов и изменений в своем окружении, а именно включенность одного элемента в другой — как функционально смежные свойства опыта. Предлог обозначает принадлежность одного элемента ситуации другому, а наречие указывает на характер отношения обозначенного изменения к уже установленной в своих основных характеристиках ситуации как включение изменения в естественные параметры ситуации. Эта же функциональная смежность прослеживается и в остальных омонимах *in*: *the in thing to do* (прилагательное). *In* как качество объекта предполагает его соответствие определенным параметрам, подразумеваемым в моделируемой ситуации. Эта связь обусловлена общностью интегральной категории данных знаков при их различных родовых характеристиках.

Каждый из мотивированных омонимов *in*, в свою очередь, реализуется как ряд ЛСВ в зависимости от степени вариативности контекстов для каждой части речи. Для предлога это функциональная разновидность принадлежности одного элемента ситуативной модели другому. Приведем несколько примеров из словарных дефиниций. *I will be back in two hours* — уточнение момента обозначаемого изменения с помощью указания на принадлежность изменения определенному периоду времени; *there is something in what you say* — уточнение качества определенного элемента ситуации (*what you say*) за счет указания на принадлежность данному элементу определенного содержательного свойства (*something* как обозначение определенного качества, ср. *beauty*); *packed in tens* — уточнение характера произведенного изменения за счет указания его принадлежности определенному способу осуществления действия. Для наречия это функциональная разновидность включения изменения в параметры ситуации. *He is in* — включение в моделируемое пространство; *the Democrat got in* — включение в моделируемую структуру; *rub it in* — включение в моделируемый объект.

В качестве мотивированной омонимии следует рассматривать и сосуществование в английском языке вспомогательных глаголов, образующих аналитические формы глаголов,

с полнозначными и модальными глаголами. Это знаки *do, be, have, will, shall*.

Рассмотрим омонимию вспомогательных и полнозначных *do, be* и *have*. Принципиальным категориальным отличием полнозначных глаголов от их омонимов — вспомогательных глаголов является принцип организации родовых категорий. У полнозначных глаголов *do, be* и *have* их родовые категории, дающие основу для существования обширной полисемии, реализуют основное присущее знакам-изменениям свойство, подробно рассмотренное нами в Главе 2. Они обозначают определенные динамические свойства человеческого опыта, значимость которых реализуется как связь с определенными объектами в определенных сферах опыта.

Так, во всех своих основных вариантах *do* реализует интегральную категорию «способность решить определенную проблему»: *he can do anything; he did chemistry at university; we did the puzzle; a sandwich will do* и т.д. Данная интегральная категория определяет типы вариантов сочетания слова *do* с существительными во всех многочисленных ЛСВ данного слова, соответствующих ряду сфер опыта. Вместе с тем, следует отметить и необычайно широкий характер интегральной категории данного знака, охватывающий практически весь спектр возможных действий человека в своем окружении. Именно это качество интегральной категории полнозначного глагола *do* является семантической основой мотивированной природы его омонима — вспомогательного *do*.

Действительно, если решение проблем в процессе удовлетворения потребностей человека является основной характеристикой любого изменения, производимого человеком в процессе сознательной деятельности, то вполне естественными представляются основные варианты значения *do* — вспомогательного глагола. Этот знак используется как знак-заместитель любого другого глагола, обозначающего конкретное действие — *you know her better than I do*; он способен выступать в качестве знака, усиливающего характер обозначаемого другим глаголом действия — *I do want to know; he did know that*; наконец, он используется для образования аналитических вопросительных и отрицательных форм других глаголов — *do you understand? he does not know this*, а также для выражения запрета какого-либо действия — *do not come*

tomorrow. Способность именно знака *do* выступать в качестве знака-заместителя или знака-усилителя действий безусловно является следствием функциональной смежности содержания интегральной категории полнозначного глагола *do* и теми функциями, которые выполняет в словесных моделях опыта его омоним — вспомогательный глагол. Содержание интегральной категории *do* — полнозначного глагола как бы включает в себя любое возможное конкретное действие, постольку поскольку оно является решением определенной проблемы.

Именно это свойство интегральной категории обуславливает, т.е. мотивирует, функционирование вспомогательного глагола — омонима. Вместе с тем, глагол *do*, выступая в качестве знака-заместителя или усилителя (вопрос и отрицание, соответственно, выступают в качестве более интенсивных форм изменения, чем утверждение, поскольку сигнализируют о наличии проблемы), не является вариантом значения полнозначного *do*. Дело в том, что при сохранении функциональной смежности с интегральной категорией полнозначного *do*, родовая категория вспомогательного глагола претерпевает и принципиальное качественное изменение. Как средство обозначения эквивалента другого действия или различных видов его интенсивности, вспомогательный глагол *do* категориально соотносен не с какими-либо объектами в моделях «объект — изменение», охватывающих различные сферы опыта, как это характерно для ЛСВ полнозначного *do* (*we are doing Chaucer next term; the barber will do you next*), а с другими глаголами (*do you know; I do want to*). Такое качественное изменение семантической основы содержательности знака и определяет его статус как слова-омонима, выступающего в качестве средства обозначения «других» изменений либо в качестве их заместителя-эквивалента, либо в качестве знака-интенсификатора «другого» действия.

Такие же закономерности проявляются и при анализе омонимов *be* и *have*, полнозначных глаголов и глаголов вспомогательных. Как и *do*, глаголы *be* и *have* обладают широким значением, которое отражает базовые свойства человеческого опыта. Интегральной категорией *be* следует считать обозначение наличия объекта в какой-либо сфере опыта. Констатация наличия объектов и их отдельных свойств — важнейший

исходный принцип моделирования опыта. Интегральной категорией *have* является обозначение установления контроля над чем-то, обладания чем-то. Данное свойство опыта также является одним из наиболее универсальных признаков ситуаций опыта. Получение контроля над чем-то, обладание чем-то является наиболее общей характеристикой успешного решения проблемы.

Таким образом, словесная триада *be — do — have* обозначает наиболее универсальные свойства любых изменений в любых ситуациях опыта. *Be* выступает в качестве основы возможного динамического воздействия на объекты, констатируя наличие объектов и их свойств. *Do* представляет динамический аспект изменений, состоящий в решении проблемы. *Have* выражает результат успешного решения проблемы, состоящий в установлении обладания чем-то. Категориальная универсальность каждого из данных знаков и является базой для мотивированной омонимии полнозначных глаголов *be — do — have* и формально подобных им вспомогательных глаголов. При этом категориальная природа каждого из вспомогательных глаголов проявляет функциональную смежность с категориальной структурой соответствующего полнозначного глагола на основе сохранения интегральной и видоизменения родовой категории.

Все вспомогательные глаголы выступают в качестве знаков, так или иначе обслуживающих семантическую структуру других глаголов. В этом их принципиальное отличие от полнозначных глаголов, реализующих свое категориальное значение в моделях «объект-изменение». Каждый из вспомогательных глаголов одновременно несет в структуре своего значения функциональную смежность с соответствующим полнозначным глаголом на основании общности интегральной категории.

Для омонимов *be* категориальная смежность состоит в обозначении вспомогательным глаголом в структуре аналитических форм полнозначных глаголов наличия какого-либо изменения как исходной характеристики объекта в определенной ситуации. Она может реализовываться в ряде ЛСВ. В форме пассивного залога в сочетании с причастием вторым, обладающим значением завершенности изменения (*made in Japan*), *be* выступает в качестве элемента,

обозначающего наличие совершенного изменения как главное качество объекта-подлежащего (it was done; the walls were dotted with the remnants of magical frescoes; it is said, и т.д.). Важным элементом значения является именно констатация осуществленного изменения, которое структурируется не как действие объекта-подлежащего, а как полученное им в результате изменения свойство. Функциональная близость значения *be* в форме пассива и в качестве полнозначного глагола хорошо просматривается при сравнении категориальных структур сочетаний, констатирующих свойство как связь объектов в структуре подлежащее — именное сказуемое, и сочетаний подлежащее — пассив, констатирующих свойство объекта как совершенное изменение: The town was probably a well-organized regional center of some wealth; The town was run by a ruler in a hierarchy-based society.

В видовременных формах группы Continuous *be* в сочетании с причастием первым, обладающим значением незавершенности изменения (a singing woman), осуществляет констатацию наличествующего в ситуации изменения: “Kneeling on the sidewalk in front of a red-brick building in a working-class neighborhood of Hamburg, Gunter Demnig was hammering three brass plaques into the ground” — начало газетной статьи, структурирующее ситуацию, актуальную для текста. И в данной аналитической форме *be* сохраняет категориальную близость к полнозначному глаголу-омониму. Достаточно сравнить функции *be* в структурах типа the room was bright and sunny с приведенной цитатой из газетного текста, чтобы увидеть смежность двух омонимов в их констатирующей функции.

Вспомогательный глагол *have* в сочетании с причастием вторым, обладающим значением завершенности изменения, обозначает результативность изменения, совершенного объектом. Вспомогательный глагол оформляет представленный причастной формой полнозначный глагол как изменение, приведшее к определенному результату. Сравнение последовательностей типа she has a nice car — she has bought a new car демонстрирует мотивированный характер омонимии двух глаголов *have* (обладание объектом как определенный тип изменения — завершенность, «обладание» результатом какого-либо изменения как видовая характеристика данного изменения).

Глаголы *shall* и *will*, образующие формы будущего времени, являются мотивированными омонимами соответствующих модальных глаголов. Категориальная смежность элементов форм будущего времени и модальных глаголов, обозначающих различные степени волевого отношения к какому-либо действию, связана с тем, что будущее время это сфера предполагаемых или желаемых изменений, поэтому выражение желания (*will*) или повеления (*shall*) по функциональной смежности преобразуется в выражение будущего времени какого-либо изменения (ср. *come when you will* – *he will do this tomorrow*).

Итак, мы видим, что мотивированная омонимия является результатом сочетания одних и тех же интегральных категорий с различными родовыми категориями при отсутствии каких-либо формальных показателей различия родовых характеристик слов. Такие виды значений, с одной стороны, обладают определенным сходством с точки зрения представления функционального аспекта какого-либо свойства опыта человека, а, с другой стороны, наделяют сходными функциональными чертами принципиально различные по своей роли в словесных моделях знаки. Последнее свойство и определяет статус таких знаков как самостоятельных слов, а не как лексико-семантических вариантов одного и того же слова. Таким образом, мотивированная омонимия реализуется в языке как сосуществование формально сходных слов, относящихся к различным частям речи и обладающих функциональной смежностью значений на базе единой интегральной категории.

4.2 Произвольная омонимия

Помимо мотивированной омонимии в английском языке существуют формально идентичные слова, не обладающие какой-либо функциональной близостью в структуре значения. Такой тип омонимии мы будем называть произвольной. Дело в том, что совпадения формы в таких случаях не являются проявлением существующих в сознании отношений функциональной смежности различных слов, которая выступает в качестве мотивационного фактора для сохранения

формального сходства знаков. Совпадения отражают результаты различных процессов фонетических преобразований исконно ничем не связанных слов. Эти процессы являются произвольными по отношению к категориальной структуре значения этих знаков.

Рассмотрим два существительных *match*. The Concise Oxford предлагает следующие дефиниции для данных слов.

Match — **1** a contest or game of skill, etc. in which persons or teams compete against each other. **2 a** a person able to contend with another as an equal (*meet one's match; be more than a match for*). **b** a person equal to another in some quality (*we shall never see his match*). **c** a person or thing exactly like or corresponding to another. **3** a marriage. **4** a person viewed in regard to his or her eligibility for marriage, esp. as to rank or fortune (*an excellent match*).

Match — **1** a short thin piece of wood, wax, etc. tipped with a composition that can be ignited by friction. **2** a piece of wick, cord, etc., designed to burn at a uniform rate, for firing a cannon, etc.

Для обоих слов выделение интегральных категорий, составляющих основу значений их вариантов, не представляет большого труда. При этом следует отметить, что дефиниции второго *match* оказываются структурированы более последовательно, чем дефиниции первого *match*, в которых при анализе категориальной структуры знака выявляются противоречия.

Итак, интегральной категорией первого *match* будет «способность демонстрировать соответствие по ряду параметров в процессе взаимодействия». В соответствии с принципами анализа значения лексико-семантических вариантов слова, рассмотренных подробно в предыдущей главе, мы относим к основным значениям *match* все дефиниции, входящие в позицию 2, а также дефиницию 4. Все данные дефиниции четко демонстрируют значимость выделенной нами интегральной категории как основы значения слова, но, при этом, к сожалению, не достаточно последовательно представляют характер распределения ЛСВ по различным словесным ситуативным моделям.

Особенно нечеткими представляются критерии выделения дефиниций 2 b и c как двух различных ЛСВ. Основные ЛСВ характеризуют объект как единицу, вовлеченную в

различного рода сопоставления по своим качествам с другими подобными единицами. Объект может находиться в целом ряде функциональных сопоставлений от различного вида внешних соответствий (*your handbag is a good match for your shoes*) до соответствий по ряду социальных или индивидуальных качеств людей (*he is a perfect match for her; we shall never see his match*). Данные сопоставления охватывают целый ряд сфер опыта от быта до спорта, брака и деловых отношений. Их более последовательное описание могло бы создать более четкую модель значения слова *match*. Более последовательный подход находим, например, в словаре *Webster's New World*, в котором четко разделяются сферы опыта, соответствующие типам ситуативных моделей опыта:

1 а) a person, group, or thing able to cope with or oppose another as an equal in power, size, etc; peer.

2 two or more persons or things that go together in appearance, size, or other quality; pair: as, her purse and shoes were a good match.

5 a person regarded as a suitable or possible mate.

Помимо основных ЛСВ, которые недостаточно четко определены в рассматриваемом нами словаре *The Concise Oxford*, мы также обнаруживаем и производные ЛСВ, существующие в двух сферах опыта — спорте и браке. Производными ЛСВ следует считать дефиниции 1 и 3, в которых осуществляется метонимический перенос знака с обозначения самих объектов, вовлеченных в отношение сравнения их качеств, на обозначение собственно отношения между данными объектами (*a contest or game of skill...; a marriage*).

Категориальная структура метонимических по своей природе производных ЛСВ также полностью соответствует закономерностям, подробно рассмотренным нами в Главе 3. Данные значения не расширяют перечень сфер опыта, в моделировании которых присутствует рассматриваемое слово, и не проявляют принципиальных отличий от соответствующих основных ЛСВ (*a person able to contend with another as an equal; a person viewed in regard to his or her eligibility for marriage, esp., as to rank and fortune*) с точки зрения основных функциональных характеристик значения (состязательность с точки зрения соответствия соотносимых объектов по основным качествам).

В комплексе все рассмотренные ЛСВ последовательно выстраиваются в структуру полисемии слова. Отметим и мотивированный омоним-глагол, содержащий ту же самую интегральную категорию во всем многообразии контекстов: *can you match this silk?*; *his socks do not match*, etc.

Как только мы обращаемся к сравнению любого из ЛСВ первого *match* с дефинициями второго *match*-существительного, становится очевидным отсутствие каких-либо общих признаков в структуре значения двух слов. Единственное, что их объединяет — это принадлежность к одной и той же части речи: оба слова являются существительными, т.е. обладают общими родовыми категориальными характеристиками. Мы уже имели возможность убедиться в том, что значение любого существительного как знака — объекта определяется, прежде всего, функциональной природой обозначаемых свойств опыта. На уровне функциональных признаков (интегральных категорий) общих черт у этих двух знаков нет.

Интегральной категорией второго *match* является возможность возгорания в результате определенного усилия. При этом родовая категория, оформляющая данный интегральный признак в существительное, предполагает две различных сферы опыта — быт и военное дело. Соответственно, второе *match* реализуется как два варианта в словарной статье.

Ничто в категориальной структуре данного знака не указывает на какую-либо структурную общность его значения с *match*, рассмотренным нами выше. Важнейшим критерием для определения произвольного характера омонимии этих двух знаков является, конечно, отсутствие каких-либо общих функциональных признаков на уровне интегральных категорий. Объекты, обозначаемые данными знаками, не обладают семантической смежностью и потому являются произвольными омонимами.

Произвольная омонимия, как мы видим, может существовать в пределах одной части речи в отличие от мотивированной омонимии. В случае с двумя *match*-существительными мы имеем дело с двумя абсолютными омонимами, формальное тождество которых проявляется во всей парадигме словоформ обоих знаков. Показательно, что генетически данные

слова имеют различное происхождение. Первое match происходит от древнеанглийского *gemaessa* — *mate, companion*. Второе match восходит к старофранцузскому *mesche, meiche* — *wick*. Для мотивированной омонимии характерно генетическое родство знаков.

Помимо абсолютной произвольной омонимии существуют и многочисленные случаи частичной произвольной омонимии, реализующиеся между отдельными словоформами различных слов. *Saw* — *a hand tool; cut wood with a saw* (примеры ЛСВ двух мотивированных омонимов) с одной стороны и *saw* — *past of see* — с другой.

К частичной произвольной омонимии можно отнести и так называемые омофоны типа *night* — *knight* (различия только в письменной форме слов), а также так называемые омографы типа *row* — *a number of persons or things in a more or less straight line* и *row* — *a loud noise or commotion* (различия только в акустико-артикуляторной форме, но не в графической).

Произвольная омонимия свидетельствует, прежде всего, о вторичности формальных признаков для определения природы целостного слова. Целостность слова как языковой единицы обеспечивается его категориальной структурой, при этом вполне возможны и естественны формальные совпадения, охватывающие как все формы слов (абсолютная омонимия), так и отдельные формы различных слов (частичная омонимия).

Ни рассмотренная нами в этой главе омонимия, ни рассмотренная в предыдущей главе полисемия не представляют сколько-нибудь серьезной проблемы при использовании языка в человеческом коллективе при том, что данные явления характеризуют большую часть словарного состава английского языка. Почему это происходит, мы узнаем в следующей главе.

Глава 5

Контекст как способ существования значения слова

В предыдущей главе мы рассматривали слова как изолированные знаки, обладающие категориальным значением. Вместе с тем, с самого начала при определении слова и природы категорий мы подчеркивали то, что значимость любого словесного знака присуща ему лишь постольку, поскольку данный знак существует в сознании как элемент моделирования способов удовлетворения потребностей человека. Данные модели организованы как отношения между объектами в процессе затрагивающих их изменений. Мы установили, что значения слов состоят из категорий, которые определяют роль каждого слова в данном процессе моделирования.

Категории принадлежат словесному знаку и в комплексе обеспечивают целостность его значения, но, одновременно, каждая категория как свойство опыта предполагает определенную связь знака, которому она принадлежит с ограниченным множеством других знаков. Интегральная категория слова определяет сеть ассоциативных связей со словами, представляющими смежные аспекты потребностей, а родовая категория обеспечивает возможные синтаксические ряды, в которых данное слово может участвовать. Таким образом, категория вовсе не принадлежит слову как изолированной единице и ни один аспект словесного значения не имеет никакой содержательной ценности вне его обусловленности внутрисистемными связями в языке. Итак, категориальная природа словесного значения предполагает обязательную системную связь отдельного знака с определенными множествами других знаков в языковой системе. Иначе говоря, слово обладает значением лишь в системе устойчивых связей с другими знаками. При этом данные связи имеют закономерную природу и усваиваются человеком в процессе развития его языкового сознания. Особенно показательны ассоциативные связи между словами, которые фиксируются внутри словарных дефиниций. Мы уже видели

это, когда рассматривали взаимообусловленность таких пар как *mountain – climb* или *food – eat*.

Данная закономерность выявлена нами при наблюдении над всеми словами. Рассмотрим эту закономерность подробнее, в связи с тем, что она дает нам возможность охарактеризовать принципы существования слов в языке как проявление природы их значений.

5.1 Словесные модели опыта и язык

В нашей лингвистической традиции принято разделять «словарный состав языка» и его «грамматику», т.е. способы сочетания слов. Эту традицию как бы поддерживают словари, предлагая нам алфавитное перечисление словесных знаков, каждый из которых сопровождается дефинициями. В предыдущих главах, рассматривая полисемию и омонимию слов, мы убедились в том, что словарные дефиниции вовсе не описывают слово как изолированную единицу, обладающую самостоятельным содержанием. Они характеризуют то, каким образом определяемое слово участвует в моделировании какой-либо сферы опыта, причем его значение оказывается ничем иным как принципами связи данного слова с другими словами, представляющими конкретную сферу человеческой деятельности.

Полисемия, в сущности, оказывается не существованием у одного знака различных значений, а возможностью реализации одной и той же интегральной категории слова в различных сферах опыта в совокупности с различными вариантами синтаксической сочетаемости, обеспечиваемыми структурой родовой категории. Table как знак, обозначающий, в частности, «*a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc.*», предполагает ряд обязательных связей с конкретными группами языковых знаков. Элементы родовой категории, прежде всего, «*a piece of furniture*», обеспечивают данному слову возможность включения в словесные ситуации, моделирующие деятельность человека в своем жилище, и определяют границы использования в языке данного ЛСВ, обеспечивая ему специфическую сферу функционирования,

отличную от всех других вариантов значения этого же слова. Это проявляется в том, что в сознании существует модель, которая описывает характер использования человеком table в жилом помещении.

Благодаря целостной структуре значения каждого из ЛСВ слова table, наше сознание с легкостью способно отметить сочетания типа «lay the table; let's go to the table; bring some more food to the table» как сочетания, обладающие потенциальной значимостью, поскольку они являются реализацией определенного ЛСВ, то есть они обладают стабильными принципами использования в каких-то моделях опыта. Одновременно, мы с легкостью отметим странность, «бессмысленность» сочетаний типа «put some more table on your toast; let me drink some of this nice, hot table», поскольку данные сочетания не соответствуют ни одной из категорий, составляющих как рассматриваемый нами ЛСВ, так, впрочем, и все остальные ЛСВ table. Сочетания типа «turn to table 4 on page 35; table 13.1 translates these factors into numbers» также легко воспринимаются как словесные последовательности, относящиеся к определенной сфере — в данном случае, работе с источниками информации, в которой знак table реализует ЛСВ «a set of facts or figures systematically displayed, esp. in columns». Здесь возникает вопрос о том, почему говорящему на английском языке легко идентифицировать ЛСВ table в каждом из данных случаев и определить аномальность сочетаний типа «drinking a lot of table in the morning».

Рассмотренная нами структура полисемии как бы предполагает необходимость специального аналитического действия для подбора соответствующего ЛСВ полисемантического слова в каждом конкретном высказывании. Однако мы можем утверждать, что данное аналитическое действие не происходит в сознании говорящих. Если вы находитесь в гостях в ожидании обеда и хозяйка дома объявляет: «Let's go to the table», то вы, скорее всего, пойдете вместе с другими приглашенными в столовую, а не будете рассуждать о том, следует ли поискать на стенах или в книгах таблицу, или, может быть, следует поискать карточный столик или слесарный станок. Более того, вы не будете подыскивать и «подходящий» вариант для других составляющих данного высказывания — let, go и прочих. Так происходит потому, что все присутствующие обладают общей

для всех словесной моделью, описывающей все возможные действия человека в конкретной ситуации «вечерний прием с обедом». Любые действия или высказывания кого-либо из присутствующих, не укладывающиеся в словесные сценарии возможного развития данной ситуации опыта, будут восприниматься как аномальные, аналогично словесной последовательности вроде «drinking a lot of table in the morning». Точно так же и в ситуации работы с источниками информации не происходит затруднения в определении значения ЛСВ. Если кто-нибудь в ответ на предложение «turn to table 4 on page 35» скажет «Well, here it is, but I need a spoon and a napkin», то, скорее всего, — если подобное возможно в реальных условиях речевой деятельности — у остальных присутствующих возникнут сомнения в умственной полноценности говорящего.

Здесь нам важно отметить то, что понимание друг друга в процессе речевой деятельности обусловлено общностью моделей опыта в сознании говорящих. Нам всем знакомы ситуации, в которых отсутствие словесной модели в памяти конкретного субъекта затрудняет его возможности нормально функционировать в «незнакомой» ситуации. Незнакомая ситуация это комплекс внешних условий, для которых в сознании конкретного человека нет словесной модели, представляющей данные условия как соответствие определенной потребности. Какова природа данных моделей и как они соотносятся со словесными знаками и языковой системой?

Словесная природа человеческого знания, определяющие его отношения с внешней средой, впервые получила подробное обоснование в т.н. теории «фрейма». Само по себе слово фрейм не является удачным переводом, поскольку в английском языке слово *frame* в ряде сфер опыта обозначает несущую структуру, основу чего-либо, модель (*an established order, plan, or system; construction, constitution, build; the basic rigid supporting structure of anything*; и т.д. по *The Concise Oxford*). Содержание интегральной категории данного слова представляет собой обозначение способности вычленять наиболее устойчивые свойства в какой-либо деятельности (*an established order, plan; the basic supporting structure*). Включение в русскоязычные лингвистические исследования слова «фрейм» вместо возможных функциональных эквивалентов данного знака в русском языке, прежде всего, слова

«модель», затемняет сущность явления, впервые последовательно рассмотренного в данной теории. Слово «фрейм» экзотично и создает иллюзию того, что описываемые явления обладают особой природой, которую нельзя описать с помощью привычных слов, таких как модель или структура.

Данная теория связывается в лингвистике, прежде всего, с именем Чарльза Филлмора, поскольку именно его влиятельная работа «Фреймы и семантика понимания» (Филлмор 1988) ввела в широкий лингвистический обиход сам термин «фрейм».

Чарльз Филлмор пришел к необходимости изучать словесные модели опыта в ходе разработки теории падежа в рамках генеративной грамматики. Отправным постулатом этой исследовательской традиции является предположение о наличии в сознании носителя языка ограниченного количества глубинных синтаксических структур, которые «порождают» также ограниченное, но гораздо более широкое, множество «поверхностных» структур (Chomsky 1965: 4).

В своей работе «Дело о падеже открывается вновь» (Филлмор 1981) Филлмор утверждает, что падежные категории являются производными целого ряда однотипных ситуативных моделей в сознании носителя языка (Филлмор 1981: 519). В таких моделях закреплены представления о ролевой структуре опыта. В качестве примера он приводит модель ситуации купли-продажи, в которой активность продавца и покупателя меняется на разных этапах их взаимодействия и воспринимается по-разному в зависимости от того, с чьей точки зрения она рассматривается (Филлмор 1981: 519). Качественные характеристики, определяющие ролевые отношения покупателя и продавца, закрепляются за лексическими единицами, которые могут участвовать в ряде альтернативных синтаксических структур. Эти структуры представляют различные «перспективы» на данную ситуацию, т.е. позволяют речевому субъекту структурировать ситуацию с точки зрения конкретной проблематики (Филлмор 1981: 520).

Гипотеза о существовании таких ролевых моделей и послужила основой теории фреймов, изложенной Филлмором в статье «Фреймы и семантика понимания». Филлмор выдвигает эту теорию как инструмент так называемой «семантики понимания». Задачей «семантики понимания» («П-семантики»)

Филлмор считает выявление соответствий между языковыми построениями и целями, которые преследуют участники общения (Филлмор 1988: 53–54).

Под фреймом Филлмор понимает словесную модель опыта, которая присутствует в человеческом сознании как целостная композиционная единица, устанавливающая важные для человека связи между компонентами его опыта. Филлмор считает, что фреймы играют определяющую роль и в понимании текста/высказывания, и в способе существования слова как единицы. В ходе восприятия высказывания у человека сразу же активизируется тот фрейм, который послужил основой произведения высказывания за счет ключевых лексико-синтаксических составляющих (Филлмор 1988: 65, 68).

Наличие в сознании носителя языка таких моделей Филлмор демонстрирует, анализируя пары слов *land* – *sea* и *ground* – *air*. Он доказывает, что обсуждать специфику значения слов *land* и *ground* вне их связи со словами *sea*, *air*, *fly*, *swim* и т.д. невозможно. Слова *land* и *ground* существуют постольку, поскольку они включены в определенные категориальные взаимосвязи, определяющие различные аспекты опыта. Вывести же их специфику, исходя из характеристик «денотатов», т.е. непосредственно наблюдаемых характеристик того или иного участка земли, невозможно (Филлмор 1988: 70–71).

Развивая мысль Филлмора, можно сказать, что обсуждать специфику этих слов можно только при учете целого ряда моделей опыта, в формировании которых они принимают участие. Существенные различия между словами *land* и *ground* связаны с характером использования земельного участка для разных типов человеческой деятельности. Например, значения 4 и 5 слова *land*, приводимые словарем Webster's New World показывают, что слово *land* предполагает распоряжение некоторым ресурсом, «неструктурированным сырьем»: “4 *ground or soil in terms of its quality, location, etc. <rich land, high land>*”; 5 *a) ground considered as property; estate <to invest in land> b) [pl.] specific holdings in land*” (WNW). Соответственно, слово *land* связано со словами *rich*, *fertile*, *expensive*, *buy*, *own*, *cultivate* и т.п. При таких глаголах как *own*, *cultivate* и т.п. оно будет выступать в качестве прямого дополнения, т.е. объекта, на который направлено действие.

Слово *ground* связано с совершенно иным аспектом опыта и предполагает регулярное пространство, являющееся, скорее, условием для совершения каких-то действий, а не объектом для «обработки»: “4 a) any particular piece of land; esp., one set aside for a specified purpose <a hunting ground> b) [pl.] land surrounding or attached to a house or other building; esp., the lawns, garden, etc. of an estate” (WNW). *Ground* в таком значении предполагает, прежде всего, проведение каких-то культурных мероприятий (*hunting ground*, *playing ground*, *football ground*).

Фрейм, таким образом, представляет собой модельное образование, обеспечивающее стабильные связи как лексического, так и синтаксического порядка (Филлмор 1988: 64). Очевидно, что фреймы бывают разных типов. По словам Филлмора, они являются структурами «понимания» различных типов опыта.

Концепция, предложенная Филлмором, создавалась в то время, когда представители различных дисциплин — лингвисты, психологи, программисты — приходили к необходимости исследования моделей опыта, существующих в человеческом сознании, для того, чтобы понять, как функционирует языковая система. В тот период появился целый ряд гипотез о существовании в сознании человека моделей опыта различного порядка. Помимо работы Филлмора в современных исследованиях часто упоминаются работы Джорджа Лакоффа (например, Лакофф 1988), а также Р. Шэнка и Р. Абельсона (Schank, Abelson 1977; Schank 1982).

Правомерно будет сказать, что теория Филлмора оказалась одной из лучших формулировок необходимости учитывать модельную природу человеческого сознания для продуктивного лингвистического исследования любых языковых единиц.

Но работа Филлмора содержит ряд неточных и противоречивых положений, которые характерны и для других концепций того времени и для текущих исследований. Судя по всему, эти неточности сильно затрудняют изучение словесных моделей опыта и, следовательно, функциональной природы языковых единиц.

Во-первых, Филлмор очень непоследовательно проводит мысль о словесной природе фреймов. Так, Филлмор убедительно показывает необходимость учитывать связь знаков

ground/air/up/starting point/fly и пр. для определения семантической структуры слова ground. Он также показывает, что и весь фрейм, определяющий возможности взаимодействия человека с объектами, меняющими свое положение на вертикальной оси, и перемещения по этой оси формируется словесными средствами.

Однако тут же Филлмор утверждает, что фрейм может иметь единственного представителя в сфере лексики: «Семантика фреймов допускает возможность того, что говорящие могут в полной мере обладать знанием данного слова, входящего в некоторую область лексики, даже если они вообще не знают никаких других слов этой области или знают лишь некоторые из них» (Филлмор 1988: 61). В качестве примера приводится слово *hop*. Обращение к словарной дефиниции этого слова показывает нам, что оно связано со словами *quick*, *foot*, *bird*, *frog* и пр.: “spring, (of person) on one foot, (of bird, frog, etc.) with all feet at once; (colloq.) make quick change of position or location” (The Concise Oxford). Рассматривать слово *hop* вне связи со словами *quick*, *easy*, *move*, *foot*, *bird* точно так же бессмысленно, как и рассматривать слово *ground* в определенном значении отдельно от знаков *air/up/off/on/fly*. Различия между словами *land* и *ground* принципиально не отличаются по своей языковой природе от различий между словами *jump* и *hop*.

Можно видеть, что Филлмор, который при рассмотрении слов *ground* и *land* спорит с денотативной теорией значения, сам не может до конца преодолеть определенные исследовательские стереотипы. Он предлагает рассматривать семантический комплекс, закрепленный за словом *hop* как ситуацию, которая обладает значением вне языковой системы и в нерасчлененном виде закрепляется за этим словом, которое существует в языке как бы «само по себе» в качестве единственного представителя «фрейма». Но этому противоречит само наличие в словаре дефиниции у слова *hop*. Если бы его содержание было уникально и неделимо, то у этого слова просто не могло бы быть дефиниции.

Почему Филлмор допускает такую методологическую непоследовательность? Скорее всего, потому, что в его работе нечетко определена функция моделей опыта, формирующих человеческое сознание. Филлмор пишет, что фреймы — это «структуры понимания» (Филлмор 1988: 64).

В качестве объектов, на которые это понимание направлено, он перечисляет «культурные установления, представления о мире, общий опыт, нормальные и привычные способы поведения в мире и его видение» (Филлмор 1988: 64). Очевидно, что этот список не является последовательной классификацией. Чем отличаются «представления о мире» и «общий опыт»? Предполагается ли, что «мир» и «опыт» — это разные объекты одного порядка? Опять же, в чем различие между пониманием способов поведения в мире и видением мира? Предполагается ли, что это относительно независимые друг от друга типы моделей? Филлмор не раскрывает оснований приведенного списка. Однако, судя по его примеру со словом *hor*, для него не определены функциональные связи между потребностями человека и моделями, которые создаются человеком по поводу физического взаимодействия с действительностью.

Филлмор никак не объясняет природу «видения мира» человеком. Приводимый им список содержания тех фреймов, которые формируются в человеческом сознании, создает обманчивое впечатление. На основании этого списка может показаться, что потребности человека, его поведение и воспринимаемый им мир существуют отдельно друг от друга. Это впечатление подкрепляется примером со словом *hor*. Непонятно, каким образом одно слово может представлять целую модель, т.е. комплексное образование. Модель предполагает наличие элементов, некоторых абстрагированных эквивалентов более сложной конкретной ситуации. Если такая модель может быть закреплена за одним знаком, то становится непонятным из чего же состоит сама модель, каков ее материал. Получается, что постулат о словесной природе фреймов в изложении Филлмора не получает адекватного обоснования.

Не менее известной, чем работа Филлмора, является книга Р. Шэнка “*Dynamic Memory*” (Schank 1982). В ней он развивает теорию о роли моделей опыта для функционирования памяти и понимания текста. Основным термином, которым он пользуется, рассуждая о ситуативных моделях, существующих в человеческом сознании, является термин «сценарий» (*script*). Работа Шэнка возникла отчасти на базе разработки программ, которые бы позволяли компьютеру

«читать» текст. При этом предполагалось, что существующие в сознании человека «сценарии» опыта могут служить основой для понимания компьютером любого текста на заданную тему (Schank 1982: 3). Соответственно, Шэнк и его коллеги исходили из того, что люди обладают общими сценариями опыта. Однако в конце своей книги Шэнк приходит к такому выводу: “Different people structure the world in different ways of course. There is no reason why structures that are based in experience should bear a relationship to any other person’s structures” (Schank 1982: 224).

Почему у Шэнка возникает такой вывод, по сути не совместимый с основной гипотезой его исследования, которая предполагает, что сценарии позволяют человеку понимать тексты, производимые другими людьми? Потому что Шэнк полагает, что память и сценарии существуют отдельно от языка. Соответственно, он подразумевает, что «опыт» запоминается «сам по себе», а в языке сформировавшиеся модели просто находят выражение (Schank 1982: 3). Естественно в таком случае его утверждение о том, что сценарии автоаварии в сознании людей, никогда не попадавших в автоаварию, и сценарии автоаварии в сознании людей, переживших автоаварию, обладают различной природой (Schank 1982: 6).

Если же исходить из того, что язык — это средство формирования опыта, без которого и опыта собственно не существует, то объяснимы как сходства, так и различия сценариев автоаварии в сознании людей никогда не попадавших в автоаварию и в сознании людей, каждый из которых попал в «свою» автоаварию. Модели являются достоянием языка, т.е. коммуницируются каждому новому участнику языкового сообщества. Насколько специфической не являлась бы автоавария, опознать ситуацию как автоаварию, повести себя адекватно, запомнить случившееся и произвольно воспроизвести свои воспоминания человек может только за счет того, что ключевые параметры этой ситуации предопределены в языковой модели.

Безусловно, ситуативная модель автоаварии в сознании человека, никогда не переживавшего этот опыт, будет иной, чем в сознании человека, лично побывавшего в автоаварии. Но их языковая основа будет одинаковой. Человек, попавший в автоаварию впервые, если он находится в сознании,

догадается позвонить в дорожную службу или в полицию, поскольку он полагается на языковые сценарии, являющиеся ресурсом коллективной памяти.

Показателен также вопрос о границах сценариев, который Шэнк ставит в своем исследовании. Рассуждая о сценарии автоаварии, он выражает неуверенность относительно того, является ли «визит в приемный покой» частью этого сценария. В заключении он формулирует вывод о том, что установить количество используемых человеком сценариев и их границы невозможно: "... I could not isolate a fixed set of structures. The more I tried, the more it became obvious that there probably was not a fixed predetermined set of structures" (Schank 1982: 224). Фактически, он отрицает правомерность своего же вопроса. Однако вопрос о формате сценариев и об их количестве на определенном уровне абстракции является вполне существенным. Другое дело, что невозможно разрешить его, рассматривая сценарии как отражение последовательности событий, независимых от потребностей человека. Граница между сценариями автоаварии и попадания в приемный покой определяется не объективной прерывистостью опыта, а характером абстракций, которые проводит человеческое сознание, типизируя проблемы.

В качестве истории личностного опыта автоавария может включать в себя не только попадание в больницу, но и переживания человека, оставшегося без автомобиля и даже последующее решение купить велосипед. Однако в качестве элемента личностного опыта автоавария в принципе имеет другую структуру, чем автоавария как дорожно-транспортное происшествие. Семантический комплекс, закрепленный за словами *car accident*, встраивается в совершенно иные связи и занимает совершенно иное иерархическое положение в личностной истории в отличие от практической проблемы из области дорожно-транспортных происшествий. И, скорее всего, *phoning the police* в личностной истории является далеко не первостепенным элементом. В практическом же отношении, это обязательный элемент, предполагающий ряд вариантов типа *phoning the police/ the police witnessing an accident*.

Опять же, поступление пострадавшего в автоаварии в приемное отделение вряд ли включает в себя элемент *phoning*

the police с точки зрения врача. И здесь семантический комплекс *car accident* имеет свое положение, подчиненное по отношению к модели осмотра больного и принятия решения о направлении его на соответствующее отделение или срочную операцию. Вполне вероятно, что комплекс *car accident* связан для врача с определенными патологиями у пациента, но актуальный для врача сценарий не предполагает общения с полицией или выплаты компенсации пострадавшим.

Можно видеть, что поиск формата словесных моделей невозможно вести, беря за основу отдельное слово или словосочетание. Отнесенность слова или словосочетания к чему-то, что можно было бы назвать объективным элементом действительности, обладающим собственными границами независимо от потребностей человека, иллюзорна. Однако вопрос о форматах и взаимосвязях моделей опыта является принципиальным, поскольку от него зависят методы исследования этих словесных моделей. Как мы видим, границы моделей опыта определяют дифференциацию проблем, которые человек способен сформулировать. Соответственно, существует динамическая связь между дифференциацией проблем и форматами речевого общения (Ван Дейк 1989). Соответственно, выявление принципов структурирования целостных высказываний является одним из основных подходов к исследованию словесных моделей опыта в сознании человека.

Методологические затруднения, с которыми столкнулись Шэнк и Филлмор, нельзя считать на сегодняшний день разрешенными. Во многих исследованиях, посвященных словесным моделям опыта не учитывается взаимозависимость, существующая между языком, коммуникативными потребностями и опытом человека. На данном этапе предложено достаточно большое количество априорных классификаций ситуативных моделей. Так, многие исследователи говорят о проведении различия между сценариями и фреймами по признаку «декларативности»/«процедурности» (Баранов, Добровольский 1999). Ученые рассуждают о существовании субфреймов и систем фреймов (Минский 1988). Но принципиального решения проблемы, которую поставил в своей книге Р. Шэнк пока никто не предложил. Во многом это связано именно с неясностями в определении словесно-композиционной природы ситуативных моделей.

В этом отношении показательно, что в современных исследованиях, посвященных разработке теории фреймов, под терминами «фрейм», «сценарий», «ситуативная модель» и т.д. могут подразумеваться принципиально различные единицы. Так, фреймом может называться категориальная структура, которая в данном учебнике фигурирует под названием вариативности родовой категории слова в системе его ЛСВ. Ярким примером такого употребления термина служит диссертация голландского лингвиста Т. Бредероде “Collocation restrictions, frames and metaphors” (Brederode 1995). Он рассматривает семантические особенности и метафорический потенциал слов *crush*, *stifle*, *subdue*, *suppress*, *smother*, *quell* на основе их сочетаемости с другими словами в общественно-политической публицистике. Он называет выявляемые категориальные комплексы, которые закреплены за указанными словами, «фреймами». При этом он упоминает о существовании словесных моделей, лежащих в основе формулирования и обсуждения общественно-политических событий (Brederode 1995: 35). Эти модели, по предположению Бредероде, определяют общую смысловую структуру текстов, которые служат материалом исследования. Бредероде замечает, что модели такого порядка также принято называть фреймами. Однако он сохраняет термин фрейм для обозначения категориальных комплексов, которые являются, по сути, ничем иным как значениями слов.

С другой стороны, существует, как это и отмечает Бредероде, исследовательская традиция, в которой термином «фрейм» принято обозначать именно модель удовлетворения некоторой потребности. Эта традиция начала развиваться в первую очередь в связи с выявлением словесных моделей социального взаимодействия и социально-политического самоопределения. Поводом для исследования таких моделей послужила лингвистическая задача исследовать системность речевого общения и, в первую очередь, высказывание как целостную смысловую единицу.

Одним из исследователей, поспособствовавших развитию этой традиции, является Т. Ван Дейк. Он выдвинул гипотезу, в соответствии с которой фреймы определяют структуру речевых высказываний. При этом он полагал, что в различных сферах общения задействованы различные типы фреймов, и характер их соотношения с высказыванием также

может различаться (Ван Дейк 1989: 18–35). Так, в сфере диалогического общения «фреймы» определяют как последовательность высказываний-реплик участников, так и связь словесных и физических действий. Ни одна реплика не обладает самостоятельным смыслом вне такого фрейма (Ван Дейк 1989: 35). Другие типы речевых высказываний — такие как общественно-политическая статья или художественное повествование — являются самостоятельными единицами смысла, порождение которого опять же обеспечивается фреймами, но фреймами несколько иного типа (Ван Дейк 1989: 17–18).

Ван Дейк предполагает, что исследование таких языковых моделей может значительно способствовать развитию когнитивной лингвистики и теории речевого общения. При этом, однако, он отмечает почти полное отсутствие исследований такого рода (Ван Дейк 1989: 14; 39–40). До сих пор, исследовательская программа, предложенная Ван Дейком, остается во многом только программой. Это связано с тенденцией рассматривать ситуативные модели как отражение чего-то внешнего по отношению к человеку. Эта традиция до сих пор сильна и, к сожалению, по-прежнему заставляет многих исследователей рассматривать языковое моделирование человеческого опыта как описательную процедуру, которая осуществляется человеком независимо от его непосредственных потребностей.

Судя по всему, в психолингвистике не существует пока такой классификации потребностей человека, обслуживаемых языком, на которую могла бы опираться лингвистическая теория. Рассмотрение вопроса о природе человеческих потребностей, по-видимому, задача междисциплинарная и лингвистические исследования могут сыграть не последнюю роль в ее осуществлении.

Итак, знание об окружающей действительности представляет собой комплекс словесных моделей, являющихся для человека средством сохранения в памяти способов удовлетворения своих потребностей. Безусловно, сегодня реальные модели, существующие в памяти людей, говорящих на определенном языке, изучены крайне мало. Одновременно, наличие в сознании языковой картины мира как основы языковой личности является общепризнанным. В соответствии

с этим, мы можем сделать вывод о том, что реальное языковое поведение человека осуществляется в соответствии с хранящимися в памяти словесными моделями опыта. Усвоение данных моделей является длительным и сложным периодом, охватывающим весь срок взросления человека.

В истории известны примеры детей, выросших вне людских коллективов (Gleitman 1986: 510–512). Все они не смогли сами выработать способности говорить, мыслить и действовать как полноценные люди. В поведении они больше походили на животных, среди которых они выросли (волков). Эти дети так и не смогли стать полноценными членами человеческого сообщества. Они умерли в раннем возрасте. Дольше всех прожила девочка, найденная в лесу, когда ей было восемь лет. Она дожила до восемнадцати лет, но так и не смогла овладеть языком и действовать как совершеннолетний человек. Ей только удалось избавиться от привычки ходить как животное на четырех конечностях и привыкнуть к одежде. Она также могла произносить несколько отдельных слов (Gleitman 1986: 510).

Данные примеры свидетельствуют о том, что вне языка человек, обладающий всеми физическими данными, характерными для людей, не способен стать личностью. Сходные проблемы с адаптацией к человеческому коллективу имели и дети, которых родители держали в искусственной изоляции и с которыми они не разговаривали (Gleitman 1986: 511–512). Все эти дети были лишены возможности развить в своей памяти аналитическую знаковую систему, которая определила бы для них принятые в определенном языковом коллективе способы удовлетворения своих потребностей. Вне языка их сознание оказалось бессильно создать для них модель реальности, соответствующую уровню развития языкового коллектива, к которому они теоретически принадлежали.

Рассмотренные нами примеры являются еще одним подтверждением того, что словесные модели опыта представляют собой основу человеческого мировосприятия, определяя характер его взаимодействия с окружением. Они не являются отражением каких-то свойств реальности, находящихся за пределами человеческих потребностей. Они представляют собой способ структурирования потребностей как ситуаций, в которых объекты совершают изменения и подвергаются

изменениям. Как видим, без усвоения словесной знаковой системы индивидуальное сознание не способно создать модель реальности, основанную на данных принципах.

Следующий вопрос, который нам необходимо рассмотреть, касается соотносительности значения слова как элемента языка с данными моделями.

5.2 Категории как средство связи слов в моделях опыта

Мы уже отметили важнейшее свойство категорий, составляющих значение каждого отдельного знака языка: они определяют роль данного знака в словесных моделях опыта. Попытаемся теперь рассмотреть это свойство подробнее.

Рассматривая природу значимости различных типов знаков в английском языке, мы пришли к выводу о том, что любой знак способен обладать значимостью лишь постольку, поскольку он соотносен определенным образом с какими-либо другими знаками языка. Так, мы убедились в том, что любой знак-объект (прежде всего, существительное) является таковым за счет закреплённой в сознании (памяти) связи данного знака с рядом знаков-изменений (прежде всего, глаголов). Слово *table* способно функционировать как знак, обозначающий определенный тип мебели, благодаря тому, что оно соотносится с такими знаками-изменениями как *eat*, *write*, *work*. Характер этого отношения также жестко определен: он представлен знаком *at*. Данное отношение также предполагает обязательное включение в модель знаков, обозначающих человека: *I/you/we/ Peter and Mary ... eat, write, work... at the table*. В данной модели знак *table* обозначает важное условие для нормального выполнения человеком определенных функций. Если мы обратимся к словарной дефиниции слова *furniture*, обозначающего класс различных предметов домашней обстановки, к которым относится и *table*, то мы увидим, что структура дефиниции основывается на словесном описании модели, обозначенной нами выше: объекты, обеспечивающие человеку выполнение ряда специфических функций. *Furniture – the movable equipment*

of a house, room, etc., e.g. tables, chairs, and beds (The Concise Oxford). Equipment — the necessary articles, clothing, etc., for a purpose (The Concise Oxford).

Здесь уместно задать вопрос: обладают ли слова *table*, *furniture*, *equipment* данной структурой значения потому, что у них существуют такие словарные дефиниции? Или же, наоборот, словарные дефиниции обладают определенной структурой потому, что они фиксируют характер категориальных связей между данными знаками и их словесным окружением в закреплённых в памяти носителей языка моделях опыта?

Словарные дефиниции создают иллюзию «самодостаточности» слова как некоего атома значения, заключающего информативность внутри самого себя. Эта иллюзия обусловлена тем, что слова в словаре печатаются в алфавитном порядке. Они словно оторваны от своего естественного окружения и, вместе с тем, представлены как значимые единицы. Иллюзорность представления о том, что в словаре мы имеем дело со значениями единиц «вне контекста» становится очевидной при внимательном взгляде на структуру любой словарной дефиниции. Мы видим, что рассмотренные нами дефиниции слов *table*, *furniture* и *equipment* являются попытками с помощью минимального количества других словесных знаков активировать в сознании человека, пользующегося словарем, те модели опыта, которые содержат данные единицы в нашем сознании.

Структура опыта, в оформлении которого участвуют знаки *table* (вариант *a piece of furniture*), *furniture* и *equipment*, является в высшей степени общедоступной. Нам трудно представить себе, что данные словарные дефиниции не являются ничем иным как косвенным и экономичным обозначением всех возможных сочетаний данных знаков в моделях, представляющих в нашем сознании потребности, связанные с обеспечением комфортных условий определенных видов деятельности. Такие сочетания как *push the table into the corner*; *buy new furniture*; *lay the table*; *need new equipment* и т.д. существуют как элементы готовых моделей, которые, собственно, и позволяют нам не только думать и говорить о предметах мебели или оборудовании, но и иметь их в предметной внешней действительности.

Сфера ювелирного дела является значительно более узкой по степени распространения. Для того чтобы знать, каким образом обрабатываются драгоценные камни, необходимо пройти специальных курс обучения, т.е. усвоить определенные словесные модели, в соответствии с которыми будут осуществляться специфические действия по обработке камней, и также приобрести навыки данных действий (что в принципе невозможно без усвоения словесной модели данного типа опыта). Именно поэтому вариант *table – a flat surface of a gem* как словарная дефиниция будет в значительной степени «менее информативным», чем ЛСВ, рассмотренный нами выше. Прочитав данную дефиницию, мы вряд ли сможем с легкостью пользоваться данным ЛСВ, если в нашем сознании нет словесной модели данной сферы опыта. Данная закономерность – лишь одно из доказательств того, что в реальности существования языка значение слова существует как все его сочетания в структуре моделей опыта, хранящихся в памяти человека.

Более существенным доказательством этого служит то, каким образом осуществляется создание дефиниций для словарей. В современной лексикографии основным средством получения информации о значении слова является обобщение максимального количества его употреблений в реальных речевых условиях с помощью компьютерной обработки так называемых «корпусов» (*language corpora*) – баз данных, содержащих отрезки речи и позволяющих систематически отображать все факты употребления того или иного словесного знака в данном корпусе. Дефиниция создается на базе выявления модельного характера словоупотреблений и их классификации. Компьютер способен производить быструю и надежную количественную обработку сканированных примеров речевых актов, выявлять и группировать примеры по каждому отдельному словесному знаку. Данная методика является не просто важным подспорьем в процессе создания словаря. Безусловно, она освобождает исследователей, работающих над созданием словарных дефиниций, от огромного объема тяжелой черновой работы по анализу и классификации словоупотреблений. Вместе с тем, операции, осуществляемые компьютером сегодня, позволяют понять механизм формулировки дефиниции в сознании исследователя в прошлом.

Человеческое сознание — более совершенная система обработки знаков, чем любой современный компьютер. Его совершенство состоит в том, что у исследователя уже существует в сознании широчайшая база данных, содержащих огромное количество вероятных словоупотреблений — его языковая картина мира, представляющая собой комплекс словесных моделей решения проблем. Именно это свойство сознания и позволяет человеку распознавать потенциальную значимость у отдельного знака, если в виде эксперимента показать ему этот знак «вне контекста». Сознание моментально «выдаст» наиболее характерную модель опыта, в структурировании которой принимает участие данный знак. Это свойство было отмечено и психологами, пытавшимися объяснить природу словесного значения «отражением» неких сущностей, находящихся вне человеческого сознания. В процессе эксперимента выяснилось, что для испытуемых знак *table* безусловно связан с осуществлением определенных функций человека (*eating, writing, etc.*), т.е. является элементом определенной модели опыта и не может существовать вне ее. Данный факт вызвал затруднение у психологов, пытавшихся обосновать автономную природу значения определенных «базовых» имен (Rosch 1978: 42).

Благодаря тому, что сознание, в отличие от компьютера, осуществляет активацию словесных моделей опыта моментально и незаметно для самого человека, и возникает иллюзия автономности или «внеконтекстовой природы» значения словесных знаков. Использование компьютерных баз данных как основы для определения структуры дефиниции словарной статьи сегодня позволяет нам как бы представить себе «реальное существование» значения слова в нашем сознании. Если бы мы ввели в компьютер только слово *table*, то машина могла бы лишь бесконечно воспроизводить данный знак, и вряд ли мы бы увидели на экране сочетания типа «*there were four tables in the room*». Вряд ли можно себе представить и то, что машина сама могла бы произвести данную «правильную» компоновку этих знаков, если бы мы не ввели в память машины, с одной стороны, матричную структуру, модель, в соответствии с которой определенные знаки располагались бы определенным образом, и, с другой стороны, представили бы каждый отдельный знак

как набор определенных качеств, составляющих элементы матрицы. Данные качества и определяли бы место каждого знака в моделируемой последовательности. Проблемы такого рода решаются в сфере создания искусственного интеллекта. Роль компьютера в формировании «корпусов» словоупотреблений, на основании которых формируются дефиниции, более проста.

Машина как бы материализует то, что хранится в человеческом сознании на уровне автоматизма: она сводит воедино все случаи словоупотреблений в различных сферах речевой деятельности, давая нам возможность получить надежную информацию о том, как каждый знак языка существует в нашей памяти, позволяя нам производить высказывания, которые могут быть поняты другими, и понимать высказывания других. Сама дефиниция составляется исследователями-лексикографами на базе количественного и структурного анализа всех возможных типов словесных последовательностей, в которых отмечено данное слово. Нам легко определить, что словесные последовательности типа «there are four tables in the room; lay the table» соответствуют значению знака table, а последовательности типа «I drink hot table every morning» являются аномальными потому, что одни соответствуют словесным моделям опыта, существующим в нашем сознании, а другие нет. Если бы сочетания типа «I drink hot table in the morning» были бы языковой реальностью, они бы нашли отражение в структуре дефиниции слова table, но лишь при условии, что данная реальность была бы зафиксирована как факты языкового поведения носителей языка в тех или иных речевых сферах. “The ultimate source of everything in the dictionary is evidence of words in use.” (The Concise Oxford, 1990, XXIII).

Итак, мы видим, что не автономное «свободное» значение отдельного слова как-то влияет на его окружение и определяет характер его сочетаемости с другими знаками, а, наоборот, значение отдельного знака является его функцией в определенных моделях опыта. Категориальная структура значения реализуется как закономерный характер связи определенного знака с другими знаками в моделях, составляющих для человека основу его опыта — языковую картину мира. Вне категориальной соотнесенности с другими знаками существование

какой-либо значимости у отдельного языкового знака в принципе невозможно. Соответственно, в каждом конкретном высказывании, значение каждого знака является реализацией того его ЛСВ, которое соответствует той сфере опыта, в которой данное высказывание выступает в качестве средства решения определенной проблемы с помощью языковых знаков. Сознание структурировано не как словарь, в котором слова располагаются в алфавитном порядке и представлены как последовательность ЛСВ, причем, наиболее близкими к данному слову словами будут омонимы, если они существуют. Сознание это энциклопедия контекстов — моделей, в соответствии с которыми человек способен пользоваться членораздельной речью для решения проблем в процессе своего опыта. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что контекст и есть материальная форма существования категорий, составляющих значения отдельных словесных знаков.

В данной главе мы еще раз рассмотрели важнейшее свойство языковых знаков, о котором мы по-разному говорили во всех предыдущих главах. Это свойство заключается в том, что любой знак в языковой системе способен реализовать свою двустороннюю природу, благодаря тому, что память фиксирует не просто отдельные акустико-артикуляторные комплексы, представляющие материальную форму отдельных слов, а их последовательности, соответствующие определенным моделям удовлетворения потребностей. Данные модели являются единицами, обеспечивающими материальную форму существования категорий. Таким образом, категории, составляющие план содержания любого словесного знака, как бы принадлежат и, одновременно, не принадлежат данному знаку. Наше сознание способно синтезировать определенные качества опыта как слово *table* потому, что они оформляют объект (содержание данного знака) как элемент аналитической модели, представляющей потребность в комфорте как определенные действия человека по отношению к определенному типу плоской поверхности, который определяется природой контакта (*a table exists as a piece of furniture because we can sit at it; write at it; eat off it, etc.*). Объект существует в нашем сознании как комплекс свойств, обеспечивающих определенные изменения, производимые человеком. Точно так же мы способны воспринимать содержательность

знака mountain потому, что его содержание — определенный объект, представляющий серьезное препятствие для передвижения по горизонтальной поверхности, является частью модели, описывающей характер передвижения человека в физическом пространстве.

Слово вне контекста не просто не может обладать значением; оно вообще не существует вне своего возможного окружения.

5.3 Денотативная теория значения и контекст. Феномен «исчезающего денотата» в словарных дефинициях

Мы уже убедились в том, что денотативная теория значения слова исходит из того, что у словесных знаков существует значение, присущее именно этим знакам как автономным атомам значимости. Это значение делает слово как бы равным самому себе и определяет его природу. Такой подход к значению слова имеет непосредственное влияние на то, как определяется характер взаимодействия отдельного знака с другими знаками в словесных последовательностях. Рассмотрим основные положения данного подхода к контексту.

Наиболее последовательно денотативный взгляд на природу контекста представлен в курсе лекций Н. Н. Амосовой «English Contextology», созданном в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века. Положения разработанной Н. Н. Амосовой теории контекста пользуются широкой популярностью до сих пор. Данная теория появилась до начала разработок когнитивной лингвистики и т.н. «теории фрейма». Именно данный факт является наиболее значимым с точки зрения «чистоты» методологии, разработанной Н. Н. Амосовой: теория контекста в том виде, как она представлена в ее курсе лекций, наиболее последовательно представляет то, каким образом семантические отношения между знаками могут быть описаны при исходном априорном положении о возможности существования автономного значения у отдельного языкового знака.

В основе денотативной теории контекста лежит положение о том, что полисемия и омонимия являются потенциальной проблемой для понимания словесных знаковых последовательностей. Понимание проблемно, т.к. в сознании слова существуют как комплексы вариантов полисемии и часто эти комплексы осложнены существованием омонимичных форм. Н. Н. Амосова так определяет данную проблему: «If homonymy and polysemy prevail in English vocabulary and accident (change of grammatical forms of a word), how do English people manage to understand each other? — If one and the same sound — or letter-complex may imply so many different grammatical and lexical meanings, how is it possible to understand English speech?» (Amosova 1968: 17–18). В самой формулировке проблемы четко обозначается исходный априорный принцип описания лексического значения, характерный для денотативной теории. Значение определяется как качество отдельного слова, присущее ему как автономной, «свободной» единице (one and the same sound or letter-complex may imply...). В результате, для того, чтобы состоялось правильное понимание слова в определенной последовательности, необходимы специальные условия, которые бы «нейтрализовали» присущую свободному слову полисемию и присущую автономной словесной форме омонимии. В успешной речи у слова обязательно должен быть индикатор, который бы снимал его полисемию и омонимию, всегда присущие слову — атому значения.

Рассмотрим данную логику более подробно. Н. Н. Амосова рассматривает сочетание *a solid bank*. Она замечает, что в данном сочетании нет ясности в том, что именно обозначают словесные знаки *solid* и *bank*. «We cannot say what it (*a solid bank*) means; “solid” is a dependant; what it means nobody can tell us, because the only component “bank” given here is ambiguous itself» (Amosova 1968: 39). Мы видим, что в основе постановки проблемы лежит уверенность в том, что слова существуют в сознании как автономные значимые единицы, сочетание которых определяется волей субъекта, природой «передаваемой информации» или какими-либо другими факторами, которые лежат вне языковой системы. Далее Н. Н. Амосова так развивает данную позицию: «It is easy to see that the phrase “a solid bank” has no context. Why? Because the indicating element itself is not clear; it must have its own indicator in its turn»

(Amosova 1968: 39). Вся речевая деятельность с точки зрения такого взгляда на контекст представляется как деятельность субъектов, направленная на то, чтобы окружить отдельный знак, обладающий сам по себе как автономная значащая единица полисемией и, возможно, омонимией, достаточным количеством индикаторов, которые бы нейтрализовали данное свойство знака, способное препятствовать нормальному пониманию речи: «Контекст – фрагмент текста минус определяемая единица» (цит. по Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб, 2003: 28).

Мысль о том, что тексты состоят из ядерных единиц и окружающих их индикаторов, направленных на снятие полисемии и омонимии, является естественной для атомарного взгляда на значение. Но она представляется парадоксально непоследовательной при взгляде на язык как средство моделирования человеческого опыта. С этой точки зрения сочетания типа *a solid bank; goes to; at the; more room* не являются текстами и поэтому не могут рассматриваться как единицы, обладающие смыслом. Современная лингвистика рассматривает языковую деятельность как средство решения проблем, возникающих в процессе человеческого опыта. Данные сочетания не являются достаточными единицами для того, чтобы функционировать как высказывания. Вместе с тем, мы воспринимаем их как потенциально значимые потому, что они соответствуют тем словесным моделям, в которых они закрепились в нашем сознании.

Показательно, что при дальнейшем анализе сочетания *a solid bank* Н. Н. Амосова в качестве необходимых индикаторов для снятия полисемии выбирает два варианта слова *bank*: «If the indicator bank means “the land beside the river”, then “solid” implies a physical state – “hard”, “firm”. If the noun “bank” is a financial establishment where money is kept, then “solid” means “reliable”, “of good repute”». (Amosova 1968, 39). Данное рассуждение парадоксальным образом противоречит сделанному Н. Н. Амосовой чуть выше утверждению о том, что в принципе невозможно сказать, что значит данное сочетание. Дело в том, что *solid* как знак, обозначающий определенное качество объекта, обладает широкой полисемией. Интегральной категорией данного знака следует считать возможность объекта обладать устойчивостью к внешним воздействиям на основе

единообразия организации его внутренней структуры. Данная категория легко выявляется при сравнении фиксируемых словарем ЛСВ:

Solid – firm and stable in shape; not liquid or fluid (*solid food; water becomes solid at 0 degrees C*);

of the same substance throughout (*solid silver*)

of strong material or construction or build, not flimsy or slender etc.

sound and reliable; genuine (*a solid Tory*)

unanimous, undivided (*support has been pretty solid so far*).

и т.д.

Словарь представляет целый ряд сфер опыта, в которых актуальным является выделение данного свойства объектов – от сфер контактов с материальными предметами, до сфер, в которых оценивается природа человеческого взаимодействия в обществе. Характерно, что при анализе словосочетания *a solid bank* как сочетания, не обладающего контекстом, Н.Н. Амосова не говорит о том, что *solid*, например, способно реализовать произвольно любой из своих вариантов. Если предположить, что данное сочетание не отражает никаких контекстуальных закономерностей (*“solid” is a dependant; what it means nobody can tell us*), то закономерно предположить, что *solid* способно в таком случае реализовать любой из своих ЛСВ. Однако это в принципе невозможно: *solid bank* четко не укладывается в категориальные комплексы ЛСВ, реализующихся как *solid support* (unanimous, undivided); как *solid tyre* (without a central air space); как *solid print* (without spaces between the lines). Точно так же и *bank* в данном сочетании способно реализовать ограниченное количество ЛСВ двух омонимов. Так вряд ли *a solid bank* может в каких-то речевых условиях реализовать для *bank* ЛСВ “*a building in which this business (banking) takes place*”.

Данные наблюдения еще раз показывают нам, что контекст слова, т.е. его материальное знаковое окружение, всегда является проявлением его категориальной природы. Любое сочетание, которое не представляется носителям языка как в принципе невозможное (*the goes; bank eat* и т.п.) отражает категориальную природу значения каждого из составляющих данное сочетание слова. Мы убедились в том, что сочетание *a solid bank* способно употребляться в нескольких сферах

опыта, количество которых уже, чем полная структура полисемии и омонимии обоих знаков, составляющих данное сочетание (*a solid bank of a river; a solid bank for keeping your money; a solid bank of a mine-shaft* и др.). Это свидетельствует лишь о том, что интегральная категория признака объекта, обозначаемого знаком *solid*, — способность противостоять внешним воздействиям на базе внутреннего структурного единства данного объекта — в совокупности с родовой категорией знака-свойства образует варианты значения *solid*, которые актуальны для ряда объектов, обозначаемых словом *bank* в определенных моделях опыта. Сочетание *a solid bank*, таким образом, представляет собой вовсе не формальную последовательность двух слов, обладающих автономными значениями и сочетающихся по правилам грамматики, нейтральным по отношению к реальному содержанию данных знаков. Это своеобразный «осколок» ряда словесных моделей опыта, в котором собственно и проявляется природа значения каждого из этих двух слов. Ни одна из категорий, составляющих структуру слова *solid*, в принципе не может принадлежать только этому знаку. Они существуют в структуре значения слова *solid* постольку, поскольку в сознании существуют сочетания типа *a solid bank; solid support; a solid tyre; solid print; solid arguments* и т.д. Точно так же и *bank* обладает категориальным значением не как автономный знак, а как элемент моделей *a bank that uses money deposited by customers; a bank that protects the top of a mine-shaft; a bank that forms the sloping edge of a river* и т.д.

Выделенная нами природа контекста как единственной материальной формы существования категориального значения словесных знаков не была очевидной для лингвистов, занимавшихся проблемой лексического значения шесть десятилетий тому назад. Именно это и объясняет сложную и многоярусную теорию контекста как системы индикаторов «правильного» для данного высказывания варианта значения отдельного слова. Открытие словесных механизмов сознания и формирования высказываний на базе моделей, составляющих языковую картину мира, позволило переосмыслить роль и природу контекста. Контекст более не может считаться внешним по отношению к слову фактором, обуславливающим выбор того или иного значения, закрепленного за отдельным знаком. Такой взгляд на контекст сегодня, несмотря

на его, по-прежнему, широкую распространенность, следует считать архаичным.

Подлинная функция контекста, т.е. всех возможных в реальном бытии языка сочетаний отдельного слова с другими словами, состоит в обеспечении преемственности и сохранности категориальной структуры значения данного знака за счет хранения в памяти носителей языка данных сочетаний. Слово способно выполнить свою обозначающую функцию только в составе модели опыта, часто называемой фреймом. Наличие в сознании таких моделей обусловлено стабильностью контекстов, позволяющей человеку постоянно развивать и модифицировать аналитические модели своего опыта.

Парадоксальность самого допущения возможности существования у слова прямого номинативного значения, свободного от контекста и непосредственно обозначающего некий предмет объективной действительности проявляется в структуре словарных дефиниций еще и в том, что как только мы попытаемся в любом словаре выявить в дефиниции слова какие-то признаки, которые не были бы связаны с определенной ситуацией, мы тут же убедимся в том, что содержательность дефиниции разрушается. Данный принцип мы называем феноменом исчезающего денотата.

В основе определения прямого номинативного значения, свободного от контекста, лежат два постулата, которые часто представлены в самых различных работах по вопросам значения в языке. В общем виде их можно сформулировать следующим образом: слова называют предметы, язык описывает состояние дел в предметной действительности (*words name objects; language says how things are*) (Cooper 2003: 5, 42). Эта возможность приписывается языку на основе его способности отражать наиболее существенные родовые и видовые характеристики элементов материального мира, которые и образуют предметы/объекты/денотаты.

Ради эксперимента, откажемся от нашего убеждения в том, что значение слова представляет собой элемент человеческой потребности, обусловленный аналитическим членением опыта при помощи языка. Если словари действительно фиксируют отраженные и закреплённые в слове наиболее существенные признаки чего-то, находящегося в мире за пределом нашего сознания в том виде, в каком человеческое

сознание делает это «что-то» доступным для нашей мысли, то мы должны увидеть в словарных дефинициях надежный источник информации о категориальной сущности действительности, воплощенной в логически точных и выверенных дефинициях.

Рассмотрим с этой точки зрения первую дефиницию слова *table* в словаре *The Concise Oxford*: «a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface for eating, writing, or working at, playing games on, etc.» (COD 1990: 1240). Если мы предположим, что данная дефиниция должна описать предмет, обладающий особой природой и не связанный с языковым контекстом, то мы, в первую очередь должны обратить внимание на слово *furniture* в структуре данной дефиниции и попытаться увидеть в нем не указатель определенной словесной модели опыта, как мы это делали выше, а свойство или качество мира, находящегося за пределами языковой системы. В таком случае мы назовем *furniture* гиперонимом — обозначением родового понятийного признака предмета, соответствующего его природе в объективной действительности. Остальные элементы представляют собой видовые характеристики, которые как бы указывают на место предмета в понятийной системе (их в денотативной теории называют семами) (Маслов 1987: 96–97)

Обратимся к дефиниции *furniture* как к маркеру понятийной основы словесного значения *table*: “the movable equipment of a house, room, etc., e.g. tables, chairs, and beds.” (COD 1990: 478). Здесь сразу стоит отметить первый парадокс: родовый признак *equipment* определяется с помощью ряда *tables, chairs, and beds*. То есть содержание родового признака, понятийной основы, представлено через отсылку к видовым признакам. Чтобы увидеть парадоксальность такого описания значения уже в первом звене родо-видовой цепочки (*table* — *furniture*) достаточно заменить слово *furniture* в дефиниции слова *table* на словарную дефиницию: «*table* — a piece of the movable equipment of a house, such as tables». Содержание предмета становится тавтологичным, а родовый признак превращается в свою противоположность.

В дефиниции *furniture* родовый признак предмета обозначен словом *equipment*. Словарь предлагает следующую дефиницию для данного слова: «the necessary articles, clothing, etc.,

for a purpose» (COD 1990: 396). В данной дефиниции родовым элементом является *articles*: “(often in pl.) an item or commodity, usu. not further distinguished” (COD 1990: 60). Элемент *item* заслуживает большего внимания, так как для нашего анализа показателен не только первый, но и второй ЛСВ данного слова в том виде, как их предлагает словарь. *Item* 1 a any of a number of enumerated or listed things. 2 an article, esp. one for sale (household items). (COD 1990: 630). Словарь как бы предлагает особый вариант значения для контекстов, связанных с описанием домашнего быта под номером 2. Если заменить его на слово *item* в определении *articles* того же словаря, то получим тавтологическое построение, подобное тому, что мы уже выявили на предыдущем этапе анализа: «*article* — (often in pl.) an article, esp. one for sale...». И на этом этапе предметная сущность слова *table* исчезает в порочном круге тавтологических определений.

Посмотрим, насколько родовой признак первого ЛСВ слова *item* способен далее вести нас к понятийной основе слова *table*: *thing* — a material or non-material entity, idea, action, etc. that may be thought about or perceived. (COD 1990:1269). Здесь интересно то, что в этой цепочке *table* как бы в равной степени относится к ряду *entity, idea, action, etc.* Основной родовой признак становится все более призрачным. Мы видим, что слово *table* может как бы относиться к трем гиперонимам: *table as an entity; table as an idea; table as an action.* На основании такой дефиниции невозможно определить родовую понятийную природу предмета *table*, отраженного в слове. Если мы откажемся от предлагаемого словарем принципа отнесения *table* к разрядам *idea or action* и обратимся только к элементу *entity*, то мы обнаружим следующую его дефиницию в этом же словаре: *entity* — a thing with distinct existence, as opposed to quality or relation (COD 1990: 391). Здесь достаточно заменить слово *entity* на его словарную дефиницию в определении слова *thing*, чтобы убедиться в том, что и на этом этапе поиска понятийной базы как родowego признака мы снова попадаем в порочный круг тавтологического определения: *thing* — a material or non-material thing with distinct existence, as opposed to quality or relation; *idea, action, etc.* Мы видим, что следуя по родовой цепочке *table* — *furniture* — *equipment* — *article* — *item* — *thing* — *entity*, на уровне *thing* — *entity* ряд замыкается

тавтологическим определением, и далее мы просто должны повторить весь обратный путь к исходному слову. Порочный круг замкнулся.

Итак, мы попытались отказаться от взгляда на словесное значение как на принципы внутрисистемного языкового воплощения элемента человеческой потребности и проследовали по пути, предложенному словарными дефинициями, в поисках сущности отражаемого сознанием предмета объективной действительности. В результате, мы вынуждены сделать вывод о том, что сущность понятийной базы денотативного значения слова в соответствии с подобной методологией описания значения состоит в ее принципиальной неопределимости.

Предметная сущность слова *table* это некий непостижимый *X*, который в последнем порочном круге определяется через отрицание: *a thing is a thing as opposed to quality or relation*. Мы можем предположить, что если понятийная основа *table* оказывается призрачной сама по себе, то, по крайней мере, мы можем понять ее сущность через ее отрицание: *X is something that can be opposed to quality or relation*. Но дело в том, что первое же определение слова *quality* замыкает нас на слове *thing*: *quality 1 the degree of excellence of a thing ... 4 the relative nature or kind or character of a thing*. Мы не приводим всю дефиницию слова *quality* для экономии места. Две данные дефиниции ярко — и в той же степени, что и остальная часть словарной статьи — показывают, что в данном случае мы сталкиваемся с разворачиванием все того же парадоксального принципа порочного круга: *a thing is a thing as opposed to the degree of its own excellence or to its own character*. Мы видим, что признак *quality*, который в словарной статье *thing* представлен через противопоставление чему-то, что в принципе остается неопределяемым (*a thing is a thing*), в словарной статье слова *quality* определяется через связь с *thing*. Точно так же и слово *relation* — еще один признак, который через оппозицию должен сущностно раскрыть содержание тавтологии *a thing is a thing* — оказывается вовлеченным в порочный круг. Достаточно сопоставить определение *entity* — *a thing with distinct existence* и *relation* — *the existence ... prevailing between ... things* (COD 1990: 1013), чтобы убедиться в том, что мы получаем следующее построение: *a thing with distinct*

existence as opposed to the existence between things. Здесь парадоксальным является допущение границы между with distinct existence и the existence between. Слово existence иронически завершает процесс полного и абсолютного исчезновения денотата перед нашими глазами на основании следующего ряда в словаре COD: existence – the fact ... of being or existing (COD 1990: 410); fact – a thing that is known ... to exist (COD 1990: 419). Таким образом, a thing with distinct existence становится a thing with a thing that is known to exist. Судя по словарю, родовой основой слова table является формула a thing with a thing as opposed to a thing with a thing between things.

На этапе рассмотрения дефиниции слова article мы увидели два родовых указателя в структуре дефиниции: item or commodity. Проверим, окажется ли слово commodity тем родовым признаком, который поможет вывести слово table из порочного круга, в котором денотат исчезает без остатка. Ирония второго (вспомогательного) родового признака commodity в дефиниции article состоит в том, что он тут же рикошетом отправляет значение обратно к определяемому слову: commodity – 1 an article or raw material that can be bought and sold, esp. a product as opposed to a service. 2 a useful thing. (COD 1990: 228). Как видим, первый ЛСВ commodity возвращает нас к определяемому слову article (article – an item or article), а второй ЛСВ отсылает в порочный круг thing – entity. Остается элемент material. Вот его определение – the matter from which a thing is made (COD 1990: 731). Здесь открывается возможность выйти за пределы порочного круга thing – entity за счет включения слова table в ряд table – furniture – equipment – article – material – matter. Дефиниция matter – physical substance in general (COD 1990: 732). Возможно, если table теряет свою предметность в ряду, где порочный круг уничтожает денотат на уровне thing- entity, то его реальная предметная сущность состоит в отношении table is substance? К сожалению, и в этом случае содержательность substance оказывается нулевой, поскольку она определяется через видовой признак material: substance – the essential material (COD 1990: 1216). Таким образом, и в этом случае порочный круг замыкается (material is material) и предметность значения исчезает.

Описанный нами парадокс, который мы предлагаем называть феноменом исчезающего денотата, был замечен

еще Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях». В параграфе 29 Л. Витгенштейн пишет: «Так что можно предотвратить непонимание, говоря: «Этот цвет называется вот как», «Эта длина называется так-то» и т.д. Но разве только таким способом понимают слова «цвет» и «длина»? — Ну, их как раз требуется объяснить. — То есть, объяснить их другими словами! А как быть с последним объяснением в этой цепи? (Не говори «“Последнего” объяснения не существует». Это равноценно тому, что ты захотел бы сказать: «На этой улице нет последнего дома; к нему всегда можно пристроить еще один»)» (Витгенштейн 1994: 93). Л. Витгенштейн не был лингвистом и не занимался конкретными вопросами лексикографического описания словесного значения. Поэтому ему построение указательных дефиниций представляется просто дурной бесконечностью. Как видим, на практике попытка обосновать автономное значение слова как отражения чего-то, обладающего атомарной природой во внешней среде, приводит не к дурной бесконечности, а к порочному кругу, в котором всякая возможность найти хоть какое-то обоснование того, что конкретное слово должно называть некий предмет, принадлежащий окружающему миру и раскрывающий через слово свою природу человеку-наблюдателю, приводит к полному исчезновению какой-либо семантической базы для уяснения сущности предмета. Реальным завершением построения понятийной базы слова *table* по словарю будет формула *table is a table*.

Предложенные нами наблюдения еще раз подтверждают давно назревшую необходимость отказа от положения о предметной природе значения и от использования слова «денотат» и его заместителей в теории словесного значения. В сущности, порочный круг дефиниций свидетельствует лишь о том, что принадлежность слова к определенным грамматическим разрядам (имя, глагол, прилагательное, наречие и проч.) никак не связана с природой материального мира, и что элементы дефиниций, представляемые как родовые признаки предмета, отражаемого в словесном значении, есть ни что иное как фиксация синтаксической функции слова в словесных рядах (родовая категория). Стоит нам отказаться от мысли о том, что материальная среда обладает границами, которые

соответствуют границам между грамматическими классами слов, как порочный круг исчезнет и мы сможем предложить более последовательные принципы определения словесного значения. На это указывает Л. Талми в работе «*Toward a Cognitive Semantics*» (Talmy 2000: 215): “the human mind in perception or conception can extend a boundary around a portion of what would otherwise be a continuum, whether of space, time, or other qualitative domain, and ascribe to the excerpted contents within the boundary the property of being a single unit entity.” (Talmy 2000: 215). Признание того, что границы значения отдельного знака в языковой системе определяются тем, как человеческое сознание распределяет опыт между отдельными знаками (ascription of entityhood), может направить усилия исследователей не на поиск все новых и новых принципов классификации слов по классам в соответствии с классическим пониманием категории как свойства объективной действительности, а обратить внимание на знак именно как на двустороннюю единицу, обеспечивающую человеку возможность интегрировать в каждой формально определенном знаке специфический комплекс психо-физиологических переживаний для гипотетического моделирования своего поведения в интересах максимально комфортного воспроизводства собственной жизнедеятельности.

Действительно, такие элементы дефиниций как «providing a level surface for eating, writing, or working at (table); movable, of a house (furniture); necessary for a purpose (equipment); enumerated or listed; for sale (item); may be thought about or perceived (thing); distinct (entity)» очевидно не связаны с какой-то «объективной предметностью» денотатов, а фиксируют ценностное отношение человека к среде, мотивированное природой его потребностей. Более того, все эти характеристики в принципе нельзя трактовать как что-то изначально присущее какому-либо лексико-грамматическому разряду слов в языке. Это скорее элементы человеческой жизни, которые приобретают образную форму в определенном словесном знаке (интегральная категория) внутри знаковой системы и создают основу для организации словесных моделей опыта в соответствии с природой родовых категорий, организующих образы переживаний по поводу потребностей в синтаксические ряды или контексты.

Таким образом, словарные построения типа *table — a piece of furniture*; *furniture — the movable equipment of a house, such as tables* не будут представляться нам проблемными или неудачными, если в этих словесных построениях мы будем видеть попытку воспроизвести определенный аспект человеческой потребности в связи с конкретной словесной моделью опыта (комплекс родовой и интегральной категорий). В таком случае подобные тавтологические образования не следует считать нелогичными: это лишь сигналы о включенности определяемых слов в одну и ту же словесную модель опыта. Но стоит лишь попытаться увидеть в словарных дефинициях отражение объективных свойств действительности, образующих систему родо-видовых отношений, которые распределяют предметы по их объективным свойствам в стройные классификационные группы, как нас постигнет разочарование в связи с тем, что отражаемый денотат окажется неопределяемым и исчезнет.

Глава 6

Морфология

В предыдущих главах мы наблюдали над тем, как категориальная структура словесных знаков определяет их место в словесных моделях опыта, составляющих языковую картину мира. Мы определили важнейшую характеристику слова как целостность его значения, состоящую в сохранении за определенным акустико-артикуляторным комплексом устойчивого набора категорий, позволяющего данному комплексу (материальной форме слова) обозначать функционально однотипный элемент модели опыта в различных сферах человеческой деятельности. Основой целостного значения слова является сочетание интегральной и родовой категорий. Интегральная категория выражает конкретное свойство человеческого опыта, а родовая категория обеспечивает его оформление в виде определенного элемента аналитической словесной модели ситуации, а именно в виде определенной части речи. Родовая категория открывает для слова возможность использования в различных словесных моделях опыта, создавая варианты значения слова, то есть оформляя функционально-аналогичные разновидности объекта, изменения, свойства объекта или любого другого компонента ситуативных моделей в различных сферах опыта и обеспечивая метонимическое расширение возможностей использования слова внутри контекста.

В данной главе мы рассмотрим то, каким образом категориальная структура слов выражается в члененимости их материальной формы на составные сегменты. Сегментация слов отражает особенности и закономерности обозначения родовой и интегральной категорий, способных обозначаться отрезками, которые могут быть меньше, чем слово. Возможность членения слов на сегменты, обладающие категориальным значением и не являющиеся словами, это результат важного свойства языковых категорий. Двухвекторная природа знакового закрепления опыта в языке предполагает относительную автономность и гибкость знакового кодирования интегральных и родовых характеристик человеческого

опыта, что является основой для сегментации слов на единицы, которые способны быть выразителями либо только интегральной, либо только родовой категории. Наиболее общие классы сегментов, на которые могут делиться слова с точки зрения распределения категорий в своем составе, это корни и аффиксы.

6.1 Корни и аффиксы в английском слове

Рассмотрим слова *beauty* и *beautiful*, которые мы подробно анализировали с точки зрения их семантической структуры в Главе 3. В процессе анализа полисемии прилагательного *beautiful* мы убедились в том, что в основе целостного значения данного знака лежит интегральная категория, выражающая способность установления максимального соответствия какому-либо идеалу как источник положительных переживаний. Родовая категория знака-свойства обеспечивает возможность для этой категории реализовать целый ряд вариантов прилагательного в зависимости от специфики актуального для ситуации идеала. На этом основании мы определили структуру значения прилагательного *beautiful* в сочетаниях *beautiful idea*, *beautiful woman*, *beautiful car* как ряд вариантов, отличающихся специфическими критериями соответствия в зависимости от типа словесной ситуации (оптимальный характер решения проблемы; оптимальное соответствие женщины идеалу «романтической любви»; оптимальное соответствие вещи идеальным функциональным характеристикам).

В процессе выделения интегральной категории мы обратились к существительному *beauty*. Мы обнаружили, что у данного существительного в основе его целостного значения лежит та же самая интегральная категория, только она реализуется в совокупности с родовой категорией объекта, то есть с родовой категорией, которая обеспечивает данному свойству опыта возможность быть представленным как существительное в словесных моделях опыта: *the beauty of the argument*; *she has beauty* и т.д.

Теперь сравним слова *beauty* и *beautiful* с точки зрения их значений. В обоих словах присутствует одна и та же интегральная категория, характеризующая определенное свойство

человеческого опыта — значимость для человека определения степени соответствия определенному идеалу в определенных условиях. Одновременно, в одном случае мы имеем дело со знаком — объектом, то есть со знаком, обозначающим стабильную комбинацию свойств, моделированную как целостная неизменная единица, способная в моделях опыта соотноситься с различными знаками изменениями: I like the beauty of her argument; her beauty has faded over the years. В случае же со знаком beautiful мы имеем дело со словом, обозначающим свойство, реализуемое определенным объектом: beautiful woman; beautiful car.

В обоих словах представлен сегмент beauty(i); а в прилагательном beautiful мы имеем дело с дополнительным сегментом ful. Мы можем предположить, что общая для обоих знаков интегральная категория должна быть закреплена за общим для обоих знаков сегментом beauty(i), а родовая категория прилагательного представлена в структуре слова beautiful сегментом ful. О том, что это именно так, и что мы можем с полной уверенностью разделить слово beautiful на два сегмента, одним из которых будет сегмент — носитель интегральной категории, а другим — родовой, свидетельствует целый ряд подобных слов в английском языке. Если мы рассмотрим такие слова как masterful, plentiful; colourful, tearful, то мы увидим, что во всех данных словах нам легко выделить как сегмент, реализующий интегральную категорию и легко распознаваемый в ряде существительных master, plenty, colour, tear, так и сегмент, обеспечивающий данным знакам одну и ту же структуру значения за счет конкретизации интегральной категории как способности какого-либо объекта реализовать свойство, выраженное интегральной категорией, то есть обеспечивающим данным словам возможность функционирования в словесных моделях в качестве определенного их компонента — свойства объекта.

Данное наблюдение свидетельствует о том, что в словах английского языка мы можем выделять сегменты, способные выражать интегральные категории (beauty, master, plenty, colour, tear), и сегменты, не обладающие такой способностью (ful). Сегменты, обозначающие интегральные категории, т.е. компоненты функционального отношения человека к своему окружению, представляют собой корневые морфемы.

Корневая морфема всегда позволяет нам определить, какая функциональная сфера отношений человека со своим окружением обозначается данным сегментом. Так, мы уже видели, что корневая морфема *beauty(i)* обозначает способность максимального соответствия определенному идеалу. Корневая морфема *master* обозначает возможность контроля над параметрами ситуации. Корневая морфема *plenty(i)* обозначает способность оценить удовлетворительный количественный параметр чего-либо. Основным свойством интегральных категорий является их неотрывная связь с определенными сценариями человеческого опыта, обеспечивающими основу аналитической языковой знаковости.

В отличие от корневых морфем, сегменты типа *ful* в ряде *beautiful*, *masterful*; *plentiful*; *colourful*; *tearful* указывают не на место знака в системе функциональных характеристик опыта, а на то, каким образом обозначаемое корневой морфемой свойство должно использоваться в словесных моделях опыта. Так, сегмент *ful* обеспечивает возможность ряду корневых морфем образовывать слова, обозначающие свойство объекта. Сегменты такого рода называются аффиксами. Как видим, основное отличие корней от аффиксов состоит в том, что корни являются носителями интегральных категорий, в то время как аффиксы обеспечивают конкретизацию интегральной характеристики знака, указывая на различные аспекты использования данного знака в словесных моделях опыта. Благодаря аффиксу *ful* одна и та же интегральная категория способна выступать и как объект (*beauty*) и как свойство объекта (*beautiful*).

6.1.1 Разновидности корневых морфем в английском языке

Корневые морфемы в английском языке принято разделять на свободные и связанные. Свободные корневые морфемы способны образовывать одноморфемные слова типа *cat*, *table*, *go*, *to*, *under*, *the*, *well*, *good*. Все эти словесные знаки являются неделимыми на значимые сегменты, т.е. структура их значения целостна не только на уровне содержания как

комплекс интегральной и родовой категорий во всех контекстах данных знаков, но и на уровне формы. В английских одноморфемных словах невозможно выделить формальные сегменты, представляющие отдельные компоненты их целостного категориального значения, как мы это наблюдали в словах типа *beautiful*.

Связанные корневые морфемы это сегменты, способные обозначать интегральные категории, но не способные выступать в качестве полноценных словесных знаков. Так, сегмент *chem(i/o)* безусловно обладает значимостью в структуре английского языка, реализуя интегральную категорию, которую можно определить как способность целесообразного использования преобразований, обусловленных контактами во внешней среде (*chemical weapons, chemical engineering, chemicals in agriculture, changes in body chemistry*). Данный корень, однако, не способен сам по себе выступать как словесный знак. Для превращения данной интегральной категории в целостное словесное значение, эта корневая морфема должна обязательно сочетаться с различными морфемами, прежде всего с аффиксами типа *cal/ist/ry*. Данные сегменты включают определенные родовые характеристики объекта в структуру словесного знака и позволяют сегменту *chem* реализовать интегральную категорию в различных типах целостных значений: *chemical, chemist, chemistry*.

Здесь следует отметить, что, судя по всему, нам следует и в случае с одноморфемными словами различать слово и омонимичную ему корневую морфему. Наличие в языке связанных корневых морфем свидетельствует о том, что корень как носитель интегральной категории является необходимым, но не достаточным условием для образования слова. Включение в структуру одноморфемных слов всех характеристик, обеспечивающих реализацию знака в виде определенной части речи в специфическом типе контекста, является не качественной характеристикой данных корней, а принадлежит природе слов — единиц принципиально другого уровня, чем морфема. В этом смысле полезно различать слова типа *cat, table, go, under* и омонимичные им корневые морфемы как носители исключительно интегральных категорий, лежащих в основе значения данных одноморфемных слов. Полезность данного различения станет очевидной,

когда мы обратимся к анализу слов, состоящих из нескольких корневых морфем.

Связанных корневых морфем в английском языке достаточно много. Хорошее представление об их многообразии дает этимологический словарь Эрика Партриджа, содержащий отдельный раздел под названием *A List of Learned Compound-Forming Elements*. Само название раздела хорошо характеризует специфическую природу категориального значения связанных корневых морфем в английском языке: большинство из них обозначает свойства опыта, относящегося к творчески-познавательным видам деятельности человека, направленным как на самопознание, так и на технологическое совершенствование внешних условий существования. Сам автор так определяет эти сферы: *Science, Technology, the other specialist vocabularies of scholarship and learning* (Partridge, 867). Характерные примеры таких корневых морфем это единицы вроде *nom(o)-*, *nomy* (*taxonomy; astronomy; nomography ...*); *astr(o)* (*astrophysics; astrology; astriferous ...*); *graph* (*biographer; graphiology; graphomania; phonograph...*). Во всех случаях данные морфемы обозначают определенное свойство человеческого опыта в отмеченных сферах деятельности. Вместе с тем, ни одна из них (за исключением, пожалуй, *graph*) не может без участия других морфем выступать в качестве полнооформленной чати речи.

Сделанные нами наблюдения позволяют окончательно уточнить природу отличия корневой морфемы от аффикса. Корнем мы будем называть те сегменты, которые способны обозначать отнесенность знака к определенной сфере человеческого опыта, указывая на определенный тип отношения человека к своему окружению. Именно на этом основании мы и относим такие сегменты как *graph*, *log* (*philology, logotype*) и др. к корням. Иначе говоря, корневые морфемы — это носители интегральной категории.

В отличие от корней аффиксы способны обозначать категории, характеризующие не свойства опыта, а родовые признаки того или иного знака, обеспечивая знаку определенное место в словесной модели действительности. Так сегменты *cal* или *ist* уточняют родовые характеристики слова, обладающего одной и той же интегральной категорией — *chemism* и *chemist*. Благодаря аффиксам, мы получаем два различных

объекта: определенное качество и носитель данного качества, при этом интегральная категория остается неизменной. Это хорошо видно на примере словарных дефиниций этих двух слов.

Chemism – Chemical action, activity, or force (Shorter Oxford)

Chemist – One versed in chemistry; one who makes chemical investigations. (Shorter Oxford).

Из приведенного примера видно, что функция сегментов *ism* и *ist* принципиально другая, чем функция корня *chem*. Эти сегменты не указывают на специфическую сферу опыта и не обозначают какой-либо элемент моделируемой ситуации. Они сами по себе сигнализируют о том, что в совокупности с другими сегментами они способны сформировать слово, обозначающее объект – качество (*ism*) или объект – одушевленный носитель определенного качества (*ist*). Как и связанный корень, они не способны сами функционировать как слова, но в отличие от корня они не несут в себе информации о конкретной сфере опыта или конкретном отношении в ситуативной модели. Они лишь обозначают то, каким образом какая-либо интегральная категория может быть конкретизирована и превращена в целостный элемент моделируемой ситуации. Итак, сегменты, обеспечивающие родовую конкретизацию интегральной категории, обозначаемой корневой морфемой, мы будем называть аффиксами. Данное определение вполне соответствует той закономерности, которую мы выявили, наблюдая за рядом *beautiful*, *plentiful*, *colourful*.

Виды аффиксов

Данное нами в предыдущем параграфе определение аффиксов является слишком общим. Оно основано лишь на противопоставлении аффикса корню как сегмента, обеспечивающего превращение интегральной категории в полноценное слово за счет присоединения к ней различных характеристик, указывающих на роль знака в словесной ситуационной модели. В данном параграфе мы рассмотрим типы аффиксов и их категориальную структуру более подробно.

Традиционно аффиксы принято классифицировать в зависимости от их позиции в слове по отношению к корню. Для структуры английских слов наиболее значимыми типами аффиксов являются префиксы и суффиксы, занимающие в слове позиции, предшествующие корневой морфеме (префиксы) или следующие за корневой морфемой (суффиксы). Рассмотрим эти группы более подробно и попытаемся уяснить их категориальную специфику.

Суффиксы

Если исходить из формального признака, лежащего в основе деления аффиксов на префиксы и суффиксы, то мы с легкостью можем сказать, что уже рассмотренные нами сегменты *ful*, *ism* и *ist* являются суффиксами, так как все они встречаются в ряде слов после корневой морфемы. Гораздо более существенно для понимания природы суффикса установление его категориальной специфики. Мы видим, что все рассмотренные нами суффиксы выполняют сходные функции в организации значения целостного слова: они обеспечивают оформление интегральной категории в определенный тип языкового знака. Так, без суффикса *ful* корневые морфемы *beauty*, *colour*, *master* функционируют в языке как полноценные слова за счет способности данных сегментов объединять целый ряд необходимых для формирования целостного значения категорий. Вспомним анализ знака *beauty* в одной из предыдущих глав. Помимо интегральной категории, выражающей способность устанавливать соответствие определенному идеалу, слово *beauty* обладает родовой категорией существительного, обеспечивающей ему возможность реализовываться в английском языке как полисемантическое слово. Точно также мы можем охарактеризовать и знаки *colour* и *master*. В сочетании с *ful* все эти сегменты теряют родовые свойства существительных, форма которых совпадает со свободной корневой морфемой. В формах *beautiful*, *masterful*, *pitiful* родовая категория, соответственно, обозначается суффиксом *ful*, а сегменты *beauti*, *master* и *colour* выступают в структуре уже не как слова, а как корневые морфемы — носители интегральных категорий. Суффикс как бы «снимает»

родовую категорию, присущую словам, образованным на базе только свободных корней, поскольку он сам является носителем родовой категории.

Суффиксы, обеспечивающие цельнооформленность слова за счет введения в его структуру определенных родовых категорий традиционно называют словообразующими. Здесь следует отметить то, что словообразующую природу таких суффиксов следует понимать как их способность в совокупности с корневыми морфемами формировать целостное словесное значение. Когда мы называем их словообразующими, мы не предполагаем, что они существуют в языке как отдельные свободные элементы, которые функционируют автономно наравне со словами и присоединяются к словам для образования новых слов. Слова *beauty* и *beautiful* сосуществуют в английском языке, и было бы не правильно утверждать, что с точки зрения языковой системы слово *beautiful* является вторичным по отношению к слову *beauty*.

Словообразовательная природа суффикса отражает закономерности распределения категорий на уровне морфем и указывает на специфику реализации ряда родовых категорий в английском языке. Процесс образования новых слов — это особая проблема, которая здесь нами не рассматривается. Мы уже видели, что в слове *beautiful* сегмент *beauti* не является словом, а выступает как корневая морфема, лишенная каких-либо родовых или дифференциальных признаков. Это становится особенно очевидным, если мы сравним два прилагательных *beauty* и *beautiful*. Их отличие обеспечивается различием двух родовых категорий. *Beauty products*; *beauty soap*; *beauty salon* это совсем не то же самое, что *beautiful products* или *beautiful interior of the shop*. Именно поэтому было бы неточным рассматривать пару *beauty* и *beautiful* как исходное и производное слово в системе современного английского языка. Более точным представляется выявление у корневой морфемы *beauty(i)* возможности образовывать слово-объект без дополнительных сегментов и слово — признак объекта в совокупности с сегментом *ful*. Выявление закономерностей сочетания морфем в структуре цельнооформленных слов составляет основу содержания морфологии как раздела лингвистики.

Помимо словообразующих суффиксов принято выделять и формообразующие суффиксы. Данные суффиксы

используются в том случае, когда какая-либо родовая категория словесного знака предполагает ряд дифференцированных по отношению к друг другу словоформ. Так, для современного английского языка важнейшими родовыми категориями, предполагающими обязательное формальное варьирование одного и того же слова, следует считать категорию числа для большинства существительных, категорию времени для глагола и категорию степени для прилагательного. Именно суффиксы являются основным средством выражения внутренней дифференциации данных категорий. Суффикс *s* наиболее характерен для обозначения множественного числа у объекта-существительного: *table* — *tables*. Дентальный суффикс, представляемый на письме различными вариантами — *ed*, *d* и др. — обеспечивает дифференциацию контраста форм настоящего и прошедшего времени у большинства глаголов (*smile* — *smiled*; *lie* — *lied*; *breakfast* — *breakfasted*). Степени сравнения многих прилагательных обеспечиваются суффиксами *er* и *est* (*weaker*; *weakest*).

Так же как и словообразующие суффиксы, рассматриваемые нами здесь формообразующие суффиксы являются сегментами, выражающими родовые категории. Однако в отличие от словообразующих суффиксов, формообразующие суффиксы обозначают варианты или акциденции той или иной родовой категории, которая уже представлена в значении слова. Именно поэтому появление формообразующего сегмента не изменяет структуру целостного значения слова, а обеспечивает обозначение одного из вариантов категории, предполагающей внутреннюю вариативность. Морфологическая грамматика изучает способы реализации данной внутренней вариативности родовых категорий. Это отдельная и обширная сфера исследований.

Рассматривая суффиксы, следует также уточнить их отличие от флексий или окончаний. Флексии — это сегменты, входящие в структуру слова и указывающие на определенные родовые характеристики другого слова, с которым данное слово связано в синтаксической последовательности. Важнейшим отличием флексии от суффикса, таким образом, является природа ее категориального значения. Флексия не выражает категории, присущие целостному значению слова, которому она принадлежит. Флексия показывает на то,

какими специфическими родовыми характеристиками обладает другое слово, связанное с данным словом прямой синтаксической связью в словесной последовательности.

В английском языке флексий в чистом виде сохранилось крайне мало в связи с общим аналитическим строем грамматических отношений. Пожалуй, единственным сегментом, который можно считать именно флексией, является *s*, появляющийся после каждого глагола в простом настоящем времени, если глагол обозначает изменение, носителем которого является объект, обозначаемый существительным в единственном числе или его заместителем — местоимением третьего лица единственного числа (*he listens*). В данной форме сегмент *s* не указывает на какие-либо категориальные характеристики самого глагола: в паре *he listens* — *I listen* категориальная структура изменения, обозначаемого глаголом, одна и та же. Флексия *-s* сигнализирует о специфической природе объекта, осуществляющего данное изменение, т.е. характеризует определенное категориальное свойство объекта. Еще раз отметим, что для английского языка подобное отражение родовых категориальных характеристик одного слова в форме другого слова является редким явлением, не охватывающим большинства типов межсловесных отношений в синтаксических последовательностях.

Префиксы

Префиксами или приставками называют некорневые сегменты, находящиеся слева от корня. Как и суффиксы, префиксы выражают определенные родовые характеристики той или иной части речи. В отличие от суффиксов, категориальное значение префиксов не сигнализирует о родовой принадлежности слова (*beauty* — *beautiful*), а обозначает одну из родовых характеристик значения слова, которая характерна для целых классов слов. При этом классы слов, организуемые на основе общности родовой характеристики, обозначаемой префиксом, являются более широкими, чем словесные множества, обладающие общей родовой характеристикой, выражаемой суффиксом.

Наиболее характерным префиксом следует считать отрицательный префикс *un-*. Рассмотрим его подробнее для определения специфической природы данной морфемы.

Словарь *The Concise Oxford* предлагает две словарные статьи, утверждая тем самым, что в английском языке следует рассматривать два омонимичных префикса *un-*. Посмотрим, насколько данный подход является оправданным и последовательным. Приведем данные словарные статьи с некоторыми сокращениями:

Un-1 ... 1. added to adjectives and participles and their derivative nouns and adverbs, meaning: **a** not: denoting the absence of a quality or state (*unusable; uncalled-for; uneducated; unfailing; unofficially; unhappiness*). **b** the reverse of, usu. With an implication of approval or disapproval, or with some other special connotation (*unselfish; unsociable; unscientific*). ... **2** (less often) added to nouns, meaning 'a lack of' (*unrest; untruth*). The number of words that can be formed with this prefix (and similarly with *un-2*) is potentially as large as the number of adjectives in use; consequently only a selection, being considered the most current or semantically noteworthy, can be given here.

Un-2 ... added to verbs and (less often) nouns, forming verbs denoting: **1** the reversal or cancellation of an action or state (*undress; unlock; unsettle*). **2** deprivation or separation (*unmask*). **3** release from (*unburden; uncage*). **4** causing to be no longer (*unman*). See note at *un-1*. Both *un-1* and *un-2* can be understood in some forms in *-able, -ed*, (especially), and *-ing*: for example, *undressed* can mean either 'not dressed' or 'no longer dressed'.

Как видим, словарь предлагает нам рассматривать два принципиально различных префикса на основании того, к какой части речи относится слово, в составе которого может быть сегмент *un-*. Действительно, на первый взгляд данный подход в высшей степени убедителен: если словесная форма *undressed* является прилагательным (*she was undressed*), то категориальное значение префикса будет соответствовать словарной дефиниции *un-1* — not: denoting the absence of a state. Данному слову будет соответствовать последовательность «наречие not и соответствующее прилагательное без отрицательного префикса»: *she was not dressed*. Если же словоформа *undressed* является причастием (*she was quickly undressed*), то мы имеем дело с *un-2* — the reversal of a state (*her clothes were removed*).

Проблема состоит в том, что при более детальном наблюдении над префиксом *un* возникает вопрос о том, не является ли вариативность, которую словарь предлагает рассматривать как омонимию префиксов, проявлением специфики включения одного и того же отрицательного сегмента в целостные значения слов, обладающих различными родовыми характеристиками? Другими словами, определяется ли различие между «the absence of a state» и «the reversal of a state» семантической природой префикса или спецификой родовых характеристик прилагательного в первом случае и глагола во втором?

Дело в том, что *reversal or cancellation* в дефиниции *un-2* скорее указывают на динамическую структуру значения глагола как знака изменения, а не на специфику прибавляемого к этому знаку сегмента *un*. Если внимательно проанализировать структуру дефиниций двух префиксов, которые словарь предлагает рассматривать как омонимичные морфемы, то мы увидим, что за исключением указания на различные родовые характеристики частей речи, принципы словесного описания *un-1* и *un-2* ничем не отличаются. Достаточно отметить вариант *b* в дефиниции *un-1* и сравнить его с дефиницией *1* в структуре статьи *un-2*:

- the reverse of, usu. with an implication of approval or disapproval,
- the reversal or cancellation of an action or state.

В обеих дефинициях подчеркивается значимость полярного контраста, определяемого префиксом *un* и составляющего сущность его категориального значения. Префикс *un* выражает отрицание как отнесение слова к противоположному полюсу обозначаемого качества. При этом в случае со словами-признаками (прилагательные, наречия) данный тип отрицания реализуется как абсолютная противоположность качеству, обозначаемому соответствующим словом (*uneducated, unselfish, unofficially*). При включении в состав слова-изменения, обладающего категорией времени, отнесенность к противоположному полюсу обозначаемого качества реализуется как обозначение изменения, обладающего контрастно-противоположной направленностью (*unburden, uncage, undress, unmask*). Как видим, значение самой морфемы остается неизменным. Различными оказываются лишь

конфигурации целостных значений слов в зависимости от их частеречной принадлежности. Можно утверждать, что данные различия определяются не категориальным значением, которым обладает сама морфема *un-*. Они являются результатом взаимодействия категориального содержания сегмента *un-* и родовых категорий слов, относящихся к различным частям речи. В этом смысле рассмотрение префикса *un-* как двух омонимов лишь затемняет природу категории отрицания в структуре слова.

Следует также отметить и принципиальное отличие отрицания как родовой характеристики, реализуемой морфемой, от отрицания как интегральной категории таких слов как *no* или *not*. Как интегральная категория, отрицание позволяет данным словам включаться в структуру словесных ситуативных моделей и обозначать отсутствие каких-либо значимых компонентов ситуации (*we asked them not to come; she is not there; Will you come? — No!*). Функция отрицания как родовой категории совсем другая: отрицательный префикс осуществляет перенос обозначения по шкале качества, обозначаемого интегральной категорией слова, на противоположный полюс степени выраженности качества в том виде, в котором оно реализуется как целостное словесное значение (*undressed* — прилагательное и *undressed* — причастие).

В этом смысле интересно сопоставить различие в содержательности знаковых последовательностей типа *she is not beautiful — the Cambridge ladies who live in their furnished souls are unbeautiful* (e.e. cummings) или *this is not cool — this is uncool* (молодежный слэнг). Выражения с отрицанием, обозначаемым префиксом, представляют отрицание не как элемент конкретной ситуации с точки зрения говорящего, а как нечто, присущее самим обозначаемым качествам. *Unbeautiful* в тексте Каммингса предполагает целостность и неделимость качества, противоположного *beautiful*. Это целостное качество входит в модель ситуации как некая единица, «независящая» от взгляда говорящего. Точно так же, когда подросток характеризует что-то как *uncool* вместо *not cool*, это делается в связи с тем, что отрицательное качество чего-либо мыслиться подростком как некая целостная данность, которая не может быть подвергнута сомнению.

Рассмотрев природу категориального значения префикса *un-*, мы можем сделать вывод о том, что родовые характеристики, обозначаемые префиксами, являются значительно более широкими по своему охвату, чем родовые характеристики суффиксов. Действительно, перенесение обозначаемого качества на противоположный полюс его шкалы — в высшей степени широкая категория, способная охватывать неограниченное число словесных знаков. Это достаточно четко оговаривается и в обеих словарных статьях: *The number of words that can be formed with this prefix (and similarly with un-2) is potentially as large as the number of adjectives in use...*; в статье по *un-2* словарь лишь констатирует: *see the note at un-1*.

Отдельной проблемой является сосуществование префиксов со сходным значением. Так, помимо отрицательно-го префикса *un-*, в английском языке выделяется целый ряд префиксов со сходным значением отрицания: *in-*, *dis-*, *ir-*, *il-*, *im-*, *non-*. Отметим здесь, что сосуществование данных префиксов в языке не изучено достаточно подробно. Так, не ясно, следует ли нам рассматривать данные сегменты как алломорфы с различной дистрибуцией (*unkind*; *dishonest*; *irrational*; *non-verbal*), или же как близкие по категориальному значению морфемы с различными дополнительными категориальными свойствами (*unhuman* — *inhuman* — *non-human*; *unreligious* — *irreligious* — *non-religious*).

Помимо специфического отрицательного значения (перенос качества на его противоположный полюс), префиксальные морфемы в английском языке способны обозначать целый ряд родовых характеристик, видоизменяющих структуру целостного значения слова. Так, префикс *re-* обозначает воспроизводство изменения (*readjust*; *rewrite*); *pre-* обозначает предшествование чему-то более значимому (*preamplifier*; *prearrange*; *preadolescent*; *pre-decimal*) и др.

Наконец, следует выделить и ряд префиксов, выполняющих те же словообразовательные функции, что и суффиксы. Разница состоит лишь в том, что словообразовательные префиксы указывают на связь не непосредственно с корнем, а с мотивирующей основой — они представляют слово как результат преобразования другого исходного слова, конкретной части речи, а не как наложение родовой категории на корень, что в большей степени характерно для суффиксов.

Примерами таких префиксов служат единицы типа *en* (*ensnare*, *enable*), *as* (*assure*). В глаголах, обладающих этими префиксами очевидна мотивирующая связь с определенными существительными или прилагательными: *enable* — *give the means or authority to do something*; *able* — *having the capacity or power*; *assure* — *make sure, convince*. (*The Concise Oxford*).

Отметим, что основным отличием префикса от суффикса в английском языке следует считать то, что все префиксы так или иначе взаимодействуют не непосредственно с корневым интегральным значением морфемы-корня, а представляют словесное значение как результат определенной переработки комплекса интегральной и родовой категории определенного слова, которое служит как мотивирующая основа для префиксального образования (*kind* — *unkind*; *kindness* — *unkindness*). Таким образом, категориальная специфика префиксов отличает их от того, каким образом родовая категория реализуется в словообразовательных суффиксах, в большей степени ориентированных на взаимодействие с корневой интегральной категорией.

Особый вопрос — слова с компонентами, сходными с отдельными словами типа *out*, *over*, *under*, *in* и др. (*outflow*; *oversimplify*; *underskirt*; *input*). Здесь интересно определить статус сегментов *out-*; *over-*; *under-*; *in-* и им подобных: имеем ли мы дело с морфемами-префиксами, обладающими родовым категориальным значением или же мы имеем дело с корневыми морфемами, сохраняющими интегральные категории, присущие словесным знакам *out*, *over*, *under*, *in* и т.д.? Дело в том, что рассматривая аффиксы, мы отметили их основное свойство: они не способны являться носителями интегральной категории и выступают в качестве сегментов, обозначающих определенные родовые характеристики, которые могут реализоваться только в составе целостного значения слова как носителя интегральной категории. Сегменты *out*, *over*, *under*, *in* и им подобные безусловно являются носителями интегральных категорий, обеспечивающих им возможность выступать в качестве самостоятельных слов. В связи с этим, необходимо определить морфологический статус таких сегментов в сочетаниях типа *outflow*. Тем более, что словари часто отмечают данные сегменты как префиксы, омонимичные соответствующим словам. Для того,

чтобы более обоснованно ответить на этот вопрос, рассмотрим природу английского слова в зависимости от количества корневых морфем в его морфологической структуре.

Простые и сложные слова

С точки зрения их морфологической структуры слова в английском языке принято классифицировать в зависимости от количества корневых морфем в структуре слова. Слова, обладающие одной корневой морфемой называются простыми. Слова, в составе которых находится несколько корневых морфем, называются сложными.

Простые слова могут состоять как из одной корневой морфемы (*go, here, we, snack*), так и из корневой морфемы и аффиксов (*beautiful, untrue, prehistoric*). Критерием членимости слова на морфемы является факт существования в языке сегментов, на которые можно разделить данное слово. Сегменты, на которые мы можем поделить одно слово, обязательно должны встречаться в сочетании с другими сегментами в составе других слов при условии сохранения за ними одного и того же категориального значения. Принципы выделения сегментов, а также отнесения их к корням или аффиксам, мы подробно рассмотрели в предыдущем разделе.

Важнейшей частью простого слова является его корневая морфема, позволяющая слову выражать какой-то аспект человеческих переживаний, обусловленный необходимостью взаимодействия с окружением, на базе обозначаемой ей интегральной категории.

Помимо простых слов различной структуры, в английском языке существует большое количество слов, объединяющих в своем составе несколько корневых морфем. Рассмотрим данный тип слов подробнее. Сравним слова *rain, bow* и *rainbow*. Обратимся к словарным дефинициям данных знаков. Словарь *The Concise Oxford* предлагает следующие дефиниции соответствующих существительных:

rain — **1 a** the condensed moisture of the atmosphere falling visibly in separate drops. **b** the fall of such drops. **2 (in pl.) a** rainfalls. **b** (prec. by *the*) the rainy season in tropical countries. **3 a** falling

liquid or solid particles or objects. **b** the rainlike descent of these. **c** a large or overwhelming quantity (*a rain of congratulations*).

bow — **1 a** a slip-knot with a double loop. **b** a ribbon, shoelace, etc., tied with this. **c** a decoration (on clothing, or painted etc.) in the form of a bow. **2** a device for shooting arrows with a taut string joining the ends of a curved piece of wood etc. **3 a** a rod of horsehair stretched along its length, used for playing the violin, cello, etc. **b** a single stroke of a bow over strings. **4 a** a shallow curve or bend. **b** a rainbow. **5** = *saddle-bow*. **6** a metal ring forming the handle of scissors, a key, etc. **7 US** the side-piece of a spectacle frame. **8 Archery** = BOWMAN 1.

rainbow — **1** an arch of colours (conventionally red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet) formed in the sky (or across a cataract, etc.) opposite the sun by reflection, twofold refraction, and dispersion of the sun's rays in falling rain or in spray or mist. **2** a similar effect formed by the moon's rays.

Каждое их рассматриваемых нами существительных обладает своей семантической структурой и набором ЛСВ. Сравнивая категориальную структуру знаков-объектов *rain*, *bow* и *rainbow*, нам необходимо уяснить, является ли знак *rainbow* соположением знаков *rain* и *bow* (или их определенных ЛСВ) или же мы имеем дело с единицей, обладающей качественно новым целостным значением.

Структуры дефиниций подсказывают нам, что между данными тремя словесными знаками действительно существует категориальное сходство. Так, в дефиниции слова *rainbow* мы находим слово *rain* (*in falling rain or in spray or mist*). А в дефиниции слова *bow* находим ЛСВ 4b, который авторы словаря просто предлагают нам считать эквивалентом слова *rainbow*. Как нам следует трактовать эти закономерности?

Последовательность *in falling rain, or in spray or mist* в дефиниции слова *rainbow* определяет важное качество объекта, обозначаемого данным знаком — его нахождение в массах влаги определенного типа в атмосфере. *The condensed moisture of the atmosphere in separate drops* — один из важнейших компонентов категориальной структуры знака *rain*, присутствующий в целом ряде его ЛСВ (1 и 2). Вместе с тем, отметим, что данный семантический компонент не является интегральной категорией слова *rain*. Для структуры интегральной категории важнейшими признаками являются направленность

движения определенного количества чего-либо (falling) и его структура (обязательное деление на равные составные части (separate drops; the descent of liquid or solid particles or objects). Таким образом, в составе слова rainbow сегмент rain не является словом, поскольку он не реализует своей интегральной категории — обозначения способности реагировать на воздействие направленной массы обособленных компонентов (от rain как явление погоды до a rain of congratulations). В структуре слова rainbow четко прослеживается лишь связь с одним из контекстов, характерных для слова rain. Словесное перечисление in falling rain or in spray or mist в словарной дефиниции сигнализирует нам о том, что основные свойства, образующие интегральную категорию слова rain, являются несущественными для слова rainbow.

Рассмотрим компонент bow в составе слова rainbow. Словарь предлагает нам рассматривать один из ЛСВ слова bow (4b) как полный эквивалент слова rainbow. Проверим, так ли это. Интегральной категорией слова bow является способность посредством усилия обеспечивать более связанное состояние какого-то элемента (bow — a slip-knot with a double loop; a tied ribbon; taut string; etc.). Интересно, что именно так и определяется первый ЛСВ слова bow в словаре WNW: anything curved or bent (a rainbow, oxbow). Как видим, и в словаре WNW слово rainbow предлагается как вариант одного из ЛСВ слова bow. Сравним интегральные категории двух знаков — bow и rainbow. Если для слова-объекта bow интегральной категорией будет переживание, обусловленное возникновением напряжения, связанного с определенным усилием, то для слова rainbow ведущим свойством будет расцветченность в большое количество разных цветов. Об этом свидетельствует не только структура словарной дефиниции rainbow — существительного:

COD — an arch of colours...

WNW — an arc or ring containing the colors of the spectrum ... ,

но, что значительно показательнее, и словарная дефиниция прилагательного rainbow, представляющего собой случай мотивированной омонимии (конверсии).

В главе, посвященной омонимии, мы уже отмечали, что при мотивированной омонимии (конверсии) словесные знаки обладают одной и той же интегральной категорией при

различии родовых категорий. Соответственно, структура значения конверсионного прилагательного *rainbow* может дать нам ключ к выявлению интегральной категории и у существительного. Вполне естественно, что словари предлагают нам следующие дефиниции:

COD – many-coloured

WNW – of many colors.

Признак цветовой вариативности полностью отсутствует в структуре ЛСВ слова *bow*. Более того, если рассматривать, как это предлагает нам словарь, один из ЛСВ слова *bow* и слово *rainbow* как синонимы, то мы должны предположить, что при мотивированной омонимии, слово *bow* должно демонстрировать те же закономерности. Однако, при естественности сочетаний типа *a rainbow jacket*; *a rainbow pattern*, *a rainbow rug*, появление наряду с ними сочетаний типа *a bow jacket*; *a bow pattern*; *a bow rug* представляется сомнительным. На этом основании в принципе можно усомниться в правомерности отнесения употребления знака *bow* в значении *rainbow* к одному из ЛСВ слова *bow*. Возможно, в данном случае мы имеем дело с усеченным вариантом слова *rainbow*, и элемент *bow* является семантически независимыми по отношению к словесному знаку *bow*. Либо мы можем предположить, что, обозначая радугу, словесный знак *bow* структурирует данный объект иначе, чем слово *rainbow* и, соответственно, употребляется при тех условиях, когда для говорящего не является существенным признак цветовой вариативности данного объекта. Чтобы окончательно решить данный вопрос, необходимо проверить большое количество употреблений обоих знаков в естественных речевых условиях. В любом случае, мы видим, что категориальная структура знаков *bow* и *rainbow* принципиально различна.

Анализ трех словесных знаков – *rain*, *bow* и *rainbow* – позволяет нам сделать вывод о природе сосуществования корневых морфем в структуре сложного слова. Так же как и простое слово, сложное слово обладает единой интегральной категорией, являющейся основой его целостного значения. Однако, если у простого слова носителем интегральной категории является корневая морфема, то в сложном слове носителем интегральной категории является комплекс корневых морфем. При этом, каждая из корневых морфем

подвергается определенной семантической трансформации по сравнению со своей структурой вне определенного сложного слова. Сохраняя определенные семантические признаки, присущие корневой морфеме в качестве семантической основы простых слов, данная корневая морфема теряет свою категориальную полноту и вместе с другими корневыми морфемами, входящими в структуру сложного слова, образует новое категориальное качество — новую интегральную категорию, которая невыводима из семантических характеристик составляющих данное сложное слово корневых морфем. Сложное слово способно развивать свою собственную систему ЛСВ, не связанную с принципами полисемии слов, образованных на базе составляющих сложное слово компонентов. Так, слово *rainbow* развивает последовательность ЛСВ на основе своего интегрального признака вариативности цвета (WNW: 2. a multicolored array or assortment; 3. A wide range or selection).

Определив категориальную природу сложного слова, обратимся теперь к словам типа *input*; *indoors*; *outside*; *overshadow*. Имеем ли мы дело в данном случае с простыми словами, обладающими корневой морфемой и аффиксами, или же перед нами сложные слова, обладающие двумя корневыми морфемами (и, возможно, аффиксом — *indoors*)?

Рассматривая семантическую природу аффиксов, мы отмечали, что они не способны выражать интегральные категории, обеспечивающие базу словесного значения. Аффикс всегда выражает определенную родовую характеристику знака и не способен нести в себе информацию о более специфических свойствах человеческого опыта, связанных с функционально-оценочным отношением к необходимости взаимодействия с окружением по поводу потребностей.

Рассмотрим сегмент *in* в словах *input* и *indoors*. Словарь *The Concise Oxford Dictionary* предлагает нам рассматривать сегмент *in* как префикс:

in — *prefix* ... *in*, *on*, *into*, *towards*, *within*.

Если мы сравним данное перечисление с интегральной категорией словесного знака *in* во всем многообразии его мотивированных омонимов — конверсивов — предлога, наречия и прилагательного, то мы увидим, что семантически то, что словарь предлагает нам считать префиксом, является

элементом, обозначающим те же свойства опыта, что и знак *in* — отдельное слово.

Словесный знак *in* обладает широкой мотивированной омонимией и полисемией внутри каждого из мотивированных омонимов (конверсивов). При этом интегральной категорией данного словесного знака, присутствующей в каждом из ЛСВ каждого из омонимов, можно считать способность быть включенным в пределы, более узкие, чем исходные параметры ситуации. Достаточно сравнить словесные дефиниции ЛСВ предлога, наречия и прилагательного *in*:

preposition — expressing inclusion or position within limits of space, time, circumstance, etc.

adverb — expressing position within limits, or motion to such a position.

adjective — internal; living in; inside; confined to.

Отметим, что словарь COD трактует образования типа *in-patient*, *in-joke* как словосочетания, состоящие из прилагательного *in* и соответствующих существительных в структуре словарной статьи слова *in*. При этом, слово *in-patient* предлагается и как отдельная словарная статья в словаре: *in-patient* — n. a patient who lives in hospital while under treatment. Налицо явное противоречие. Отдельное слово — adj. internal; living in; inside (*in-patient*) трактуется одновременно как часть другого слова. Данное противоречие сигнализирует нам о проблеме, связанной с определением статуса сочетаний из нескольких корневых морфем в английском языке. Одновременно, оно является убедительным свидетельством в пользу того, что сегмент *in* в английском языке в любом случае не является префиксом, сохраняя за собой признаки корневой морфемы. В этом смысле предлагаемое словарем разграничение *in* — слова (*rub it in*; *in bed*; *in-joke*; *in-patient*; *in-between*); *in* — корневой морфемы (*in-patient*; *in-law*) и *in* — префикса (*insight*; *influx*) представляется мало убедительным. Во всех типах сочетаний сегмент *in* сохраняет за собой одни и те же основные семантические характеристики. Представляется, что в данном случае речь может идти о различии между *in* — самостоятельным словом и *in* — корневой морфемой, являющейся частью сложного слова. Судя по всему, логичнее трактовать сочетания типа *in-patient*; *in-law*; как сложные слова, в которых в результате семантической трансформации двух

корневых морфем возникает новая интегральная категория, обеспечивающая семантическую целостность слова. Такие же семантические закономерности демонстрируют и слова типа *inroad*; *insight*; *influx*. Категориальная структура данных словесных знаков, также как и в случае со словом *rainbow*, с одной стороны, демонстрирует ряд семантических признаков, которые принадлежат каждой из корневых морфем, когда она функционирует в качестве базы для простого слова. Одновременно, структура интегральной категории представляет собой новую единицу целостного категориального значения.

Обратимся к слову *input*. Анализ его структуры свидетельствует о том, что и в данном случае мы имеем дело со сложным словом. Интегральной категорией данного словесного знака является способность положительно воздействовать на определенный процесс в какой-либо системе. Об этом свидетельствуют все словесные дефиниции внутри словарной статьи. Приведем лишь несколько из них: *a place where ... energy, information, etc., enters a system; the information fed into a computer; supply data, programs, etc., to a computer.*

Словарная статья отмечает как наличие у данного знака мотивированной омонимии (*input* — *n. & v.*), так и широкую полисемию внутри данных конверсивов. В основе всей системы омонимии и полисемии знака лежат категориальные характеристики, являющиеся качественно отличными от категориальной структуры как знака *in*, так и знака *put*. При этом достаточно легко прослеживается наличие общих семантических характеристик у слова *input* с категориальной структурой слов *in* и *put*. От *in* в структуре слова *input* выявляется свойство включенности в определенное замкнутое пространство, а от *put* — направленность на данное пространство. Вместе с тем, интегральная категория, включающая данные семантические характеристики, принципиально отлична от интегральных категорий соответствующих словесных знаков *in* и *put* (положительное воздействие на определенную систему).

Наши наблюдения подводят нас к выводу о том, что сочетания типа *input*; *overshadow*; *outshine* и др. следует рассматривать как сложные слова, интегральные категории

которых образованы в результате семантического взаимодействия различных корневых морфем в процессе формирования целостной интегральной категории, являющейся основным условием для существования отдельного словесного знака. Такие сочетания семантически отличны от сочетаний типа *apple tree*; *silver chain*; *stone wall*, в которых первый компонент выступает как слово-признак (прилагательное) относящееся к объекту, обозначаемому следующим за ним словом. В данных случаях мы, безусловно, имеем дело со словосочетаниями. В таких сочетаниях каждый из компонентов сохраняет за собой присущие им интегральные категории. Данные знаковые последовательности отражают синтаксические закономерности словесного моделирования ситуаций и не относятся к сфере формирования целостных словесных значений.

К сфере сложных слов также следует относить и прокомментированные нами ранее образования из нескольких связанных корневых морфем типа *monolith*; *lithography*; *graphomania* и т.д. Здесь отметим то, что структура сложного слова не всегда обязательно должна состоять только из корневых морфем. Как видим, в структуру сложного слова могут входить и различные аффиксы. Это, например, суффикс *-y* в *lithography*, обладающий специфическим категориальным значением, характеризующим определенный тип объектов, обозначающих сложный, созданных человеком аналитический процесс (*lithology*; *philology*; *biology*). Он обеспечивает определенную родовую специфику объекта — ср., например, с *lithograph*. К аффиксам относятся и так называемые интерфиксы, обеспечивающие соединение корневых морфем в некоторых случаях (сегмент *o* в слове *graphomania*).

Специфическим типом сложных слов следует считать образования, формально подобные словосочетаниям, написанные через дефис и выступающие в качестве прилагательных. Сравним две словесные последовательности:

Relatively few troubled and at-risk children;

Reduce child abuse and neglect by identifying children at risk of living in abusive homes.

В первой последовательности сочетание *at-risk* является сложным словом, обладающим целостным значением

и выступающим в качестве неразложимого элемента ситуации — свойства объекта *children*. Во втором примере сочетание *at risk* является словосочетанием, в котором оба компонента реализуют самостоятельные категориальные значения. Значением предлога *at* является отношение, при котором слово *risk* выступает в качестве объекта, обозначающего параметр ситуации, на основании которого может быть осуществлено действие *identifying*.

Проблема образования новых слов

Мы рассмотрели основные принципы морфологической структуры английского слова. В лингвистической традиции часто определенные типы морфологических закономерностей принято называть моделями словообразования. Отметим, что подобный взгляд упрощает проблему происхождения слова в языке, представляя ее как формальный процесс использования какой-либо «словообразовательной» морфемы. Так, в традиционной лексикологии прилагательное *beautiful* будет трактоваться как слово, производное от существительного *beauty*, а прилагательное *unreasonable* как производное от прилагательного *reasonable*. Здесь возникает вопрос о содержательности термина словообразование в данной традиции. Дело в том, что реальность бытия языка показывает, что единицы *beauty* и *beautiful*; *reasonable* и *unreasonable* сосуществуют в языке и для употребления слов с более сложной морфологической структурой говорящие вовсе не синтезируют их каждый раз из более простых слов с помощью аффиксов. Трактовка морфологического строя языка как прямого отражения процесса формирования слов — это одновременно и упрощение проблемы возникновения словесного знака, и ее искажение. Если следовать логике теории словообразования, то может возникнуть иллюзия того, что в основе языка были простые односложные корневые слова, из которых постепенно возникали более сложные слова с помощью аффиксов. Данное представление противоречит истории языков. В индоевропейских языках вообще более архаичные языки всегда обладали более развитой системой аффиксации, чем более современные языки. Дело в

том, что морфемный и словесный уровни — это различные уровни языковой системы. Существование аффиксов отражает определенные закономерности категоризации опыта, а не свидетельствует о вторичности слова, содержащего аффиксы по отношению к слову, обладающему лишь корневой морфемой.

В равной степени и мотивированная омонимия (конверсия) отражает специфику категориальной структуры различных слов, способных сохранять сходную форму. При этом, вряд ли имеет смысл искать первичность и вторичность для мотивированных омонимов (*over* как предлог и наречие, например; или *love* как существительное и глагол).

В принципе, традиционная лексикология далеко не всегда трактует словообразовательные модели так прямолинейно, как мы это представили выше. Часто делается оговорка о том, что производность слов следует понимать как словообразовательную мотивированность (Маслов Ю.С., 1987: 148). Словообразовательная мотивированность трактуется как наличие в языке слова, которое формально и по смыслу как бы «производит» рассматриваемое слово. При такой оговорке, термин «словопроизводство» является, безусловно, правильным по содержанию. Однако сама его внутренняя форма, описывающая категориальные связи внутри знаковых парадигм как отношения производности, постоянно «подсказывает» неверный образ процесса. Морфологические соответствия связаны не с производностью более сложных слов от более простых, а со способом обозначения определенных родовых категорий в языке. Здесь можно сделать вывод о том, что сам термин «словопроизводство» является не совсем удачным в этом контексте.

Вопрос о возникновении нового слова — вопрос чрезвычайно интересный и в такой же степени сложный. Мы видели, что изначально язык не возникает из какого-то одного слова. Словесность оформляется из сложных доязыковых ситуативных моделей, обладающих достаточно развитой знаковой структурой для того, чтобы в какой-то момент развития сознания дать возможность появиться внутренне дифференцированной фонетической знаковой системе, в которой изначально существовали знаки-объекты и знаки изменения. Дальнейшее развитие словесного состава языков

определяется, прежде всего, развитием и усложнением словесных моделей опыта. Именно поэтому словопроизводство как процесс возникновения новых слов в языке следует рассматривать в прямой связи с определенными сферами речевой деятельности и со спецификой тех человеческих потребностей, которые в данной сфере удовлетворяются. Только тогда мы сможем создать последовательную теорию изменения словарного состава языка. Данная сфера исследования напрямую затрагивает природу высказывания и структуру словесных моделей опыта, образующих языковую картину мира. Поэтому в рамках данного курса мы не рассматриваем вопрос образования новых слов в английском языке.

Глава 7

Синонимия и антонимия

В предыдущей главе мы рассмотрели способ существования категорий, составляющих значение любого словесного знака. Мы увидели, что категории существуют у слова благодаря тому, что в сознании носителей языка знаки закреплены в модели, в которых они обеспечивают стабильную значимость друг друга за счет закономерного закрепления свойств опыта за каждым словом как элементом модели.

Внутренняя структура категорий каждого слова является сложным комплексом свойств человеческого опыта. В предыдущих главах мы концентрировали наше внимание на взаимосвязи интегральной и родовой категорий в значении словесного знака для того, чтобы понять, каким образом знак получает возможность выступать как определенная часть речи, т.е. как определенный компонент словесных моделей опыта, обладающий единообразием родовых функциональных признаков при моделировании опыта. Именно родовая категория определяет статус слова в ситуативной модели: объект, изменение, свойство объектов и пр. Мы также видели то, каким образом родовой признак превращает в полноценное слово образную по своей природе интегральную категорию, определяющую уникальность каждого знака внутри системы. Далее мы проанализировали то, каким образом варьирование возможностей синтаксической сочетаемости внутри родовой категории обеспечивает слову определенную роль в моделировании ряда различных сфер опыта, что проявляется в языке как полисемия слова. Наблюдая за семантической природой мотивированной омонимии, мы установили функциональную смежность слов, образуемых при изменении их родовой категории и сохранении интегральной.

В данной главе мы рассмотрим новые типы категориальной соотнесенности словесных знаков в языковой системе. Мы обратимся к анализу различных по форме слов, принадлежащих одной части речи, которые в своей структуре обладают соотнесенностью друг с другом на основе структуры

своих значений. Нам предстоит выяснить характер их категориальной соотнесенности и определить те функции, которые данная соотнесенность выполняет в процессе языковой деятельности.

7.1 Синонимия — категориальная аналогия в контексте

То, что в языковой деятельности у человека есть выбор различных знаков для моделирования определенной потребности, не вызывает сомнения. Вариативность языковых средств для решения однотипных проблем является языковой синонимией. Она свидетельствует о многообразии языковых возможностей и о сложной множественной структуре различных компонентов ситуативных моделей опыта. Так, вы можете сказать официанту в кафе: «I would like to have another cup of coffee, please», или «May I have some more coffee please», или «Bring me another cup of coffee, please» и т.д. Мы видим, что все данные высказывания направлены на решение одной и той же проблемы и что при этом в их структуре есть различные элементы, которые мы можем представить как множество вариантов выражения вежливой просьбы в определенной ситуации опыта. Данные структуры будут синонимичными, поскольку при формальном разнообразии они все выполняют одну и ту же функцию в словесной модели решения определенной проблемы, связанной с ситуацией, которую можно охарактеризовать как процесс принятия пищи вне дома (в ресторане, в кафе или в гостях).

Как видим, синонимия касается возможности выбора различных формальных элементов для моделирования решения конкретной проблемы опыта. Изучение множеств функционально близких ресурсов языка актуально для понимания того, каким образом осуществляется систематизация ситуативных моделей, позволяющая нам видеть четкую разницу между «I would like some more coffee, please» и «May I have another cup of coffee, please» с одной стороны и «I want more coffee» с другой. Нам легко провести различие между первыми двумя высказываниями как вариантами

вежливой просьбы в ситуации, когда вы общаетесь с официантом или человеком, не входящим в круг ваших близких родственников или друзей, и третьим высказыванием как просьбой, возможной при обращении к близкому человеку. Невозможность различать данные множества может привести к препятствиям при решении проблемы: в случае с нашим примером это может быть словесный комментарий того, к кому будет обращено высказывание, нарушающее принцип соответствия ситуативной модели опыта структуре конкретного высказывания.

Следует отметить, что в данных примерах мы имеем дело со структурой целого высказывания, которая включает в себя не просто отдельные словесные знаки, но и матричную модель, в соответствии с которой данные знаки должны быть выстроены в последовательность. Эти примеры, безусловно, лежат за пределами интересов собственно лексикологии, описывающей природу слова как языкового знака. Однако, начиная рассматривать словесную синонимию, нам необходимо четко уяснить для себя то, что синонимия как важное свойство языковой системы актуальна на уровне высказывания — способа решения конкретной проблемы опыта с помощью языковых знаков. Рассмотренные примеры убедительно демонстрируют нам критерий установления синонимии — возможность у определенных структурных элементов языковой системы выступать в качестве множества функционально аналогичных ресурсов при оформлении высказывания. Механизмом синонимии является способность сознания выделять и соотносить однородные языковые элементы, замена которых друг на друга при формировании высказывания не приведет к помехам в решении проблемы. И одновременно отграничивать их от элементов того же порядка с точки зрения их роли в формировании ситуативной модели в высказывании, которые не соответствуют способу решения данной проблемы. В наших примерах таким элементом будет сочетание *I want* вместо *I would like* или *may I have* — нарушение единообразия модальности как способа выражения характера отношения говорящего к субъекту, способному решить его проблему.

Обратимся теперь к отдельным словесным знакам. В каком случае мы можем говорить о том, что отдельные слова

способны выступать в качестве множества взаимозаменяемых вариантов элемента высказывания? Следует сразу подчеркнуть, что данная проблема не изучена глубоко в связи с малой степенью изученности словесных моделей, обуславливающих порождение реальных высказываний. Также мало изучена и функциональная природа вариативности реальных высказываний, а ведь именно функциональная идентичность может служить надежным критерием для определения реального факта существования синонимии в языке.

Малая изученность функционального аспекта языковой деятельности приводит к тому, что сегодня определение синонимии, особенно на уровне отдельных слов, часто является интуитивным и не основывается на каких-либо четких критериях. Примером тому могут послужить списки синонимов из тезауруса словаря Webster's New World. Рассмотрим слово *family*.

Словарь предлагает следующую структуру словарной статьи:

Family — 1. (Obs.) all the people living in the same house; household.

2. a) a social unit consisting of parents and children they rear. b) the children of the same parents. c) one's husband (or wife) and children.

3. a group of people related by ancestry or marriage; relatives.

4. all those claiming descent from a common ancestor; tribe or clan; lineage.

5. a criminal syndicate under a single leader.

6. a commune living in one household, esp. under one head.

7. a group of things having a common source or similar features:

a) Biol. ... b) Chem. ... c) Ecol. ... d) Linguist. ... e) Math. ...

В структуре ЛСВ 7 мы опускаем подробные дефиниции структуры знака *family* в каждой из выделенных сфер научной деятельности.

В начале анализа нам необходимо выделить интегральную категорию данного слова. Ее можно сформулировать как: «способность выделять в своем окружении особо тесную связь с другими элементами на основании особых отношений, противопоставляющих все эти элементы остальной среде». Вот ряд ее маркеров в дефинициях: *living in the*

same house; related by ancestry or marriage; claiming descent; under a single leader, etc. Мы видим, что данная интегральная категория способна реализовываться в самых разнообразных сферах опыта: от характеристики родственных или экономических отношений между людьми до характеристики языков, животных, растений, математических сущностей и т.д.

В электронную версию словаря входит Тезаурус, в котором предлагаются синонимы к искомому слову. Рассмотрим обширный ряд синонимов, который предлагается пользователю словаря под общей рубрикой *Blood relatives*. Приведем данный список целиком:

Family — 1. (*Blood relatives*) — Syn. relations, relatives, kin, tribe, folk, clan, dynasty, house, household, kith and kin, kindred, kinfolk, kinsmen, connections, relationship, blood, blood tie, consanguinity, progeny, offspring, descendants, issue, brood, antecedents, forebears, heirs and assigns, generations, race, ancestry, progenitors, forefathers, pedigree, genealogy, descent, parentage, extraction, patrimony, paternity, inheritance, former generation, kinship, lineage, line, one's own, flesh and blood, clansmen, strain, stock, breed, parents, siblings, children, in-laws, nuclear family, extended family, the whole tribe, people, folks, nearest and dearest.

Безусловно, данный список впечатляет своей объемом. Что он дает нам для понимания специфики связи между всеми приведенными знаками как синонимами — словами, обладающими определенным сходством значения? Пожалуй, ничего, кроме ощущения того, что знаки, входящие в данный список представляют собой весьма разнородную последовательность слов, категориальная структура которых каким-то образом связана с принципами обозначения отношений между людьми в обществе. Список не производит впечатления чего-то системного и законченного. В нем есть слова *parents, siblings, children, in-laws*, но нет, например *twins, triplets, cousins, brothers, sisters*. Есть *heirs and assigns*, но нет *heir-at-law, heir apparent, testator*. Есть *dynasty*, но нет *king, queen, prince* и т.д.

Сама рубрика *Blood relatives* вызывает только недоумение. Ведь словарные дефиниции *blood relative* подчеркивают принципиальное отличие данного сочетания от *family*: в том

же Webster's New World находим дефиницию blood relation (or relative) — a person related to another by birth rather than by marriage or adoption. В The Concise Oxford: blood relation (or relative) — a relative by blood, not by marriage. Появление данного сочетания как рубрики, указывающей на ведущий признак, объединяющий все перечисляемые знаки, является просто ошибкой. Как видим, данная рубрика бессмысленна и не несет в себе никакой информации, значимой для нашего понимания природы синонимии предлагаемого следом за ней множества знаков. Очевидно, что слова и сочетания типа dynasty, heirs and assigns, generations, race, parents не соответствуют по своей категориальной структуре сочетанию blood relative. Более того, сочетание blood relation/relative не является собственно словом — это словосочетание, состоящее из прилагательного blood и существительного relative или relation.

Отметив противоречивость и непоследовательность рубрики, обратимся к приводимым словам и словосочетаниям. Сразу следует отметить неправомерность включения как словосочетаний (heirs and assigns; former generation, nuclear family, extended family), так и слов в единый синонимический ряд. В предыдущих главах мы сформулировали критерии выделения слова как языкового знака, обладающего целостным значением. Указание на то, что по отношению к слову family сочетания типа nuclear family или extended family должны рассматриваться как синонимы, ставит вопрос о границах лексической синонимии.

Являются ли данные сочетания словами или словосочетаниями? Heirs and assigns, а также former generation являются типичными примерами контекстуально обусловленных сочетаний. Они демонстрируют закономерные категориальные связи между структурными элементами моделей опыта. Heirs and assigns представляет соотнесенность двух однопорядковых объектов в модели опыта, характеризующей принципы законной передачи собственности от умершего человека к наследникам. Heir — a person entitled to property or rank as the legal successor of its former owner; assign — a person to whom property or rights are legally transferred. Соотнесенность двух данных объектов с помощью союза and представляет эти два объекта как важный компонент ситуативной модели

«законное получение наследства». В этой структуре выделяется значимость двух типов легального вступления в права собственности — по закону (*entitled to*) и в соответствии с законным распоряжением собственника (*assigned to*). Здесь можно задать вопрос о том, какое вообще отношение данное сочетание имеет к слову *family* в качестве его потенциально-го синонима? Ответ оказывается простым: никакого. *Heirs and assigns* — это объекты, смежные по отношению к объекту *family* в определенной модели опыта (процесс наследования собственности). Но они никак не могут выступать в качестве функциональных аналогов знака *family* в данных моделях и, соответственно, в высказываниях, основывающихся на данной модели.

Выше мы уже отмечали важность выделения четкого критерия для установления синонимии языковых знаков. Пример с включением *heirs and assigns* в ряд синонимов слова *family* — характерный факт методологической ошибки, когда в качестве сходства значения представляется смежность знаков в словесных моделях опыта. Данная ошибка объясняется, видимо, интуитивным характером отбора знаков в качестве синонимов. Сознание безусловно фиксирует близость объектов *family* и *heirs and assigns* в определенной модели опыта (передача собственности по наследству подразумевает участие родственников — *family members* — в первую очередь). Но если следовать такой логике, то в данный синонимический ряд следует включить и *attorney*, и *testator*, и *family doctor*, и, возможно, другие одушевленные объекты, составляющие данную ситуативную модель.

Точно такая же семантическая смежность характеризует и отношение между *family* и *former generation*. Появление сочетания *former generation*, но не *future generation* в списке синонимов *family* загадочно, тем более что отдельно приводятся слова *generations*, *race*, *ancestry*, *progenitors*, *forefathers*. Дело в том, что сфера опыта, связанная с функционированием семьи, безусловно предполагает принципы систематизации отношений, определяющих текущее состояние семьи. Это важнейшая социальная потребность человека. Однако в данной словесной модели слова *generation*, *race*, *ancestry*, *progenitors*, *forefathers* и т.д. также не являются функциональными аналогами слова *family*. Они представляют собой

смежные, но не аналогичные знаки, поскольку обозначают объекты, раскрывающие природу отношений между различными субъектами, способными представлять собой family. Ср. ЛСВ family — all those claiming descent from a common ancestor; tribe or clan; lineage и generation — a single (!) stage or degree in the succession of natural descent: as, father, son, and grandson are three generations.

В последнем примере ключ к пониманию методологической неточности при отнесении смежных, а не функционально аналогичных языковых знаков к синонимам. Предложение «Father, son, and grandson are three generations» обладает естественной значимостью, т.е. воспринимается как пример словесной модели естественного следования отношений внутри семьи по признаку возраста. Если мы сравним его с гипотетическим «Father, son, and grandson are one family», то мы сразу почувствуем его ущербность: «what about the mothers?». Модификация примера из словарной статьи четко выявляет функциональную разнородность этих двух знаков при их смежности в определенной сфере опыта.

Наконец, рассмотрим сочетания nuclear family и extended family. Если рассматривать данные сочетания как синонимы, то мы увидим в них элемент тавтологии (family в обоих сочетаниях сохраняет свое категориальное значение, соответствующее ЛСВ «a social unit consisting of parents and children they rear». При этом слова nuclear и extended обозначают определенные свойства данного объекта. Словарь предлагает дефиниции данным сочетаниям, на основании которых легко выявить то, что в обоих случаях мы имеем дело со словосочетаниями, состоящими из двух слов, а не с целостными словами.

Nuclear family — a couple and their children, **regarded as a basic** social unit. При этом первое значение прилагательного nuclear определяется как of, relating to, or constituting a nucleus, а соответствующее существительное nucleus определяется как the central part or thing round which others are collected.

Возвращаясь к семантической структуре сочетания nuclear family, мы видим, что в его структуре легко выделяются два элемента: соответствующий вариант слова family — a social

unit consisting of parents and children they rear как определенный тип объекта и его свойство — regarded as basic, которое соответствует структуре значения прилагательного nuclear — constituting the central part round which others are collected. Таким образом, рассматривать данное словосочетание как элемент одного порядка со словом family невозможно.

Точно так же можно проанализировать и сочетание extended family. Словарь предлагает нам дефиницию данного словосочетания — a family including relatives living near. Элемент дефиниции including relatives living near соответствует категориальной структуре глагола extend — lengthen or make larger in space or time. Including relatives living near является свойством объекта family, обозначаемым причастием extended — made larger (including relatives) in space (living near).

Итак, оба эти сочетания являются ничем иным как элементами словесной модели сферы опыта, соответствующей ЛСВ family — a social unit consisting of parents and children they rear, в которых сочетание слова family с прилагательным nuclear и причастием extended обозначают наиболее актуальные свойства данного объекта как элемента сферы опыта, которую условно можно обозначить как «семья и общество».

Еще одно возражение против предлагаемого в Webster's New World списка синонимов состоит в том, что он включает в себя существительные, обозначающие объекты разного типа. С одной стороны, в списке присутствует ряд существительных, обозначающих человека или группу людей как обладателей функций, обеспечивающих систематизацию родственных отношений в обществе: relative, kin, tribe, children, in-laws, parents и т.д. С другой стороны, в этом же списке присутствуют существительные, обозначающие объекты совсем другого порядка: consanguinity, descent, patrimony, paternity, inheritance и др. Данные объекты являются функционально смежными по отношению к объектам, обозначающим людей как носителей определенных функций, обеспечивающих систематизацию родственных отношений в обществе. Они не могут рассматриваться как аналогичные объекты, расширяющие ряд, приведенный выше. Они обозначают определенные качества людей с точки зрения возможности осуществления ими данных функций.

Рассмотрим словарные дефиниции данных слов. Для краткости мы сразу обратимся к ЛСВ, соответствующим рассматриваемой нами сфере опыта, которую мы обозначаем как «систематизация отношений между людьми в обществе на основе признака родства».

Consanguinity — словарь дает нам это существительное как связанное с прилагательным consanguineous — descended from the same ancestor; akin. В данной дефиниции хорошо видна как функциональная смежность объекта, обозначающего качество человека с точки зрения системы родственных связей, так и невозможность рассмотрения данного слова как однородного для ряда relative, kin, tribe, children ...

Descent — 3 **a** being descended; lineage, family origin (*traces his descent from William the Conqueror*). **b** the transmission of qualities, property, privileges, etc., by inheritance.

Inheritance — 1 something that is inherited. 2 **a** the act of inheriting. **b** an instance of this.

Paternity — 1 fatherhood. 2 one's paternal origin.

Patrimony — 1 property inherited from one's father or ancestor. 2 a heritage.

Все данные примеры хорошо демонстрируют функциональную смежность данных слов в рассматриваемой сфере опыта (father — paternity; parents — descent; family — inheritance, и т.д.). Вместе с тем, обозначение их как синонимов привело бы к стиранию всяких границ между функциональной аналогией и функциональной смежностью как принципами классификации знаков. В таком случае синонимами могли бы быть любые элементы, оформляющие определенную словесную модель опыта (или фрейм во многих когнитивных исследованиях сегодня). Так, синонимами следовало бы считать table и eating или mountain и descent в его ЛСВ the act of descending (ср. family — inheritance). Такой подход к синонимии практически уничтожил бы разницу между синонимией и контекстом, так как любые словесные единицы, формирующие категориально соотнесенные элементы моделей опыта, можно было бы рассматривать в качестве синонимов — что, собственно, мы и наблюдаем в списке синонимов в словаре Webster's New World. При таком подходе ограничение синонимии одной частью речи становится простой формальностью. В соответствии с данной логикой

синонимичными к слову *family* должны быть также и знаки *die, born, live* и т.д. В результате вся сфера опыта может рассматриваться как структура из знаков-синонимов, что абсолютно бессмысленно, поскольку ничего не дает нам для дополнительного понимания природы знакового моделирования опыта.

Пока мы смогли определить, какие отношения между словами не следует считать синонимией. Теперь нам предстоит решить, каким образом и для чего нам следует выделять слова-синонимы. В начале раздела мы отмечали значимость близости или сходства значения словесных знаков для структуры высказывания — единицы, состоящей из слов или слова и служащей для решения человеком определенной проблемы в процессе своего опыта. В своей речевой деятельности человек всегда имеет возможность выбора и способен варьировать структуру высказывания при решении аналогичных проблем. Собственно, словесная синонимия и будет являться средством варьирования высказываний, обеспечивающих решение таких проблем. Как видим, проблема синонимии относится к сфере языковой прагматики и не может быть описана вне изучения природы высказывания, классификации человеческих потребностей и соответствующих им проблем его опыта. Вместе с тем, внимательное наблюдение над категориальной структурой значений слов позволит нам определить некоторые базовые принципы существования синонимов в языке.

Рассмотрим несколько слов из уже проанализированного нами синонимического ряда *family* из словаря Webster's New World. Сравним категориальную структуру слов *family, relative, relation* и *kin*.

Слово *relative* представлено рядом ЛСВ в качестве существительного. Приведем все три ЛСВ из данного словаря:

Relative — 1. a relative word, term, or thing. 2. a person connected by blood, marriage, etc., kinsman or kinswoman. 3. a plant or animal in the same taxonomic division as another.

Первый важный вывод о том, каким образом нам следует определять категориальную близость слов для обоснования возможного отнесения их к синонимам, состоит в том, что мы можем рассматривать синонимию только на уровне отдельных лексико-семантических вариантов слов. Дело в

том, что полное значение слова, как это мы уяснили в главе, посвященной полисемии, реализуется у слова как у знака, являющегося компонентом моделирования определенной сферы опыта. Поэтому, для выявления синонимии словесных знаков, нам необходимо установление принадлежности их определенных вариантов одной и той же сфере опыта. В нашем примере с *family* мы рассматривали сферу опыта «систематизация отношений между людьми в обществе на основе признака родства». Очевидно, что из трех вариантов значения слова *relative*, нам следует рассмотреть ЛСВ 2 *a person connected by blood, marriage, etc., kinsman or kinswoman*.

Рассмотрим соответствующие ЛСВ слов *relation* и *kin* из того же словаря.

Relation — 5. *a person connected with another or others by blood, marriage, etc., member of the same family, relative*.

Kin — словарь дает всего одно значение существительного, обозначаемого данным знаком — *one's family; relatives; kinfolk; kindred*.

Как видим, все выделенные нами ЛСВ обозначают определенный тип объекта в рассматриваемой сфере опыта — это человек или группа людей, обладающие признаком родства — особой функциональной связью людей на базе их соотносительности друг с другом через семейные отношения (*connected by blood, marriage, etc.*). Функциональная аналогия объектов, обозначаемых рассматриваемыми словами, отражается в структуре дефиниций. ЛСВ 2 слова *relative* практически дословно воспроизводится в дефиниции ЛСВ 5 слова *relation*. Дефиниция слова *kin* просто отсылает нас к ряду других словесных знаков, среди которых уже знакомые нам *family* и *relative*.

Теперь нам предстоит уяснить, какой из ЛСВ *family* можно включить в данный ряд функционально аналогичных объектов. В словаре Webster's New World слово *family* представлено тремя ЛСВ, которые относятся к сфере опыта «систематизация отношений между людьми в обществе на основе признака родства» — это ЛСВ 2, 3 и 4. Приведем их еще раз:

Family — 2. a) *a social unit consisting of parents and children they rear*; b) *the children of the same parents*; c) *one's husband (or wife) and children*. 3. *a group of people related by ancestry or marriage; relatives*. 4. *all those claiming descent from a common ancestor; tribe or clan; lineage*.

Сосуществование трех ЛСВ одного и того же слова в выделенной сфере опыта свидетельствует о том, что обозначенная нами сфера опыта является слишком общей и предполагает дальнейшую дифференциацию по основным категориальным признакам. Действительно, все три ЛСВ легко включаются в обозначенную нами семантическую сферу. Более того, если мы рассмотрим категориальную структуру данных трех дефиниций, то мы увидим, что каждый последующий ЛСВ способен включать в себя категориальную структуру предыдущего ЛСВ за счет расширения предполагаемого круга лиц, вовлеченных в обозначаемые связи. В ЛСВ 2 круг одушевленных объектов определен как *parents and children*, то есть конкретизирует данное свойство опыта наиболее узко, исключительно как отношения между родителями (супругами) и детьми. В ЛСВ 3 структура ситуации модифицирована и представлена как *related by ancestry or marriage*, то есть включает любые формы родственных связей через общих предков или через брачные отношения. Наконец, в ЛСВ 4 представлена связь этого же слова с ситуацией еще более обобщенной как *descent from a common ancestor*, то есть этот вариант значения предполагает историческую общность людей на основе единых этнических корней.

Итак, три данных ЛСВ слова *family* представляют собой реализацию интегральной категории (выражение возможности ощущать особую связь с другими элементами ситуации) в трех различных типах контекста, по-разному реализующих структуру объекта *family* в сфере опыта «родственные связи». Мы видим, что для данной сферы актуальным является разделение родственных связей по трем уровням обобщения. Может ли синонимический ряд, который мы анализируем включать в себя все три ЛСВ слова *family*? Структура словарных дефиниций подсказывает нам, что нет.

Включение в структуру дефиниции ЛСВ 3 слова *relatives* сигнализирует нам о том, что функциональная аналогия между объектом *family* и уже рассмотренными нами словами *relative*, *relation* и *kin* возможна в типе контекста, представленном в дефиниции с помощью элемента *related by ancestry or marriage*. Здесь следует отметить то, что далеко не все словари с равной степенью четкости выделяют для слова *family* варианты, соответствующие ЛСВ 2 и 3 в словаре Webster's

New World. Так, The Concise Oxford они практически представлены одним ЛСВ, открывающим словарную статью: a set of parents and children, or of relations, living together or not. В The Shorter Oxford это ЛСВ 3: the group consisting of parents and children, whether living together or not; in wider sense, all those who are nearly connected by blood or affinity.

Несмотря на то, что данные ЛСВ более широкие, чем ЛСВ в Webster's New World, важным является обязательное выделение категориальной неоднородности объекта при его структурировании по типу дефиниций The Concise Oxford и The Shorter Oxford. В обеих дефинициях категориальный эквивалент ЛСВ 3 в Webster's New World противопоставляется только группе, состоящей из детей и родителей: a set of parents and children, OR of relations..., the group of parents and children ...; IN WIDER SENSE, all those... .

Здесь мы не будем рассматривать причины расхождений в структуре дефиниций различных словарей. Для нас важно то, что даже при различных конкретных дефинициях слова family в разных словарях, мы можем вполне обоснованно выделить определенную категориальную структуру варианта family, которая может рассматриваться нами как объект, обладающий функциональной аналогией с рядом relative, relation, kin. При этом включение family в данный ряд функциональной аналогии с определенной категориальной структурой является аргументом в пользу разделения family как parents and children и family как people related by blood or marriage в качестве двух ЛСВ.

Следует также уточнить характер знаков в данном ряду. Слова relative и relation могут присутствовать в данном ряду только в форме множественного числа, так как они обозначают отдельных людей в качестве представителей родственной группы. Слова же family и kin обозначают такую группу как целостность. Следовательно, ряд слов, образующих потенциальное множество синонимов это family – relatives – relations – kin. Это подтверждается и структурой словарных дефиниций: в рассматриваемых нами дефинициях family и kin могут встречаться слова relative или relation обязательно во множественном числе.

В чем значимость выделения нами ряда family –relatives – relations – kin как аналогичных объектов? Структура словарных

дефиниций свидетельствует о том, что у данных знаков полнотой или в значительной степени совпадают контексты. В предыдущей главе мы говорили о роли систематизации контекстов для формирования словарных дефиниций в толковых словарях. Мы уяснили для себя то, что значение словесного знака существует благодаря стабильности его материального окружения в языковой системе. Именно стабильность контекста и позволяет знаку выполнять определенную функцию в моделировании опыта. Сходство словарных дефиниций, сигнализируя о совпадении или близком сходстве контекстов, указывает нам на то, что данные словесные знаки относятся ко множеству единиц, которые человек способен варьировать при решении сходных проблем своего опыта. Иначе говоря, словарь указывает нам на то, что последовательности типа *They are my family; they are my relatives; they are my relations* или *they are kin to me* могут быть взаимозаменяемыми. Это означает, что в определенных контекстах вся полнота интегральных категорий данных слов является нивелированной и они могут использоваться как равнозначные элементы словесного ряда. При этом мы должны четко определить условия, при которых возможна нейтрализация различий в структуре интегральных категорий. Это может быть возможным при тщательном анализе условий речевого поведения субъектов.

Соответственно, природа контекста слова как материальной формы существования его значения не способна выявить те принципы, на основании которых при формировании конкретных высказываний по поводу проблемы определенного типа рассматриваемые нами слова будут функционировать как знаки, обладающие полной взаимозаменяемостью, или же как знаки, при варьировании которых характер репрезентации проблемы и способа ее разрешения могут меняться.

Последнее замечание очень важно для понимания сути синонимии. Синонимия — явление прагматического аспекта языка, то есть синонимия может быть систематически проанализирована и описана не на уровне наблюдения за структурой значения отдельных знаков, а на уровне теории высказывания. С этого соображения мы и начали данный раздел. Действительно, для того, чтобы понять, в чем

состоит функциональная аналогия ряда объектов, изменений, свойств объектов или других элементов словесных моделей опыта, мы должны не просто фиксировать сходство их категориальных структур, но и определить тот тип высказывания, для которого данное сходство актуально.

Мы уже видели, что формальный список синонимов обладает малой информативностью и не может показать нам, что именно обуславливает существование данного множества аналогичных по своей категориальной структуре словесных знаков. Словесное значение функционально по своей природе — мы уже определили это в предыдущих главах. Соответственно, полное выявление функционального аспекта категориальной аналогии возможно только в рамках изучения типов высказываний. В связи с тем, что природа высказывания и структура словесных моделей опыта, определяющих природу высказываний, изучены очень мало, можно сказать, что синонимия является одной из наиболее загадочных и неизведанных областей языковой системы.

Отметив неизученность функционального аспекта словесной синонимии, подчеркнем, что категориальная основа синонимии достаточно четко представлена в уже существующих описаниях словесных знаков. Наш анализ словесного ряда *family — relatives — relations — kin* позволяет нам сделать несколько важных выводов о категориальной структуре слов, способных выполнять аналогичные функции в высказываниях.

Прежде всего, синонимия может реализовываться у отдельных ЛСВ слов, если эти слова обладают полисемией. Основное свойство синонимов — их принадлежность к одной и той же сфере опыта. Только в пределах единой сферы опыта какой-либо элемент, ее моделирующий, способен обладать аналогами. Мы это ясно увидели при рассмотрении полисемии существительных *family, relative* и *relation*.

Различные ЛСВ одного и того же слова могут относиться к различным группам синонимов. Так, приведенный нами ЛСВ *family — all those claiming descent from a common ancestor; tribe or clan; lineage* — входит в совсем другой синонимический ряд. Дело в том, что родовая категория *family* в данном варианте определяет значение данного знака как

объект, относящийся к сфере систематизации этнических отношений. Соответственно, в синонимический ряд входят такие слова как *clan* и *tribe*, например. Характерно, что они указаны в дефиниции данного ЛСВ *family*. Отдельное слово способно включаться в различные множества синонимов в зависимости от количества ЛСВ и их категориальной структуры. Итак, когда мы говорим о синонимах, мы всегда имеем дело с определенными ЛСВ различных слов, если данные слова обладают вариативностью значения. Слов с вариативностью значения в английском языке большинство.

Следующий важный вывод о природе синонимии состоит в том, что словарные дефиниции фиксируют категориальное сходство значений различных знаков, вводя, как правило, словесные знаки с идентичными или сходными контекстами в дефиницию соответствующего лексико-семантического варианта слова. Вспомним дефиниции типа *relation* – *a person connected with another or others by blood, marriage, etc., member of the same family*; **relative**; *family* – *a group of people related by ancestry or marriage*; **relatives**; и др.

Третий важный вывод заключается в том, что словарные дефиниции, отражающие структуру контекста лексико-семантических вариантов, не могут предоставить нам достаточно информации о содержательной стороне синонимии. В целях лексикографического описания структуры значения знака его окружение фиксируется в пределах отдельной синтаксической единицы не более предложения. В связи с этим, сущность категориальной аналогии значения слов остается неясной до конца. Дело в том, что отдельное предложение (*they are my family*; *they are my relatives*; *they are my relations*), если оно фиксируется формально, то есть если оно рассматривается автономно от типа решаемой высказыванием проблемы, то оно не несет в себе достаточно информации для определения функционального статуса составляющих это предложение словесных единиц. В сущности, рассматривая данные предложения как отдельные от конкретной ситуации опыта знаковые последовательности, мы не можем определить реальное значение данных структур. Значимость этих предложений условна и состоит лишь в соответствии данных знаковых последовательностей контекстам составляющих их слов. Проблема выбора одной из единиц, обладающих сходством

категориального значения, не может быть решена вне обращения к прагматической природе высказывания.

Яркий пример нерешаемости вопроса о природе и содержании синонимии на уровне отдельных знаков — наблюдение над словами *though* и *albeit*. Рассмотрим словарные дефиниции данных союзов. Здесь интересно сопоставить структуру дефиниций *The Concise Oxford* и *Webster's New World*, так как данные словари по-разному представляют структуру значения этих знаков. Мы рассматриваем только категориальную структуру союзов, так как *albeit*, в отличие от *though*, не обладает мотивированной омонимией.

The Concise Oxford предлагает следующую структуру значения данных знаков:

Albeit — *conj.* *literary* *though* (*he tried, albeit without success*). Сразу отметим, что помета *literary* обозначает «a word or use that is found chiefly in literature» (COD, XXXI).

Though — *conj.* **1** *despite the fact that* (*though it was early we went to bed; though annoyed, I agreed*). **2** (introducing a possibility) *even if* (*ask him though he may refuse; would not attend though the Queen herself were there*). **3** *and yet; nevertheless* (*she read on, though not to the very end*). **4** *in spite of being* (*ready though unwilling*).

Webster's New World содержит более сложную систему соотношенности данных знаков:

Albeit — *conj.* *although; even though*.

Although — *conj.* *in spite of the fact that; granting that; though*.

Though — *conj.* **1.** *in spite of the fact that; notwithstanding that; although: as, though the car was repaired, it still rattled*. **2.** *all the same; yet; still: as, they finally made it, though I never thought they would*. **3.** *even if; supposing that: as, though he may fail, he will have tried*.

Как видим, в соответствии с рассмотренными нами принципами выделения синонимии, мы можем утверждать, что союзы *albeit* и *though* могут быть синонимами. Оба слова обозначают контрастное противопоставление двух элементов ситуативной модели. Содержанием этого противопоставления является указание на определенный элемент ситуации, который не согласуется с остальными условиями моделируемой ситуации и сигнализирует тем самым о конфликте внутри моделируемой ситуации. Элемент, противоречащий

всем остальным условиям, вводится словами *albeit*; *although*; *though*:

He tried — *albeit without success*.

Ask him — *though he may refuse* и т.д.

Данные слова удовлетворяют выделенным нами признакам синонимии: в их структуре очевидно категориальное сходство, а также в дефиниции одного знака присутствует другой знак.

Достаточно ли нам данной информации для того, чтобы определить, в чем содержание синонимии знаков *albeit* и *though*? Очевидно, что нет. Словарные статьи никак не поясняют, являются ли данные знаки абсолютно идентичными или же между ними существует определенная разница. Помета в *The Concise Oxford «literary»* по отношению к *albeit* не вносит ясности в проблему. Приводимый пример «*he tried, albeit without success*» не несет в себе никаких признаков особой «литературности» в сравнении с примерами типа *though annoyed, I agreed; though it was early we went to bed*». Данные предложения потенциально могут рассматриваться нами как элементы литературного повествования, как и пример с *albeit*. Более того, сопоставление дефиниций в *The Concise Oxford* и в *Webster's New World* свидетельствует о противоречивости в принципах выделения ЛСВ союза *though*. В *WNW* *albeit* характеризуется как эквивалент *although*, а *although* как эквивалент *though* (*in spite of the fact that; ... though*). Далее сам союз *though* оказывается эквивалентом последовательности *in spite of the fact that* лишь в первом своем ЛСВ. В *COD* *albeit* просто констатируется как эквивалент *though*. Даже если мы допустим возможное расхождение в категориальной структуре данных знаков в британском и американском вариантах английского языка, мы должны признать, что подобное описание значения словесных знаков не является достаточно четким. Это свидетельствует о неполном отражении в словарных дефинициях реальной категориальной структуры этих слов. В предыдущих главах мы установили, что значение слова реализуется как его функция в моделировании определенной сферы опыта. Если словарные описания не способны дать нам достаточно информации о функциональной природе того или иного знака, то проблема не в значении знака, а в структуре словарной статьи.

Действительно, почему в примере «he tried, albeit without success», судя по словарной дефиниции, предпочтителен союз *albeit*, а в примере «ready though unwilling» предпочтителен *though*? Если эти слова синонимы, то принципиальной ли будет перемена их местами? В *The Shorter Oxford* находим пример, структурно аналогичный примеру *ready though unwilling*, но с *albeit*: *A certain (albeit uncertain) morrow.* (Thackeray)

Последний пример возвращает нас к помете *literary* в COD. Действительно, может быть *albeit* и *though* синонимы, различающиеся сферами употребления? Может быть, *albeit* предпочтительнее в литературном тексте? Для того чтобы убедиться в том, что профессиональное признание писателей, пишущих на английском языке вовсе не связано с предпочтительным употреблением *albeit* вместо *though*, достаточно прочитать внимательно несколько сотен художественных текстов и обнаружить в них предпочтительное употребление *though* и практическое отсутствие *albeit*.

Вместе с тем, союз *albeit* оказывается достаточно частотным в газетных текстах. Внимательное наблюдение над типом газетной статьи показало, что в американской *The New York Times* союз *albeit* появляется в статьях, посвященных какой-либо острой политической проблеме. Он употребляется в тексте всего один раз — в том отрезке текста, который формулирует суть описываемого в статье конфликта. Судя по всему, данное слово является сигналом особой значимости контрастного противопоставления элементов ситуации для понимания сущности описываемой проблемы. Вот характерный пример: статья под заголовком «At Davos Forum, Advice for the Superpower» из еженедельного варианта газеты *The New York Times Large Type Weekly*, содержащей основные тексты газеты за неделю (Vol.XXXVII, No.1925, 4).

Статья посвящена сравнению двух форумов в Давосе — в 2003 и в 2004 годах. Автор отмечает, что критика США в 2004 году была менее активной, чем в 2003. Одновременно, в статье отмечается, что отсутствие резких заявлений не является свидетельством того, что проблема в отношениях между США и остальным миром решена. В ключевом для данного текста абзаце мы встречаем структуру с *albeit*:

There were other suggestions that compared with one year ago, when the forum became a bitter joust between America and

opponents of war in Iraq, some of those skeptics and foes have begun to acquiesce in Washington's exercise of power.

But even now, many basic perceptions of the Bush administration as a law unto itself, brusquely disregarding the rest of the world, remain, albeit in a muted way.

Союз *albeit* устанавливает контрастное противопоставление между двумя элементами моделируемой ситуации, являющимися основными для содержания статьи: отсутствием резкой критики и продолжающимся неприятием США в мире. *Albeit* не просто указывает на то, что отсутствие критики противоречит сути ситуации, которую представляет в своей статье журналист газеты. Данное слово подчеркивает ключевой характер данного противоречия для моделируемой проблемной ситуации: не изменившегося за прошедший год отрицательного отношения к США в мире. Заключительный абзац, следующий за абзацем с *albeit*, является конкретной иллюстрацией сформулированного противоречия:

“We may be getting used to the idea” of America's exclusive hold on global military and political power, said Nabil Shaath, the foreign minister of the Palestinian Authority. “But that doesn't mean we change our views.”

Таким же образом *albeit* реализует свое значение и в других статьях. На основании этих закономерностей мы можем высказать гипотезу о том, что интегральной категорией союза *albeit*, в отличие от *though*, является осуществление контрастного противопоставления двух наиболее значимых для проблемной ситуации элементов. Безусловно, данную гипотезу необходимо проверить дальнейшими исследованиями. Интересно было бы проверить, в какой степени понимание статьи было бы затруднено, если бы в данной позиции был бы употреблен союз *though*. В какой степени снятие указания на значимость контраста сказалось бы на легкости установления основного конфликта в моделируемой ситуации?

Хотя предлагаемый здесь комментарий и является гипотезой, думается, что исследование категориальной природы *albeit* и *though* именно с точки зрения их роли в организации смысла целостного высказывания может окончательно установить, имеем ли мы дело с синонимами, т.е. с категориально

аналогичными знаками, которые способны заменять друг друга в определенных условиях, или же данные слова не являются синонимами вообще.

Пример из The Shorter Oxford «a certain (albeit uncertain) morrow (Thackeray)» также является свидетельством в пользу выдвинутой гипотезы. Дело в том, что данное сочетание очевидно относится к в высшей степени значимому для развития сюжета произведения отрезку текста. Подлинное значение *albeit* и здесь реализуется не в пределах приведенного сочетания, а в структуре текста в качестве сигнала особо значимого для всего текста контраста. Само по себе противопоставление слов *certain/uncertain* является тавтологичным и не обладает смыслом вне структуры конкретного текста. Значение *albeit*, таким образом, и в этом примере не может быть выведено только из данного сочетания. Одновременно, принадлежность *albeit* в данном случае к художественному тексту (вспомним помету *literary*) не является существенной с точки зрения выполняемой этим словом функции. Функция *albeit* является неотъемлемой частью его категориальной структуры и может быть выявлена только на уровне целостного высказывания.

Именно этот факт и является еще одним аргументом в пользу положения о том, что сущность синонимии следует искать на уровне теории высказывания, а не в сфере описания значений отдельных словесных знаков. Формальное отнесение *albeit* и *though* к синонимам не только ничего не дает нам с точки зрения понимания сути их значения. Достаточно внимательно рассмотреть словарные дефиниции, чтобы убедиться в том, что они не полностью и неточно описывают категориальную структуру каждого знака. Формальное фиксирование синонимии «на уровне словесных значений» затемняет и искажает наше понимание этого явления. В случае с *albeit* и *though* категориальное сходство слов в том виде, в каком оно представлено в словарных дефинициях, оказывается мнимым при обращении к реальности существования данных знаков в языке. Проведенные нами наблюдения также свидетельствуют о том, что реальный контекст любого словесного знака не может не отражать функциональной специфики ЛСВ в той сфере опыта, которую он обслуживает.

Рассмотрим еще несколько примеров потенциальных синонимов, выделяемых на основе словарных дефиниций. Глагольный ряд *jump, spring, leap, hop* проявляет признаки возможности синонимии на уровне отдельных ЛСВ. В качестве примеров рассмотрим элементы дефиниций в COD.

Jump – 1 move off the ground or other surface (usu. upward, at least initially) by sudden muscular effort in the legs.

Spring – 1 jump; move rapidly or suddenly (*sprang from his seat; sprang through the gap; sprang to their assistance*).

Leap – 1 jump or spring forcefully.

Hop – 5 a. jump into (a vehicle).

Мы видим, что выделенные ЛСВ каждого глагола обладают сходством категориальной структуры. Все варианты относятся к одной сфере опыта: характеристике физических действий человека. Все ЛСВ представляют физическое действие как быстрый процесс, связанный с определенным усилием и включающий движение ног. В дефинициях слов *spring, leap* и *hop* включено слово *jump*, что также соответствует принципу описания потенциально синонимичных знаков.

Вместе с тем, представляют ли данные дефиниции достаточно информации для определения степени функциональной близости данных вариантов? В описании слова *jump* мы также находим ЛСВ 2:

Jump – 2 (often followed by *up, from, in, out, etc.*) move suddenly or hastily in a specified way (*we jumped into the car*). Если мы сравним данный ЛСВ с выделенным ЛСВ *hop – jump into (a vehicle)*, то мы можем предположить, что в данной специфической модели опыта эти знаки являются функциональными аналогами, синонимами: *we jumped into the car; we hopped into the car*. Насколько идентичными будут данные предложения в реальных высказываниях? Словарные дефиниции ЛСВ не дают ответа на этот вопрос, поскольку они не содержат четкой информации о той функции, которую выполняет каждый из соотносимых знаков при характеристике обозначаемого изменения объекта.

Для определения функциональной природы каждого из знаков необходимо выделить их интегральные категории. Наблюдения над структурой полисемии слов *jump, spring, leap* и *hop* показывают, что у этих четырех слов интегральные категории принципиально различные.

Jump обозначает возможность резкого и направленного изменения исходного состояния — *prices jumped; he jumped for joy; we jumped into the car*.

Spring обозначает изменение, являющееся быстрым переходом из состояния несвободы, связанности к состоянию большей свободы. Данная интегральная категория отмечена в дефинициях ряда ЛСВ в COD: *spring — 2 move rapidly as from a constrained position or by the action of a spring (the branch sprang back; the door sprang to)*. Данная интегральная категория объединяет изменения в самых различных сферах опыта как процесс перехода от несвободы, зажатости к освобождению, причем часто возникновение объекта из небытия с помощью данного знака характеризуется как процесс «развертывания, освобождения»:

the breeze sprang up; the belief has sprung up; he has sprung a new theory; their actions spring from firm convictions и т.д.

Leap обозначает изменение, требующее усилия для преодоления какого-либо препятствия: *look before you leap; leap — jump across*.

Hop обозначает легкое и быстрое изменение состояния объекта: *cloud-hopping; a rabbit hopping through the grass*.

Как видим, во многих вариантах значений данные словесные знаки в принципе не могут рассматриваться как синонимы. Причина заключается в различной природе их интегральных категорий. Достаточно представить себе сочетания типа *the breeze jumped up; a rabbit springing through the grass; he hopped to his feet*. Это наблюдение позволяет нам уточнить природу синонимии определенных ЛСВ различных слов с точки зрения категориальной структуры данных слов. Мы видим, что синонимия возможна у тех ЛСВ, у которых значимость интегральной категории как основного свойства обозначаемого элемента опыта может быть нейтрализована в структуре модели опыта. Это значит, что, например, *jump* и *hop* могут быть синонимами в том случае, если для сочетаний *we jumped into the car* и *we hopped into the car* различия их интегральных категорий являются менее актуальными для формирования высказывания, чем общность той словесной ситуации, которая предполагает возможность их использования, то есть, когда принципы вхождения в контекст, определяемые родовой категорией более существенны для

говорящего, чем расхождения в передаваемых нюансах переживания. Окончательное решение данного вопроса можно предложить только на уровне исследования структуры высказываний. Так и сочетания *prices jumped* и *prices leapt* могут быть определены нами как синонимичные, если мы сможем доказать, что выбор *leap* в данной структуре при ее реализации в конкретном высказывании не обусловлен тем, что изменение цен представлено как преодоление определенного допустимого порога, т.е. что актуальность интегральной категории *leap* нейтрализована в высказывании. Если же выбор одного или другого слова связан с различной природой обозначаемого изменения, отнесение данных ЛСВ к синонимам будет неоправданным формализмом.

Итак, мы видим, что проблема синонимии, понимаемой как функциональная вариативность словесных ресурсов, далека от полного решения. Основным препятствием для разработки последовательного описания синонимических ресурсов английского языка является отсутствие разработанной теории высказывания, которая обеспечила бы принципы описания функциональной природы значения слов.

7.2 Денотативная теория и синонимия

Для денотативной теории характерно вынесение сущности синонимии за пределы языка. Синонимами называются слова, обозначающие одно и то же «явление действительности». Сторонники теории отражения действительности в языке предполагают, что за знаками *jump*, *leap*, *hop* и *spring* стоит «один и тот же денотат» (Елисеева 2003: 42), т.е. что изменения, обозначаемые данными словами, существуют во внешней действительности как один и тот же процесс, обладающий своей собственной сущностью, не связанной со структурой языка.

Так, принято говорить об общей «денотации», присущей словам синонимического ряда (Арнольд 1986: 195). При этом все исследователи отмечают, что «полных» синонимов, т.е. таких слов, которые обозначали бы идентичные семантические комплексы, в языке практически нет (Арнольд 1986;

Cruse 1986). В связи с этим, семантические составляющие, которые различают значения функционально близких слов, денотативная традиция называет «коннотациями» или «оттенками значения» (Арнольд 1986) или «подчиненными семами» (“subordinate traits”) (Cruse 1986).

Денотативная традиция предлагает различные классификации синонимов. Наиболее распространенной в отечественной традиции является разделение синонимов на «идеографические» синонимы, или, в некоторых классификациях, квази-синонимы, и стилистические синонимы. В качестве примера стилистических синонимов приводятся пары типа *begin-commence* и *father-dad(dy)*. Стилистические синонимы определяются в денотативной традиции как слова, обладающие одинаковым денотативным значением, но разной стилистической «окраской», т.е. различной дистрибуцией по сферам общения, прежде всего связанным со степенью официальности или торжественности (Арнольд 1986: 198).

Примером идеографических синонимов может служить ряд *jump-spring-leap-hop*. «Идеографическими» называют такие синонимы, которые при общем «денотативном значении» имеют некоторые «понятийные» или «экспрессивные» различия, т.е. разные «оттенки значения» (Арнольд 1986: 198).

С точки зрения денотативной теории, рассматривая семантические связи между словами *jump*, *leap*, *hop* и *spring*, мы должны были бы посчитать их специфические интегральные категории «оттенками значения». Но это полностью бы противоречило природе значения слова как единицы человеческого языка, который позволяет человеку оперировать функциональными значимостями.

Более того, если мы обратимся к рассмотрению общих аспектов внутри комплексных интегральных категорий, присущих всем словам названного ряда (значимость быстроты изменения, например), мы увидим, что эти категориальные комплексы фиксируют тип изменений, который четко определен функциональной значимостью в отношении потребностей человека и не является «отражением» автономного, самодостаточного «кусочка действительности».

Категориальные составляющие “to get transferred suddenly and quickly into a different position” предполагают соотносен-

ность изменения со значимыми для человека критериями скорости, поступательности и равномерности. Бегущий по неровной местности человек, может совершать движения, которые заметно отличаются друг от друга, но поскольку его перемещение воспринимается как поступательное и равномерное, оно может быть в целом охарактеризовано как бег. Если же на пути бегущего встретится препятствие, которое для человека представляет собой сбой в равномерности осуществляемого действия, то перемещение будет охарактеризовано как *leap* или *jump*. В качестве примера можно привести типичный контекст, выдаваемый поисковой системой Google: “And ran. Down a hill, up a hill. I came to a gate and I leapt over and ran some more”. Дело в том, что бег по какой-то поверхности воспринимается как циклическое поступательное движение, а преодоление препятствия, воспринимаемое как единовременное усилие, обозначается иным словом.

Различия действий *leap* и *to perform a change of leverage from one leg to another in the course of running* которые можно «отразить» извне, «вырезав» движение человека из ситуативной модели, не так значимы, как может показаться с точки зрения денотативной теории значения. Различия в мускульных усилиях при беге по поверхности разного типа (в гору и под гору, скажем) не менее заметны и ощутимы. И, однако же, в английском языке нет двух различных слов, обозначающих бег в гору и бег под гору.

Англоязычное сознание выделяет *leaping over a gate* как отдельное действие не за счет непосредственно наблюдаемых различий в движениях, а за счет сценария, в котором объект *gate* представляет препятствие для движущегося и его поступательное преодоление невозможно. При этом нахождение по разные стороны этого препятствия воспринимается как изменение статуса движущегося — «под угрозой срыва движения» и «в безопасности относительно препятствия».

Если при описании перемещения человека над препятствием будет значима степень совершенного усилия и его влияние на равномерность движения, то мы увидим четкие основания для выбора между *leap* и *jump*. Так, действия ребенка скачущего через небольшие лужи, будет охарактеризовано как *jumping* или, возможно, *hopping*, но не как

leaping. Если же вам на пути встретилась огромная лужа, преодоление которой требует прервать движение и приложить чрезвычайное усилие для перемещения над ней, то это действие с большой вероятностью будет охарактеризовано как leaping. Возможность взаимозаменяемости этих слов в данном типе контекста будет зависеть от степени значимости произошедшего для структуры конкретного высказывания.

Точно такая же картина наблюдается и в случае с выражениями *prices jumped* и *prices leapt*. В отношении этих словоупотреблений разговор об общности «денотативного» значения как отраженного участка действительности, обладающего автономной значимостью, также безоснователен. Достаточно указать на то, что восприятие повышения цен как *climbing*, *rising*, *jumping*, *leaping* или *soaring* будет зависеть исключительно от критерия приемлемости данных цен для группы людей с определенными экономическими интересами и критериев скорости колебания цен в данной сфере экономической деятельности. Так, в сфере цен на нефть, критерии классификации их изменений как *jumping*, *leaping* или *climbing* будут одни, а в сфере цен на компьютерное обеспечение — несколько иные.

Другим примером идеографических синонимов считается пара *alone-lonely*, которые, обозначая одно и то же состояние человека, различаются «эмоциональной окраской» (Арнольд 1986: 198).

Если внимательно посмотреть на систему значений обоих слов, то можно увидеть четкие различия их интегральной категориальной схемы. Слово *alone* предполагает выделение объекта из группы идентичных объектов в какой-либо ситуации/ по какому-либо признаку. Слово “*lonely*” предполагает отделенность некоторым препятствием одного объекта от исходной группы объектов, при наличии стремления к воссоединению.

Alone описывает статус выделенности субъекта, который может быть проблематичен с точки зрения отношений силы и безопасности, а также фиксировать исключительную иерархическую значимость субъекта. Например, фраза из Британского Национального Корпуса “*You know as well as I do how dangerous it is for a woman alone on the roads — any*

pervert could pick you up!” говорит об уязвимом статусе субъекта со стороны других субъектов. “Meanwhile, it is Jesus alone on whom the Spirit rests in his fullness” предполагает проблему контакта с данным единичным субъектом для других субъектов и его особые иерархический статус. Тем временем фраза “He had made sure that Oliver was so lonely and miserable that he would be desperate for any friends, however criminal” представляет статус отделенности субъекта от группы как психологическое переживание субъекта.

Можно видеть, что «эмоциональная окраска» присущая словам *alone* и *lonely* абсолютно зависима от их категориальной структуры и не является автономной. Оба слова имеют отрицательный оценочный потенциал. У слова *lonely* он гораздо сильнее. При этом очевидно, что слово *alone* не «равновесно» по своей категориальной структуре слову *lonely*. *Alone* гораздо более амбивалентно в оценочном плане и, можно сказать, фиксирует более общее значение, чем слово *lonely*: “*alone, unqualified, denotes the simple fact of being by oneself or itself*” (Webster’s New World). *Alone* также способно к обозначению желательного компонента ситуации, что для *lonely* вообще не характерно: «Do you spend enough time alone?».

Таким образом, говорить о том, что слова *alone* и *lonely* обозначают один и тот же объективный признак, вообще не правомерно. Общие категориальные составляющие, могущие служить основой функционального подобия данных лексических единиц, фиксируют различные по сути переживания, выделение которых обусловлено потребностями человека, а не автономными качествами объективной действительности.

Содержательным в этом отношении представляется замечание Д. Круза о том, что такие квази-синонимы, или в соответствии с концепцией данного учебника, потенциальные синонимы, как *alone-lonely, jump-leap, fog-mist* и т.п. наряду с возможностью взаимозаменяемости предполагают возможность противопоставленности в одном высказывании типа: “I was alone, but I didn’t feel <exactly> lonely”; “It was not exactly a fog – more of a mist”. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером из Британского Национального Корпуса: “But to be alone is not, in the end, to be lonely, and there are those who discover that in the end they need

no one but themselves, and that solitude is more than enough". Замечательно, что толковые словари синонимов описывают именно такие категориальные отношения со-поставимости и против-поставимости между семантически близкими словами. Исследователи говорят о «степенях» синонимичности различных групп слов (Cruse 1986).

В связи с подобного рода наблюдениями Ю. Д. Апресян указывает на неадекватность термина «оттенок значения». По его мнению, различия даже между самыми близкими в семантическом отношении словами всегда носят функциональный характер. В связи с этим, он предложил вообще отказаться от критерия «взаимозаменяемости» как обязательного свойства при исследовании синонимии. В качестве альтернативы он предлагает ввести критерий «смыслового тождества» при употреблении языковых выражений (Апресян 1974: 218).

Однако данный критерий определяется очень неявно. Он связан с концепцией «лексического параметра». Ю. Д. Апресян объясняет, что такое лексический параметр, через следующие примеры сочетаемости: (брюнет) = жгучий, (дурак) = круглый, (ошибка) = грубая. При этом общим лексическим параметром всех этих прилагательных в данных сочетаниях он предлагает считать «высокую степень качества».

Но данный принцип выделения «лексических параметров» на уровне словосочетаний представляется слишком формалистичным для исследования тех групп семантически близких слов (типа jump-leap-hop или alone-lonely-solitary), которые являются предметом описания в словарях синонимов. Сколько «лексических параметров» у группы слов должно совпасть, чтобы мы посчитали их синонимами? Ведь такие слова как bull и stud также употребляются сходным образом, как при разговоре о сельском хозяйстве, так и при метафорической характеристике людей. Должны ли мы посчитать эти слова синонимами? Такие рассуждения снова приводят нас к выводу о том, что говорить о синонимии на уровне минимального контекста непродуктивно.

В меньшей степени это положение, проиллюстрированное рассмотрением так называемых «идеографических» синонимов, касается «стилистических» синонимов. Следует

сразу отметить, что найти пару (не говоря уже о более развернутом ряде) «чистых» стилистических синонимов достаточно трудно. Поэтому во многих учебниках, как отечественных, так и зарубежных, приводится ограниченный набор примеров практически всегда включающий *father-dad(dy)* и *begin-commence* (Арнольд 1986; Cruse 1986).

Замечательно, что, говоря о стилистических синонимах, авторы не определяют термин «стиль» или, в англоязычных работах, «регистр» (*register*). Представления о существовании различных ситуаций общения, в первую очередь «формальных» и «неформальных», часто кажутся самоочевидными. Предполагается, что стилистические синонимы не имеют субстанциальных различий, просто употребляются в различных областях общения. Так, Д. Круз настаивает на том, что противопоставленность, характерная для квази-синонимов (“*I was alone, but I didn’t feel lonely*”), невозможна в случае со стилистическими синонимами. Он настаивает на бессмысленности обмена фразами типа: “*Is that your daddy? Not exactly – it’s my father*” (Cruse 1986: 286).

Однако стоит пойти на Интернет сайт www.fathermag.com для того, чтобы увидеть многочисленные названия статей типа “*Not a father, a daddy!*” или “*Throwaway dads: the myths and barriers that keep men from being the fathers they want to be*”. В чем же дело? Настолько ли формален «стиль», как кажется сторонникам денотативной теории? Посмотрим внимательно на пару *father-daddy*.

Полисемия слова *father* четко демонстрирует нам, что интегральная схема этого слова предполагает способность к обладанию максимально надежным авторитетом, обусловленным принадлежностью к мужскому полу, возможностью контролировать, направлять и охранять других (“*1 a man who has begotten a child; esp., a man as he is related to his child or children; ... 4 a person regarded as a male parent; protector; 5 [F-] God, or God as the first person in the Trinity; ...7 an originator, founder, or inventor; 8 any man deserving of respect or reverence because of age, position, etc.; 9 a senator of ancient Rome; 10 any of the leaders of a city, assembly, etc.: usually used in pl.; 11 [often F-] any of the early Christian religious writers considered reliable authorities on the doctrines and teachings of the Church; 12 [often F-] a Christian priest:*

used esp. as a title” — Webster’s New World). Ситуация наличия такого объекта предполагает исходящий от источника авторитета/ охранной функции императив по отношению к воспринимаемому субъекту.

Слово *daddy* не обладает развитой полисемией. Однако можно предполагать, что оно фиксирует элемент ситуации, в которой субъект-источник охранной функции представляет собой, прежде всего, функцию заботы и не демонстрирует никакого антагонизма. Ребенок при этом представляется именно как существо, нуждающееся в заботе и опеке, а не в авторитете. Слово *daddy* употребляется в разговоре с маленькими детьми в ходе утешений, обещаний, уговоров и других ситуаций отеческого покровительства.

В сочетаниях типа “Daddy won’t be pleased about that” или “Daddy is tired today, he will play football with you tomorrow” слово *daddy* совершенно четко связано с характером упрека или отказа. Они осуществляются на фоне презумпции “your male parent is always your protector and wishes you well, he is never antagonistic towards you as such”.

Смена словоупотребления с возрастом, переход от *daddy* к *dad* или даже *father* связаны не просто с изменением «стиля» речи индивида. Ведь после определенного возраста люди не употребляют слово *daddy* по отношению к отцу даже в семье. Слова *daddy*, *dad* и *father* предполагают не просто «стилистическую окраску», а различные социальные отношения, связанные с представлениями о равенстве, ответственности и т.д.

Опять же, при том, что слово *daddy* уходит с возрастом из обращения к собственному родителю, вполне реальны ситуации, когда взрослый человек способен употребить слово *daddy* или *mommy* в качестве обращения. Даже в шуточном употреблении эти слова возникают в речи тогда, когда они структурируют ситуацию как отношения “older protector vs. a younger dependant in need of care and protection, which is his due, because he is incapable of protecting himself”.

Показательно, что в статье “Not a father, a daddy!” (ср. “God is not Daddy. God is Father”) речь идет о достаточно молодом человеке, который принял на себя обязанности по воспитанию троих детей, в то время как его жена уехала жить в другой город. Причем в статье внимание уделяется

не адекватности его подхода к воспитанию детей, а именно формированию эмоциональной привязанности к детям и стремлению отца принять юридическую ответственность за них.

Итак, категории, различающие так называемые «стилистические» синонимы, по нашим наблюдениям, оказываются полноправными содержательными компонентами значения, как и категории различающие потенциальные синонимы, которые называются в денотативной традиции «идеографическими». Таким образом, определение синонимии путем поиска «объективного» сходства обозначаемых словами «кусочков действительности» не представляется продуктивным.

В традиционной отечественной лексикологии также принято разграничивать узую и окказиональную/ контекстуальную синонимию (Арнольд 1986; Уфимцева 1967). Контекстуальными синонимами считаются слова, разница в значении которых в данном контексте нейтрализуется. На самом деле, как мы видели, синонимия — это в принципе контекстуальное явление. Те слова, которые мы рассматривали в данном разделе как потенциальные синонимы, могут быть взаимозаменяемы только в достаточно ограниченном ряде контекстов.

Когда говорят об окказиональной синонимии, то имеют в виду, как правило, функциональную близость слов более далеких друг от друга по категориальному составу, чем слова, традиционно рассматриваемые как синонимы в словарях синонимов. Так, И. В. Арнольд приводит в качестве примера контекстуальных синонимов слова “get” и “buy” в выражениях “I’ll go and get some bread”/ “I’ll go and buy some bread” (Арнольд 1986: 202).

Однако подобие этих выражений может быть обманчивым. Если человек выбирает слово “buy”, то он, скорее всего, озабочен вопросом траты денег, для него наиболее значимым аспектом проблемы, связанной с добыванием хлеба, является необходимость отдать за него деньги. Во втором случае, личные усилия, связанные с тем, чтобы дойти до магазина, представляются более значимыми.

Лексический выбор в таких высказываниях часто происходит абсолютно автоматически и редко осознается

собеседниками как выбор. Однако, если вы приехали в гости, а тот, кто вас принимает, будет употреблять именно слово *buy* (сознательно или бессознательно), а не слово *get* каждый раз, когда идет за продуктами, то вы можете это заметить или отреагировать бессознательно — принести продукты или оставить деньги за проживание.

Другое дело, что в конкретном единичном высказывании разница, предполагаемая этими словами, может быть настолько мало значимой для коммуникативного события в целом, что действительно можно говорить о взаимозаменяемости указанных вариантов. Однако минимизация разницы между словами *get* и *buy* не более зависима от контекста, чем потенциальная синонимия слов *jump* и *leap*.

А. А. Уфимцева приводит в качестве примера «речевой синонимии» ряд «дом»/ «жильцы дома»/ «соседи»/ «люди, живущие в одном и том же доме» (Уфимцева 1967: 36–37). При обсуждении элемента «дом» она указывает на то, что метонимическое значение «жильцы одного дома» зафиксировано в словаре Ожегова как ЛСВ 2 (Уфимцева 1967: 36).

Исследовательница настаивает на том, что функциональное подобие приведенного словесного ряда, является «речевым», т.е. относительно случайным, по сравнению с так называемой «языковой синонимией» (Уфимцева 1967: 36).

Методологически рассмотрение приводимого ряда представляет собой особую проблему, поскольку он включает в себя принципиально неравнозначные элементы: отдельные слова, элементарное словосочетание, и сложную синтаксическую структуру. Т.е. рассмотрение данного ряда сразу же выводит нас за рамки собственно лексикологической проблематики.

В целом же соотнесенность элементов типа дом/ жильцы дома и дом/ соседи демонстрирует всю ту же контекстуальную зависимость, характерную для всех наблюдавшихся нами синонимических рядов. Так, обращение представителя ЖЭКа ко всем жильцам дома погасить задолженность по квартплате, касается каждого жильца как отдельного социально-экономического субъекта. При этом, однако, в число адресатов такого обращения не входят несовершеннолетние дети и иждивенцы. В таком обращении вряд ли будет использовано слово «дом», которое подразумевает

объединенность разнородных субъектов за счет обитания в одном пространстве.

Вполне можно предположить, что в разговоре, касающемся многоквартирного дома в большом городе, где связь между обитателями часто бывает малоактуальной, в ограниченном количестве ситуаций могут с одинаковой вероятностью быть употреблены варианты «весь дом» и «все люди в доме»: «Сделай музыку потише, а то всех людей в доме/ весь дом разбудишь».

Следует при этом отметить, что данное значение слова «дом» отнюдь не является «случайным». Наоборот, оно вполне соотносимо с целой моделью производных ЛСВ от таких слов как «школа» («вся школа», т.е. ученики, преподаватели и пр.), «город» («весь город», т.е. все его разнообразные жители, объединенные за счет использования совместного пространства) и т.д. Здесь говорить об «окказиональности» соотношений типа «весь дом»/ «все люди в доме», «вся школа»/ «все в школе»/ «ученики и преподаватели» совсем не корректно.

Таким образом, мы видим, что предлагаемая традиционной лексикологией классификация синонимических отношений не выдерживает критического рассмотрения. Она либо приходит в противоречие с сущностью значения слова, либо оказывается чрезвычайно формальной. Самым существенным выводом на данном этапе можно считать принципиальную необходимость исследования синонимических отношений на уровне высказывания, поскольку это явление относится к уровню макротекстовых отношений.

7.3 Антонимия как контрастная оценочность

В лингвистической традиции принято выделять слова, обладающие «противоположным» значением, образующим замкнутые пары типа good — bad. Такие пары принято называть антонимами. Впервые подробно антонимия языковых знаков была описана исследователями структуралистского направления в 20 — 30 годы прошлого века. Она связывается с принципом бинарных оппозиций. В эпоху господства структуралистского подхода к языку и сложилась основа

понимания антонимии в том виде, в котором она существует в традиционной лексикологии сегодня. Источник антонимии — принцип двухценностной ориентации: «In such an expression as “We must listen to *both* sides of every question,” there is an assumption... that every question has, fundamentally, only two sides. ... This tendency to see things in terms of two values only, affirmative and negative, good and bad, hot and cold, love and hate, may be termed the *two-valued orientation*” (Hayakawa 1941: 164–165).

Данный принцип видения мира в бинарных оппозициях трактовался как исходный древнейший способ организации мысли. Чем менее развитым является языковое сообщество, тем более его языковая система пронизана антонимическими парами. Приведем характерную цитату из этой же монографии: “To savages, whose life is a perpetual fight with the elements, with wild animals, or with hostile spirits supposed to reside in natural objects, the two-valued orientation appears to be the normal orientation. ... A bird flying over the village is either “good luck” or “bad luck”. Nothing is meaningless or accidental to a savage, because everything he sees, if he notices it at all, *must* be accounted for under one of the two values” (Hayakawa 1941: 166–167).

Важнейший вывод, сделанный исследователями в то время касается оценочной функции антонимии. Пары антонимов всегда отражают наличие шкалы оценки, которая является обязательным элементом в структуре значения данной пары слов. Безусловно спорным является положение о господстве биполярной шкалы оценки в древних или «примитивных» языках и с размытием чистоты антонимии в процессе отражения человеческого прогресса в языке. (Hayakawa 1941: 167–168). Прогресс состоит в возможности выделения более сложных оппозиций типа white and black. Она является более сложной, так как «white and black are the extreme *limits of a scale*, and between them there is a continuous range of deepening shades of gray” (Hayakawa, 168).

Последнее положение поможет нам рассмотреть принципы антонимии с точки зрения категориальной структуры слов в том виде, в каком мы попытались описать ее в предыдущих главах, а также уточнить предложенную структуралистами теорию антонимии.

Основная проблема в изложенной выше концепции заключается в том, что биполярная оценочность априорно трактуется как примитивный способ восприятия действительности, по отношению к которому все языковое развитие состоит в постоянном усложнении исходной контрастной оценочной пары. Мы уже убедились в том, что для того, чтобы в языке возникла оценочность любого типа, необходима возможность категориальной репрезентации опыта в словесных моделях, основанных на делении знаков, прежде всего, на объекты и изменения. Оценочность (хорошо/плохо) как элемент знаковой системы может возникать уже при сложившейся знаковой модели того или иного опыта.

В традиционной лингвистике источником оппозиций является не структура опыта, а природа явлений и вещей внешней действительности. В этом смысле характерно и обращение к «сложной» оппозиции вроде black/white. Ее выделение изначально предполагает, что свойства black, white и «a continuous range of deepening shades of gray» являются атрибутами внешнего мира, которые человек при определенном уровне развития способен «заметить» (ср. слова про дикарей — *everything he (a savage) sees, if he notices it at all*). В этой же монографии мы находим четкое и последовательное методологическое определение данного взгляда на словесный знак, восходящее к разработкам таких крупных представителей структурализма как Ч. Огден и А. Ричардс: «The thing comes before the word and is recognized by the senses on the nonverbal level» (Hayakawa 1941: 291).

В предыдущих главах мы уже убедились в том, что на уровне словесного моделирования своего опыта человек пользуется системой, которая не отражает какие-то «вещи» из внешнего мира, а позволяет человеку закрепить в памяти с помощью акустико-артикуляторных знаков (слов) актуальные для удовлетворения его потребностей свойства опыта. Этот вид деятельности осуществляется для того, чтобы иметь возможность преобразовывать среду своего обитания в ситуации удовлетворения своих потребностей в соответствии с языковыми знаковыми моделями, хранящимися в памяти. Слово *table* является не знаком, указывающим на вещь, а элементом ряда моделей, позволяющих человеку, в частности, и создавать материальный объект (вещь)

в соответствии с требуемыми свойствами и пользоваться им так, как это определено в словесных моделях данной сферы опыта.

Рассмотрим пару прилагательных *black* и *white* для того, чтобы представить себе, как можно трактовать антонимию как контрастное значимое соотнесение слов с точки зрения категориальной теории словесного значения.

Начнем наш анализ с более внимательного рассмотрения примера *black/white* как сложной оппозиции, предполагающей наличие шкалы признака, на основе изменения его интенсивности: «*White and black are the extreme limits of a scale, and between them there is a continuous range of deepening shades of gray*» (Hayakawa 1941: 168).

Следует сразу отметить, что оппозиционность *black* и *white* считается при таком подходе априорной и отражающей природу признака в том виде, в каком он существует вне языка. Автору даже не приходит в голову поставить вопрос о том, почему «между» данными двумя «цветами» должны существовать только оттенки серого «цвета». Не случайно и то, что при таком подходе не ясно, какие элементы структуры многозначного слова входят в сферу наблюдения. Слово оказывается «эквивалентом» определенного качества внешней действительности.

Есть ли здесь проблема? На первый взгляд, трактовка оппозиции *white and black* кажется убедительной и интересной — ведь мы «знаем», что *white* и *black* противоположные цвета. Проблема кроется в превращении данного «знания» в средство описания значения словесных знаков без анализа структуры и контекстуальной обусловленности такого «знания».

Рассмотрим несколько примеров. *I need to clean my black shoes for tomorrow evening; I am going to put on a white shirt; His car is black or green, definitely not red.* Актуальна ли выделенная оппозиция для данных предложений? Во всех из них прилагательные *black* или *white* осуществляют функцию цветовой идентификации вещи. Данная функция является характерным элементом ситуаций, характеризующих повседневную бытовую жизнь человека в его контактах со своим окружением. Мы видим, что в данной сфере опыта слова *black* и *white* вовсе не являются бинарной оппозицией какого-то признака, между полюсами которого должна быть

шкала интенсивности серого оттенка. Эти прилагательные естественно встраиваются в ряд других обозначений цветов, причем дифференциация лишена также какой-либо оценочности по шкале «хорошо — плохо». Если я говорю: «These black shoes look much nicer than those green ones», то это не значит, что цветовой признак black как словесный знак обозначает признак, лучший чем green — оценка касается качества объектов, идентифицируемых по данным цветам.

Каким образом мы можем соотнести выделенную закономерность с оппозицией black — white, описанной нами выше? Первый вывод, который мы должны сделать о природе антонимии, уже очевиден. Так же как и синонимия, антонимия не должна рассматриваться вне или помимо анализа всей структуры значения словесных знаков, у которых мы предполагаем существование контрастной соотносительности их значений. Очевидно, что антонимия может реализовываться только у определенных ЛСВ слов. Наша следующая задача состоит в том, чтобы определить критерии выделения антонимии ЛСВ.

Из наследия структурализма в теории антонимии широко используются формулы субституции. Приведем их еще раз: «1) не А, но В: not tall but short; либо А, либо В: (I'll tell you if you are) right or wrong; 3) Х это А, а Y это В: (Jack) is tall, but (Jim is) short. (цит. по Елисеева В.В., 43). Эти формулы кажутся четкими и убедительными, такими же как и контрастность противопоставления black and white. Но достаточно вместо интуитивно ощущаемых нами «антонимов» использовать в этих формулах самые различные словесные знаки, которые мы так же интуитивно с легкостью определяем как «не антонимы», чтобы убедиться в неопределенности предлагаемых содержательных моделей. Рассмотрим следующие последовательности:

not green but yellow; not milk but hot tea; not a dog but a cat; not cash but a credit card ...

I'll tell you if his car is green or yellow; if you are getting milk or hot tea; if your pet is going to be a cat or a dog; if you should pay in cash or with a credit card ...

Jack's car is green, but Jim's is yellow; Jack is having milk, but Jim is having hot tea; Jack's pet is a dog, but Jim's pet is a cat; Jack is paying with cash, but Jim is paying with a credit card ...

Мы видим, что во всех словесных последовательностях осуществляется противопоставление определенных словесных знаков. Значит ли это, что все оппозиции (green — yellow; milk — hot tea; dog — cat; cash — credit card; Jack — Jim) могут и должны быть отнесены нами к антонимам? Очевидно, что нет. Данные ряды можно было бы продолжать до бесконечности в связи с важнейшим свойством структуры значений словесных знаков — обусловленности существования категорий избирательной природой поведения человека.

Об этом свойстве категорий мы говорили в Главе 1, когда определяли общую природу знаков и их системность. В Главе 2 мы выделяли родовые категории, позволяющие знакам выступать в качестве определенных элементов моделируемых ситуаций — это категории, позволяющие отличить объект от изменения, свойство от объекта или от изменения, отношение между объектами от самих объектов и т.д. Но далее принципы соотнесенности внутри родовых классов знаков связаны, прежде всего с необходимостью выбора, определяемого природой потребностей. Именно дифференцированным отношением к своему окружению на основании структуры потребностей и обусловлена соотнесенность интегральных категорий различных слов (вспомним пример со словами mountain и hill; food и eat; mountain и climb).

Таким образом, интегральные категории языковых знаков оказываются ассоциативно связанными определенным способом с другими знаками в соответствии с той структурой выбора возможных действий, которая соответствует удовлетворению той или иной потребности. Это значит, что положение структуралистской теории о биполярной природе оппозиций между языковыми знаками является неточным.

В сфере опыта, связанной с использованием материальных объектов, слова black и white не являются контрастной парой. Они входят в ряд прилагательных, обозначающих основные цвета. Каждое из данных прилагательных в этой сфере опыта обладает значением постольку, поскольку обеспечивает дифференциацию предметов по их отнесенности к тому или иному цвету (white, black, yellow, brown, etc. shoes). Возможность различать данные цвета связана с потребностью человека ориентироваться в окружающем

материальном мире и отражает специфику принципов дифференциации элементов материального окружения с помощью цветовых ощущений.

Все слова, обозначающие цвета, образуют единый видовой ряд и являются, таким образом, взаимообусловленными или комплементарными. Именно поэтому они легко встраиваются в формулы оппозиции, предложенные структуралистами (*not green but yellow* и т.д.). Комплементарность или взаимообусловленность является основной чертой интегральных категорий, поскольку они представляют собой элементы более сложных единиц — потребностей, существующих для человека как словесные модели опыта. На примере цветового ряда мы видим, что в языке комплементарность совсем не обязательно имеет бинарный характер. Именно в этом состоит основная неточность структуралистского подхода к значению. Она обусловлена отношением к значению как к функции, которую слова могут реализовывать «сами по себе», являясь знаками абстрактной и стабильной языковой системы.

В случае с *black* и *white* мы видим исключительную значимость для выявления сущности ассоциативной соотнесенности слов специфики той сферы опыта, в которой реализуется тот или иной вариант значения данных слов. Чуть ниже мы продолжим анализ этих прилагательных. Сначала нам следует ответить на вопрос о том, следует ли считать словесные комплементарные ряды антонимами.

Характерными примерами комплементарных бинарных оппозиций считаются пары типа *left — right*; *mother — father*; *east — west*. Именно возможность абстрактного (вне связи с определенной словесной моделью опыта) противопоставления таких пар используется в качестве аргумента за отнесение комплементарных видовых пар к антонимам.

Если посмотреть более внимательно на природу контрастности этих знаков, то мы увидим, что она не всегда является биполярной и может предполагать более сложные ряды слов, стоит лишь отвлечься от стремления к искусственному и интуитивному выделению «парности» контрастных знаков и обратиться к принципам их категориальной структуры. Так, например пара *left — right* в принципе не обладает контрастной значимостью вне их связи со знаком *straight* в сфере опыта,

характеризующей принципы ориентации человека в пространстве. В словарных дефинициях эта связь представлена завуалировано, через отнесенность свойств *left* и *right* к принципам характеристики направленности движения через систему координат *north – south – east – west*. Сравним дефиниции соответствующих ЛСВ *left* и *right* из словаря *The Concise Oxford*:

Left – on or towards the side of the human body which corresponds to the position of west if one regards oneself as facing north.

Right – on or towards the side of the human body which corresponds to the position east if one regards oneself as facing north.

Элемент обеих дефиниций *if one regards oneself as facing north* свидетельствует о том, что дифференциация *left* и *right* в физическом пространстве не является биполярной и не может реализоваться вне комплементарного ряда *left – right – straight – back* (*go left – go right – go straight – go back*). *Facing north* предполагает обязательную возможность прямого движения как условия дифференциации направлений *right* и *left*.

Анализ комплементарности словесных знаков – интереснейший аспект выявления природы взаимообусловленности интегральных категорий в языковой системе. Это особая проблема, актуальная для выявления природы словесных моделей опыта. Главный вывод, который мы можем сделать в этой главе по поводу так называемых комплементарных бинарных оппозиций, состоит в том, что комплементарность отражает структуру и типы дифференциации отдельных элементов моделей опыта и не должна сводиться к биполярным структурам. Если все словесные знаки, в структуре которых присутствует ассоциативная близость, будут относиться к антонимам (или синонимам), то содержательность антонимии (и синонимии) как особых явлений в языке исчезнет. Мы тогда вынуждены будем относить к антонимам (или к синонимам) словесные ряды типа *cup – plate – knife – fork ...*; *wall – door – window ...*; *table – chair – lamp ...*. Вместе с тем, мы с легкостью распознаем такие пары как *black* и *white*; *soft* и *hard*; *hot* и *cold* в качестве особо связанных между собой знаков, отношения между которыми вовсе не

похожи на отношения слов вроде yellow и green; hard и spongy; hot и warm.

Для того чтобы определить реальную содержательность антонимии как специфического характера семантической связи между словесными знаками, следует рассмотреть другой аспект данного явления, который мы еще не проанализировали — ее связь с оценочностью.

Если комплементарные ряды предполагают видовую дифференциацию (возможность выбора) знаков, оформляющих определенный тип опыта человека в зависимости от структуры потребности, то оценочность предполагает предпочтительность одного элемента опыта другому в определенной модели. Вернемся к паре white — black.

Анализируя роль данных слов в сфере опыта, характеризующей контакты человека с материальными предметами своего окружения, мы убедились в том, что интуитивно ощущаемый нами контраст black — white не существует для ЛСВ этих прилагательных в комплементарном ряду прилагательных, обозначающих цвета материальных предметов. Структура каждого прилагательного в этом ряду определяется значимостью выделения тех или иных элементов материального пространства человека с помощью цветовых ощущений. Это достаточно последовательно отражено в структуре дефиниций соответствующих ЛСВ этих прилагательных:

Black — very dark ... (like coal or soot);

White — ... of the colour of milk or fresh snow;

Grey — ... as of ashes or lead;

Green — ... coloured like grass, emeralds, etc;

Yellow — ... of buttercups, lemons, egg-yolks, or gold. И т.д.

В данном ряду ни одно из прилагательных не обладает особой оценочностью или особым контрастным значением по отношению к другим прилагательным данного ряда (black car, white car, grey car, green car, yellow car; black scarf, white scarf, grey scarf, green scarf, yellow scarf и т.д.).

Вместе с тем, при обращении к категориальной структуре значения слов white и black во всей ее полноте легко выделить целый ряд вариантов, обладающих контрастной по отношению друг к другу оценочностью в структуре значения. Это связано с природой интегральных категорий этих слов.

Интегральные категории обеспечивают целостность значения словесного знака во всех его вариантах, но, как мы уже это наблюдали при анализе синонимии, они могут нейтрализовываться в определенных моделях опыта. Рассматривая *black* и *white* как элементы ряда прилагательных, обозначающих цветовой признак материального предмета как средство его идентификации, мы как раз и наблюдали ЛСВ, в которых функциональная природа интегральных категорий оказывается нейтрализованной спецификой контекста. Обратимся теперь к анализу интегральных категорий слов *black* и *white*.

Внимательный анализ словесных дефиниций двух этих прилагательных свидетельствует о том, что «интуитивное» выделение нами пары *black* и *white* как двух словесных знаков, каким-то образом контрастно соотносенных друг с другом в их значении, обусловлено их категориальной структурой. Дело в том, что на уровне интегральных категорий эти два знака обозначают обусловленность определенных цветových ощущений максимальным удобством для любого вида человеческой деятельности (*white*) или же максимальным дискомфортом для любого вида человеческой деятельности (*black*). Словарь предлагает нам следующие две дефиниции ЛСВ этих слов:

Black — completely dark from the absence of a source of light (*black night*)

White — resembling a surface reflecting sunlight without absorbing any of the visible rays.

В данных дефинициях важным фактором является указание на значимость для обозначаемых качеств объектов такой характеристики как отсутствие/присутствие света (*the absence of a source of light/resembling a surface reflecting sunlight, i.e. resembling a source of light*).

Значимость для человеческого опыта отсутствия или присутствия света чрезвычайно высока. К сожалению, словарные дефиниции не совсем четко выделяют эту функциональную составляющую в структуре значений *black* и *white*. Причина этого заключена, судя по всему, в стремлении описать значение данных качеств на базе денотативного подхода. Словарь пытается представить эти качества человеческого опыта как свойства, принадлежащие объектам

внешнего мира. В дефинициях первых ЛСВ этих слов присутствуют элементы описания свойств световых волн в физической теории:

Black — very dark, having no colour from the absorption of all or nearly all incident light.

White — resembling a surface reflecting sunlight without absorbing any of the visible rays.

Если данные элементы волновой теории света (having no colour from the absorption of all or nearly all incident light; reflecting sunlight without absorbing any of the visible rays) действительно являются элементами значения данных знаков, то мы можем предположить, что до открытия волновой теории света эти прилагательные либо не могли существовать в английском языке, либо обозначали какое-то другое качество. Между тем, данные слова существовали уже в древне-английском языке. Интересно, что их этимология и первые словарные дефиниции более четко выявляют их подлинную категориальную природу. Так, словарь Сэмюэля Джонсона определяет black как ‘of the colour of night’, отмечая отсутствие источника света как основную характеристику цветового ощущения. Что касается слова white, то следует обратить внимание на его генетическую связь с индо-европейской основой *kwid- , обозначавшей в соответствии со словарем The Shorter Oxford ‘to be bright’. Этимологический словарь Эрика Парtridge соотносит white с формой svetas в санскрите и со славянскими svetu (light, dawn) и svitati (to become bright, to dawn).

Как видим, данная пара существовала задолго до открытия волновой теории света и обозначала два важнейших контрастных функциональных качества цветовых ощущений. Black — это «цвет тьмы» (of the colour of night). White — это «цвет света» (light, dawn, to become bright).

Данные качества опыта превращаются в категории за счет функциональной обусловленности максимального удобства человеческой жизнедеятельности наличием света и максимального дискомфорта его отсутствием. Более того, как элемент этих интегральных категорий сам «свет» понимается нами как часть переживания, как ощущение наличия/отсутствия условий для определенных возможностей человека. Эта связь представлена во многих мифологических системах.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что интегральными категориями прилагательных *black* и *white* является либо возможность получить из внешней среды условия для максимального удобства жизнедеятельности, благодаря связи элемента ситуации со светом (*white*), либо ощущение максимального дискомфорта за счет связи со тьмой (*black*). Характер связи объектов со светом или тьмой по-разному конкретизируется на уровне вариантов родовой категории различных ЛСВ этих прилагательных. Так, это может быть представление какого-либо качества как доброго, цветочного (*white as innocent*;) или злого, создающего тьму (*black as wicked, sinister; black as doing work or handling goods that have been boycotted* и т.д.).

Присутствие оценочной характеристики в структуре интегральных категорий двух этих слов обуславливает возможность для использования этих двух знаков для выражения контрастной оценки в определенных ситуативных моделях. Здесь следует отметить то, что данная контрастная соотношенность этих знаков оказывается значительно уже всей структуры их полисемии. Наиболее яркий пример такого контрастно оценочного сочетания это контрастные пары *black magic* – *white magic*, полностью сохранившие древнюю связь цветового ощущения с обозначением света и тьмы как цветовых аналогов добра и зла.

При этом для абсолютного большинства ЛСВ каждого из этих прилагательных данное контрастное оценочное противопоставление не является актуальным. Так, вряд ли имеет смысл утверждать, что сочетание *black night*, приводимое в качестве примера в дефиниции COD или сочетание *black hours* из стихотворения Дж. М. Хопкинса предполагает соотношенность данного прилагательного с *white*:

I wake and feel the fell of dark, not day.

What hours, O what black hours we have spent

This night! What sights you, heart, saw; ways you went!

And more must, in yet longer light's delay.

Приведенная цитата хорошо иллюстрирует структуру значения ЛСВ *black* – обозначение дискомфорта в отношении человека со своим окружением как отсутствие света. Данная категориальная модель определяет целый ряд ЛСВ, для которых, одновременно, контрастная оценочная соотношенность с

white не входит в структуру их значений: a black mood (gloomy, depressed, sullen); black-hearted; a black look; things looked black. То же самое можно сказать и о структуре полисемии white. Данное наблюдение указывает нам еще раз на невозможность определения антонимии без уточнения тех конкретных ЛСВ и тех конкретных словесных моделей опыта, для которых контрастно-оценочное сопоставление знаков актуально.

В результате наблюдения над природой оценочного контраста в структуре слов black и white мы приходим к выводу, который может показаться парадоксальным. Оказывается, что для абсолютного большинства ЛСВ прилагательных black и white их контрастная соотнесенность в принципе не актуальна, то есть, она не существует в качестве элемента их категориальной структуры. Имеет ли смысл тогда утверждать, что black и white в принципе являются антонимами? Мы видим, что вне анализа конкретных контекстов и структуры высказываний, в которых употребляются эти знаки, определение их антонимических отношений невозможно. Это еще один важный вывод о природе антонимии, который мы сделали.

Оказывается, что black и white реализуют контрастное отношение в ситуациях оценки предпочтительного для данной ситуации качества объекта. Black magic безусловно хуже и менее желательна чем white magic, a black wizard гораздо опаснее и хуже для субъекта, чем white wizard. Для этого достаточно вспомнить Гарри Поттера или героев Толкиена. Очевидно, что для выявления антонимии необходим анализ словесных моделей и выявление модельных ситуаций, для которых данный контраст будет актуальным. Именно такого типа контрастно-оценочное употребление знаков для обозначения предпочтительного свойства, объекта или изменения в данной модели опыта и следует рассматривать как их антонимию.

Итак, мы можем определить антонимию как категориальную соотнесенность знаков, обеспечивающую существование контрастной оценки специфических качеств опыта в конкретных словесных моделях. Мы видим, что антонимическая контрастная оценочность обусловлена взаимосвязью оценочных компонентов переживаний, представленных в

интегральных категориях слов, но реализуется она исключительно как формула предпочтительности одного из двух свойств опыта, существующих как два возможных качества одного из элементов определенной ситуации, причем одно из них является желательным и оценивается положительно, а другое является нежелательным и оценивается отрицательно.

Когда мы говорим: «These apples are still green; it is too early to pick them», свойство объекта реализует контрастную отрицательную оценку благодаря антонимической соотнесенности данного ЛСВ прилагательного green с соответствующим ЛСВ прилагательного ripe (ready to be eaten). Благодаря антонимии, пара ЛСВ green — ripe закрепляет для определенных ситуаций предпочтительность для объектов качества ripe. Когда мы говорим: «I would like to buy both red and green apples», прилагательное green реализует другой ЛСВ. Оно выступает в качестве элемента комплементарного ряда знаков, систематизирующих цветовые ощущения, и выполняет функцию идентификации объекта на основе цветовых ощущений. Возможность для контрастной оценки, образующая антонимическое отношение между знаками, в данном ЛСВ отсутствует.

Мы видим, что антонимия — важное свойство классификации опыта с точки зрения желательных для человека возможностей развития ситуаций в процессе их словесного моделирования. Анализ антонимии как средства закрепления в языковой культуре предпочтительных сценариев развития опыта должен дать богатый материал о ценностях того или другого языкового коллектива. Так же как и синонимия, антонимия пока остается одним из наименее изученных аспектов функциональной лингвистики. Выделение абстрактных пар антонимов без анализа того, каким образом их противопоставленность проявляется на уровне знаковой репрезентации опыта, оказывается практически лишенным какой-либо значимости. Black и white как антонимическая пара не обладают никакой информативностью вне тех словесных моделей, для которых эти знаки выступают в качестве обозначения двух контрастно оцениваемых качеств объекта. Мы рассмотрели словесные модели, в которых антонимическое отношение этих двух

знаков реализуется за счет их интегральных категорий «тьма как цвет зла» для black и «свет как цвет добра» для white, которые при определенных условиях в структуре словесной ситуации могут создавать возможность для контрастного оценочного противопоставления двух грамматически однотипных элементов ситуации как желательного и нежелательного. Данный тип конкретизации интегральных категорий, лежащих в основе целостного значения слов black и white, связан с древнейшей оценочной интерпретацией человеком свойств света и тьмы по отношению к качеству своего бытия. Данная интерпретация охватывает все категориальные элементы, связанные с обозначением света и тьмы. Характерный пример — название передачи на радио БиБиСи: «Reconciliation: Days of Darkness; Days of Light». В передаче речь идет о процессе политического урегулирования в Руанде после кровавой гражданской войны. Контрастное употребление существительных darkness и light в названии определяет природу оценки во всем тексте. По структуре заголовка легко установить, что речь в передаче идет о положительных с точки зрения автора тенденциях в развитии ситуации (days of light) и о противопоставленных им отрицательных и нежелательных явлениях (days of darkness).

Генетической категориальной соотнесенностью прилагательных black и white со знаковым рядом light — darkness, судя по всему, и можно объяснить интуитивное выделение пары black и white как контрастной при их изолированном рассмотрении. Дело в том, что для человеческого зрительного восприятия вовсе не комбинация белого и черного является объективно наиболее контрастной. Объективно наиболее контрастная на уровне цветовых ощущений комбинация представляет собой сочетание черного и желтого цветов, что часто используется в полиграфии для привлечения внимания. Однако пара black и yellow не воспринимается как антонимичная, потому что этот контраст в значении словесных знаков не зафиксирован как контрастная оценка.

Антонимия может реализовываться у целого ряда ЛСВ соотнесенных в контрастно-оценочные пары знаков. Словами с богатым антонимическим потенциалом являются, например,

прилагательные *hard* и *soft*. Контрастная оценочность охватывает целый ряд ЛСВ данной пары прилагательных от характеристики качеств воды (*hard / soft water*) до характеристики методов, используемых людьми в процессе решения проблем: «Mr. Lovins...argued for a “soft” path emphasizing energy efficiency over what he called the “hard” path based on expectations that the nation had no choice but to build thousands of large new power plants to meet its energy needs» (The New York Times Large Type Weekly. Vol. XXXVIII, No.1931, p.19).

Во всех случаях антонимии слово *hard* обозначает нежелательное качество объекта в моделируемой ситуации, а слово *soft* обозначает предпочтительное качество того же объекта с точки зрения удовлетворяемой потребности. В основе всего спектра антонимии слов *hard* и *soft* лежат различные варианты конкретизации интегральных категорий этих двух слов. Интегральной категорией *hard* следует считать свойство объекта сопротивляться воздействию человека и представлять определенную трудность или опасность для его деятельности. Эта категория выделяется при сопоставительном анализе элементов словарных дефиниций ЛСВ данного прилагательного: *unyielding to pressure; not easily cut; difficult to bear, severe, strenuous, etc.* Интегральной категорией *soft* является удобство объекта для человеческого воздействия: *yielding to pressure; easily cut; having a smooth surface; good for lathering; not glaring; gentle and pleasing; etc.*

Уже из приведенных отрывков дефиниций видно, каким образом ряд ЛСВ данных слов способен конкретизировать обозначенные нами интегральные категории и, соответственно, сформировать контрастные оценочные пары антонимов со специфическим содержанием оценочности в каждой из сфер опыта. *Soft water — good for lathering; hard water — containing mineral salts that make lathering difficult; soft voice — gentle and pleasing; hard voice — harsh or unpleasant to the senses; и т.д.*

Подводя итог нашему рассмотрению антонимии как способу контрастно-оценочной соотнесенности словесных знаков для установления предпочтительных качеств отдельного элемента ситуации, отметим, что проблема антонимии неразрывно связана с проблемой структуры словесных моделей опыта и типологии высказываний. Функциональный аспект

языковой системы до сих пор остается малоизученной сферой лингвистики. Основная задача для дальнейшего анализа антонимии состоит в определении условий, при которых определенные видовые различия между знаками, обозначающими элементы одного рода, приобретают контрастную оценочность и становятся антонимами.

Глава 8

Фразеологические образования как средство иносказательной оценочности

В описаниях языковых систем всегда отмечается наличие особых сочетаний слов, которые по своим свойствам противопоставляются всем остальным словам в тексте. Основа противопоставления состоит в том, что данные сочетания рассматриваются как особые единицы, в которых составляющие их элементы — отдельные слова — утрачивают свою «свободу» и подвергаются определенной семантической трансформации, теряя при этом характерные для них черты своих значений. Такие сочетания называются фразеологическими единицами и по традиции рассматриваются как часть лексического запаса языка, как единицы семантически близкие к слову. Именно поэтому, в соответствии с установившейся традицией, фразеологические единицы принято анализировать в рамках лексикологической теории как элементы словарных ресурсов какого-либо языка. Фразеологические единицы особенно подробно рассматриваются и анализируются в отечественном языкознании. В отдельном параграфе мы рассмотрим существующие теории, поскольку они основываются на денотативной теории словесного значения. В данной главе мы попытаемся определить природу словосочетаний, которые воспринимаются как инородные вкрапления в структуру высказывания с точки зрения теории словесных моделей опыта и выяснить насколько оправданным является отнесение данного явления к сфере теории значения слова.

8.1 Заимствование элементов ситуативных моделей как основа фразеологизации

Фразеологические сочетания (*idioms* в английских источниках) представлены как в толковых словарях, так и в многочисленных словарях идиом вроде *The Penguin Dictionary of English Idioms*. В *The Concise Oxford Dictionary* такие сочетания

обозначены рубрикой *Phrases and idioms* в структуре словарной дефиниции того слова, которое определяется как первое особо значимое слово в словесной последовательности: «They (words and idioms) are normally defined under the earliest important word in the phrase, except when a later word is more clearly the key word or is the common word in a phrase with variants» (COD, XXXII – XXXIII).

Рассмотрим словосочетание такого типа – *the tip of the iceberg*.

The Penguin Dictionary of English Idioms предлагает его в разделе *Weather* и в подразделе *Ice*: *the tip of the iceberg* – evidence that a great deal more exists but remains hidden. 'The police have uncovered a bad case of corruption, but they believe it is only the tip of the iceberg.' Only a small part of the iceberg is visible, nine-tenths or so remaining hidden from view below the surface of the water.

The Concise Oxford содержит две дефиниции данного сочетания. В статье слова *tip* оно определяется как *a small evident part of something much larger or more significant*. В статье слова *iceberg* находим следующую дефиницию: *a small perceptible part of something (esp. a difficulty) the greater part of which is hidden*.

В обеих словарных дефинициях обращает на себя то, что данное сочетание действительно как бы оказывается семантически обособленным от категориальной структуры составляющих его знаков.

Tip – 1 an extremity or end, esp. of a small or tapering thing (*tips of fingers*). 2 a small piece or part attached to the end of a thing, e.g. a ferrule on a stick. 3 a leaf-bud of tea.

Iceberg – 1 a large floating mass of ice detached from a glacier and carried out to sea. 2 an unemotional or cold-blooded person.

Если исходить только из словарных определений, предложенных для рассматриваемого сочетания, то действительно может показаться, что главное свойство данного сочетания – полное изменение категориальной структуры его компонентов. Действительно, в дефинициях сочетания *the tip of the iceberg* нет практически никаких характеристик, которые бы соответствовали приведенным нами словарным описаниям ЛСВ слов *tip* и *iceberg*. Пожалуй, единственным

общим категориальным признаком можно считать the small part of. Очевидно, что эта характеристика относится к слову tip в сочетании the tip of the iceberg, и составляет основу его интегральной категории — возможность обособления функционально более значимого компонента от чего-то, воспринимаемого как целостность (ср. tips of fingers в примере к ЛСВ 1 слова tip в словарной статье). Никаких других общих семантических признаков обнаружить при сопоставлении дефиниций невозможно. Как будто бы мы должны сделать вывод о том, что мы имеем дело с особым случаем переосмысления значений компонентов словосочетания, которое превращает данное словосочетание в единицу особого типа. Значение целого кажется нам каким-то новым качеством, не выводимым из принципов закономерного сочетания словесных знаков, составляющих данное сочетание.

Теперь рассмотрим статью из газеты The New York Times под заголовком “Thyroid’s Danger Signs” (The New York Times Large Type Weekly, Vol.XXXVII, No.1910, p.25). Автор статьи рассматривает проблему недостаточной информированности американцев, а главное, врачей общего профиля, о важности медицинского контроля над состоянием щитовидной железы.

Статья состоит из трех частей. Первая часть — подробное описание проблемы, с которой столкнулся сам автор статьи. Это большая часть текста (7 абзацев из 11). В этой части автор подробно описывает странное недомогание, из-за которого ему пришлось обратиться к врачу, и дает характеристику своему заболеванию:

«Was it falling asleep at my desk? Forgetting where to catch the bus...» — абзац 2;

«In late August, I became dazed and profoundly fatigued. ...» — абзац 3;

«It was like a hangover without the headache or flu without the cough...» — абзац 4. Автор обращается к врачу, и тот после первичного ошибочного диагноза «...said it was probably depression», благодаря настойчивости журналиста отправляет пациента на лабораторный анализ крови.

«Two days later, we had a diagnosis ...» — абзац 5. Выясняется, что у журналиста ослаблена функция щитовидной железы.

В абзаце 6 читатель узнает, что эта проблема достаточно широко распространена среди взрослых американцев: «Its (имеется в виду заболевание — underactive thyroid) prevalence is estimated at 1 to 10 American adults.»

В абзаце 7 проблема характеризуется как значительно более серьезная для многих американцев, так как автор страдал лишь несколько недель: «The norm is for sufferers to drag on for months or even years, not knowing that they have an easily treated disorder.»

И вот, как только первая часть статьи завершается четкой формулировкой нерешенной проблемы здравоохранения, затрагивающей жизнь многих американцев, в текст «вплывает» айсберг. При этом осуществляется переход ко второй части статьи (абзацы 8 и 9), в которой объясняется причина сложившейся отрицательной ситуации. Приведем эти два абзаца целиком:

«“We don’t address the portion of the iceberg below the water,” said Dr. Terry F. Davies, director of the division of endocrinology, diabetes and bone diseases at the Mount Sinai School of Medicine in Manhattan.

“There’s a terrible lack of awareness among primary doctors.”»

Если убрать из этих двух абзацев имя эксперта и все его звание, а оставить лишь цитируемые автором слова, то мы получаем два предложения: We don’t address the portion of the iceberg below the water. There’s a terrible lack of awareness among primary doctors.

Ни в одном из словарей идиом, а также ни в одном из толковых словарей сочетание the portion of the iceberg below the water не отмечено как особая единица с переосмысленным значением. Теперь попробуем сравнить данный элемент текста с примером употребления «идиомы» the tip of the iceberg из словаря идиом: «The police have uncovered a bad case of corruption, but they believe it is only the tip of the iceberg.».

Прежде всего, отметим, что в обоих случаях айсберг «вплывает» в словесные ситуации, связанные с моделированием нерешенной общественной проблемы (некачественное здравоохранение, коррупция). Теперь отметим то, что врач подчеркивает, что врачебное сообщество не обращает внимания на часть айсберга под водой (we don’t address the iceberg

below the water). В случае с полицией мы видим, что, наоборот, полицейские вовсе не собираются довольствоваться созерцанием части айсберга над водой (but they believe it is only the tip of the iceberg). К сожалению, словарь идиом не дает нам всего текста, из которого взята данная цитата. Вместе с тем, мы можем с очень высокой степенью уверенности предполагать, что в следующем абзаце автор статьи обязательно написал о мерах, которые полицейские намереваются предпринять, чтобы решить более серьезную проблему, чем уже раскрытый факт серьезной коррупции.

Хорошо ли поступают полицейские в том, что они хотят решать более глубокую проблему, что они, по тексту, «believe it is only the tip of the iceberg»? Самого текста статьи в словаре нет, но вряд ли у кого-то может возникнуть сомнение в том, что полицейские поступают хорошо и разумно, полагая, что, разрешив проблему с серьезным фактом коррупции, они всего лишь имели дело с «the tip of the iceberg». Иначе говоря, они поступают хорошо и разумно, поскольку «they are ready to address the iceberg below the water». С другой стороны, врачи поступают вовсе не хорошо и не разумно: «we don't address the portion of the iceberg below the water.» Эта фраза является ничем иным как оценочным комментарием по отношению к следующему предложению в тексте статьи: «There's a terrible lack of awareness among primary doctors.» Именно айсберг определяет содержательность этого предложения как элемента текста. Предыдущее предложение (we don't address the portion of the iceberg...) выступает в качестве объяснения причины сложившейся отрицательной ситуации в здравоохранении. Здесь очень важно то, что читатель легко устанавливает того, кто в данной модели является ответственным за сложившуюся ситуацию — это именно врачи, так как они, в отличие от полицейских из примера в Dictionary of English Idioms, не хотят обратить внимание на подводную часть айсберга.

Мы видим, что пример «идиомы» из словаря и приведенный нами пример с появлением подводной части айсберга в газетной статье о проблемах лечения заболеваний щитовидной железы в Америке оказываются очень похожими как по своей структуре, так и по своему значению в обоих высказываниях. Оба элемента двух текстов представляют собой

инородные вкрапления в словесную ткань текста, которые служат для выполнения одной и той же функции — введения оценки деятельности субъекта, несущего ответственность в моделируемой ситуации за возникшую проблему. При этом полицейские в своей борьбе с преступностью оцениваются положительно, а врачи оцениваются отрицательно по отношению к проблеме выявления и лечения случаев ослабленной функции щитовидной железы.

Положительная и отрицательная оценка в обоих текстах осуществляется с помощью *иносказания* — введения в оба текста элементов из одной и той же словесной ситуативной модели, характеризующей опасность айсбергов для навигации и важность учета того, что большая часть айсберга скрыта под водой. Те капитаны, которые способны это учитывать, смогут избежать опасности столкновения; те же, которые не обращают внимания на опасность айсбергов, ведут себя рискованно.

Почему так важно для понимания сути данного явления указание на то, что оба элемента принадлежат к одной и той же словесной модели? Дело в том, что легкость понимания содержательности и функции обоих элементов одинаковая. При этом один элемент представлен в словарях как особая фраза или идиома, а другой элемент (*the portion of the iceberg below the water*) не зафиксирован как «устойчивое» словосочетание. Более того, анализируя значение обоих примеров, мы увидели, что положительная и отрицательная оценки в двух текстах образуются за счет явной соотнесенности «идиомы» и «свободного словосочетания». *The police believe it is only the tip of the iceberg, i.e. they are aware of the portion of the iceberg below the water; we (the doctors) don't address the portion of the iceberg below the water, i.e. we see the tip of the iceberg only.*

Для чего нам так важно выделение структурной и категориальной соотнесенности двух рассматриваемых нами элементов? Для того чтобы убедиться в том, что ни в одном, ни в другом тексте вводимые инородные с точки зрения моделируемой проблемной ситуации (борьба полиции с преступностью, деятельность представителей здравоохранения по охране здоровья нации) сочетания не теряют своих основных категориальных характеристик. Иными словами, айсберг

остается айсбергом и постоянно плавает в воде, несмотря на то, что он оказывается среди полицейских, самоотверженно борющихся с коррупцией или среди врачей, не должным образом заботящихся о людях с проблемами щитовидной железы.

Таким образом, мы отметили очень важный для понимания сути фразеологических вкраплений момент. Ни одно из слов, составляющих сочетание *the tip of the iceberg* и сочетание *the portion of the iceberg below the water*, включаясь в инородные тексты, не подвергается никакому «переосмыслению». Все словесные знаки сохраняют свои категориальные структуры, присущие им в исходной ситуативной модели «айсберг как проблема для мореплавателей». Это значит, что словарные дефиниции сочетания *the tip of the iceberg*, которые мы рассмотрели выше, не совсем точно отражают реальный механизм функционирования данного словосочетания в текстах, моделирующих ситуации, не связанные по типу человеческой деятельности с мореплаванием.

Очевидно, что мы имеем дело не со своеобразным полусловосочетанием, полусловом, в котором все его составляющие превращаются в омонимы соответствующим словесным знакам *tip*, *of* и *iceberg*. Данное словосочетание, так же как и близкое к нему, но нигде не зафиксированное как «идиома» сочетание «*the portion of the iceberg below the water*», способно выполнить оценочную функцию в тексте только за счет того, что оно, оставаясь «самим собой», то есть не подвергаясь никакому категориальному преобразованию, обеспечивает иносказательное моделирование оценки субъекта-деятеля в тексте, за счет уподобления моделируемой проблемной ситуации той исходной ситуации (айсберг как проблема для мореплавателей), в которой данные элементы обладают устойчивой оценочной функцией (способность учитывать коварную природу айсберга как положительная характеристика мореплавателя).

Здесь интересно отметить то, что словарь идиом *The Penguin Dictionary of English Idioms* отмечает значимость исходной модели для функционирования данного сочетания в инородных текстах, но, к сожалению, и этот словарь ограничивается лишь формулировкой важного свойства айсберга, при этом игнорируя функциональную роль данного качества

для опыта человека, а ведь именно эта роль (айсберг как источник опасности, проблема) обуславливает оценочность рассмотренных нами элементов: «Only a small part of the iceberg is visible, nine-tenths or so remaining hidden from view below the surface of the water.».

Каким образом формируется иносказательная оценочность в данных текстах? Мы убедились в том, что в исходной словесной модели айсберг представляет собой источник опасности, проблему для мореплавателя. Здесь мы можем утверждать, что отрицательная функциональная характеристика айсберга входит в состав категориальной структуры ЛСВ данного слова, который в словарях представлен как a large floating mass of ice detached from a glacier or ice-sheet and carried out to sea (The Concise Oxford Dictionary); a great mass of ice broken off from a glacier and floating in the sea (Webster's New World). Во всех предыдущих главах, анализируя природу значения словесного знака, мы постоянно убеждались в том, что источником любой категоризации является функциональная природа моделируемого значения по отношению к человеческому опыту. О том, что в основе структуры значения слова *iceberg* лежит отрицательная характеристика объекта как препятствия, проблемы свидетельствует и его генетическая связь с объектом *berg* — *mountain*. Во всех европейских языках обозначения этого объекта основываются на его свойстве препятствовать целенаправленной деятельности человека.

В связи с этим, сделаем первый вывод о характере включения в структуру наблюдаемых текстов сочетаний со словом *iceberg*. Он состоит в том, что основой для такого включения является именно категориальная структура словесного знака *iceberg*, а не ее какая-либо трансформация или какое-либо переосмысление. Выделенные нами словосочетания являются описанием значимых свойств айсберга как объекта, являющегося источником опасности для человека.

Второй вывод о значении данных словосочетаний заключается в том, что их вхождение в два текста обусловлено функциональной аналогией моделируемых в текстах проблем. В обоих текстах моделируется ситуация, оценивающая эффективность деятельности субъекта в процессе решения

актуальной проблемы. В случае с примером из словаря идиом мы, безусловно, делаем определенное допущение по поводу целостной структуры текста, из которого взят пример. Однако, учитывая модельный характер высказываний, нам достаточно легко установить общую структуру текста, опираясь на ключевой оценочный элемент, заданный сочетанием *the tip of the iceberg*. В тексте о проблемах с лечением щитовидной железы функционально аналогичный элемент появляется в абзацах, формулирующих содержание проблемы. Появление в данных текстах словосочетаний из словесной модели, характеризующей айсберг как опасность для мореплавания, обусловлено функциональной аналогией проблемных ситуаций в заимствующих текстах и в исходной модели (хороший, разумный субъект — тот, кто способен понимать скрытую суть проблемы).

Словосочетания со словом *iceberg*, таким образом, представляют собой элементы определенной ситуативной модели, обладающие устойчивым оценочным значением. Их появление в текстах, реализующих модели других ситуаций, обусловлено не их переосмыслением, а, наоборот, их оценочной функцией в исходной модели. Эти сочетания получают возможность выполнить функцию иносказательной оценки за счет сохранения всей полноты значения составляющих их знаков. Именно поэтому они и воспринимаются как «идиомы» или инородные включения в ткань текста. Их иносказательность позволяет установить образную аналогию между моделируемой проблемой и исходной моделью опыта. В случае с айсбергом в двух текстах результатом образной аналогии становится определение значимости заслуг полиции (айсберг — угроза существованию корабля) и серьезности недоработок врачей.

Очень важно то, что в наблюдаемых текстах появление элемента иносказательной оценочности осуществляется в ключевой позиции текста — при определении сути моделируемой проблемы. В статье “Thyroid’s Danger Signs” предложение с иносказательным элементом предвещает определение проблемы и выступает в качестве иносказательной оценки степени серьезности допущенных упущений. В ключевую структуру, определяющую целостный смысл текста, входит следующий ряд предложений: *We don’t address*

the portion of the iceberg below the water – There’s a terrible lack of awareness among primary doctors – We think there are 19.5 million people who have it (имеется в виду an underactive thyroid) and don’t know it. В данной структуре легко выделить элементы функциональной аналогии, обеспечивающие формирование оценки: we don’t address = there’s a terrible lack of awareness; the portion of the iceberg below the water = 19.5 million people who have it and don’t know it. Врачи оцениваются отрицательно за счет аналогии с исходной ситуацией (рискованность игнорирования природы айсберга для мореплавателя).

Возможность оценки определяется наличием в сознании читателей и автора исходной словесной ситуации с устойчивой оценочностью. Именно этим можно объяснить прозрачность значения структуры the portion of the iceberg below the water при полном отсутствии ее фиксации в качестве «идиомы» в словаре идиом или во фразеологическом разделе словарных статей толкового словаря. Если же мы предположим, что данный текст читает субъект, не имеющий в памяти словесной модели, характеризующей айсберг как источник опасности для мореплавателя, то вряд ли этот текст будет им понят.

Эти наблюдения позволяют нам сделать еще один вывод о природе иносказательно-оценочных элементов текста. Они всегда имеют в тексте функционально аналогичные сочетания, по отношению к которым само инородное вкрапление выступает в качестве иносказательной интерпретации, уточняющей или формирующей оценочный элемент значения соотносимого с ним элемента текста. В рассматриваемом нами тексте отрицательная оценка имеется и в сочетании «a terrible lack of awareness». Предложение с подводной частью айсберга усиливает интенсивность отмеченного недостатка врачей, так как в исходной ситуационной модели айсберг представляет серьезную угрозу жизни находящихся на корабле.

Мы уже отмечали то, что пример из словаря идиом не является полным. Предложение «they believe it is only the tip of the iceberg» обязательно определяет существование в структуре текста компонента, который является функциональным аналогом данной иносказательной интерпретации. Это

должно быть предложение о предполагаемых дальнейших действиях полиции по наведению порядка.

Все наши наблюдения подводят нас к основному выводу о таком явлении как фразеологизм или идиома. Важнейшим их качеством является не утрата составляющими такие структуры словами своей категориальной основы, а возможность определенных элементов словесных ситуаций с оценочным компонентом значения перемещаться в другие ситуативные модели. В новой ситуации эти элементы выступают в качестве средства иносказательной оценки за счет образной аналогии между исходной ситуацией и ситуацией текста. Это также свидетельствует о том, что в случае с фразеологизмами мы имеем дело не с природой отдельных словесных знаков, а с закономерностями формирования оценочного отношения к опыту человека в словесных ситуациях, его моделирующих. Это, в свою очередь, приводит нас к выводу о том, что иносказательно-оценочные элементы могут быть описаны в соответствии со своей функциональной природой только при обращении к структуре и прагматике высказывания.

Чтобы убедиться в верности наших предположений, нам следует рассмотреть еще несколько разнообразных примеров реальных употреблений сочетаний, традиционно рассматриваемых как особые полностью переосмысленные единицы, значение которых не выводимо из структуры составляющих их слов. Такой традиционный подход к идиомам хорошо представлен в словаре *The Concise Oxford: idiom* — a group of words established by usage and having a meaning not deducible from those of the individual words. Как видим, при таком подходе нам следовало бы считать, что в рассмотренных примерах нет айсберга. Обратимся к ряду других текстов.

В статье из газеты *The New York Times* “Kinky For Governor? Why Not?” (*The New York Times Large Type Weekly*, Vol.XXXVII, No.1918, p.15) речь идет о кандидате в губернаторы штата Техас, певце Ричарде Фридмане. Статья представляет собой очерк, знакомящий читателей с человеком, который сразу характеризуется как неординарный кандидат на такой пост. Неординарность кандидата в структуре статьи становится основной положительной характеристикой опи-

сываемого человека. Приведем основные смыслоформирующие элементы текста.

Абзац 1: *As a campaign slogan, it leaves something to be desired: "Why the hell not?"* — С самого начала оценочность формируется за счет нарушения привычного стереотипа кандидата. Далее вся статья направлена на формирование положительной оценки этого качества кандидата Фридмана.

Абзац 2: *But Kinky Friedman, 59, the irreverent Texas author, songwriter and salsa maker, and self-described "Gandhi-like figure" at the animal rescue ranch he runs here ...* Мы выделяем курсивом элементы, направленные на формирование положительной оценки основного качества кандидата — его необычности.

Абзац 3: *... dreaming of a grass-roots army to collect the 45,000 signatures that an independent candidate needs to run...*

Абзац 6: *He is against political correctness ...*

Абзац 7: *The success of his music and writing career has left him free to devote time to his Utopia Rescue Ranch ... a haven for 60 homeless dogs, cats, donkeys, pigs and chickens. He supports it with fund-raisers, including one recently with the first lady, Laura Bush, and profits from his new Politically Incorrect brands of salsa and coffee.*

Заключительный абзац 8: *His political campaign is a no-lose proposition, he said: "I'll either come out of it with a book, a wife or be governor."*

Обратим внимание на основные компоненты положительной словесной модели кандидата-«оригинала». Честный и открытый (*against political correctness*). Опирается на граждан, а не на бизнес и чиновников (*grass-roots army; supports his campaign with fund-raisers; independent*). Творческий человек, посвящающий жизнь защите животных (*"Gandhi-like figure" at the animal rescue ranch; the success of his music and writing career has left him free to devote time to his Utopia Rescue Ranch*). Не рвется к власти во что бы то ни стало, будет доволен при любом исходе голосования, имеет здоровое чувство юмора (*a no-lose proposition; I'll either come out of it with a book, a wife or be governor*).

Теперь обратимся к абзацу 4, который, собственно и содержит интересующее нас иносказательное вкрапление:

Never married and amorously linked over the years to a number of beauties, Mr. Friedman, whose real name is Richard, said,

“I have no skeletons in my closet; the bones are all bleaching down at the beach.”

Сочетание *skeletons in my closet* является вариантом идиомы, представленной во многих словарях с различными вариациями.

The Penguin Dictionary of English Idioms: a skeleton in the cupboard – a source of embarrassment and shame to a family, which is kept secret from strangers. ‘I’m sure there is a skeleton in the Wellards’ cupboard. Don’t they have a relative who has been in prison?’

The Concise Oxford Dictionary: skeleton in the cupboard (US closet) a discreditable or embarrassing fact kept secret.

Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина: 1041. a skeleton in the closet (или in the cupboard; тж family skeleton) семейная тайна; неприятность, скрываемая от посторонних (выражение введено в литературу У. Теккереем).

Все эти дефиниции как бы подсказывают нам, что мы имеем дело с переосмысленным словосочетанием, значение которого нельзя вывести из значения слов, составляющих данную структуру. Но здесь нам следует обратить внимание на продолжение слов Ричарда Фридмана: *the bones are all bleaching down at the beach*. Данное словосочетание не представлено как «идиома» или фразеологическая единица ни в одном словаре. Значит ли это, что в первой половине цитаты мы имеем дело с переосмысленными словами, утратившими присущую им категориальную природу, а во второй – нет? Так же как и в случае с двумя различными сочетаниями со словом *iceberg*, одно из которых является идиомой, приводимой в словарях, а второе нет, мы видим, что реальным источником содержания данных словосочетаний является не их переосмысление, то есть не изменение структуры значений слов, их составляющих, а, наоборот, полное сохранение словами их категориальных характеристик для формирования иносказательной образности, формирующей положительную оценку определенного элемента в данном абзаце. Рассмотрим то, как это происходит.

Для понимания сущности семантического процесса интересно выделить ЛСВ слова *bones*, реализуемого им в данном сочетании. Нет никакого сомнения в том, что из всех ЛСВ сло-

ва bone мы имеем дело со следующим ЛСВ: (in pl.) the skeleton, esp. as remains after death. Только данный ЛСВ обеспечивает смысловую целостность двух предложений. Но тогда мы обязаны признать то, что для говорящего no skeletons in my closet — это именно скелеты в первую очередь. Ни одно из слов, составляющих идиому, не переосмыслено, в результате чего и образуется целостная структура my skeletons are all bleaching down at the beach and are not hidden in my closet. Такое развитие сочетания, рассматриваемого как идиома, не было бы возможным, если бы оно реально состояло из слов с видоизмененной структурой значения.

Теперь рассмотрим элемент текста, по отношению к которому два проанализированных нами предложения выступают в качестве комментария: never married and amorously linked over the years to a number of beauties. Дело в том, что для словесной модели положительного кандидата на высокий государственный пост в США исключительно важной является положительная модель семейной жизни (a steady marriage, several kids doing well at school, etc.). Приводимая характеристика явно не соответствует положительно-му стереотипу. Она трансформируется в положительную именно за счет включения в текст непосредственно за ней иносказательно-оценочной структуры I have no skeletons in my closet; the bones (i.e. my skeletons) are all bleaching down at the beach. При этом формирование оценочности осуществляется не за счет переосмысления отдельных словесных знаков, как это подсказывают нам словари (a skeleton in the cupboard — a source of embarrassment and shame... и т.д.), а является функцией исходной модели опыта: having someone's remains in your home would be very awkward and you would prefer to hide them rather than show them to visitors. О том, что именно такая словесная модель лежит в основе содержательности рассматриваемого отрывка, свидетельствует то, как говорящий развивает данную ситуативную модель и то, что мы воспринимаем это смысловое развитие как безусловно положительное: он не прячет свои скелеты от взглядов посторонних — они белеют на пляже. Ключом к формированию оценочности является контраст cupboard — beach. Beach — открытое пространство, где бывает много отдыхающих людей и где трудно спрятаться от чужих

взглядов. Если человек, вместо того, чтобы прятать скелеты, раскладывает их на морском берегу, то для него они не являются чем-то неприятным или постыдным, чем-то, что необходимо скрыть.

Выделенное нами свойство смоделированной исходной ситуации является основой для функциональной аналогии с текстом и, включаясь в него, становится средством иносказательной положительной характеристики отношения героя очерка к проблемной стороне своей личной жизни. Элемент текста *never married and amorously linked over the years to a number of beauties* перестает быть отрицательной характеристикой кандидата после того, как его отношение к своему прошлому получает образно-иносказательную характеристику, изображающую кандидата как человека, который не скрывает от посторонних самых сомнительных с точки зрения моральных стереотипов моментов своей жизни.

И в этом примере мы видим, что иносказательная оценочность является результатом структуры словесной ситуативной модели и не связана с переосмыслением отдельных словесных знаков. Так же как и в примерах с айсбергом, иносказательная оценочность в тексте формируется на основе функциональной аналогии исходной ситуации и ситуации целостного текста. В отличие от айсберга в предыдущих примерах, скелет в очерке о кандидате в губернаторы Техаса появляется из гипотетической ситуации. Он представляет не какую-либо реальную сферу человеческой деятельности (мореплавание в случае с айсбергом), а является элементом гипотетической ситуации с заданным оценочным планом: человек, в доме которого есть скелеты, будет стремиться хранить их подальше от чужих взглядов, так как скелеты не принято хранить в доме. Человек, не боящийся их выставить, является человеком необычным и не боится осуждения других.

Как видим, и в этом примере нам достаточно сложно определить четкие границы идиоматического сочетания. Одновременно, нам достаточно легко выявить содержательную структуру исходной ситуации и определить содержание иносказательности. Все смысловые параметры в анализируемом примере реализуются не на уровне значения отдельных слов, а в структуре текста. Важным свойством

фразеологической структуры является также ее тематическая инородность по отношению ко всему тексту — именно на этой основе фразеологизм и получает возможность выступать как иносказательно образный элемент оценки какого-либо компонента текста.

Прежде чем перейти к теоретическим обобщениям рассмотрим еще один характерный пример, который напомним нам о категориальной структуре словесных знаков *black* и *white*, подробно проанализированной в предыдущей главе. Интересующий нас элемент представлен во втором абзаце статьи 'The Evolving Meaning of Marriage' из газеты The New York Times (The New York Times Large Type Weekly, Vol. XXXVII, No.1917, p.10). Поскольку данный абзац является в структуре текста основным и завершающим компонентом, формулирующим проблему, мы приводим также подзаголовочный абзац и первый абзац статьи. Весь остальной текст представляет собой конкретизацию сформулированной в начальных позициях текста оценочной модели.

Подзаголовочный абзац: Just about everyone agrees that marriage is an institution built for two, but after that, views differ. There is no consensus on exactly what it is or what it is for.

Абзац 1: Traditionally, the idea of being a little bit married made no more sense than being a little bit pregnant: you either were or you weren't.

Абзац 2: But that is not so black and white anymore. As the courts deal with the issue of same-sex unions, they are reconsidering a fundamental question: What is marriage? And the recent ruling by the Massachusetts Supreme Judicial Court that the state constitution gives gay couples the right to marry opens the way for more litigation over the shades of gray.

Прежде всего, обратим внимание на первое предложение Абзаца 2: But that is not so black and white anymore. Сочетание *black and white* дается как идиома и в толковых словарях, и в словарях идиом:

The Concise Oxford Dictionary: *black and white* — 1 recorded in writing or print (*down in black and white*). 2 (of film etc.) not in colour. 3 consisting of extremes only, oversimplified (*interpreted the problem in black and white terms*).

The Penguin Dictionary of English Idioms: to see (everything) in black and white — to characterize everything and everyone

as either very good or very bad, without any intermediate qualities.

Обратим внимание на ряд дефиниций для сочетания *black and white* в словаре COD. Словарь фиксирует три различных сферы употребления этого сочетания, первые две из которых относятся к ЛСВ *black* и *white*, которые реализуют определенное цветовое ощущение человека для идентификации качеств объекта в ряду других объектов того же рода. *A black and white film as opposed to a colour film, etc.; if you come to any agreement with him, be sure to get it in black and white; you can't trust him. (black and white – как важнейший материальный признак письменного документа, который противопоставляется устной договоренности, не имеющей вещественной формы).* В нашем примере мы очевидно имеем дело с сочетанием, соответствующим третьему варианту идиомы *black and white* в словаре – *consisting of extremes only*. Так же как и в предыдущих примерах у нашего предложения в тексте статьи есть элемент по отношению к которому предложение с *black and white* оказывается иносказательно-оценочным комментарием: *you either were (married) or you weren't*.

Имеет ли смысл утверждать, что в данном случае слова *black* и *white* являются переосмысленными и выступают в качестве особого словосочетания, обладающего своеобразной структурой значения, отличной от категориальных свойств отдельно рассматриваемых слов *black* и *white*? Если мы вспомним наш анализ природы контрастной оценочности, реализуемой данными двумя словами в определенных сферах опыта, то мы увидим, что данное сочетание является ничем иным, как перенесением контрастно-оценочной модели *evil in black vs good in white* в инородный текст на основании функциональной аналогии между моделируемой проблемной ситуацией (*there is no consensus on exactly what marriage is or what it is for as opposed to the situation in the past when you either were married or weren't*).

Введение в текст иносказательно-оценочного компонента *but that is not so black and white anymore* обеспечивает важное смысловое развитие формулируемой проблемы. Сочетание *you either were or you weren't* получает отрицательную оценку как слишком упрощенное, что соответствует лево-либеральной

направленности газеты The New York Times. Seeing things in the world as either good or evil/black or white является устойчивой отрицательной исходной моделью. Это средство отрицательной характеристики субъекта, принимающего решения по поводу спорных вопросов. В том, что такая словесная модель отрицательного опыта действительно существует в англоязычном сознании, мы также имели возможность убедиться в предыдущей главе. Вспомним типичную для либеральной модели общественного устройства цитату из исследования середины прошлого века: «To savages ... the two-valued orientation appears to be the normal orientation.» (Hayakawa, 166). Далее в главе ‘The Multi-Valued Orientation and Democracy’ автор продолжает ту же мысль о том, что контрастно-оценочные структуры в языке являются свидетельством низкого уровня развития культуры данного сообщества: “The multi-valued orientation shows itself, of course, in almost all intelligent and moderately intelligent public discussion. The editors of responsible papers, such as the New York Times, ...have a way of instinctively avoiding the unqualified two-valued orientation. They may condemn Hitler, but they remind one at the same time of the external causes that produced Hitlerism and of the fascistic tendencies in our own nation. They may attack a political administration, but they do not forget its positive achievements. They may even recommend war, but they remind us of the limitations of war as a method of solving problems.... There are people who object to this “shilly-shallying” and insist on “an outright yes or no.” They are the Gordian knot cutters; they may undo the knot, but they ruin the rope.’ (Hayakawa, 174 – 175).

Эта пространная цитата, помимо того, что в ее конце мы находим еще один пример иносказательно-оценочной структуры, которую мы прокомментируем чуть ниже, является убедительным доказательством устойчивой отрицательной оценки исходной словесной модели things in the world can be either black or white для либерального сознания. Отметим, что в данной модели слова black и white не являются каким-то образом переосмысленными по сравнению с теми их ЛСВ, которые реализуют дифференциальную категорию контрастной оценки. Соответственно, их появление в рассматриваемой нами статье представляет собой перенесение отрицательно окрашенной исходной словесной модели в ткань текста для создания иносказательно отрицательной

характеристики традиционного подхода к определению сути брака.

Здесь обратим внимание на то, что рассматриваемый абзац заканчивается появлением слова *gray*: *What is marriage? And the recent ruling by the Massachusetts Supreme Judicial Court that the state constitution gives gay couples the right to marry opens the way for more litigation over the shades of gray.* В исходной ситуации оценочность реализуется в следующей схеме: *seeing various shades of gray is better than seeing black and white only.* Контрастная оценочность противопоставления *black and white vs gray* является свойством их ЛСВ и не должна рассматриваться нами как особая семантическая единица, принадлежащая какому-то словосочетанию. В данном абзаце мы видим, что выделить такое словосочетание просто невозможно. Вместе с тем, понимание значения *the shades of gray* как иносказательного компонента, определяющего положительный характер деятельности тех организаций, которые поддерживают менее однозначный подход к определению сущности брака, не вызывает каких-либо затруднений. Более того, словари вообще не дают дефиниций, которые бы выделяли фразеологизм *not black and white but gray*. Таким образом, содержательность выделенной нами структуры определяется исходной словесной моделью, отмеченной нами выше. Эта модель представляет в качестве нежелательного восприятие проблем с точки зрения абсолютного контраста *black as evil/white as good* и определяет положительный потенциал слова *gray*. Вспомним, что данная модель соответствует определенным ЛСВ рассматриваемых слов. Она не касается категориальных структур ЛСВ слов *black*, *white* и *gray*, которые обеспечивают идентификацию объекта на основе цветового ощущения (*black coat; gray coat; white coat*).

Итак, в рассматриваемом нами тексте, иносказательный компонент вводит в текст оценочную модель, которая определяет содержание всей остальной статьи. В ней положительно оцениваются любые действия, направленные на поддержание многообразия видов брачных отношений, и отрицательно действия консерваторов, стремящихся защитить традиционные ценности. Содержание данной оценочной модели является результатом устойчивой оценочности в исходной словесной модели, актуализирующей контраст *black*

and white как контрастную характеристику добра и зла через цветовые ощущения. Данная контрастная характеристика, как мы это видели в предыдущей главе, является элементом категориальной структуры данных знаков и не должна рассматриваться нами как особое переосмысление слов *black and white* в этом словосочетании.

Окончательно убедиться в том, что так называемые фразеологические единицы представляют собой элементы словесных моделей опыта с устойчивым оценочным компонентом значения, поможет нам пример с сочетанием *the Gordian knot* в обширной цитате, приведенной выше: *They are the Gordian knot cutters; they may undo the knot, but they ruin the rope.*

Словари, как правило, содержат только сочетание *cut the Gordian knot*. Очень важно, что в дефинициях, как правило, приводится исходная словесная модель конкретной ситуации, в которой это сочетание приобретает оценочное значение.

The Concise Oxford Dictionary: cut the Gordian knot – solve a problem by force or by evasion. (Gordius, king of Phrygia, who tied an intricate knot that remained tied until cut by Alexander the Great).

The Penguin Dictionary of Idioms: to cut the Gordian knot – to take decisive action in order to gain one's ends. There was an ancient legend that the first person to untie the Gordian knot would gain the empire of Asia. Many travellers had failed to unravel the knot, but Alexander of Macedonia solved the problem by cutting the knot with his sword, and then went on to win all Asia in accordance with the legend.

Англо-русский фразеологический словарь: 165 *cut the knot* (тж *cut the Gordian knot*) рассечь или разрубить (гордиев) узел, разрешить затруднения насильственным, прямолинейным способом.

Если мы внимательно посмотрим на пример, то мы с легкостью сможем сделать вывод о том, что из трех приведенных выше словарных дефиниций наиболее последовательной является дефиниция из словаря *The Concise Oxford*. В ней четче, чем в остальных дефинициях, представлены два ключевых компонента, необходимых для описания структуры, обладающей иносказательной оценочностью. В ней, во-первых, четко определен оценочный план исходной модели

(*solving a problem by force or evasion*,) и обозначены основные компоненты самой модели: Александр не решил проблему, а просто уничтожил сам узел — он перестал существовать, но при этом не был развязан.

Приведенная нами цитата свидетельствует о том, что при вхождении в текст структура иносказательного элемента определяется именно данными двумя ключевыми характеристиками всей исходной словесной модели (тип оценочности и структура смоделированной ситуации). Именно поэтому мы вовсе не испытываем затруднения при понимании всего иносказательного образования, которое формально вовсе не похоже на зафиксированные в словарях сочетания *cut the Gordian knot: the Gordian knot cutters undo the knot but ruin the rope*. Понимание данной иносказательной структуры возможно только при существовании в сознании читателя всей исходной словесной ситуативной модели (так же как и в случаях с айсбергом, скелетами, и черным и белым как добром и злом). Возможность создания такой иносказательной структуры в тексте также не может быть выведена из сочетания *cut the Gordian knot*, если рассматривать его как некую особую переосмысленную единицу значения. Только человек, в памяти которого существует исходная словесная ситуативная модель, может так свободно варьировать словесную форму иносказательно-оценочного компонента в тексте.

На основании рассмотренных нами примеров мы можем сделать несколько обобщений, касающихся данного специфического явления в принципах организации высказывания — включения в текст иносказательно-оценочных структур.

Прежде всего, отметим, что существование такой возможности в языке свидетельствует о том, что в языковой картине мира есть своеобразная энциклопедия положительных и отрицательных сценариев человеческого опыта. Такая энциклопедия и представляет собой весь комплекс исходных словесных ситуативных моделей, являющихся источниками иносказательной оценочности в текстах. Сами по себе иносказательно-оценочные компоненты текстов не являются особыми единицами, состоящими из слов, утративших свои категориальные свойства. Наоборот, такие компоненты только и могут успешно выполнить свою функцию в тексте

при условии полного сохранения категориального значения составляющих из слов — именно на этой основе и возникает иносказательная образность этих отрезков текста.

В качестве исходных моделей иносказательной образности могут выступать словесные модели ситуаций, отражающих реальный практический опыт человека (a reasonable and clever seafarer knows that an iceberg is dangerous because most of it is hidden below the surface of the water). Исследование таких моделей может дать интересный материал о видении положительных и отрицательных качеств человека в определенной языковой культуре.

Примерами частотных иносказательных структур такого типа являются такие сочетания как *hit the nail on the head*; *open a can of worms*; *spill the beans* и т.д. Возможность их употребления и понимания обусловлена существованием словесных ситуативных моделей, в которых данные действия представлены как однозначно положительные или отрицательные с точки зрения функциональной природы конкретного типа опыта, представленного в данных моделях. Вот несколько примеров таких структур:

I think you've hit the nail on the head, Judy. This is precisely what is going to happen (из передачи БиБиСи) — положительная оценка собеседника как проницательного аналитика. Исходная модель: *a skillful carpenter does not miss the nails when he is hammering*.

When representatives of the Episcopal Church approved the election of a gay bishop two weeks ago they opened a can of worms on which the lid was not screwed down very tight to begin with (из газеты) — отрицательная оценка действий представителей Епископальной Церкви США. Исходная модель: *a careful fisherman will never leave a can of worms without a lid firmly closed*.

В качестве исходных моделей могут также выступать и словесные модели различных типов гипотетических ситуаций. Один из характерных примеров — рассмотренное нами сочетание со словом *skeleton*. Основа оценочности в моделях такого типа заключается в контрасте между моделируемой ситуацией опыта и тем, что естественно в реальном опыте человека. В примере со словом *skeleton* отрицательная оценка человека, прячущего останки от глаз посторонних, связана с

отношением к останкам в англоязычной культуре. Человек, не похоронивший умершего и скрывающий это от других, характеризуется резко отрицательно, поскольку это считается недопустимым. Приведем еще несколько примеров таких сочетаний:

What you say is very interesting. I am all ears — положительная характеристика собеседника, поощряющая его на дальнейший разговор. Исходная ситуация — превращение слушающего в орган слуха. К этому же типу можно отнести сочетания, подобные *over the moon* (extremely happy and delighted) или *to find a mare's nest*.

К гипотетическим ситуациям следует отнести и иносказательно-оценочные сочетания, значимость которых определяется какими-либо элементами мифов, религиозных преданий, литературы. В данных случаях исходными ситуациями следует считать закрепленные в языковом сознании словесные модели, сформированные определенными текстами. Выше мы рассмотрели пример с *the Gordian knot*. Он вошел в языковую модель действительности благодаря значимости для образованных людей прошлого латинских историографических источников. Другим текстом, послужившим источником большого количества иносказательно-оценочных сочетаний, широко используемых в английском языке сегодня, следует считать Библию.

Приведем характерный пример из статьи, посвященной неодобрителному отношению иракцев к оккупационным силам. Отрицательное отношение к американцам характеризуется как *tribal psychology*. Ее суть раскрывается с помощью цитаты из книги Т. Лоренса (знаменитого *Lawrence of Arabia*) об арабах: *They were a dogmatic people, despising doubt, our modern crown of thorns. They did not understand our metaphysical difficulties, our introspective questionings. They knew only truth and untruth, belief and unbelief, without our hesitating retinue of finer shades.*

Сочетание *a crown of thorns* вводит в текст положительную оценку западного человека на основе образной аналогии между субъектом, мучимым сомнениями, и Христом: терновый венец — один из атрибутов страданий Христа (*Matthew XXVII, 29*). Важнейшее качество страданий Христа — это добровольность жертвы во имя других. Любой атрибут, связанный

с данной ситуацией, имеющей огромное значение для формирования оценочности по поводу действий человека, обладает положительным оценочным потенциалом. За счет образной иносказательности, вводимой в рассматриваемый отрывок сочетанием *crown of thorns*, положительно оцениваются следующие элементы текста: *doubt*; *metaphysical difficulties*; *introspective questionings*. Они, в свою очередь, способствуют формированию оценочности в основной для статьи контрастной структуре. С одной стороны моделируются «хорошие» представители западной цивилизации, так как они способны на усложненное мировосприятие ради поиска истины (*metaphysical difficulties*, *introspective questionings*), хотя такое мировосприятие это жертва, оно усложняет жизнь (*crown of thorns*). С другой стороны, в статье возникают «плохие» дикие люди востока, так как они не способны выйти за пределы примитивного мировосприятия. Показательно, что как только в тексте актуализируется контраст «сложное мировосприятие цивилизованного человека — упрощенное мировосприятие дикаря», в текст естественно входит и элемент из уже рассмотренной нами исходной оценочной ситуации, основанной на цветовых ощущениях. В ней оценочность определяется предпочтительностью различения оттенков серого цвета как цветового ощущения, лишенного полярной связи либо со злом, либо с добром, видению исключительно контрастной пары *black/white*. Этот элемент также усиливает основную структуру оценочности в данной статье. «Хорошими» являются, естественно, западные люди: «*They (the Arabs) knew only truth and untruth ... without our hesitation retinue of finer shades*».

В рассмотренном примере также очень важно то, что сочетание *a crown of thorns* вовсе не является переосмысленным. Его иносказательно оценочная функция в тексте возможна при способности человека, читающего данный текст, увидеть образную аналогию с исходной ситуацией «страдание Христа как подвиг и добровольная жертва во имя всего человечества». Если аналогия остается не понятой, то вряд ли читатель будет способен сориентироваться в ключевой структуре оценки враждебных действий иракцев.

Итак, подведем некоторые итоги. Прежде всего, наши наблюдения позволяют нам определить фразеологическое

образование как сочетание слов, которое заимствуется в структуру реального высказывания из корпуса исходных словесных моделей, содержанием которых является определение оценочного отношения к какому-либо аспекту деятельности человека. Эти исходные словесные модели существуют как своеобразная энциклопедия предпочтительных и нежелательных качеств человека в его отношении с окружением. Следует сразу сказать, что данный аспект фразеологизации изучен крайне мало. В этой главе нам удалось установить примерную структуру исходных моделей и принципы заимствования их элементов в реальные тексты. Главный принцип заимствования — это функциональная аналогия между исходной ситуативной моделью и заимствующим текстом. Она состоит в том, что заимствующий текст включает в себя фразеологическое образование тогда, когда возникает необходимость определить степень соответствия какого-либо качества ответственного в моделируемой ситуации субъекта предпочтительному развитию проблемной ситуации. Заимствование происходит при соответствии функциональной природы оценки в исходной ситуативной модели и в тексте (способность мореплавателя избежать столкновения с айсбергом — способность врачей эффективно предупреждать заболевания щитовидной железы). В процессе заимствования фразеологические сочетания сохраняют свою тематическую инородность по отношению к тексту, в который они включаются. Поэтому они легко идентифицируются как иносказательные элементы, вносящие в определенную ситуативную модель лишь структуру оценки. Исключительно важным для успешного и активного функционирования иносказательно оценочных заимствований является их устойчивая связь с исходной ситуативной моделью. Приведенные нами примеры показали, что фразеологические сочетания являются значительно более многообразными, чем те их варианты, которые фиксируются словарями. Возможность варьирования задается постоянной соотношенностью иносказательно оценочных сочетаний как со структурой текста, в который они входят, так и с исходной словесной моделью.

В случае если такая связь утрачивается в сознании носителей языка, частотность употребления иносказательных

структур падает, а затем они вообще уходят из живого языка, поскольку утрачивают способность обеспечивать иносказательно-образное моделирование оценочности в текстах.

Характерный пример – сочетание *tit for tat*, утратившее связь с исходной словесной моделью, связанной с вооруженными поединками, и теперь практически не употребляющееся в живой речи. Напротив, сочетание *an eye for an eye*, обладающее по-прежнему устойчивой связью с исходной словесной моделью, определенной текстами Библии, широко употребляется в текстах, моделирующих природу различных общественных конфликтов (пример – репортажи БиБиСи из Израиля сразу после убийства израильянами духовного лидера мусульман шейха Ясина).

Наблюдения над частотностью употреблений фразеологических сочетаний и их структурой в текстах позволяют сделать вывод о том, что составляющие их слова не подвергаются в процессе заимствования каким-то изменениям значения по сравнению с тем, как они закреплены в сознании носителей языка в качестве элементов исходных оценочных ситуаций. Именно эта стабильность их значений и позволяет появляться в текстах таким образованиям как «*the bones are all bleaching down at the beach; the portion of the iceberg below the water; a can of worms on which the lid was not screwed down very tight to begin with; и др.*». Сочетания такого типа не представляют никакой сложности для понимания, легко идентифицируются как варианты иносказательных выражений и, при этом, никак не отражены в словарях.

В сущности, мы видим, что проблема фразеологических элементов в текстах не является проблемой лексикологии как раздела лингвистики, изучающей значение и строение словесного знака. Существование фразеологических образований как стабильных элементов иносказательной оценочности, способных перемещаться из текста в текст на основании функциональной аналогии между элементами исходной и текстовой словесных моделей опыта, должно рассматриваться в теории высказывания. Сущность иносказательной образной оценки определяется не категориальной структурой отдельных знаков, а свойствами определенных словесных моделей опыта, приобретших в англоязычной

языковой картине мира статус моделей формирования оценки действий человека. Так же как и проблемы синонимии и антонимии, рассмотренные нами в предыдущей главе, сущность фразеологических образований может быть более полно и последовательно описана при обращении к теории словесных моделей сознания и структуре высказываний. Рассматривая эти явления в курсе лексикологии, мы лишь воздаем дань установившейся традиции, отдавая себе отчет в том, что мы рассматриваем языковые явления, сущность которых не может быть объяснена с точки зрения категориальной структуры значения отдельных словесных знаков. Как проблема оценочности (антонимия, фразеологические сочетания), так и проблема функциональной аналогии языковых элементов при их использовании в различных текстах (синонимия и фразеологические сочетания) связаны не с принципами членения опыта на отдельные свойства — категории — и их закреплением за конкретными акустико-артикуляторными знаками — словами. Они определяются спецификой тех потребностей, которые человек удовлетворяет на основе аналитических моделей опыта, состоящих из слов. Способ выражения потребностей в языке значительно сложнее, чем просто механическое соположение контекстов слов. За любым высказыванием стоят потребности, определяющие принципы словесных последовательностей, существующие в сознании как ситуативные модели опыта. Эта проблематика значительно шире предмета лексикологии, который ограничивается изучением целостности и стабильности категориальных значений отдельных словесных знаков в самых различных высказываниях.

8.2 Фразеологические образования и денотативная теория значения слова

В русле денотативной теории словесного значения фразеологические структуры (традиционно называемые фразеологическими единицами) изучены весьма подробно. Пик фразеологических исследований в сфере традиционной лексикологии английского языка приходился на 50-е — 60-е

годы прошлого века и связаны, прежде всего, с именами Н. Н. Амосовой и А. В. Кунина. Их взгляды представлены в целом ряде монографий и учебных пособий и здесь мы не будем останавливаться на них подробно. Важным представляется обозначить основные принципы рассмотрения фразеологических единиц при денотативном подходе к значению слова.

В основе выделения фразеологических сочетаний как особого типа единиц в языке лежит разграничение словосочетаний на свободные и устойчивые. Данное разграничение основывается на вере в то, что отдельные словесные знаки обладают прямой связью с элементами внешнего мира, а их значение является «отражением» сущности вещей и явлений внешней действительности. Данный взгляд уже подробно анализировался нами в предыдущих главах. Отметим здесь лишь то, что для представителей денотативной теории свободными являются сочетания слов, которые как бы «отражают состояние дел таким, каким оно является в действительности». Так, сочетание *do you mind my smoking here* является свободным, поскольку оно отражает ситуацию, находящуюся вне языка в том виде, как эта ситуация и существует (вежливая просьба о возможности закурить). Мы уже говорили о том, что всякая ситуативность в практике человека невозможна, если она не основывается на словесных моделях опыта, закрепленных в памяти субъекта. Вне языковой модели реальности человек не просто не может «отразить» свойства внешней среды — он в принципе оказывается неспособным быть человеком (история с детьми из Индии, выросшими среди волков). В главе о контексте мы убедились в том, что ни одно слово в определенной языковой системе не может обладать самостоятельным «свободным» от связи с другими словесными знаками значением. Значение у любого знака это его стабильные контексты. В этом смысле принцип выделения фразеологизмов на основе их особой устойчивости сочетаемости представляется мало продуктивным — в чем мы имели возможность убедиться в предыдущем параграфе.

Проблема с определением критериев отличия «свободных» сочетаний от устойчивых возникает, как только мы обращаемся к природе полисемии словесного знака. В традиционной фразеологии принято считать, что «свободным»

словосочетаниям типа *do you mind my smoking here* противостоят сочетания типа *white lie* или *weigh anchor*. В первом случае сочетание состоит как бы из независимых знаков, во втором — из слов, утративших свою свободу. Ранее мы подробно рассматривали обусловленность значения слова его закономерными сочетаниями с другими словами в словесных моделях опыта. Здесь отметим лишь то, что между сочетаниями типа *do you mind my smoking here* и *white lie* нет принципиальной разницы.

Если мы попытаемся проанализировать категориальную структуру знака *mind* во всей ее вариативности, то мы увидим, что *mind*-глагол способен реализовывать целый ряд ЛСВ помимо категориальной структуры, соответствующей последовательности *do you mind my smoking here*. Это ЛСВ, соответствующие сочетаниям *mind the step*; *mind the house while I'm away*; *I try to mind my own business*. Если *mind* представляет собой «свободный» элемент в первом сочетании, то может ли он перейти в остальные сочетания, полностью сохранив свою структуру значения (волевое неприятие определенного раздражающего фактора внешнего окружения)? Очевидно, что приведенные нами контексты предполагают более абстрактную интегральную базу для всех возможных употреблений глагола *mind*. Вряд ли *mind the house* или *mind the step* (*mind the gap* в лондонской подземке) это особые, связанные или фразеологизированные варианты использования по отношению к *mind my smoking*. Ряд *the house*, *the step*, *the gap*, etc. открыт; это не особый список, который нужно выучить наизусть, поскольку эти сочетания каким-то образом не соответствуют системным значениям из компонентов.

Интегральную категорию глагола *mind* можно условно определить как способность мыслительной деятельности человека фокусироваться на определенном условии своего окружения, которое выделяется как источник потенциальной проблемы. Значение каждого из ЛСВ глагола *mind* определяется характером включения данной интегральной категории в ряд ситуативных моделей, обеспечиваемых родовой категорией глагола. Это — направление внимания на поддержание желаемых условий ситуации (*mind the house while I'm away*); концентрация мыслительных усилий на том,

что представляется максимально ценным для говорящего (I try to mind my own business); направленность внимания на предотвращение угрозы физическому здоровью или жизни субъекта (mind the gap; mind how you go). Существование этих ЛСВ слова mind свидетельствует об обусловленности полного значения данного знака словесной моделью определенных ситуаций опыта. Вне данных словесных ситуативных моделей этот знак не будет обладать значимостью. Соответственно, его категориальные варианты не обладают свободой передвижения между данными моделями.

Такая структура полисемии глагола mind ничем не отличается от категориальных свойств слов white и lie (слово white подробно рассмотрено нами в параграфе об антонимии), weigh и anchor. Для того, чтобы увидеть это достаточно провести подробный категориальный анализ полисемии каждого из этих слов. Поскольку мы этому посвятили целую главу, приведем здесь лишь основные семантические характеристики слов weigh и anchor, которые свидетельствуют о закономерности данного сочетания.

Интегральной категорией слова weigh является возможность поддерживать баланс при силовом воздействии на элемент окружения. Интересно, что генетически данные знаки — weight и weigh — восходят к словам, обозначавшим перемещение объектов в пространстве. The Concise Oxford указывает: *wegan fr. Gmc, rel. to way*. В этимологическом словаре Эрика Патриджа weigh и weight связываются с исходными для них значениями *move, carry*. Данная интегральная категория определяет структуру ЛСВ weigh в современном языке как ряд вариантов конкретизации основного свойства в определенных ситуациях опыта от *weighing potatoes* до *weighing plans and ideas*. Важной характеристикой изменения weigh является его связь с нахождением баланса, равновесия. Словарь отмечает это в ряде дефиниций (*balance in the hands...; be equal to*). *Weighing as finding a balance* — это важнейшая характеристика свойства опыта, определяющего значимость этого слова. Она прослеживается как в структуре ЛСВ современного слова, так и в его этимологических корнях. Интегральной категорией слова anchor является способность оказывать стабилизирующий эффект за счет силового воздействия: *1 a heavy metal weight used to moor a*

ship to the sea-bottom ...2 a thing affording stability. 3 a source of confidence.

Значимость равновесного состояния якоря для нормального движения корабля трудно переоценить. Сопоставление категориальных структур двух данных знаков показывает нам, каким образом английское сознание моделирует ситуацию, связанную с обеспечением стабильного и надежного движения корабля: *the ship weighs anchor, i.e. balances a heavy weight that would otherwise impede its progress*. Как видим, степень свободы и принципы организации структуры значения данных знаков ничем не отличаются от сочетаний типа *knock at the door* или *do you mind my smoking here*. Критерии различения свободных и связанных сочетаний в денотативной теории остаются в высшей степени неопределенными, особенно при тщательном анализе полисемии и омонимии словесных знаков.

Особо хотелось бы прокомментировать установившуюся традицию относить к фразеологическим образованиям сочетания глаголов и наречий вроде *give up* и сочетания глаголов с существительными типа *to have a smoke*. И в этих случаях тщательный анализ полисемии знаков, составляющих подобные сочетания, полностью исключает их какую-либо обособленность от других контекстно обусловленных словосочетаний, формирующих структуру значения слов. Приведем краткий анализ сочетания *give up*.

Интегральной категорией слова *give* является способность поддаваться внешнему воздействию, отдавая вовне какое-то качество, изначально отсутствующее во внешней среде. Родовая категория определяет сферы опыта, в которых данная интегральная категория получает конкретизацию в ЛСВ глагола *give*. Это ряд ситуативных моделей от утраты обладанием чем-то в процессе передачи (*gave them her old curtains; gave him into custody; can give you five minutes; I give you the victory; the roof gave under pressure*) до обозначения передачи какой-либо качественной характеристики одного объекта другому объекту (*give her my best wishes; gave him my soar throat; the field gives fodder to twenty cows*).

Сама по себе структура полисемии данного глагола представляется сложной и очень интересной. Важным свойством интегральной категории данного знака является

представление самых разнообразных видов взаимодействия объекта с внешним окружением как процесса утраты обладания определенной характеристикой или качеством. В дефинициях различных ЛСВ *give* характерными составляющими являются такие слова как *transfer, deliver, confer, grant, yield, pledge, commit, impart*. Показательно, что в структуре мотивированного омонима — существительного *give* — именно это свойство опыта оказывается основой всех ЛСВ: 1 *capacity to yield or bend under pressure*. 2 *ability to adapt or comply*. Итак, основой категориального значения слова *give* является характеристика контакта объекта со своим окружением, при котором объект лишается какого-либо изначально присущего ему признака или выводит какую-либо собственную качественную характеристику за пределы собственного обладания.

Теперь рассмотрим общие характеристики категориальной структуры наречия *up*. Во всех разнообразных ЛСВ данного наречия четко проявляется категориальная основа целостности значения данного слова: оно характеризует какое-либо изменение с точки зрения его нацеленности на абсолютный возможный предел данного изменения (*went up front; wound up the watch; a child came up to me; your time is up; is well up in French*). Данное качество интегральной категории слова *up* проявляется и в описательной структуре дефиниций различных ЛСВ: *completely or effectually; denoting the end of; to the place or time in question; in or into a condition of efficiency, activity, or progress* и др. Оно проявляется в целом ряде сочетаний типа *speak up; wind up; hush up; eat up; tear up* и т.д.

Теперь обратимся к семантической структуре данных двух слов в сочетаниях типа *gave up smoking; gave up his property; gave him up to the police*. Во всех этих сочетаниях знаки *give* и *up* полностью соответствуют своей категориальной природе. Они сохраняют свои интегральные категории. Для *give* это свойство утраты обладания чем-либо, для *up* это характеристика изменения как направленного на свой возможный предел. *Gave up smoking* — *parted with the habit of smoking completely and effectually; gave up his property* — *renounced his ownership completely and effectually; gave him up to the police* — *ended his responsibility for that person by*

putting him under the control of the police. Как видим, данные сочетания должны рассматриваться как элементы контекстов соответствующих знаков в структуре их полисемии. В них нет никаких принципиальных изменений их категориальной структуры, а их сочетаемость соответствует природе определенных ЛСВ данных слов. Очевидно, что их семантическая природа может быть более последовательно описана при анализе принципов полисемии соответствующих знаков. То же самое можно сказать и об образованиях типа *have a smoke*.

Вторым важным критерием для выделения фразеологических единиц и противопоставлению их «свободным» сочетаниям является положение о полном или частичном переосмыслении слов, составляющих фразеологические словосочетания. Данный принцип был подробно проанализирован нами в предыдущем параграфе. Наблюдая над разнообразными примерами, мы пришли к выводу о том, что составляющие фразеологических сочетаний не подвергаются никакому категориальному изменению, сохраняя целостность своего значения. Мы видели, что именно это свойство и позволяет им осуществлять иносказательную оценку какого-либо элемента текста, в который они заимствуются из исходной словесной модели оценки какого-либо качества человека.

Здесь необходимо еще раз обратить внимание на определенную неточность в трактовке значения фразеологических образований в рамках традиционного подхода. В связи с тем, что фразеологизмы или идиомы определяются как некие особые переосмысленные единицы, их значение определяется как нейтральный, неидиоматичный эквивалент содержания данной фразеологической единицы, как если бы она в принципе не обладала оценочной функцией. Значение представляется как герметическая атомарная структура, присущая данной формальной последовательности знаков и равная его парафразу. *The tip of the iceberg – evidence that a great deal more exists but remains hidden*. Рассматривая примеры, мы убедились в том, что реальное значение данной единицы это положительная оценка субъекта, действующего в ситуации, которую можно уподобить ситуации, в которой опытный мореплаватель определяет, что верхушка айсберга – сигнал о потенциальной опасности. В текстах

важно, что субъект должен увидеть, что какая-то проблема это лишь верхушка айсберга, тогда он будет оценен положительно (the police believe it is *only* the tip of the iceberg). Если же он не способен это заметить, он будет оценен отрицательно (we don't address the portion of the iceberg below the water). Аналогия возможна только при условии сохранения всеми элементами данных сочетаний своих категориальных значений, соответствующих структуре исходной словесной модели.

Дальнейший анализ природы фразеологических сочетаний представляется более системным при обращении к изучению иерархии словесных моделей опыта в языковых культурах. Данная проблематика может решаться в рамках теории высказывания. Фразеология должна перейти из сферы лексикологии, в фокусе которой находятся принципы существования значения у словесных знаков, в сферу изучения текстов как знаковых последовательностей, обеспечивающих человеку возможность решать проблемы, возникающие в процессе его жизнедеятельности, на основе словесных моделей опыта.

Глава 9

Эволюция описания словесного значения и англоязычная лексикография

Большинство словарей определяют лексикографию как искусство и ремесло составления словарей, т.о. лексикография является отраслью прикладной словесной семантики и занимается системным описанием плана содержания слов как элементов системы.

Сегодня лексикография находится на переломном этапе. Старые бумажные словари и системы обработки данных уходят в прошлое в связи с появлением электронных баз данных, позволяющих на качественно новом уровне оценить системность значения как способа функционирования слова в контексте.

Есть несколько крупных международных проектов, которые работают над решением проблем в области лексикографии и составлением новых толковых словарей с учетом всех современных достижений. Участники этих проектов постоянно обмениваются опытом. Например, ассоциация Euralex (<http://www.euralex.org/>) каждые два года проводит конференции, на которых лексикографы из разных стран могут поделиться своими достижениями.

9.1 Краткая история английской лексикографии. Словари до второй половины XX века

Об истории английской лексикографии хорошо и подробно можно узнать из следующих источников:

Green J. Chasing the Sun: Dictionary Makers and the Dictionaries They Made. 1996.

The Oxford History of English Lexicography. Ed. by A.P.Cowie. Oxford, 2009.

Ступин Л.П. Лексикография английского языка. М., 1985.

Мы же приведем лишь краткий обзор этапов английской лексикографии.

9.1.1 Латинские и французские глоссарии

Английская лексикография начиналась в связи с необходимостью создать справочники для пользующихся латынью и французским языком. Первые словари были двуязычными и в них отсутствовали дефиниции как таковые. Словарная статья представляла собой слово на английском языке и его соответствие на латыни или французском.

- 1440 Promptorium Parvulorum, sive Clericorum
("Storehouse [of words] for children or clerics") English-Latin
- 1476 Caxton Printing in England
- 1480 Caxton A French-English Glossary French-English
- 1499 Caxton Promptorium "hard words"
- 1500 Hortus Vocabularum ("Garden of Words") Latin-English
- 1533 John Withals A Shorte Dictionarie for Yong Begynners
English-Latin
- 1538 Sir Thomas Elyot Dictionary (Bibliotheca Eliotae)
Latin-English
- 1565 Thomas Cooper Thesaurus Linguae Romanae et
Britannicae ("Thesaurus of the Roman Tongue and the
British") French-English

Чтобы дать представление о том, как выглядели первые словари, на рисунке ниже приведена случайно выбранная страница словаря 1440 года Promptorium Parvulorum, sive Clericorum ("Storehouse [of words] for children or clerics").

ERWYGLE (erewygyll, P.)¹ *Au-
realis*, UG. *in auris*.
ERTHELY. *Terrene*.
ERTHLY (or of erthe made, P.)
Terrenus, terrestris.
EES, fyschys mete on a hoke (or
boyght for fisses, P.)² *Esca*,
escarium, KYLW.
ESCHE, tre. *Fractinus* (*fraxinus*, P.)
ESCH KEY, frute. *Clava*, C. F.
in fractinus.
ESE, or cowmfort. *Levamen*,
consolamen.
ESE, or reste. *Quies* (*requies*, P.)
ESY. *Quietus*.
ESY, orsoft, aswedyr. *Tranquillus*.
ESY, or softe yn' sterynge. *Lentus*.
ESYLLE.³ *Acetum*.
ESYLY. *Quiete, tranquille*.
ESYLY, or sokyngly. *Sensim*,
paulatim.
ESYN' of charge, or grevowsnesse.
Allevio.
ESYN', or cukkyn', or schytyñ' (or
voydyn as man at priuy place,
K. cukkyn, H. kackyn, P.) *Ster-
coriso, merdo, egero*, CATH.

ESYN' yn herte, of hevynesse.
Quieto, delinio.
ESPE, tre. *Tremulus*.
EST. *Oriens*.
EESTERNE. *Pascha*.
ESTWARDE. *Orientalis* (*orien-
taliter*, P.)
EST WYNDE. *Eurus*.
ETYÑ'. *Manduco, comedo, ves-
cor*, CATH. *mando, prandeo*,
edo.
ETYNGE. *Manducacio, commestio*.
ETYNGE HOWSE. *Pransorium*,
CATH.
ETYNGE appulle tre. *Esculus*.
EWARE.⁴ *Aquarius vel (aqua)ria*.
EVENYN', or make evyñ'. *Equo*,
coequo, adequo.
(EUEÑ in menyngge, or clothyngge,
P. *Uniformis, et inde uni-
formiter*.)
EVYN', a-lyke. *Equus, equalis*.
EYVNHODE (evynhede, P.) *Equa-
litas, equitas*.
EVENEHOLDE, or euenelde (even-
olde, K. euyñ olde, P.)⁵ *Coevus*,
coetaneus.

¹ The earwig is still, according to Forby, called eriwiggle in Norfolk, but it appears to be only a local corruption, as the word is usually written more conformably to its Ang. Saxon original, ear-wigga, *vermis auricularis*. Thus in a Vocabulary, Harl. MS. 1002, is found "*auriolus, Anglice a 3erwygge*;" and Palsgrave gives "Erwygge, a worme." See ARWYGILL.

² This curious word appears to be a Latinism; but is, perhaps, more directly taken from the old French, "*Esche; appdt, amorce; esca*." ROQUEF.

³ This word is used by Chaucer and Lydgate, who in the Troy Book speaks

"Of bitter eysell, and of eager wine."

"*Acetum*, ayselle or bytter wyne." MED. GRAMM. "*Acetum*, aysyl, or vinegre." Roy. MS. 17 C. XVII. "*Acetum*, ayesell; *Oxigalus*, aysell menged." ORTUS. It occurs also in the *Forme of Cury*. Ang.-Sax. *eisile, aisil, acetum*.

⁴ This word usually signifies a vessel for water; "ewer to wasshe with, *aiguiet*," PALSG.; its meaning seems here to be transferred from the ewer to the person by whom it is carried. The *Medulla* gives "*aquarius, aquaria*, a waturberere." Ang. Sax. *hwer, huer, cacebus*. Among the domestics of the Earl of Essex, mentioned in his will, 1361, occurs "Davy, *q'est* Barber *et* Ewer." Nichols' Roy. Wills, 53.

⁵ "Evyñ eldes, *coetaneus, coevus, colectaneus, equevus*." CATH. ANG. "*Coetaneus*,

Словарь представляет собой список соответствий латинским словам для облегчения чтения латинских текстов. Здесь интересно отметить то, что полисемия представлена как набор нескольких словарных статей, а не как одна словарная статья. При этом для маркирования различия контекстов используется союз *og* и слово, которое как бы уточняет ситуативную сферу. Например, можно рассмотреть три варианта

прилагательного *esu* и два варианта существительного *ese*. Использование второго прилагательного для *esu* или существительного для *ese* является способом передать различия в структуре значения слова, которые бы пояснили необходимость использования различных латинских соответствий при переводе: *ese, or cōmfort — levamen; ese, or reste — quies*. Как видим, в таких глоссариях структура значения слова остается неописанной, а скорее маркированной косвенно с помощью ключевого слова-маркера, позволяющего распознать тип контекста.

9.1.2 Ранние английские словари: XVIII век

В этот период появляются первые одноязычные словари. Они были призваны решать следующую проблему — в английских текстах встречались сложные и непонятные слова, которые требовали пояснения. Повседневная лексика в эти словари не включалась, так как лексикографы исходили из следующего предположения: вряд ли кому-то может понадобиться смотреть в словаре, что значит *table* или *dog*, это и так все знают. В целом в этот период по-прежнему отсутствует системность в описании значения слова.

- 1552 Richard Huloet *Abecedarium Anglo-Latinum English-Latin-(French)*
- 1582 Richard Mulcaster *Elementarie* 8,000 words
- 1588 Thomas Thomas *Dictionarium Linguae Latinae et Anglicanae* Latin-English
- 1598 John Florio *A Worlde of Words* Italian-English
- 1604 Robert Cawdrey *A Table Alphabeticall* 2,500 words
- 1616 John Bullokar *An English Expositor* ca. 5,000 words
- 1623 Henry Cockeram *The English Dictionarie (or An Interpreter of Hard English Words)*
- 1656 Thomas Blount *Glossographia (or A Dictionary Interpreting all such Hard Words ... as are now used in our refined English Tongue)*
- 1658 Edward Phillips *The New World of English Words*
- 1673 Thomas Blount *A World of Errors Discovered in the New World of Words*
- 1676 Elisha Coles *An English Dictionary* 25,000 words

На рисунке приведена страница из словаря Эдварда Филлипса.

N E

Wine and Grapes, and from all sorts of heady Liquors. They were also oblig'd to let their Hair grow without cutting, and to observe several other Ceremonies, from all which they were freed when the Term of their Vow was expir'd.

Naze, the Name of a Cliff, or Point of Land, lying right over against the Buoy of the *Gun-fleet*.

Nec admittas, (*Lat.*) a Writ for the Patron of any Church, who doubts that the Bishop will admit a Clerk to a Benefice, who is presented by another; which Writ is to forbid the Bishop to collate or admit any to that Church.

To **Neal** or **Anneal**, to bake or heat in the Fire; as *To neal Glass, Metals, &c.*

Neal'd ro, (*Sea-Term*) when it is deep Water, close to the Shore.

Neap, See *Neep*.

Neat, as *Ne neap*, a Word us'd at Sea, to bid the Steer-man caule the Ship to go more large, or right before the Wind.

Neat, any kind of Beves; as an Ox, Cow, Steer, or Heifer.

Neat-herb, a Keeper of Neat Cattel.

Neat-Land, (*Law-Word*) Land granted, or let out to the Yeomanry.

Neap-leather, Leather made of the Hide of an Ox or Cow.

Neat-Weight, the Weight of a pure Commodity, without the Cask, Bag, &c. Or when it is clear'd from Dutt or Drolls by Garbling, &c.

Neabing, a Country-Word for Bars, or Yell.

Neabus, (*Lat.*) a Milly, or Fox.

Nebulose, (*in Heraldry*) a Term us'd when the Out-line of any Beature or Ordinary, is drawn so as somewhat to resemble the Figure of Clouds.

Nebulous, (*in the Chymist's Language*) the Salt of the Moisture of a Cloud, falling upon Stones in Meadows, and harden'd by the Heat of the Sun.

Nebulous, misty, foggy, cloudy, gloomy, over-cast.

Nebulous Stars, certain fixed Stars, of a dull, pale, and dim Light; so call'd, because they look cloudy, or bring Clouds, and setting with the Sun, render the Air troubled, and dusky.

Necessaries, things needful for Humane Life.

Necessary, needful, indispensable, unavoidable.

To **Necessitate**, to compel, to force, as it were of Necessity.

Necessitous, that is in Want; needy, poor.

Necessity, Indispensibleness, the State of a thing that must needs be; also Extremity, Straight, Distress; Poverty, Need, Want.

Nech-Merle. See *Benefice of the Clergy*.

Necromancer, (*Gr.*) a Magician, Wizard, or Conjuror.

Necromancy, an Art, by which Communication is held with the Devil, so as to call up the Spirits of the Dead; such as the Witch of *Ender* made Use of to cause *Samuel* to appear to *Saul*.

Necromantick, belonging to that black Art.

Necrosis, (*in Divinity*) a mortifying of corrupt Affections: In *Surgery*, a perfect Mortification of the soft and hard Parts of the Body.

Nectar, a certain pleasant Liquor, which the Poets feign to be the Drink of the Gods, and that whosoever drunk of it would become Immortal: Among *Physicians*, it is taken for a Medicinal Drink, of a most delightful Taste, Colour, and Smell.

Nectarea, the Herb *Elicampagne*, so call'd by way of Excellency.

Nectarean, belonging to Nectar.

Nectarine, a sort of smooth Peach, a delicious Fruit.

Nectatites, a Drink, or Wine, made of *Elicampagne*.

N E

Neece, the Daughter of a Brother, or a Sister.

Nedle. See *Box* and *Nedle*.

Nedle of the Mariners Compass, that Iron-wire which is touch'd with the Load-stone.

The **Nedles**, certain Shelves in the Sea, about the Ille of *Wight*.

Neep-tides, those Tides which happen when the Moon is in the Middle of the second and last Quarters, and are opposite to the *Spring-tides*: For as the highest of the latter is three Days after the Full or Change; so the lowest of the Neep is four Days before the Full or Change; and then the Sea-men say, It is *Deep Neep*, or *Dead Neep*.

A Ship is also said *To be neeped*, when Water is wanting, so that she cannot get off the Ground, out of a Harbour or Dock.

Neep-wort, a kind of Herb.

† **Necandous**, (*Lat.*) not to be spoken, or mention'd; heinous, horrible.

† **Necarious**, very wicked, villainous, abominable.

Negation, a denying, or gain-saying.

Negative or **Negatory**, belonging to Denial, as *The King has the Negative Voice*.

Negative Quantities, (*in Algebra*) such Quantities as have the Negative Sign *Minus* (—) let before them, and are suppos'd to be less than nothing; being directly contrary to *Affirmative*, *Positive*, or *Real Quantities*.

A **Negative**, a denying Proposition, or Expression, as *The Malefactor stands upon the Negative*, i. e. denies the Fact he is charged with.

A **Negative Judgment**, (*Law-Term*) a Negative implying also an Affirmative; as when a Man being accus'd to have done a thing on such a Day, or in such a Place, denies he did it, after the manner and form declared, which nevertheless implies that he did it in some sort.

Neglect, Omission, Want of Care, Disregard.

To **Neglect**, not to take Care of, to forget, to

slip, to let go or let slip.

Negligence, Remissness, Retchlessness; ill looking to a thing, Carelessness, Heedlessness.

Negligent, neglectful, slack in Business; careless.

† **Negotor**, Trading, Dealing, Management of Affairs, Business.

To **Negotiate**, to transact, to manage, to traffick.

Negotiation, the Management of Publick Affairs; an Affair, Concern, or Treaty managed; a trafficking or trading.

Negotiator, a Manager of Business.

Negotiatrice, a Woman that manages, a Female Manager.

Negotious, full of Business.

Negro, one born in *Nigritia* or *Nigro-Land*, a Country of *Africa*; a Black-moor.

Nephemah, (*Heb.* the Rest of the Lord) one of the latter Prophets among the *Jews*; and a zealous Promoter of the Reparation of the City of *Jerusalem*, after the *Babylonish* Captivity.

Neif or **Neife**, a Law-Word for a Bond-Woman.

Neif of Neifry, a Writ whereby the Lord of the Manour claim'd such a Woman for his *Neif*; but it is now quite out of Use.

To **Neigh**, to cry as a Horse does.

Neighing-Bird, a little Bird, that imitates the Neighing of a Horse.

Neighbour, one that dwells, or is seated near to another.

Neighbourhood, the Place near that one lives in, or the whole Body of Neighbours.

Neighbouring, adjoining, bordering upon.

Neighbourly,

В этом словаре интересно отметить, как представлена полисемия в словарной статье. Например, *neighbourhood* определяется как *the Place near that one lives in, or the whole Body of Neighbours*. Мы видим, что вариативность значения представлена в одной дефиниции, при этом метонимическая связь между двумя вариантами представлена достаточно четко: *the place near — the whole body of*. Таким образом, первые толковые словари были похожи на дидактические пособиями для повышения образовательного уровня.

Следующий заметный шаг в исследовании происхождения слов и этимологии был сделан Томасом Блаунтом в 1656 году при создании словаря “*Glossographia: or, A Dictionary, Interpreting the Hard Words of Whatsoever Language, now used in our in our refined English Tongue; with Etymologies, Definitions, and Historical Observations on the same. Also the terms of Divinity, Law, Physick, Mathematicks, War, Music, and other Arts and Sciences explicated. Very useful for all such as desire to understand what they read*”. Из названия словаря видно, что внимание автора направлено на описание слов, характеризующих типы деятельности, которые представлялись в ту эпоху как подobaющие состоятельным и образованным членам общества, и которые, одновременно, требовали определенного уровня подготовки.

В 1673 году вышел словарь Томаса Блаунта (Blount 1673) с дополнениями и исправлениями. В нем представлены попытки толкования многих широко употребляемых слов. Многие дефиниции четко отражают функциональную природу значений слов, и на их основе нам было бы так же легко выявить категориальную структуру соответствующих словесных знаков, как мы это делали в предыдущих главах на основании современных дефиниций. Это свидетельствует о том, что функциональный подход к описанию словесного значения был естественным и практиковался ранними лексикографами интуитивно. Показательными являются дефиниции слов *mountain* и *table*, в которых четко выделяется функциональная природа значения, а, в случае с *table* достаточно последовательно комментируется метонимическая природа производного значения.

Mountain, a vast Heap of Earth, rais'd to a great Height, above the ordinary Level of the Ground. (Blount 1673).

Здесь следует обратить внимание на такие элементы дефиниции как *vast heap; great height above the ordinary level* — все они передают определенное функционально-оценочное отношение и свидетельствуют об интуитивном стремлении лексикографа передать через дефиницию интегральную категориальную основу значения этого слова именно как человеческое переживание.

Table, a well known piece of Household — Stuff for several Uses: as to eat, write upon, etc. It is also taken for the Courses, or Meat serv'd at Meals; as such a one keeps a good Table; i.e. He lives plentifully; there is good eating and Drinking at his House; Also an Index, or Collection of the Heads of Chapters, or principal Matters contain'd in a Book.

In Architecture, Table is a smooth and simple Member of different Figures, but most commonly made in form of a long Square, or of a Triangle. A Projecting Table, is that which jettis out beyond the naked Face of a wall, Pedestal, or any Part whereto it serves as an Ornament; and a Raking — table, is that which is hollowed in the square of a Pedestal, or elsewhere. (Blount 1673).

В дефиниции *table* интересно отметить как ощущение значимости функциональной основы значения (*a well known piece of Household; stuff for several Uses*), так и довольно удачный способ описания метонимических расширений основного варианта значения с помощью фразы *it is also taken for ...* Автор как бы воспроизводит процесс метонимического сдвига и обосновывает его в дефиниции.

9.1.3 Начало современной лексикографической практики: XVIII век

В этот период появились первые словари, которые включали в себя не только сложные слова, но и обычную повседневную лексику. По большей части словари этого периода носили прескриптивный характер, т.е. указывали, устанавливали норму. Возникновение необходимости в представлении языковой нормы с помощью описания значения следует считать третьим этапом в развитии лексикографии. Именно идея о желательном стандарте употребления слов становится

методологической базой для дальнейшего развития интереса к природе значения. Словесное значение впервые становится самостоятельным объектом изучения. Лексикографы стали пытаться систематизировать информацию о слове, давать более полную информацию, указывать этимологию слова (не всегда правильную), иллюстрировать значения слова цитатами. Соответственно, дефиниции стали более развернутыми.

- 1702 John Kersey A New English Dictionary 28,000 words
- 1704 John Harris Lexicon Technicum (or An Universal English Dictionary of Arts and Sciences ...)
- 1706 John Kersey, ed. Philips's New World of English Words 38,000 words
- 1721 Nathan Bailey An Universal Etymological English Dictionary 40,000 words (30 editions 1721–1802), etymology, word stress (1740)
- 1728 Ephraim Chambers Cyclopaedia (or An Universal Dictionary of Arts and Sciences)
- 1730 Nathan Bailey Dictionarium Britannicum 48,000 words
- 1747 Samuel Johnson Plan of a Dictionary of the English Language “to fix the language”
- 1749 Benjamin Martin Lingua Britannica Reformata
- 1755 Samuel Johnson Dictionary 40,000 words
- 1755 Scott et al. eds. A New Universal English Dictionary

Важным этапом в этом процессе стало появление словаря Самуэля Джонсона. План словаря “Plan of a Dictionary of the English Language” появился в августе 1747 года. Для Джонсона основным критерием качества словаря было то, насколько этот словарь мог оказаться полезным для пользователя: “The value of a work must be estimated by its use: it is not enough that a dictionary delights the critic, unless at the same time it instructs the learner”.

С. Джонсон оказался непревзойденным мастером словарных дефиниций, отличавшихся точностью, корректностью и остроумием. Он славился большой смелостью в обработке и подаче материалов словаря, справедливо замечая: “He, whose design includes whatever language can express, must often speak of what he does not understand” (Johnson 1755). С. Джонсон считал, что словарные статьи должны были включать значения в хронологической последовательности, т.е. по мере их появления, чтобы показать исторический процесс развития слов.

Воплотить этот принцип в жизнь, однако, было не всегда возможно, в частности, из-за общего состояния лингвистической науки в тот период времени и из-за постоянно меняющейся позиции автора в процессе работы.

В результате за норму в словаре была принята не языковая практика современников, а словоупотребление и орфография писателей двух предыдущих столетий, пользовавшихся признанием в образованных кругах. В течение 100 лет словарь служил своеобразным кодексом словоупотребления в Англии. Примеры из “A Dictionary of the English Language: in which the words are deduced from their originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writers. To which are prefixed a History of the Language, and an English Grammar” до сих пор могут рассматриваться как структурная основа для многих более поздних дефиниций. Более того, иногда они более последовательно отражают роль человеческого опыта как источника значимости, чем поздние справочники. Показательна, например, структура дефиниции слова *black*, свободная от объективизма, который мы наблюдали в словаре *The Concise Oxford* в главе 7:

BLACK. adj. [blac, Saxon.]

1. Of the colour of night.

In the twilight in the evening, in the black and dark night.

Proverbs.

Aristotle has problems which enquire why the sun makes man black, and not the fire? Why it whitens wax, yet blacks the skin?

Brown.

2. Dark.

The heaven was black with clouds and wind, and there was a great rain.

1 Kings.

3. Cloudy of countenance; sullen.

She hath abated me of half my train; look'd black upon me.

Shakspeare.

4. Horrible; wicked; atrocious.

Either my country never must be freed,
Or I consenting to so black a deed. Dryden.

5. Dismal; mournful.

A dire induction am I witness to;
And will to France, hoping the consequence
Will prove as bitter, black, and tragical.

Shakspeare.

6. Black and blue. The colour of a bruise; a stripe.

Mistress Ford, good heart, is beaten black and blue, that
you cannot see a white spot about her.

Shakspeare's Merry Wives of Windsor.

And, wing'd with speed and fury, flew
To rescue knight from black and blue.

Hudibras.

(Johnson: 1755)

Как видим, здесь нет ни слова о волновой теории. Вместо этого последовательно выявляется связь цветового ощущения со специфическими, обусловленными данным ощущением, характеристиками опыта человека.

Слово *night* Джонсон связывает с ощущением отсутствия света — *night* — the time of darkness, что еще более ярко подчеркивает функционально-оценочное восприятие сущности значения автором словаря.

NIGHT. *n. f.* [*nauts*, Gothick; *nigt*, Saxon; *nuit*, French.]
1. The time of darkness; the time from sun-set to sun-rise.
The duke of Cornwall, and Regan his dutcheſs will be here this *nigt*. *Shakspeare's King Lear.*
In the morning he ſhall devour the prey, and at *nigt* divide the ſpoil. *Genſis*, xlix. 27.
Let them ſleep, let them ſleep on,
'Till this ſtormy *nigt* be gone,
And th' eternal morrow dawn;
Then the curtains will be drawn;
And they waken with that light,
(Whoſe day ſhall never ſleep in *nigt*. *Craſſarus.*

Dire Tisiphone there keeps the ward,
Girt in her languine gown by *night* and day,
Observant of the souls that pass the downward way.

Dr, dr.

2. The end of the day of life ; death.

She clos'd her eyes in everlasting *night*. *Dryden.*

3. State or time of ignorance or obscurity.

When learning after the long Gothick *night*,
Fair o'er the western world diffus'd her light. *Ann.*

4. State of being not understood ; unintelligibility.

Nature and Nature's works lay hid in *night*. *Pope.*

5. It is much used in composition.

Такую же структуру имеет и дефиниция прилагательного *sweet*, которая начинается с выделения ведущего функционального признака значительно более четко, чем мы это наблюдали при анализе соответствующих дефиниций в Главах 2 и 3:

SWEET. adj. [..., Sax. soet, Dut.]

1. Pleasing to any sense.

Sweet expresses the pleasant perceptions of almost every sense: sugar is sweet, but it hath not the same sweetness as musick; nor hath musick the sweetness of a rose, and a sweet prospect differs from them all: not yet have any of these the same sweetness as discourse, counsel, or meditation hath; yet the royal psalmist saith of a man, we took sweet counsel together: and of God, my meditation of him shall be sweet.

Watts.

2. Luscious to the taste.

This honey tasted still is ever sweet.

Davies.

3. Fragrant to the smell.

Balm his foul head with warm distilled waters,
And burn sweet wood, to make the lodging sweet.

Shakspeare.

Where a rainbow hangeth over or toucheth, there
Breatheth a sweet smell: for that this happeneth
but in certain matters which have some sweetness,
which the dew of the rainbow draweth forth.

Bacon.

Shred very small with thyme, sweet-margory, and a
little winter savoury. Walton's Angler.
The balmy zephyrs, silent since her death,
Lament the ceasing of a sweeter breath.

Pope.

The streets with treble voices ring,
To smell the bounteous product, of the spring;
Sweet-smelling flowers, and elder's early bud.

Gay.

4. Melodious to ear.

The dulcimer, all organs of sweet stop.

Milton.

Her speech is grac'd with sweeter sound
Than in another's song is found.

Weller.

No more the streams their murmurs shall forbear,
A sweeter musick than their own to hear;
But tell the reeds, and tell the vocal shore,
Fair Daphne's dead, and musick is no more.

Pope.

5. Pleasing to the eye.

Heav'n bless thee;

Thou hast the sweetest face I ever look'd on.

Shaks.

6. Not salt.

The white of an egg, or blood, mingled with salt
water, gathers the saltness, and maketh the water
sweeter; this may be by adhesion.

Bacon's Nat. Hist.

The sails drop with rain,
Sweet waters mingle with the briny main.

Dryden.

7. Not sour.

Time changeth fruits from more sour to more
sweet,

But contrariwise liquors, even those that are of the juice of fruit, from more sweet to more sour.

Bacon's Natural History.

Trees whose fruit is acid last longer than those whose fruit is sweet.

Bacon.

When metals are dissolved in acid menstruums, and the acids, in conjunction with the metal, act after a different manner, so that the compound has a different taste, much milder than before, and sometimes a sweet one; is it not because the acids adhere to the metallic particles, and thereby lose much of their activity?

Newton's Opticks.

8. Mild; soft; gentle.

Let me report to him

Your sweet dependency, and you shall find

A conqueror that will pray in aid of kindness.

Shaks.

The Pleiades before him danc'd

Shedding sweet influence.

Milton.

Mercy has, could Mercy's self be seen,

No sweeter look than this propitious queen.

Walter.

9. Grateful; pleasing.

Nothing so sweete is as our countrie's earth,

And joy of those, from whom we claime our birth.

Chapman.

Sweet interchange of hill and valley.

Milton.

Enryalus,

Than whom the Trojan host

No fairer face or sweeter air could boast.

Dryd.

10. Not stale; not stinking: as, that meat is sweet.

(Johnson 1755).

Дефиниция *sweet* представляет интерес тем, что первый ЛСВ, по сути, является интуитивно точным воспроизведением

основные особенности словаря Джонсона. Во-первых, определения по большей части очень краткие, а цитаты, идущие следом, могут быть весьма развернутыми. Иногда дается несколько цитат на одно значение слова. Такое введение в структуру дефиниции реальных контекстов для различных вариантов значения является величайшим достижением. Отметим, что в дальнейшем интерес к роли контекста как основного показателя природы значения ослаб и во многих словарях XX века использование иллюстративных примеров становится факультативным в связи с атомарным взглядом на значение слова как отражение основных свойств денотата. В настоящее время происходит возрождение интереса к использованию контекстов как основы для дефиниций.

9.1.4 Словари XVIII–XIX веков

В этот период значительно вырастает объем словарей. Это последний период словарей, создаваемых одним человеком, позже над словарем будет работать целая группа лексикографов и экспертов в различных областях.

- 1757 James Buchanan *Linguae Britannicae*
- 1764 William Johnston *Pronouncing and Spelling Dictionary*
- 1764 John Entick *Spelling Dictionary*
- 1773 William Kenrick *A New Dictionary of the English Language*
- 1780 Thomas Sheridan *A General Dictionary of the English Language* “respelled”
- 1783 Noah Webster *The American Spelling Book* 260 impressions (1783-1843)
- 1791 John Walker *Critical Pronouncing Dictionary and Expositor of the English Language*
- 1818 *Encyclopaedia metropolitana* (cf. OED)
- 1818 Henry Todd, ed. *Johnson’s Dictionary*
- 1820 Albert Chalmers, ed. *Todd-Johnson with Walker’s Pronunciations*
- 1828 Joseph E. Worcester, ed. *Chalmers’s Dictionary*
- 1828 Noah Webster *An American Dictionary of the English Language*

- 1830 Joseph Worcester Comprehensive Pronouncing and Explanatory Dictionary of the English Language
- 1837 Charles Richardson A New Dictionary of the English Language (cf. OED)
- 1841 Noah Webster An American Dictionary of the English Language new edition
- 1846 Joseph Worcester Universal and Critical Dictionary of the English Language
- 1857 Richard Chenevix Trench On Some Deficiencies in Our English Dictionaries (cf. OED)
- 1860 Joseph Worcester A Dictionary of the English Language 104,000 entries
- 1864 Noah Porter, ed. A Dictionary of the English Language
- 1882 Charles Annandale The Century Dictionary
- 1890 Merriam International Dictionary
- 1893 Funk & Wagnalls Standard Dictionary of the English Language

Дефиниции начинают строиться в соответствии с принципами денотативной теории, исходящей из положения о том, что в значениях слов закреплены основные свойства предметов объективной действительности, представленные как набор родовидовых признаков. Именно в этот период ослабевает функционально-ситуативный подход к описанию значения. Происходит становление объективистской методики, которую мы подробно рассмотрели в предыдущих главах. В течение 19 века происходит и постепенное ослабление морализаторско-дидактического характера многих дефиниций слов, использующихся в контекстах, связанных с социально-значимыми видами деятельности.

Этот период также обозначился интересным явлением — «войной словарей» в США. «Война словарей», под которой понималось столкновение мировоззрений и точек зрения на язык двух авторов толковых словарей — Вебстера и Вустера, — а также их соперничество и борьба за читателей, а впоследствии борьба Вустера с целым издательским домом Вебстера, которая шла с 1830-х по 1860-ые годы. Эта «война» велась сразу на нескольких уровнях: личном (переписка между Вебстером и Вустером), издательском и даже общенациональном. Существует точка зрения, что она имела большее

значение для общества и оказала большее влияние на развитие науки, нежели гражданская война в Америке.

Мнение Вебстера, считавшего, что Америка должна развивать свой язык, со своими нормами и стандартами, не разделялось всеми американцами. Некоторые по-прежнему смотрели на Англию, как законодательницу «моды» в языке, политике, религии. Таких людей называли «англофилы» за их любовь к Англии. Одним из них был Джозеф Вустер, который издал в 1827 году в новой редакции «Johnson's English Dictionary, as Improved by Todd, and Abridged by Chalmers; with Walker's Pronouncing Dictionary, Combined» (Worcester 1827). А в 1829 году Вустер сократил словарь Вебстера, убрав из него этимологию многих слов и цитаты. Ввиду того, что этот словарь был куда компактней и дешевле, чем первоначальный вариант словаря Вебстера, он пользовался большей популярностью. В 1830 году Джозеф Вустер издал свой собственный словарь «The Comprehensive Pronouncing and Explanatory Dictionary» (Worcester 1830), добавив новые слова, убрав этимологию, выбрав правописание на границе между тем, что предписывал Вебстер и давал Джонсон, и, обратив особое внимание на произношение, которое было его коньком.

«Войну словарей» можно разделить на два этапа, или раунда. Начало первого этапа обозначилось выходом в свет в 1830-м году словаря Вустера, и последующей за ним статьей Вебстера с обвинениями в плагиате в 1834 году. Закончился первый этап со смертью Вебстера в 1843 году. Во втором раунде Вустер уже соперничал не с одним человеком, а с целым издательством «Мэррием-Вебстер». Конец этого раунда обозначился датой смерти Вустера, а именно 1865 годом.

Очень важно отметить то, что Вебстер рассматривал свой словарь как «руководство морали» (Lodwig R.R., Baret E.F., 1982: 32), а не только как справочное пособие. Он полагал, что, как и Библия², эта книга должна воодушевлять. Благодаря правильно подобранным цитатам она также должна была

² Кстати, в 1833 году он опубликовал свое издание Библии, основываясь на Библии короля Иакова, и используя греческий и древнееврейский переводы Библии, а также другие переводы и комментарии. В своем издании он исправил грамматику Библии короля Иакова, заменил устаревшие слова современными ему и убрал слова, которые показались ему оскорбительными.

развивать патриотические чувства. Когда же Вебстер не мог найти цитату для иллюстрации того или иного слова, он придумывал свои примеры, которые часто были очень религиозными и патриотичными. Например, таковым было определение слова *teachable*:

TE'ACHABLE, a. That may be taught; apt to learn; also, readily receiving instruction; docile. We ought to bring our minds free, unbiased and teachable, to learn our religion from the word of God.

И Вебстер, и Вустер, являясь школьными учителями, были обеспокоены состоянием системы образования. Так, они оба в начале своей карьеры писали учебники для школ, которые пользовались немалой популярностью. Интересно сравнить дефиниции слова *school* в обоих словарях. Мы приводим лишь первый вариант значения, который, по мнению обоих лексикографов, было самым важным и основным:

Вебстер, 1828	Вустер, 1859
SCHOOL, n. 1. A place or house in which persons are instructed in arts, science, languages or any species of learning; or the pupils assembled for instruction. In American usage, school more generally denotes the collective body of pupils in any place of instruction, and under the direction and discipline of one or more teachers. Thus we say, a school consists of fifty pupils. The preceptor has a large school, or a small school. His discipline keeps the school well regulated and quiet.	School, n. 1. A place where instruction is given, or the collective body of pupils; a seminary; an academy, "Both <i>school</i> and university". Milton. Their age the same, their inclinations too, And bred together in one <i>school</i> they grew. Dryden. To sentence a man of true genius to the drudgery of a <i>school</i>, is to put a race-horse in a mill. Colton. In modern usage, the term is applied to any place or establishment of education, as <i>day-schools</i>, <i>boarding-schools</i>, <i>grammar-schools</i>, <i>academies</i>, <i>colleges</i>, <i>universities</i>, etc. but it is generally restricted to place in which elementary instruction is imparted to youths.

	Grammar-school. See Grammar-school. — High school, a school in which the languages and the higher English branches are taught. — Norman school. See Normal. — Ragged school — See Ragged-school. — Sunday school — See Sunday school. — School of art — a class of artists who have learned their art from a certain master, either by receiving his instructions or by studying his works, and therefore resemble him in their manners. Syn. — A <i>school</i> for the rudiments and learning; an <i>academy</i> or <i>seminary</i> for the higher branches. There are <i>common schools</i>, <i>district</i> or <i>free schools</i>, <i>boarding schools</i>, <i>classical</i> and <i>grammar schools</i>, etc. <i>Academy</i>, as a <i>seminary of learning</i>, is a term often applied to the institutions intermediate between a <i>school</i> and a <i>college</i> or <i>university</i>. (Worcester J., 1859: 1284)
--	--

Вебстер дал развернутое определение, в котором указал особенности употребления этого слова в Америке. Для него школа, прежде всего, ассоциировалась с такими словами как *instruction*, *discipline*, *direction*, т.е. местом, где наставляют и поучают, что неудивительно, зная, каким морализатором был Вебстер.

Вустер отказывается от морализаторских элементов в структуре дефиниции и стремится указать на специфическое место слова в комплементарном ряду, обозначенном как ряд синонимов. Различия в двух статьях показывают тенденцию к уходу от морально-наставительного тона в дефинициях, который полностью исчезнет из словарей к концу девятнадцатого века.

Показательными являются и различия в словарных статьях слова *education*.

Вебстер, 1828	Вустер, 1859
EDUCATION, n. The bringing up, as of a child, instruction; formation of manners. Education comprehends all that series of instruction and discipline which is intended to enlighten the understanding, correct the temper, and form the manners and habits of youth, and fit them for usefulness in their future stations. To give children a good education in manners, arts and science, is important; to give them a religious education is indispensable; and an immense responsibility rests on parents and guardians who neglect these duties.	Education, n. The act of educating, the act of developing and cultivating the various physical, intellectual, and moral faculties; formation of the manners and improvement of the mind; instruction; tuition; nurture; breeding. Education, in the most extensive sense of the word, may comprehend every preparation that is made in our youth for the sequel of our lives. Paley. Syn. — <i>Education</i> includes instruction, moral discipline, and the whole training made use of for improving the mind and forming the character and manners and it belongs appropriately to children and youth. <i>Breeding</i> respects especially the manners and outward conduct in the early part of life. <i>Instruction</i> in the communication of knowledge in literature, science, business, etc. <i>Tuition</i> in the act of teaching pupils, nurture, the training of children. (Worcester J., 1859: 464).

И Вебстер, и Вустер отразили в словарных статьях важность и необходимость образования для общества, но морализаторские качества Вебстера нашли своё отражение в замечании о том, что родители и наставники пренебрегают своими обязанностями в деле воспитания детей (To give children a good education in manners, arts and science, is important; to give them a religious education is indispensable; and an immense responsibility rests on parents and guardians who neglect these duties.). Этот пример еще раз подчеркивает, как прочитывается позиция автора в словарных дефинициях и насколько сильны дидактические возможности словаря, что очень соответствовало времени и отвечало запросам общества.

Вебстер был одним из ярых сторонников реформы правописания. Его имя ассоциировалось у многих с этой реформой.

Но стоит помнить о том, что он не был первым, кто попытался реформировать консервативную английскую орфографию, до него это делали и Сэмюель Джонсон, и Каледб Александер.

Вебстер боролся за эту реформу из патриотических чувств. Он считал, что язык новой страны, новой нации, Соединенных Штатов, должен отличаться от языка Великобритании во всех его проявлениях. В идеале он бы хотел, чтобы это был совершенно другой, новый язык. Вустер, напротив, считал, что нужно ориентироваться на Англию в сфере написания слов. Однако со временем и он был вынужден принять некоторые варианты нового написания, что, как мы можем судить, отразило общую тенденцию того времени.

Изменения в написании английских слов, предложенные Вебстером, можно свести в следующую таблицу. Также таблица показывает, какие изменения были приняты Вустером, а от каких он предпочел отказаться.

Английское литературное написание на момент 1828 года	Вебстер, 1828	Вустер, 1859
1. musick, physick, logick	music, physic, logic	Останавливался на варианте «music»
2. theatre, metre, scepter	theater, meter, scepter	Признавал, что иногда писалось как theater, meter, scepter, но вариант theatre, metre, sceptre предпочтителен, так как таким образом писало большинство.
3. honour, favour, saviour	honor, favor, savior	Останавливался на варианте «honor»
4. cheque, masque, risqué	check, mask, risk	Давал два варианта

5. a. defence, recompence, offence b. defensive, pretencive, recompencing	a. defense, recompense, offense b. defensive, pretensive, recompensing	Давал два варианта
6. skeptic	sceptic	По его мнению, в данном случае было трудно определить, какой вариант предпочтителен.
7. determine, examine, doctrine, medicine	determin, examin, doctrin, medicin	Придерживался английского варианта
8. weather tongue thumb	wether tung thum	Придерживался английского варианта
9. ache screen	ake skreen	Придерживался английского варианта
10. epitome, catastrophe, apostrophe	epitomy, catastrophe, apostrophy	Придерживался английского варианта
11. though plough sleigh porpoise	thou plow sley propess	Давал двойное написание
12. travelling, labelling	traveling, labeling	Упоминал об изменении у Вебстера, но считал, что по аналогии лучше всё-таки удваивать «l», кроме того, так писало большинство.

13. apologise, patronose	apologize, patronize,	Слова, заимствованные из греческого, писал с «ize» (agonize, characterize, anatomize); слова, заимствованные из французского, — с «ise» (chastise, enterprise, compromise).
14. mould, moult	mold, molt	Придерживался английского варианта
15. fulfill, skillful, willful	fulfil, skilful, wilful	Придерживался варианта Вебстера.

С помощью этих примеров мы можем увидеть, как языковая ситуация определенного периода времени находила свое отражение в словаре, как потом лексикограф вводил новые стандарты, некоторые из которых приживались, и входили в словарь последующих лексикографов как норма.

На момент написания Вебстером словаря (1828 год), большинство людей опускали *u* в таких словах как *honor*, что и нашло своё отражение в словаре. В тоже время, Вебстер ввёл свои изменения, например, опускать *k* на конце таких слов как *music*. Общество приняло это изменение, и в словарь Вустера в 1859 года оно входило как литературная норма.

Из этих примеров можно увидеть, что некоторые новые варианты написания прижились и стали современной литературной нормой не только в американском английском, но и в британском (*music, physic, logic*), другие закрепились как вариант американского английского (*theater, meter, scepter, honor, favor, savior, check, mask, risk*), третьи совсем не прижились в языке (*determin, examin, doctrin, medicin, wether, tung, thum, ake, skreen*), что означает, что общество не приняло таких изменений.

В начале и середине 19 века появляется большое количество словарей американизмов, фиксирующих различия двух языков. Одним из таких словарей был словарь Джона Расселла Бартлета, вышедший в Бостоне в 1859 году, — “Dictionary of Americanisms. A Glossary of Words and Phrases usually regarded as peculiar to the United States”. Интересно, что в данном словаре те семантические признаки, которые отличают отдельные слова от их соответствий в британском английском, оцениваются отрицательно, как проявление косности или «неправильного» или «нелогичного» выражения мысли (Bartlett 1859). Все это свидетельствует о том, что представление о норме часто способно вступать в прямой конфликт с реальным бытием языковой системы. Приведем несколько таких дефиниций:

Beau. This word, nearly obsolete in England, is in common use with us to mean a lover, sweetheart.

Beautiful. Excellent, applied to articles of food; as, “beautiful butter”, “beautiful rolls.” This absurd use of the term is by no means confined to the illiterate. The word *elegant* is less frequently abused in the same manner.

Climb Down. To climb, is to ascend, to mount, to rise; but in no sense to descend. Yet we sometimes find it used with the latter signification. Thus, Mr. H. Ward Beecher, in describing his visit to Oxford, says:

To *climb down* the wall was easy enough, too easy for a man who did not love wetting.

And again —

I partly *climbed down*, and wholly clambered back again, satisfied that it was easier to get myself in, than to get the flowers out. — *Star Papers*, p. 41.

In, for *into*. Mr. Coleman, in remarking upon the prevalence of this inaccuracy in New York, says: “We get *in* the stage, and have the rheumatism *into* our knees.” — N.Y. *Evening Post*, Jan. 6, 1814. An observing English friend at Philadelphia also speaks of its frequent use there in the following terms: “The preposition *into* is almost unknown here. They say, ‘When did you come *in* town?’ ‘I met him riding *in* town.’” — Pickering.

Сейчас, в эпоху глобализации, когда английский язык становится все больше и больше языком интернациональным, а американский вариант все более и более сильным благодаря

политической, экономической и социальной позиции США и более глубокому проникновению влияния американского образа жизни и мысли в другие культуры, подобные оценки воспринимаются как архаизмы, а разница между американским английским и британским английским становится все менее четкой. Современные словари все чаще показывают два (или больше) равноправных варианта произношения, написания и толкования, с учетом обеих языковых традиций.

9.1.2 Словари XX века

В этот период наблюдается господство методик описания значения, разработанных в рамках денотативной теории.

- 1909 Merriam International Dictionary
- 1913 Funk & Wagnalls New Standard Dictionary of the English Language 450,000
- 1927 The New Century Dictionary
- 1928 Oxford English Dictionary 1888–1928, 1933
- 1934 Webster's New International Dictionary 600,000
- 1938 Irving Lorge & Edward Thorndike A Semantic Count of English Words
- 1947 American College Dictionary 132,000
- 1947 Funk & Wagnalls New College Standard 145,000
- 1953 David Guralnik & Joseph Friend Webster's New World Dictionary of the American Language
- 1961 Philip Babcock Gove, ed. Webster's Third New International Dictionary 450,000 entries (100,000 new)
- 1963 Philip Babcock Gove, ed. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary
- 1966 Random House The Random House Dictionary of the English Language
- 1968 Random House Random House Dictionary, College Edition (Random House College Dictionary) 155,000
- 1969 American Heritage Dictionary
- 1973 Webster's New Collegiate Dictionary
- 1983 Webster's Ninth New Collegiate Dictionary 160,000

Это период господства объективизма и идеи о предметности и денотатах. Именно статьи из словарей данного типа использовались нами в предыдущих главах. Особенно ярко

объективистская сущность дефиниций в словарях этого периода проявляется, если сравнить дефиниции такого слова как *black* в любом словаре данной группы с дефиницией из словаря Джонсона. Возьмем словарь *The Shorter Oxford Dictionary* – сокращенный вариант *The Oxford English Dictionary* (*The Shorter Oxford Dictionary*. London. 1970). В этом словаре *black* определяется как 1. *As a colour pertaining to objects, even in full light: Absorbing all light.* Как видим, в основу дефиниции положены сведения из оптики. Значение слова выводится из теории светопоглощения. Из дефиниции принципиально выведена всякая связь с человеческим восприятием.

9.2 Современные лексикографические источники

Практически все современные словари выходят также в онлайн формате, некоторые только в нем и существуют. Этот формат обладает рядом преимуществ, он позволяет постоянно редактировать словарь, вносить изменения в дефиниции, добавлять новые слова, удалять устаревшие слова. К сожалению, вносимые изменения являются часто коммерческой тайной, т.е. пользователя не ставят в известность, когда дефиниция слова меняется. Пользователь может лишь сравнивать статьи с печатным аналогом, если таковой имеется. В отличие от печатного аналога, который сразу же после выхода становится по определению устаревшим, так как язык не стоит на месте, онлайн словари могут быть максимально современными. Стоит отметить, что доступ к сокращенным онлайн изданиям практически для всех словарей бесплатный, а для несокращенных изданий – платный.

Здесь мы приводим список онлайн ресурсов, которые предоставляют доступ к наиболее известным англоязычным толковым словарям в электронном формате:

<http://www.collinsdictionary.com/>

<http://www.macmillandictionary.com/>

<http://oxforddictionaries.com/>

<http://www.merriam-webster.com/>

<http://dictionary.cambridge.org/>

<http://www.ldoceonline.com/>
<http://www.collinsdictionary.com/>

9.2.1 Корпусы

Электронные корпусы произвели качественный сдвиг в подходе к словарному описанию словесного значения. Они обеспечивают исследователей возможностью легко выделять однотипные контексты и на их основании более точно описать значение различных слов. Появление языковых корпусов обеспечивает лингвистов материалом, который позволяет практически описывать значение слова как его использование в языке. Возможности электронных баз данных дают более надежную и четкую информацию о наиболее частотных контекстах, которые и используются как формальные критерии для составления словарных дефиниций вариантов значения слова.

Сегодня корпусы используются как основа для составления словарей. «Корпус — это сборник кусочков текста в электронной форме, выбранных в соответствии с различными критериями, чтобы представить насколько это возможно язык или языковую вариативность как источник информации для лингвистического исследования» (Синклер 2005: 16). На сегодняшний день наиболее используемыми англоязычными корпусами являются British National Corpus (BNC), The Bank of English (COBUILD Corpus), Corpus of Contemporary American English (COCA) и Corpus of Historical American English (COHA).

Стоит отметить разницу между самими корпусами и системами описания словесных значений на материале того или иного корпуса. Корпуса фокусируются на сборе примеров, принципах создания сбалансированных баз данных и различных технических способах группировки слов. К таковым относятся, например, выделение различных жанров речи, отнесенность примеров по годам, алгоритмы выделения наиболее частотных слов в окружении запрашиваемого слова, разметка частей речи, алгоритмы нахождения сочетаемости слов и т.д. Примерами могут быть COCA, COHA, Time

Corpus. Системы описания значения слов на основе корпусов, такие как FrameNet, идут дальше, пытаются проанализировать материал корпуса и дать полное описание значения слова, т. е. дефиницию наподобие словарной.

Насколько полно и точно современные словари отражают материалы корпусов и как анализ материалов корпуса может помочь написать более четкую дефиницию слова? На этот вопрос мы попытаемся ответить, проанализировав принципы составления нескольких отдельных корпусов и систем описания словесных значений, а также возможности их использования в исследовательской работе.

9.2.1.1 BNC

Британский национальный корпус (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>) — это сборник 100 миллионов примеров письменного и разговорного языка из различных источников, которые представляют британский английский второй половины XX века.

Письменная часть корпуса (90%) включает в себя отрывки из местных и национальных газет, журналов для всех возрастов и интересов, научной литературы, популярной художественной литературы, опубликованных и неопубликованных писем, школьных и университетских сочинений и других типов текста. Разговорная часть (10%) включает в себя диалоги в неформальной обстановке (записанные волонтерами разных возрастов, из разных регионов страны, принадлежащими к разным социальным классам), а также записи разговорного языка в различных контекстах, от формальных деловых переговоров и правительственных встреч до радио программ.

Работа над корпусом началась в 1991 году и была завершена в 1994 году. После завершения проекта тексты в корпус не добавлялись. Т.е. на сегодняшний день этот корпус является несколько устаревшим.

В отличие от корпусов COCA или COHA, BNC является синхронным корпусом, т.е. год примера не указывается. Нельзя просмотреть данные за какой-то определенный год

или проследить изменения значения слова от года к году. Еще в отличие от COCA или COHA BNC предоставляет полный доступ ко всем примерам только на платной основе. Бесплатно корпус позволяет только делать случайные выборки по 50 примеров на одно слово. Т.е. если всего в корпусе порядка 60 примеров на это слово, то пользователь получает практически полную картину употребления слова. Если же в корпусе более 1000 примеров на данное слово, то пользователю трудно получить системную картину словоупотребления, и возможности статистической обработки таких данных ограничены.

9.2.1.2 COCA

Современный корпус американского варианта английского языка был создан Марком Дэвисом из Университета Бригама Янга. Корпус содержит 425 миллионов слов текста и включает в себя тексты с 1990 по 2011 год, отсортированные по годам. Можно отследить изменение значения слова год за годом или за определенный период, например, за последние 5 или 10 лет. Правда, списки самых частотных слов для определенного периода все равно требуют обращения к развернутому тексту примеров.

Как заявлено в описании корпуса, «в корпусе равноценно представлены художественная литература, газеты, журналы, академические тексты и разговорная речь» (Davies, Mark. (2008-) *The Corpus of Contemporary American English: 450 million words, 1990-present*. Available online at <http://corpus.byu.edu/coca/>). Корпус позволяет искать примеры не только на отдельное слово, но и на словосочетания и определенную форму слова. Кроме того, можно посмотреть какие прилагательные встречаются наиболее часто с запрашиваемым словом, а также какие слова встречаются наиболее часто до и после слова в пределах 10 слов. Можно регулировать уровень частотности, но с этим нужно быть очень аккуратным, так как цифры будут меняться в зависимости от заданных параметров. Так, если поставить высокий уровень частотности, то отпадут вспомогательные слова — артикли, вспомогательные глаголы, местоимения, что хорошо, если необходимо

узнать, какие существительные, прилагательные и значимые глаголы встречаются наиболее часто, но плохо, так как это дает неполную картину. Для полноценного выделения значения слова необходимо пользоваться развернутыми текстами примеров, и учитывать все факторы, такие как год появления текста, жанр текста, слова-маркеры контекста.

Для того чтобы проиллюстрировать общие принципы работы с корпусом приведем наблюдения над характером использования слова *patriotism* в данном корпусе по сравнению с его описанием в постоянно-редактируемом онлайн-издании словаря серии Merriam-Webster (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/patriot>). В корпусе зарегистрировано 2304 примера употребления слова *patriotism*. Слово *patriotism* выбрано случайно как пример для анализа корпуса американского варианта английского языка. Это слово является ключевым для американской культуры, а значит одним из наиболее интересных в плане анализа.

В современном онлайн издании словаря мы находим следующее определение слова *patriotism*: *love for or devotion to one's country. You may not agree with him politically, but no one can question his patriotism. They supported the war with a fierce patriotism* (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/patriotism>).

Построение словарной дефиниции указывает на полисемию слова *patriotism*, маркированную союзом *or* — традиция, восходящая к средневековым словарям. Таким образом, согласно словарю, при употреблении слова *patriotism* реализуется один из двух компонентов: *love for* или *devotion to*. Из дефиниции не ясно, чем ЛСВ *love for* отличается от *devotion to*.

Можно воспользоваться материалами корпуса СОСА для того, чтобы проанализировать особенности сочетания “*love for one's country*”, особенно в сравнении с “*love of one's country*”. Всего словосочетание *love of country* встречается в корпусе 138 раз, а *love for country* 45 раз, т.е. в три раза реже. Авторы словаря почему-то выбирают более редко употребляемое словосочетание для использования в дефиниции.

Анализ сочетаемости *love of* и *love for* по современному корпусу показал, что словосочетание *love of* (всего 5535 примеров в корпусе) указывает на более рациональное переживание и наиболее часто употребляется со словами *life* (530

примеров), God (373 примера), music (156 примеров), country (138 примеров) и game (137 примеров).

Словосочетание love for зарегистрировано в корпусе 3991 раз. Оно указывает на более иррациональное переживание и наиболее часто употребляется с именами собственными и местоимениями, их заменяющими: her (269 примеров), him (156 примеров), each other (106 примеров), me (106 примеров).

Рассмотрим пример со словосочетанием love of country: «2001 (20010923) How Do You Explain September 11 Attacks to Your Children? CNN_SunMorn

This school is stressing the need to pull together, being better helpers, talking about patriotism, about love of country, and being guardians of its future».

В данном примере слово patriotism и словосочетание love of country использованы для выражения готовности соотносить свои действия с приверженностью определенным общественным идеалам.

Рассмотрим пример со словосочетанием love for country: «1995 (19951108) Text of Powell's Announcement Not To Run for President ABC_Breaking

I have a deep love for this country that has no bounds».

В данном примере словосочетание love for country использовано для обозначения всепоглощающего чувства, выходящего за рамки рациональных суждений.

Таким образом, авторы словаря рассматривают слово patriotism как иррациональное переживание, видимо, считая именно этот компонент значения слова patriotism наиболее важным и значимым. Но при этом авторы словаря игнорируют рациональный компонент значения слова patriotism, который, как мы увидим далее, зафиксирован в корпусе как более частотный.

Словосочетание devotion to country зарегистрировано в корпусе 10 раз. Слово devotion встречается в пределах 5 слов до и после слова patriotism всего 4 раза.

Рассмотрим пример на словосочетание devotion to country: «2004 (20040530) Letters from the Front; Letters from soldiers killed in Iraq NBC_Dateline

They were written by men and women in Iraq who gave that last full measure of **devotion to the country** and families they loved».

Словосочетание *devotion to the country* использовано в данном примере для выражения сильной положительной эмоции по отношению к своей стране. Интересно, что семья и страна стоят в одном ряду.

Теперь рассмотрим то, каким образом общее описание значения слова, предложенное в дефиниции, подкрепляется примерами. Словарь приводит всего два примера на употребление данного слова.

Первый пример, приведенный в словаре на слово *patriotism*, — это словосочетание *question one's patriotism* (37 примеров в корпусе): *You may not agree with him politically, but no one can question his patriotism*. Этот пример отражает типичный контекст для слова *patriotism*, контекст политической деятельности, причем слово *patriotism* используется как безусловно положительное качество индивида, выраженное в приверженности к базовым политическим идеалам, но стоящее над политической деятельностью, над спорами и разногласиями, возникающими в области политики. Это же подтверждают и другие примеры из корпуса:

«2006 (20060822) NEWS; Pg. A1 Title Bush defends policy: ^We^re not leaving, so long as I^m president^; Marc Sandalow, Washington Bureau Chief San Francisco Chronicle

Bush was careful to say he did not question the patriotism of those who oppose his policy, saying “ they’re just as American as I am. “ # “ I just happen to strongly disagree with them».

Речь в данном примере идет о США (Bush, American). Слово *patriotism* использовано в политическом контексте (policy). При этом человек, испытывающий чувство патриотизма, не обязательно должен соглашаться с политической государственной (those who oppose his policy). В этом примере идет указание на такие американские ценности как свобода слова и право на собственное мнение (they’re just as American as I am # I just happen to strongly disagree with them).

Первый пример словаря и соответствующие ему примеры корпуса не попадают под дефиницию *love for or devotion to*, потому что *love for or devotion to* указывают на иррациональный компонент значения, в то время как слово *patriotism* в данном контексте обозначает логически-структурированное осознание выполнения гражданского долга.

Второй пример из словаря (They supported the war with a fierce patriotism) указывает на военный контекст и положительное отношение субъекта к осуществляемым государством военным действиям (маркеры war и fierce). Слово patriotism использовано для обозначения иррационального переживания, слово fierce использовано для обозначения источника положительной мотивации в ситуации конфронтационного конфликта.

В корпусе зарегистрировано 4 примера со словосочетанием fierce patriotism. Рассмотрим один из примеров:

«1991 (Dec) Vol. 22 Issue 9, p16, 3p, 1bw Around the Mall and beyond. Park, Edwards Smithsonian

Driven by fierce patriotism, he flew to France in August 1914 with a Lewis machine gun lashed on his feeble Farman two-seater. With it, he tried to attack the first enemy he saw but found his crate was too overloaded to climb higher than 3,500 feet. The Germans, going about their business at 5,000 feet, were apparently unaware of Strange as his gunner angrily sprayed the sky with bullets.»

По структуре этот пример совпадает с примером из словаря. В данном примере подчеркивается иррациональная природа действий главного героя, что демонстрируется такими маркерами как feeble Farman two-seater, too overloaded to climb higher than 3,500 feet. Однако в корпусе помимо примеров с положительной оценкой словосочетания fierce patriotism содержится и пример, в котором данное словосочетание имеет негативную оценочную функцию:

«1990 (Nov5) Vol. 109 Issue 18, p40, 3p, 3c Born to rule, bred to lose. MacFarquhar, E. U.S. News & World Report

The mood of **fierce patriotism** whipped up by irresponsible politicians on both sides augurs hard bargaining ahead over terms for freeing up U.S. aid, now barred because of advances this year in Pakistan's nuclear-weapons program».

В этом контексте слово patriotism теряет свой положительный оценочный потенциал за счет маркеров whipped up, irresponsible politicians. Итак, мы снова видим, что корпус предлагает нам несколько иную картину значения слова patriotism, чем та, которую описывает словарная дефиниция. В корпусе зарегистрировано 52 случая употребления слова war в пределах 5 слов до и после слова patriotism.

«1991 (19910421) AFTER THE WAR;Pride in Victory Lingers, if Clouded by Middle East Chaos and Kurds' Agony New York Times

“During the **war**, I was affected by all the patriotism and agreed that the war was necessary, “ said Josie Valderrama, a 17-year-old high school student in Los Angeles. “ Now I think: ‘ What’s so great about what we did? We wiped out an army that didn’t have a chance in the first place.’ “».

В данном примере слово patriotism обозначает сильное переживание, могущее подвигнуть человека на необдуманные поступки, о которых он впоследствии может сожалеть (маркер affected by all the patriotism). Всего в корпусе зарегистрировано 106 примеров употребления определенного артикля перед словом patriotism из 2304 примеров, т.е. это употребление не является характерным.

Таким образом, мы можем наблюдать непоследовательность словарной дефиниции при описании структуры значения слова patriotism. По словарю, это слово означает положительное иррациональное переживание. Однако согласно первому примеру, приводимому в словаре, слово patriotism — это стабильная рациональная база, необходимая для всякой политической деятельности. То есть, первый пример вступает в противоречие с предлагаемой словарем дефиницией. А согласно второму примеру, patriotism — это иррациональная готовность поддержать государство в ситуации военного конфликта. Таким образом, словарная дефиниция не до конца последовательна: примеры явно указывают на более сложную структуру значения, чем та, которую предлагает словарь.

Корпус подтверждает, что примеры из словаря представляют собой регулярные контексты слова patriotism, и указывает на существование еще одного ЛСВ, не зафиксированного словарем, а также на особенности употребления данного слова, которые также не находят отражения в словарной дефиниции.

Рассмотрим один из примеров корпуса, в котором реализуется третий ЛСВ слова patriotism, не указанный в словаре: «After September 11th, we went out to try to find a flag so we could show **our** patriotism and our support of the victims, and we couldn’t find one, so we ended up painting the entire front of our house as the American flag».

Слово *patriotism* обозначает готовность исполнять определенные ритуалы, связанные с использованием государственных символов (маркер *went out to try to find a flag*). Этот характерный для корпуса ЛСВ слова *patriotism* не описан в словаре, данный тип ситуации не соответствует ни первому, ни второму примеру, которые в словаре приводятся. Этот компонент значения воспринимается оценочно-амбивалентно носителями языка. Именно с этим контекстом связан ценностный конфликт, широко отраженный в карикатурах и художественной литературе. Можно привести еще два примера из корпуса, которые свидетельствуют о данном конфликте:

«Many of our “real Americans” who publicly spout their patriotism and religiosity hide behind God and the flag to cover up the fact that their greedy, partisan (and indeed, un-American) deeds represent their real agendas»

«Actual American people showed up, ladies and gentlemen. And they’re waving the flag, proud to illustrate their patriotism. But they weren’t there with the Democrats when they conducted their own hearings. I mean -- and it’s so illustrative. These people are on the outside. They are all wet. They are out in the rain. They are so out of the mainstream now. They make fools of themselves. And they do it on purpose. The Republicans didn’t schedule any of that».

Типичными маркерами этого контекста являются the nation significantly embraced the flag as a symbol of American patriotism; to fly the flag more ostentatiously; wearing flag pins; wear an American flag; hang the flag; wear red, white and blue; say “I love America”; take patriotism to new length with red, white and blue silk tie; don’t burn that flag kid. Someday you may want to wrap yourself in it; a maple-leaf-on-the-sleeve style of patriotism; flag-waving displays of patriotism; in a fit of patriotism Big Tom has built a twenty-foot replica of the Statue of Liberty.

Итак, корпус указывает на существование трех ЛСВ в слове *patriotism*: готовность руководствоваться в политической деятельности базовыми политическими идеалами; готовность безоговорочно поддерживать действия своего государства; готовность к демонстративному исполнению ритуалов, связанных с символами государства. Третий ЛСВ не зафиксирован словарем. По материалам корпуса мы также видим, что слово *patriotism* может выступать как с положительной,

так и с отрицательной оценкой. Слово *patriotism* наиболее часто встречается в контексте обсуждения американского опыта, а не в контексте обсуждения опыта других стран.

В идеале, современная методика составления словарных дефиниций предполагает обобщение материалов корпуса, но в данном случае мы наблюдаем расхождение между данными корпуса и представлением слова в словаре. Словарь лишь выхватил несколько компонентов значения слова *patriotism*, причем два из этих компонентов были показаны не с помощью текста определения, а с помощью примеров. Текст определения является слишком общим и абстрактным. Более подробный анализ корпуса позволил бы написать более конкретную дефиницию, которая бы адекватно отражала полисемию слова *patriotism*.

9.2.1.3 СОНА

Исторический корпус американского варианта английского языка является самым большим структурированным историческим корпусом английского языка. Он был также создан Марком Дэвисом. Корпус содержит 400 миллионов слов текста с 1810 по 2009 год. Соответственно можно проследить, как значение и употребление слов менялось с течением времени. В целом корпус обладает такими же функциями, как и СОСА.

Мы рассмотрим словесный знак *patriot* как существительное и прилагательное в словаре Вебстера 1828 года «*An American Dictionary of the English Language*» и сравним дефиниции из данного словаря с материалами исторического корпуса американского варианта английского языка за 1828 год, чтобы проанализировать характер связи между ценностными суждениями и значением ключевого для американской культуры слова *patriot* (Wierzbicka 1997: 316).

Важно сразу же сказать, что Вебстер отдельно выделял *patriot* как существительное и как прилагательное: «*PAT'RIOT, n. A person who loves his country, and zealously supports and defends it and its interests. Such tears as patriots shed for dying laws. PAT'RIOT, a. Patriotic; devoted to the welfare of one's country; as*

patriot zeal» (<http://1828.mshaffer.com/d/search/word,patriot>). Таким образом, Вебстер рассматривал эти слова как мотивированные омонимы.

В дефиниции patriot как существительного присутствуют следующие ключевые элементы: любовь к своей стране (A person who loves his country), которая может проявляться как в защите своей страны от вторжения (defends it), т.е. военный контекст; так и в защите и поддержании интересов, законов и порядков страны (supports and defends it and its interests), т.е. политический контекст. Структура loves..., and ... supports and defends... предполагает не только наличие военного и политического контекстов, но и других контекстов, ввиду того, что глагол love обладает широким значением. Но то, что военный контекст и контекст политической деятельности выделены отдельно, говорит об их большей значимости и распристраниченности.

В словаре приводится следующий пример на слово patriot: Such tears as patriots shed for dying laws указывает на особую значимость контекста законодательной деятельности для сферы применения слова patriot (маркер laws). Существительное patriot употребляется для описания человека-гражданина, которому не безразличны законы страны, и который готов бороться за их совершенствование и функционирование. Этот пример идет без указания источника, что может свидетельствовать или о том, что Вебстер сам придумал этот пример, или о том, что автор цитаты был не указан. В данном случае Вебстер не указал автора цитаты Александра Поупа, английского поэта 18 века. Александр Поуп написал эти строки в прологе к трагедии «*Катон*» Джозефа Аддисона (Addison 2004). Одной из центральных тем этой трагедии является индивидуальная свобода против тирании правительства, республиканизм против монархизма, логика против чувств. Эта пьеса оказала большое влияние на политическую мысль в американских колониях. В этом примере прослеживается связь с американскими ценностями, одной из этих ценностей являются законы (laws). О законах речь шла в Декларации Независимости (1776), ключевом документе в истории США. Текст Декларации Независимости построен по следующему принципу: за вводной частью следует перечисление законов (laws), которые нарушил король Британии. Причем это не

просто законы, это законы данные Богом (endowed by their Creator) (<http://www.earlyamerica.com/earlyamerica/freedom/doi/text.html>). Таким образом, для американцев очень важно сохранять законы в их первоизданном виде. На тот момент патриотами называли себя жители 13 колоний, восставшие против контроля со стороны Британии во время американской революции. Но почему это специфическое для США употребление не было указано Вебстером, остается загадкой.

Прилагательное patriot определяется в словаре Вебстера следующим образом: «PAT'RIOT, а. Patriotic; devoted to the welfare of one's country; as patriot zeal» (<http://1828.mshaffer.com/d/search/word,patriot>). Данная дефиниция состоит из двух компонентов. Первый компонент отсылает нас к слову patriotic, что указывает на то, что слова patriot и patriotic были синонимами. У прилагательного patriotic в словаре Вебстера выделено два значения: «PATRIOT'IC, а. 1. Full of patriotism; actuated by the love of one's country; as a patriotic hero or statesman. 2. Inspired by the love of one's country; directed to the public safety and welfare; as patriotic zeal» (<http://1828.mshaffer.com/d/search/word,patriot>). На какое из этих двух значений ссылается Вебстер при описании прилагательного patriot не очень понятно, поскольку они очень близки. Но, скорее всего, имеется в виду второе значение, так как в словаре приводятся очень похожие примеры: patriot zeal для слова patriot и patriotic zeal для слова patriotic. Эти примеры свидетельствуют о возможности взаимозаменяемости рассматриваемых слов; правда, в словаре не указывается, была ли какая-то стилистическая разница между этими примерами. Кроме того, на то, что Вебстер отсылает нас именно ко второму значению слова patriotic, указывает наличие компонента welfare в обеих дефинициях. Это говорит о том, что оба слова употреблялись в контексте политической деятельности.

Второй компонент в описании слова patriot — devoted to the welfare of one's country — помогает раскрыть первый компонент и указывает на контекст политической деятельности, а также на активную вовлеченность человека, обозначенного прилагательным patriot в действия, нацеленные на улучшение благосостояния своей страны. Благосостояние (welfare) — это одна из ценностей американского общества. Обратимся к тому, как Вебстер определял слово welfare: «WELFARE, н. 2. Exemption

from any unusual evil or calamity; the enjoyment of peace and prosperity, or the ordinary blessings of society and civil government; applied to states» (6). В этом определении важна роль правительства в деле мира и процветания. Это определение отражает идеи, описанные в Декларации Независимости: «We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are life, liberty and the pursuit of happiness. That to secure these rights, governments are instituted among men, deriving their just powers from the consent of the governed» (<http://www.earlyamerica.com/earlyamerica/freedom/doi/text.html>). Важно, что в структуре значения прилагательного patriot, которую дает словарь, не встретился военный контекст.

Теперь обратимся к корпусу и проследим, какие примеры употребления существительного и прилагательного patriot были зарегистрированы в историческом корпусе американского варианта английского языка (СОНА – Corpus of Historical American English) (Davies, Mark. (2010-) The Corpus of Historical American English: 400 million words, 1810–2009. Available online at <http://corpus.byu.edu/coha/>).

На 1828 год в корпусе зарегистрирован 141 пример употребления существительного и прилагательного patriot. Из них 87 (62%) (49 для существительного, 38 для прилагательного) примера взяты из художественной литературы, 57 (38%) (47 для существительного, 10 для прилагательного) из публицистической литературы. Из 141 примера, 91 пример – это примеры употребления словесного знака patriot как существительного и 50 примеров – как прилагательного. Т.е. слово patriot как существительное почти в два раза частотней, чем слово patriot как прилагательное. Мы рассмотрим сначала использование в корпусе прилагательного patriot, а затем омонимичного ему существительного.

Обратимся к примерам из корпуса на прилагательное patriot. Все 10 примеров из публицистической литературы относятся к контексту вооруженной борьбы. Это можно объяснить тем, что все приведенные примеры – это описания каких-то исторических военных событий, в которых немалую роль играло правительство:

«СОНА:1823:MAG NorthAmRev and all the odious abuses of the ancient government were reestablished in their former vigor.

The principal members of the cortes, the patriot generals and their supporters were thrown into prison, to the number of more than four thousand, and the gallies, castles, and dungeons, the garrotte and inquisition, were all put in requisition to punish those, who had been so audacious as to assert the independence of Spain»

Маркерами данного контекста из этого и других примеров являются для обозначения людей или групп людей *patriot generals, patriot King, patriot band, patriot government, patriot party, patriot Greek, patriot troops, patriot forces*; для обозначения исторических военных событий *unmerited prosecution of the most distinguished leaders and gallant generals of the patriot party, supporters were thrown into prison, that revolt and rebellion against organized power and settled government*. At the commencement of the revolution he joined the *patriot party*.

Все 10 примеров описывают ситуацию революции, разворачивающуюся за пределами США. В одном примере США упоминаются как идеальное государство, служащее моделью для другого государства:

«COHA:1826:MAG:NorthAmRev: Constitution of Colombia: In the constitution of the United States, enumeration grants power; while, in that of Colombia, enumeration fixes the boundaries of a grant otherwise unlimited. The patriots, who were assembled to frame a government for the Colombian Republic, met at a moment of anxious trial. The enemy was within the country; the patriot troops were unsubdued, but they were undisciplined and unpaid; the treasury was empty, and credit there was none... From within, they had no // experience but what seemed to guide, and even to drive them to consolidation; from without, they had the light, which the constitution of the United States gave them» (Davies, Mark. (2010-) The Corpus of Historical American English: 400 million words, 1810-2009. Available online at <http://corpus.byu.edu/coha/>.)

В данном примере США представлены как идеальное государство, которое обладает идеальным документом (the constitution of the United States), по образу и подобию которого могут создаваться ключевые документы других стран (Colombia). Таким образом, прилагательное *patriot* используется для описания людей или групп людей, участвующих в вооруженной борьбе и революциях за пределами США.

Напомним, что эта особенность использования прилагательного patriot никак не была обозначена в словаре.

Все 38 примеров из художественной литературы относятся к одному и тому же типу контекста, а именно к военному контексту (warlike instruments, invader).

«COHA:1815:FIC BattleNewOrleans Now, let your warlike instruments proclaim to the high heavens your this day's worthy deeds , and the blue concave echo to the world, the noble daring of the patriot band that foiled the invader and redeemed the land» (Davies, Mark. (2010-) The Corpus of Historical American English: 400 million words, 1810-2009. Available online at <http://corpus.byu.edu/coha/>).

Другими маркерами этого контекста являются danger presses nation's safety in their cause, Patriot warrior who acts above praise, conquer them, nerve our arms in battle, intruders, The widow of a patriot soldier.

Стоит обратить внимание на сочетаемость прилагательного patriot в художественной литературе. Прилагательное patriot может сочетаться:

1) с абстрактными существительными (patriot zeal, patriot mind, patriot boast, patriot call, patriot spirit, patriot virtue, patriot rage, patriot gratitude, patriot honours, patriot strain, patriot glow, patriot fame, patriot sigh, patriot flame);

2) с существительными, обозначающими людей (patriot warrior, patriot soldier, patriot band, patriot prince, patriot youth, patriot Ehud, patriot fop, patriot martyr, patriot sires);

3) с существительными обозначающими места (patriot spot, patriot stage);

4) с существительными, обозначающими части тела (patriot ears, patriot lip, patriot heart, patriot breast).

Первый пункт был обозначен в словаре в примере (patriot zeal), первые два пункта соотносятся с двумя ЛСВ из дефиниции на прилагательное «patriotic», к которой отсылала словарная статья прилагательного patriot: «1. as a patriotic hero or statesman. 2. as patriotic zeal» (<http://1828.mshaffer.com/d/search/word,patriot>). Но последние два пункта в словаре никак не обозначены, что говорит о том, что корпус дает более полную информацию о слове, чем словарь. Американский контекст проявляется в 18 из 38 примеров; в остальных 20 примерах действие происходит в других странах.

Напомним, что во всех 10 примерах из публицистической литературы прилагательное *patriot* сочеталось только с существительными, обозначающими людей или группы людей. При этом в публицистике не встретилось ни одного примера, где действие происходило на территории США.

Таким образом, корпус противоречит словарю. В дефиниции как прилагательного не было никакого указания на военный контекст, в то время как все примеры из корпуса на *patriot* как прилагательное имеют маркеры военного контекста. Кроме того, в словаре не указаны жанровые особенности употребления прилагательного *patriot*. Так для публицистической литературы нехарактерно употребление прилагательного *patriot* с абстрактными существительными, а также нехарактерно его использование для описания ситуаций, связанных с американским опытом.

Обратимся к примерам из корпуса на существительное *patriot*. Все 47 примеров из публицистической литературы и 49 примеров из художественной используют существительное *patriot* для обозначения человека, стремящегося к благополучию своей страны, причем как в политике, так и в военной сфере.

«COHA:1826:MAG NorthAmRev on the floor of Congress by an eminent member, that the system of national defence was as much an institution of the country, as the constitution itself.’ It is no doubt true, that a proper and necessary degree of defence, as justly and imperiously demands the support of every patriot, as any other institution of the country» (Davies, Mark. (2010–) The Corpus of Historical American English: 400 million words, 1810–2009. Available online at <http://corpus.byu.edu/coha/>).

Структура данной ситуации такова, что есть государство, система управления государством (Congress, institution of the country, the system of national defence). Эта система не может правильно и хорошо функционировать без активных действий со стороны группы людей, которые обозначены словом *patriot*.

Всего можно выделить три типа употребления существительного *patriot*. Для художественной литературы наиболее характерным является употребление существительного *patriot* в притяжательном падеже (*patriot’s relics*, *patriot’s blood*, *patriot’s eye*, *patriot’s heart*, *patriot’s life*, *patriot’s soul*, *patriot’s grave*,

patriot's motives, patriot's cry, patriot's voice, patriot's zeal, patriot's honours, patriot's story, patriot's path). Эти словосочетания будут встречаться в тех же контекстах, что и прилагательное patriot, и могут непоследовательно употребляться в одном и том же тексте. Например, patriot zeal и patriot's zeal. Кроме того, в то время было возможно использование словосочетания patriotic zeal. Употребление существительного patriot в притяжательном падеже нехарактерно для публицистической литературы (всего один пример — patriot's heart).

В художественной и публицистической литературе встречается употребление существительного patriot с различными прилагательными с ярко-выраженной положительной оценкой (художественная литература — immortal patriot, a warm patriot, a firm patriot, the young patriot, venerable patriot, free-hearted patriot; публицистическая литература — good patriot, a firm patriot, a citizen patriot, fallen patriot, a flaming patriot, true patriot, sincere patriot, sanguine patriot, private patriot, distinguished and lamented patriot, aged patriot).

Третьим типом контекста являются ряды однородных существительных, одним из которых является patriot (художественная литература — Patriot and Native Historian, the gentleman and the scholar, the statesman, the patriot, the soldier and the hero, the father and the patriot; публицистическая литература — a patriot and an international man, patriot or philanthropist, patriot or hero, patriot and statesman, patriot and friend of his country, the student of American history, the politician, and the patriot, patriot or lover of liberty). Все существительные в этих рядах обладают положительной оценкой.

Таким образом, мы можем увидеть, что значения, зафиксированные в словаре, не полностью соответствуют материалам корпуса, а в некоторых случаях и противоречат им. Например, военный контекст, типичный для прилагательного patriot, не был никак отражен в словаре. Как мы видим, корпус позволяет уточнить жанровую специфику употребления слова. Например, притяжательный падеж существительного patriot нехарактерен для художественной литературы. Корпус позволяет уточнить значения, зафиксированные в словаре, а также увидеть многообразие употребления рассматриваемого слова.

9.2.1.4 WordNet

Проект WordNet, разработанный Джорджем Миллером, — это большая лексическая база, составление которой было начат в 1986 году. Согласно информации на официальном сайте <http://wordnet.princeton.edu/> слова в WordNet организованы по принципам синонимии. Синонимы в понимании авторов проекта — это слова, которые обозначают один и тот же концепт и являются взаимозаменяемыми во многих контекстах. Эти существительные, глаголы, прилагательные и наречия группируются в «synsets» (unordered sets). Каждый из 117000 synsets соединен с другими synsets на основании небольшого числа “conceptual relations”. Каждый synset содержит краткое определение (gloss) и в большинстве случаев, одно или более предложений, иллюстрирующих использование членов synset. Слова, обладающие полисемией, представлены в нескольких synsets.

Результаты WordNet для слова ‘need’.

4. Noun

11. S: (n) **need**, demand (a condition requiring relief) “*she satisfied his need for affection*”; “*God has no need of men to accomplish His work*”; “*there is a demand for jobs*”
12. S: (n) **need**, want (anything that is necessary but lacking) “*he had sufficient means to meet his simple needs*”; “*I tried to supply his wants*”
13. S: (n) motivation, motive, **need** (the psychological feature that arouses an organism to action toward a desired goal; the reason for the action; that which gives purpose and direction to behavior) “*we did not understand his motivation*”; “*he acted with the best of motives*”
14. S: (n) indigence, **need**, penury, pauperism, pauperization (a state of extreme poverty or destitution) “*their indigence appalled him*”; “*a general state of need exists among the homeless*”

5. Verb

7. S: (v) necessitate, ask, postulate, **need**, require, take, involve, call for, demand (require as useful, just, or proper) “*It takes nerve to do what she did*”; “*success usually requires hard work*”; “*This job asks a lot of patience and skill*”; “*This position demands a lot of personal sacrifice*”; “*This*

dinner calls for a spectacular dessert”; “This intervention does not postulate a patient’s consent”

8. S: (v) want, **need**, require (have need of) *“This piano wants the attention of a competent tuner”*
9. S: (v) **need** (have or feel a need for) *“always needing friends and money”*

Мы видим, что предлагаемая методика установления значения конкретного слова с помощью включения его в ряды практически ничем не ограниченных классов по каким-то отдельным признакам приводит к парадоксальному результату — в данной системе исчезает уникальная природа каждого отдельного слова. Ведь если посмотреть на ряд существительных, то вовсе не ясно, чем отличается и отличается ли *there is a need for jobs* и *there is a demand for jobs*. То же самое касается и глагола — разве *this dinner calls for a spectacular dessert* это то же самое, что *this dinner needs a spectacular dessert*? В рамках данного проекта полностью исчезает из сферы интересов исследователей интегральная категория как основа знакового значения в языке.

9.2.1.5 FrameNet

FrameNet основан на следующем принципе: «Чтобы точно описать слово, необходимо идентифицировать грамматические конструкции в которых оно функционирует, так как элементы которые входят в эти конструкции имеют влияние на значение слова».

Фреймовая семантика описывает значение слов и фраз в терминах фрейма, к которому они относятся, и контекстов, в которых эти слова или фразы встречаются. Семантический фрейм — это схематичная репрезентация типа ситуации с описанием типичных участников и концептов, которые можно найти в такой ситуации. Также можно говорить о семантических ролях или фреймовых элементах.

На запрос ‘need’ FrameNet дает нам следующий результат:
FrameNet Data Search for need

Frame search results: Closest match is need
Needing

Lexical unit search results: Closest match is need

Lexical Unit	Frame	LU Status	Lexical Entry Report	Annotation Report
need.n	<u>Needing</u>	Created	<u>LE</u>	<u>Anno</u>
need.v	<u>Needing</u>	Finished_Initial	<u>LE</u>	<u>Anno</u>
need.v	<u>Required_event</u>	Rules_Defined	<u>LE</u>	<u>Anno</u>
need.v	<u>Have_as_requirement</u>	Created	<u>LE</u>	<u>Anno</u>
needed.a	<u>Being_necessary</u>	Insufficient_Attestations	<u>LE</u>	<u>Anno</u>
needle.n	<u>Medical_instruments</u>	Created	<u>LE</u>	
needy.a	<u>Wealthiness</u>	FN1_Sent	<u>LE</u>	<u>Anno</u>

Как можно видеть, система предлагает описание нескольких lexical units, у которых маркирована частеречная принадлежность. Если мы хотим уяснить структуру единицы need n., то мы можем воспользоваться несколькими ссылками: Frame, Lexical Entry Report и Annotation. Пройдя по первой ссылке “Frame” (Needing), мы получаем следующую информацию о семантике данного слова, а также об общих категориях анализа, используемых в системе FrameNet:

Needing

Definition:

The speaker believes that some state of affairs or entity (the Requirement) must be present in order to cause some other dependent state of affairs to occur (the Dependent). In the typical case, the Cognizer desires the occurrence of the Dependent and so also desires the obtainment or occurrence of the Requirement.

I NEED one more bolt. DNI

I NEED one more nail to finish building the cabinet.

In order to complete the treaty, the United States will REQUIRE several more diplomats.

He NEEDS everyone to leave his office to finish his work.

FEs:

Core:

Cognizer [cog] Semantic Type: Sentient	The Cognizer requires or believes he/she requires the Requirement to hold so that the Dependent will occur.
Consequences [con]	An undesirable state-of-affairs that results if the Requirement is not met. He NEEDS to focus on his schoolwork, or he's not going to pass the third grade.
Dependent [dep]	The state-of-affairs which cannot hold without the Requirement.
Requirement [req]	The entity or state-of-affairs that must be present or obtain in order for the Dependent to obtain.
Non-Core:	
Circumstances [cir]	Some specification of the conditions under which the Requirement is likely to be needed.
Degree [deg] Semantic Type: Degree	The extent to which the Dependent depends on the presence of the Requirement.
Explanation []	The reason why the Cognizer needs the Requirement.
Frequency [fre]	This frame element is defined as the number of times the Cognizer has a need per some unit of time.
Iteration []	The frame element Iteration is used for expressions that indicate the number of times an event or state (of the kind denoted by the target in its clause) has taken place or held.
Particular_iteration []	Expressions marked with this extra-thematic FE modify a non-iterative use of the target, and indicate that it is conceived as embedded within an iterated series of similar events or states.
Place [pla] Semantic Type: Locative_relation	The location of the Cognizer when he/she requires the Requirement. Over at Merv's house they NEED three more cement trucks to finish the job.
Time [tim] Semantic Type: Time	The Time at which the Cognizer requires the Requirement. I NEED that book now!

FE Core set(s):

{Consequences, Dependent}

Frame-frame Relations:

Inherits		from:
Is	Inherited	by:
Perspective		on:
Is	Perspectivized	in:
Uses:	<u>Desiring</u> ,	<u>Have as requirement</u>
Is	Used	by: <u>Reliance</u>
Subframe		of:
Has		Subframe(s):
Precedes:		
Is	Preceded	by:
Is	Inchoative	of:
Is	Causative	of:
See also:		

Lexical Units:*need.n, need.v, require.v*

Created by 618 on 04/08/2005 05:13:30 PDT Fri

<u>Lexical Unit</u>	<u>LU Status</u>	<u>Lexical Entry Report</u>	<u>Annotation Report</u>	<u>Annotator ID</u>	<u>Created Date</u>
need.n	Created	<u>Lexical entry</u>	<u>Annotation</u>	618	09/17/2006 05:22:57 PDT Sun
need.v	Finished_Initial	<u>Lexical entry</u>	<u>Annotation</u>	618	04/08/2005 05:26:00 PDT Fri
require.v	Finished_Initial	<u>Lexical entry</u>	<u>Annotation</u>	618	04/08/2005 05:27:39 PDT Fri

Следующая ссылка на need n., “Lexical Entry Report”, дает нам следующую информацию формально-синтаксического характера о роли данного слова в предложении и о его сочетаемости с другими группами слов:

Lexical Entry**need.n****Frame: Needing****Definition:**

FN: a necessary or required circumstances or situation.

Frame Elements and Their Syntactic Realizations

The Frame Elements for this word sense are (with realizations):

Frame Element	Number Annotated	Realization(s)
Cognizer	(5)	DNI.-- (1) INI.-- (2) NP.Ext (1) PP[of].Dep (1)
Consequences	(1)	INI.-- (1)
Degree	(2)	AJP.Dep (1) AVP.Dep (1)
Dependent	(5)	DNI.-- (1) INI.-- (2) PP[of].Dep (1) AJP.Dep (1)
Requirement	(7)	VPto.Dep (3) DEN.-- (3) INI.-- (1)

Valence Patterns:

These frame elements occur in the following syntactic patterns:

Number Annotated	Patterns				
<u>1</u> TOTAL	Cognizer	Consequences	Degree	Dependent	Requirement
(1)	NP Ext	INI --	AVP Dep	PP[of] Dep	INI --
<u>1</u> TOTAL	Cognizer	Degree	Dependent	Requirement	
(1)	INI --	AJP Dep	INI --	DEN --	
<u>3</u> TOTAL	Cognizer	Dependent	Requirement		
(1)	DNI --	DNI --	VPto Dep		
(1)	INI --	INI --	DEN --		
(1)	PP[of] Dep	AJP Dep	DEN --		
<u>2</u> TOTAL	Requirement				
(2)	VPto Dep				

Последняя ссылка на need n., “Annotation Report”, дает нам дополнительные примеры развернутых контекстов, в которых при помощи цвета и условных меток (т.е. аннотирования) пользователю предлагается анализ употребления слова need на основе теории фреймов:

Annotation need.n

Frame Element	Core Type
Circumstances	Extra-Thematic
Cognizer	Core
Consequences	Core
Degree	Peripheral
Dependent	Core
Explanation	Extra-Thematic
Frequency	Extra-Thematic
Iteration	Extra-Thematic
Particular_iteration	Extra-Thematic
Place	Peripheral
Requirement	Core
Time	Peripheral

- added

1. `` A comprehensive development policy for governors over 30 would seem to be a more pressing NEED .INIINI
2. This permitted the Anasazi to achieve a benchmark of advanced society -- the ability to live in permanent shelters year-round without NEED to follow wildlife.
3. Certainly, the Colombian press is much *in* NEED of that .INIINI
4. Nowhere is the threat of nuclear war or nuclear terrorism, or the NEED to safeguard nuclear weapons more important than in South Asia , the home to Al Qaida, who seeks nuclear weapons , Dorgan said describing it as an area where relations among regional nuclear powers – China , India, Pakistan – have historically been tense. (DailyIndia.com; 25Jun06; Arun Kumar, Indo – Asian News Service) (Link)
5. These patrols comb the greater area surrounding the location periodically; anywhere between 3 and four times

- a week The patrol should be lead by a security officer in order to take immediate actions if the NEED arises .INIINI
6. With the help of friends like you , Goodwill has continued to adapt our services to meet the human NEEDS of our changing society.
 7. You can use your Hong Kong dollars here , so there 's no NEED to change currency .DNIDNI

DNI

Annotator ID(s): 361, 571, 597, 618, 976

Как мы видим, эта программа удачнее Word Net, поскольку ориентирована на описание значения как функцию контекста (а в Word Net наоборот, похоже, что все направлено на поиск лексических эквивалентов-синонимов, что в принципе уводит от понимания сущности значения конкретного слова в системе).

Проект FrameNet ориентирован на последовательно функциональное описание значения через возможные контексты. В основной дефиниции выявляется специфика ситуации и функционально-оценочная база значения, очевидно связанная с человеческими потребностями. К проблемам проекта следует отнести слишком детальное представление возможных контекстов.

9.2.1.6. Pattern Dictionary of English Verbs

Систематизация корпусов приводит к выработке новых методов их автоматической обработки и анализа и автоматическому созданию словарей. Одним из примеров может послужить словарь Pattern Dictionary of English Verbs, основанный на методике CPA. CPA или Corpus Pattern Analysis – это метод, применяемый в корпусной лингвистике, который ассоциирует значение слова с использованием слова, анализируя синтагматические закономерности (<http://nlp.fi.muni.cz/projects/cpa/>). Данный метод основан фреймовой семантике и является дополнением к FrameNet. Там где FrameNet предлагает глубокий анализ семантических фреймов, CPA предлагает систематический анализ моделей значения и использования каждого глагола. В идеале каждая

модель CPA может быть вставлена в семантический фрейм FrameNet.

Первый результат применения метода CPA — Pattern Dictionary of English Verbs (<http://deb.fi.muni.cz/pdev/>). Эта электронная база данных основана на анализе прототипических синтагматических моделей, с которыми ассоциируются используемые слова. В CPA не делается никаких попыток дать значение слова в изоляции. Наоборот, значения ассоциируются с прототипичными контекстами предложений.

В сущности, этот проект является систематизированным электронным корпусом, но и он, как и FrameNet, представляет собой слишком громоздкую систему, поскольку принципы дифференциации контекстов слишком формализованы и не способны объединить функционально идентичные контексты в один вариант, о чем свидетельствует таблица вариантов значения глагола *eat*. Например, варианты 1 и 10 идентичны с точки зрения роли глагола в моделируемой ситуации — различия обусловлены использованием наречия *up*. Непоследовательно формализованным является и порядок следования вариантов.

Sample size: 500 / 500

No.	%	Pattern / Implicature	
<u>1</u>	85%	[[Human Animal Animate]] eat ([[Physical Object = Food] {Stuff = Food}]]	<u>conc.</u>
		[[Human Animal Animate]] puts [[Physical Object Stuff = Food]] into his/her mouth and swallows it (usually after chewing it)	<u>exploit.</u>
<u>2</u>	<1%	pV [[Stuff Process]] eat [NO OBJ] {away} {at [[Physical Object]]}	<u>conc.</u>
		[[Stuff Process]] gradually destroys part or all of [[Physical Object]]	<u>exploit.</u>
<u>3</u>	<1%	pV [[Process]] eat [[Physical Object]] {away}	<u>conc.</u>
		[[Stuff Process]] gradually and persistently destroys part or all of [[Physical Object]]	<u>exploit.</u>
<u>4</u>	<1%	pV [[Event]] eat [NO OBJ] {away} {at [[Resource = Money]]}	<u>conc.</u>
		[[Event]] gradually and persistently uses up [[Resource = Money]]	<u>exploit.</u>

<u>5</u>	1%	pv [[{Event = Bad} {Emotion = Bad}]] eat [NO OBJ] {away} {at [[Human]] at [[Relationship]] at [[Emotion]]}	<u>conc.</u>
		[[Event Emotion = Bad]] gradually and persistently damages [[Human Relationship Emotion]]	<u>exploit.</u>
<u>6</u>	1%	[[Process]] eat [NO OBJ] {into [[Resource = Money Time]]}	<u>conc.</u>
		[[Process]] gradually and persistently uses up [[Resource = Money Time]]	<u>exploit.</u>
<u>7</u>	<1%	[[{Animal = Parasite} {Stuff = Acid}]] eat [NO OBJ] {into} through [[Physical Object]]	<u>conc.</u>
		[[Animal = Parasite Stuff = Acid]] gradually and persistently destroys [[Physical Object]]	<u>exploit.</u>
<u>8</u>	1%	pv [[Human]] eat [NO OBJ] {out}	<u>conc.</u>
		[[Human]] goes to eat a meal at a restaurant instead of at home	<u>exploit.</u>
<u>9</u>	<1%	idiom [[Human 1 Animal]] be eating [NO OBJ] {out of {[[Human 2]]'s hand}}	<u>conc.</u>
		[[Human 1 Animal]] is under the control of [[Human 2]]	<u>exploit.</u>
<u>10</u>	1%	pv [[Human Animal]] eat ([[Food]]) {up}	<u>conc.</u>
		[[Human Animal]] eats all of [[Food = Dish Meal]]	<u>exploit.</u>
<u>11</u>	<1%	pv [[Entity]] eat [[Resource]] {up}	<u>conc.</u>
		[[Entity]] uses up all of [[Resource]]	<u>exploit.</u>
<u>12</u>	<1%	idiom [[Human]] eat {humble pie}	<u>conc.</u>
		[[Human]] apologizes and accepts humiliation	<u>exploit.</u>
<u>13</u>	<1%	idiom [[Human]] eat {REFLDET words}	<u>conc.</u>
		[[Human]] is forced to acknowledge that something that he or she has said is incorrect	<u>exploit.</u>
<u>14</u>	<1%	idiom pv [[Human]] eat {heart} {out}	<u>conc.</u>
		[[Human]] suffers from jealousy or from yearning for something unattainable	<u>exploit.</u>
<u>15</u>	<1%	idiom [[Human 1]] eat [[Human 2]] {out of {house and home}}	<u>conc.</u>
		[[Human 1]] uses up all of [[Human 2]]'s food and other resources, so that [[Human 2]] cannot afford to pay necessary bills	<u>exploit.</u>
<u>16</u>	<1%	idiom [[Human]] have [REFLDET] cake and eat {it}	<u>conc.</u>
		[[Human]] (wishes to) have an infinite supply of a finite resource	<u>exploit.</u>

Проекты FrameNet и CPA намечают будущее лексикографии — возможность описания значения слова как строгих принципов использования слова во всех возможных контекстах. Безусловно, удобная и четкая система таких словарных дефиниций — дело будущего. Но уже полученные результаты показывают, насколько более точными могут быть представления о характере использования слова в языке с помощью электронных баз данных.

Библиография

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантические категории и образование новых слов. Парадоксы семного состава// Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб, 1999 (а).
3. Арнольд И. В. Полисемия существительного и лексико-грамматические разряды// Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб, 1999 (б).
4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.
5. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
6. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики. // Известия РАН. Серия литература и язык. М., 1997. Том 51, № 1.
7. Барт Р. Мифологии. М., 2000.
8. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
9. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
10. Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб., 2003.
11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. // НЗЛ, Вып. 23. М., 1988.
12. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002.
13. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. // НЗЛ, Вып. 23. М., 1988.
14. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова. СПб, 1998.
15. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М. 1987.
16. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. // НЗЛ, Вып. 23. М, 1988.
17. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб, 1997.
18. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983.
19. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1977.
20. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 2001.
21. Ступин Л.П. Лексикография английского языка. М, 1985.
22. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
23. Уфимцева А. А. Лексическое значение. М., 2002.
24. Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии// Лексическая синонимия. М., 1967.

25. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // НЗЛ, Вып. 23. М., 1988.
26. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь// НЗЛ, Вып. 10. М., 1982.
27. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
28. Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 1998.
29. Amosova N.N. English Contextology. Leningrad, 1968.
30. Brederode T. v. Collocation restrictions, frames and metaphor. Amsterdam, 1995.
31. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, 1965.
32. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 1957.
33. Cooper D. Meaning. Montreal and Kingston, 2003.
34. Corpus Pattern Analysis <http://nlp.fi.muni.cz/projects/cpa/>
35. Cruse D. Lexical Semantics. Cambridge, 1986.
36. Garza-Cuaron B. Connotation and Meaning (translated from Spanish). Berlin, NY, 1991.
37. Gleitman H. Psychology. N.Y., 1986.
38. Green J. Chasing the Sun. Dictionary Makers and the Dictionaries They Made. New York, 1996.
39. Hayakawa S. I. Language in Action. NY. 1941.
40. James W. Writings. Vol. 2 (1900–1910). The Library of America, 1987.
41. Johnson M. The Body In The Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, London, 1987.
42. Joseph Addison, Cato: A Tragedy, and Selected Essays. Ed. Christine Dunn Henderson & Mark E. Yellin. Indianapolis, 2004.
43. Kövecses Z. Metaphor and Emotion. Cambridge, 2000.
44. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, London, 1980.
45. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. Basic Books, 1999.
46. Langacker R. Concept, Image, and Symbol. Berlin, NY, 1990.
47. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, 1987.
48. Lodwig R.R. Barrett E.F. The Development of the Dictionary. //Ступин Л.П. Теория и практика английской лексикографии. Л., 1982.
49. Morris Ch. W. Signs, Language and Behavior. NY, 1950.
50. Morris Ch. W. The Pragmatic Movement in American Philosophy. NY, 1970.
51. Ogden Ch. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. London, 1949.
52. Pierce Ch. S. Philosophical Writings of Pierce. Dover Publications, 1940.

53. Rosch E. The Principles of Categorization// Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978.
54. Schank R. S. Dynamic Memory. Cambridge, 1982.
55. Sinclair, J. M. (2005). 'Corpus and Text – Basic Principles' in M. Wynne (ed.), *Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice*. Oxford: Oxbow Books. 1–16. Also available online at <http://ahds.ac.uk/linguistic-corpora/>
56. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol 2: Typology and Process In Concept Structuring. Cambridge, MA, London. 2000.
57. The British National Corpus <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
58. The Declaration of Independence <http://www.earlyamerica.com/earlyamerica/freedom/doi/text.html>
59. The Oxford History of English Lexicography. Ed. by A.P.Cowie. Oxford, 2009.
60. Uexkuell Th. v. From Index to Icon// Iconicity. Essays on the Nature of Culture/ Ed. P. Bouissac et al. Tuebingen, 1986.
61. Wierzbicka Anna. Understanding Cultures through Their Key Words English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York, Oxford, 1997.

Словари

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. Лингвистический Энциклопедический Словарь. М., 1990.
3. Bartlett J. R. Dictionary of Americanisms. A Glossary of Words and Phrases Usually Regarded as Peculia to the United States. Boston, 1859.
4. Blount T. A World of Errors In the Universal English Dictionary by Ed. Phillips. London, 1673.
5. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow, 2006.
6. Davies, Mark. (2008-) The Corpus of Contemporary American English: 425 million words, 1990-present. Available online at <http://corpus.byu.edu/coca/>. 30.09.2011
7. Davies, Mark. (2010-) The Corpus of Historical American English: 400 million words, 1810-2009. Available online at <http://corpus.byu.edu/coha/>.
8. FrameNet <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>
9. Johnson S. Dictionary of the English Language. London, 1755.
10. Merriam Webster Online <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
11. Partridge E. Origins: An Etymological Dictionary of Modern English. 3rd ed., revised and enlarged. London, 1958.
12. Pattern Dictionary of English Verbs <http://deb.fi.muni.cz/pdev/>
13. Phillips E. The New World of English Words or a General Dictionary. London, 1658.
14. Promptorium Parvulorum, sivre Clericorum ("Storehouse [of words] for children or clerics"), 1440.
15. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford. (The Concise Oxford).
16. The Penguin Dictionary of English Idioms. Harmonsworth, 1986.
17. The Shorter Oxford. Oxford, 1970.
18. Webster N. An American Dictionary of the English Language. 2 vols. New York, 1828. <http://1828.mshaffer.com/d/search/word,patriot>
19. Webster's New World Dictionary and Thesaurus. (WNW).
20. Worcester J. Comprehensive Pronouncing and Explanatory Dictionary of the English Language. Boston, 1830.
21. WordNet <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn/>

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Слово и язык. Природа слова	5
1.1 Знаковость и знаковые системы. Семиотика	5
1.2 Язык как средство моделирования опыта.....	9
1.3 Знаковая природа слова.....	19
1.4 Денотативно-референциальная теория значения...	30
Глава 2. Структура значения слова	
Части речи и целостное значение слова	45
2.1. Определение категории. Родовая и интегральная категории в значении слова	45
2.1.1 Категориальная природа слов-объектов и слов-изменений. Существительное и глагол.....	51
2.1.2 Категориальная природа слов, относящихся к семантическим сферам объектов и изменений.....	60
2.2. Референциальная теория структуры значения. Семы и коннотации	69
Глава 3. Полисемия. Метафора и метонимия в словесных значениях	82
3.1 Вариативность внутри родовой категории. Основные лексико-семантические варианты слова. Метафорическая природа словесного значения и функциональная аналогия основных ЛСВ. Антропоцентризм полисемии	83
3.2 Производные значения. Метонимия как способ их существования.....	112
3.3 Денотативная теория и полисемия	116
Глава 4. Омонимия.....	125
4.1 Мотивированная омонимия (конверсия).....	125
4.2 Произвольная омонимия.....	139
Глава 5. Контекст как способ существования значения слова ..	144
5.1 Словесные модели опыта и язык.....	145
5.2 Категории как средство связи слов в моделях опыта.....	159
5.3 Денотативная теория значения и контекст. Феномен «исчезающего денотата» в словарных дефинициях.....	165

Глава 6. Морфология	178
6.1 Корни и аффиксы в английском слове	179
6.1.1 Разновидности корневых морфем в английском языке	181
Глава 7. Синонимия и антонимия	205
7.1 Синонимия – категориальная аналогия в контексте	206
7.2 Денотативная теория и синонимия.....	229
7.3 Антонимия как контрастная оценочность.....	239
Глава 8. Фразеологические образования как средство иносказательной оценочности.....	256
8.1 Заимствование элементов ситуативных моделей как основа фразеологизации.....	256
8.2 Фразеологические образования и денотативная теория значения слова	282
Глава 9. Эволюция описания словесного значения и англоязычная лексикография	290
9.1 Краткая история английской лексикографии Словари до второй половины XX века	290
9.1.1 Латинские и французские глоссарии.....	291
9.1.2 Ранние английские словари: XVII век	293
9.1.3 Начало современной лексикографической практики: XVIII век	296
9.1.4 Словари XVIII–XIX веков	304
9.1.2 Словари XX века	314
9.2 Современные лексикографические источники.....	315
9.2.1 Корпусы	316
Библиография	344
Словари	347

*Толочин Игорь Владимирович
Лукьянова Екатерина Андреевна
Коновалова Мария Николаевна
Сорокина Марина Владимировна*

УЧЕБНИК ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ

Художественный редактор *А. А. Неклюдова*
Технический редактор *А. Б. Ткаченко*
Корректор *Е. Г. Шабалова*
Компьютерная верстка *А. А. Неклюдова*

Издательство «Антология»
199053, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 4
тел.: (812) 328-14-41
www.anthologybooks.ru